

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2017

№ 50

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермеkbай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Бакшт Д.А. Практика назначения офицеров корпуса жандармов, уполномоченных по надзору за частной золотопромышленностью в первой половине XIX в.	5
Бибиков Г.Н. III Отделение и надзор за губернской администрацией: случай губернатора И.Д. Талызина	12
Шиловский М.В. Почему Россия продала Русскую Америку? (К 150-летию подписания конвенции от 18(30) марта 1867 г. об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам российских северо-американских колоний)	24
Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства	31
Митюков Н.В., Матвеев Д.В. Судостроительный цех Воткинского завода в годы Первой мировой войны	38
Берсенева М.В. Социально-бытовое обеспечение работников угольных карьеров Кузбасса в 1948–1965 гг.	45

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Бейсебаев Р.С. Проблемы топливно-энергетического сотрудничества Кыргызстана и Казахстана на евразийском пространстве	53
Березняков Д.В., Козлов С.В. Проектирование стратегии развития Евразийского Экономического Союза сквозь призму концепции альянсов в теории международных отношений	58
Жучкова Ю.В., Мирошников С.Н. ЕС и Армения: не все потеряно?	64
Погорельская А.М. Выдавая желаемое за действительное, или Вступление Беларуси в Болонский процесс	69
Романов О.А. Евразийская регионализация в контексте глобальных трансформаций миропорядка: историческое значение и сущность	75
Троицкий Е.Ф., Ким М.Ю. Политика Японии в Центральной Азии (1992–2016 гг.)	84
Юн С.М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы	89

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Сафронов А.В. Кто был отцом фараона Сиптаха?	93
Лошкарева М.Е. Johanna domina Wallie	98
Коробов С.А. К истории формирования границ Ливии в годы итальянского владычества (1911–1943 гг.)	103
Хахалкина Е.В. Проблемы расовой дискриминации и ограничения иммиграции в Великобритании во второй половине 1950-х гг.	108
Андреева Т.Л., Таловская Б.М. Влияние языковой политики Соединённого королевства Великобритании и Северной Ирландии на развитие английского, валлийского и газльского языков	118

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Дворовый комплекс семейских Забайкалья: строительная культура и терминологическая вариативность	123
Бурнаков В.А. Традиционное мировоззрение хакасов в исследовании священника М. Александра	131
Петрова К.Ю., Хазанов О.В. Диалог как форма религиозного осмысления истории на примере творчества отца А. Меня	139

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Baksh D.A. About the appointment of gendarmerie officers, authorized in supervision of the private Siberian gold mining in the first half of the XIX century	5
Bibikov G.N. Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery and the control over provincial administration: the case of governor I.D. Talysin	12
Shilovskiy M.V. Why Did Russia Sell Russian America? (On the 150th Anniversary of the Signing of the Treaty (March, 18 (30), 1867) on the Cession of the North American Colonies to the United States)	24
Lyubichankovskiy S.V. Policy of acculturation in the conditions of destruction of the Empire: incident of a volost' zemstvo	31
Mitiukov N.W., Matveev D.V. Shipbuilding yard of Votkinsk plant during the First World War	38
Bersenev M.V. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics	45

INTEGRATION TRENDS IN THE POST-SOVIET SPACE: CONTEXT, PROBLEMS, PROSPECTS

Beisebaev R.S. Problems of fuel and energy cooperation between Kyrgyzstan and Kazakhstan in the Eurasian space	53
Bereznyakov D.V., Kozlov S.V. Projecting the Development Strategy of the Eurasian Economic Union through the Prism of the International Relations' Alliance Theory	58
Zhuchkova Y.V., Miroshnikov S.N. EU-Armenia: all is not lost?	64
Pogorelskaya A.M. Wishful thinking: Belarus joining the Bologna process	69
Romanov O.A. The Eurasian regionalization in the context of global transformations of the world order: its historical meaning and essence	75
Troitskiy E.F., Kim M.U. Policy in Central Asia (1992–2016)	84
Yun S.M. Educational cooperation in the Eurasian economic union: problems and prospects	89

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Safronov A.V. Who was the father of pharaoh Siptah?	93
Loshkareva M.E. Johanna Domina Wallie	98
Korobov S.A. On the formation of Libya's borders during the Italian colonial period (1911–1943)	103
Khakhalkina E.V. The problems of racial discrimination and immigration restrictions in the UK in the second half of the 1950s	108
Andreeva T.L., Talovskaya B.M. The impact of the language policy of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland on the development of English, Welsh and Gaelic	118

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND HISTORIOGRAPHY

Abolina L.A., Fedorov R.Yu. Yard complex of Semeyskie of Trans-Baikal region: construction culture and terminological variability	123
Burnakov V.A. The Traditional Worldview of the Khakas in the Study of the Orthodox Priest M. Aleksandrov	131
Petrova K.Yu., Khazanov O.V. Dialogue as a form of religious historical reflection: the work of fr. A. Men'	139

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кондратьев С.В. Рецензия : Апрыщенко В.Ю. Шотландия в новое время: в поисках идентичностей. СПб. : Алетей, 2016. 720 с. : ил.	146
Крестьянников Е.А. Рецензия : Суд присяжных в Российской империи: идея, законодательство, практическая деятельность / под ред. А.А. Демичева. М. : Юрлитинформ, 2015. 488 с.	149
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	153

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Kondratiev S.V. Review : Aprishenko V.U. Scotland in modern times: in search for identity. St. Petersburg, 2016. 720 p.	146
Krestyannikov E.A. Review : The jury trial in the Russian Empire : idea, legislation, practical activities / ed. A.A. Demichev. Moscow : Yurlitinform, 2015. 488 p.	149
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	153

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(571)

DOI: 10.17223/19988613/50/1

Д.А. Бакшт

ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ ОФИЦЕРОВ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ, УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО НАДЗОРУ ЗА ЧАСТНОЙ СИБИРСКОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-31-01018).

Рассмотрен вопрос кадрового комплектования «жандармского надзора» за частной золотодобывающей отраслью офицерскими кадрами во второй четверти XIX в. В группу рассматриваемых должностей отнесены штаб-офицеры, имевшие особые полномочия по надзору за частной золотопромышленностью в 1840–1850-х гг., и начальники жандармского округа в Сибири. В качестве общего вывода было дано заключение о том, что осуществление полномочий, переданных Корпусу жандармов по надзору за частной золотопромышленностью, не имело системной и адекватной кадровой политики. Этот фактор также был одним из препятствий к формированию горной полиции на основе Корпуса жандармов в форме военизированной полиции, подчиненной императорской канцелярии.

Ключевые слова: корпус жандармов; золотопромышленность; Сибирь; политическая полиция; рабочий вопрос; надзор; прииски.

Изучение кадрового комплектования Корпуса жандармов активно разрабатывается в отечественной исторической науке. Однако большая часть массива исследовательской литературы посвящена второй половине XIX – началу XX в. Это связано как с состоянием источниковой базы, так и с тем, что в этот период система комплектования становится более устойчивой, происходит значительная дифференциация отдельных профессиональных групп: офицеры губернских жандармских управлений, офицеры «политического розыска», строевые офицеры дивизионов и иных подразделений, офицеры железнодорожных жандармских управлений [1–3].

Система комплектования Корпуса жандармов в первой половине XIX в. изучалась сравнительно в меньшей степени [4, 5]. Качество комплектования личного состава офицеров Корпуса жандармов было крайне важно для имперского аппарата в лице III отделения императорской канцелярии. От этого процесса зависело содержание отчетов, которые иногда рассматривались самим монархом. Представители этого особого государственного органа смогли привлечь внимание к «сибирским вопросам» [6. С. 102]: документы, относящиеся к проблемам региона, направлялись напрямую в особые совещательные межведомственные органы короны: в I Сибирский комитет (1821–1838 гг.) [5. С. 317] и II Сибирский комитет (1852–1864 гг.) [7. Л. 1–1 об.].

В силу того, что источниковой базой по данному вопросу в большинстве случаев являются материалы официального делопроизводства, то самым доступным средством исследователя будет просопографический анализ данных. Посредством этого метода в настоящей

статье будет предпринята попытка обобщить сведения по вопросу кадрового наполнения функции «жандармского надзора» за частной золотопромышленностью в Сибири в первой половине XIX в. Ранее обосновывалось, что корректнее данный вид деятельности российской жандармерии XIX в. отнести не к «надзору», а к «наблюдению» [8]. Поэтому в тексте настоящей статьи эта функция именуется в качестве «наблюдения».

В рассматриваемый период к офицерам Корпуса жандармов, уполномоченным в сфере наблюдения за частным золотым промыслом, относились следующие должности:

- 1) штаб-офицеры на частных золотых промыслах Сибири (1841–1854 гг.);
- 2) начальники VII (затем – VIII) жандармского округа (с 1838 г.);
- 3) жандармские офицеры, уполномоченные в рамках отдельных служебных поручений.

Особые штаб-офицеры на частных золотодобывающих приисках появились в 1841 г. в Западной Сибири [9] и в 1842 г. – в Восточной Сибири [10]. Кандидатуры на эти должности готовились Штабом Корпуса жандармов в общем порядке на основании правил по замещению штаб-офицерских вакансий с тем лишь отступлением, что их должности согласовывались с соответствующими генерал-губернаторами и регулировались особыми секретными инструкциями [11] (табл. 1).

И.М. Огарев, первый приисковый офицер Западной Сибири, происходил из дворян Тамбовской губернии, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813–1815 гг., в ходе которых получил контузию, повышение в воинском

чине (до поручика), боевые награды и перевод в Лейб-гвардии гренадерский полк [12. Л. 35–36]. В 1821 г. в чине гвардейского подполковника И.М. Огарев был отправлен в отставку с полным пенсионом. В 1835 г. он подал прошение на перевод в Корпус жандармов. Однако ни его боевые заслуги, ни опыт пребывания в должности полицмейстером в Рязани и Туле в 1820-х гг., ни родственные связи не помогли. Шеф жандармов А.Х. Бенкендорф через начальника Штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельта дал отказ Огареву, указав, что назначение не состоится даже в том случае, когда все вакансии будут открытыми [13. Л. 7–8].

Таблица 1
Особые жандармские офицеры на приисках, 1841–1854 гг.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Занятие должности	
		Чин	Период
Западная Сибирь			
1	Огарев Иван Михайлович	Подполковник	1841–1844
2	Пономарев Дмитрий Гаврилович	Полковник генерал-майор (с 1851 г.)	1844–1858
Восточная Сибирь			
3	Казимирский Яков Дмитриевич	Полковник	1842–1853
4	Мосолов («Мосолов 2-й»)	Полковник	1853–1854

После повторного письма, в котором отставной офицер выразил свою полную готовность служить в любой губернии, начальник Л.В. Дубельт наложил карандашную резолюцию «Иметь в виду, когда будут вакансии» [Там же. Л. 12–13]. Вопрос о переводе И.М. Огарева в Корпус жандармов был решен через два года. В чине майора он был направлен на должность штаб-офицера в Тобольскую губернию. Примечательно, что в тот же 1838 г. в Корпус жандармов зачисляются младшего его брата – майора Григория Михайловича Огарева, на должность жандармского штаб-офицера в Иркутской губернии [14. Л. 23–24 об.]. В 1841 г. И.М. Огарева в звании подполковника утверждают на должность штаб-офицера на золотых приисках в Западной Сибири [15. С. 20], когда западносибирский генерал-губернатор П.Д. Горчаков не согласовал кандидатуру Я.Д. Казимирского [16].

Д.Г. Пономарев, как свидетельствуют отчетные документы, вскоре сменил И.М. Огарева на его должности в 1844 г. [17. С. 489]. Его пребывание в должности было более продолжительным, вплоть до упразднения особых «приисковых» штаб-офицеров. Более того, с 1851 г. Д.Г. Пономарев на этом посту получил чин генерал-майора [18. С. 317], хотя по штатному расписанию звание на этой позиции не должно было быть выше полковника. Он также был офицером, прошедшим с боевой наградой кампанию против Османской империи 1828–1829 гг.

Возможно, продуктивная и продолжительная служба Д.Г. Пономарева была связана с тем, что с 1835 по 1843 г. он командовал Беломорской Отдельной ротой в Архангельском таможенном округе [19]. Это подразделение было сформировано в 1827 г. для несения пограничной службы и осуществления таможенного кон-

троля [20. С. 32]. Исключительным случаем является и то, что сам Д.Г. Пономарев получил потомственное дворянство по службе. Фамилия Пономаревых была внесена в Дворянскую родословную книгу Рязанской губернии лишь в 1883 г. по ходатайству одного из его сыновей Дмитрия [21. С. 96].

Псковский дворянин Я.Д. Казимирский не располагал каким-либо земельным наделом. Стоит согласиться с суждением, что Корпус жандармов к середине XIX в. представлял собой «джентельменский клуб» знатных, но безземельных дворян [22. С. 252]. Перед своим переводом в Корпус жандармов он был строевым офицером, прошедшим кампанию против Османской империи 1828–1829 гг. [23]. В Сибири его направили в качестве плац-майора в Петровскую тюрьму (Чита) наблюдать за осужденными участниками восстания 1825 г. («декабристами») [24. С. 120]. Личностные качества Я.Д. Казимирского снискали уважение у политических осужденных [25. С. 354], с которыми он поддерживал переписку даже при его нахождении на других жандармских должностях [26; 27. С. 105; 28. С. 346]. И.Д. Якушкин в своем частном письме от 1854 г. характеризовал его как «честного и благородного человека» [29. С. 379].

Первоначально предполагалось, что Я.Д. Казимирский займет созданную позицию особого офицера на прииски Западной Сибири в 1841 г., что не состоялось из-за позиции П.Д. Горчакова [16]. Назначение Я.Д. Казимирского на восточносибирские прииски в 1842 г. было согласовано с генерал-губернатором В.Я. Рупертом [15. С. 21]. С переводом на должность начальника VIII округа Корпуса жандармов Я.Д. Казимирский не оставлял без внимания вопрос об особой функции офицеров этого ведомства на золотых приисках Сибири. Так, через год после работы в качестве окружного начальника он пишет рапорт на имя начальника Штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельта о том, что в связи с разработкой новых месторождений в Якутии исполнение возложенных на жандармов функций невозможно [30. Л. 1–2]. Он предложил упразднить должности особых штаб-офицеров на прииске, что обсуждалось не только со Штабом Корпуса жандармов, но и с Главным управлением Восточной Сибири (орган управления Восточной Сибирью в 1822–1887 гг.) и генерал-губернатором [Там же. Л. 6–7 об.].

Его отношения с генерал-губернатором графом Н.Н. Муравьевым-Амурским и некоторыми чиновниками из аппарата Главного управления Восточной Сибирью к середине 1850-х гг. были достаточно неплохими. Этот тезис подтверждают несколько примеров. Так, зная о предстоящем повышении Я.Д. Казимирского, генерал-губернатор Восточной Сибири предлагал Л.В. Дубельту выделить новый округ жандармов в административно-территориальных пределах генерал-губернаторства во главе с Я.Д. Казимирским с сохранением его полномочий по золотым промыслам [31. Л. 1 об.].

Другим примером хороших отношений Я.Д. Казимирского с Н.Н. Муравьевым-Амурским может слу-

жить тот факт, что в 1854 г., уже после его перевода на новую должность, по договоренности с генерал-губернатором он взял к себе в адъютанты одного из столоначальников казачьего отделения Главного управления Восточной Сибири есаула Рыкачева, вскоре переведенного в Корпус жандармов в звании капитана [32. Л. 1 об.].

Немаловажным свидетельством в пользу положительных личных отношений между двумя чиновниками служит и тот факт, что их жены, Е.Н. Муравьева и А.С. Казимирская, совместно проводили благотворительную деятельность в Иркутске в качестве попечительниц Сиропитательного дома [33. С. 18].

В качестве начальника жандармского округа он продолжил осуществлять наблюдение за частными золотыми промыслами. Однако его интересы вышли за рамки только частного сегмента. Так, незадолго до своей отставки он распорядился об особом негласном расследовании в Алтайском горном округе, где управление осуществлялось чиновниками Императорского Кабинета [34. С. 105].

Преемник Я.Д. Казимирского, полковник Мосолов, наоборот, являлся помещиком. В его распоряжении было две деревни Тамбовской губернии, переданные по наследству: д. Мосоловка и Таратурова 940 десятин земли (95 душ на 1863 г.). Участник подавления мятежа в Польше 1830–1831 гг., всю свою жандармскую карьеру провел в Сибири на должностях штаб-офицера в Красноярске и Томске, штаб-офицера на золотых промыслах Восточной Сибири, начальника VIII (затем – Сибирского) жандармского округа [35. Л. 4–7].

В Томске он провел одиннадцать лет, получив на этой должности чин полковника в 1849 г. Будучи приисковым штаб-офицером Мосолов был очень внимательным к проверке финансовой документации приисковых рабочих [36. С. 61]. Но его пребывание в этой должности было недолгим из-за упразднения в 1854 г. должностей приисковых жандармских офицеров в Сибири. В дальнейшем Мосолов провел шесть лет прикомандированным к Штабу Корпуса жандармов, затем год – штаб-офицером в Вологде. В 1860 г. его переводят назад в Сибирь в качестве исправляющего должность начальника VIII округа Корпуса жандармов, а в 1861 г. он был утвержден в должности с присвоением чина генерал-майора [35. Л. 6–6 об.].

Через два года начальник Штаба Корпуса жандармов инициировал процесс ротации, поскольку 54-летний Мосолов, по его мнению, не имел «той деятельности и энергии», которая была необходима. То, что такая характеристика не была предлогом для смещения Мосолова с генеральской должности, могут косвенно свидетельствовать отправленные запросы семи возможным кандидатам.

Несмотря на то что Мосолова предлагалось уволить в запас с производством в генерал-лейтенанты, его оставили в прежнем чине. Только благодаря родственным связям его формально причислили в Запасные

войска для выслуги оставшихся шести месяцев до получения полной эмеритальной пенсии [Там же. Л. 53].

Начальники жандармских округов в Сибири имели полномочия в отношении «надзора» за золотыми приисками как непосредственные руководители уполномоченных штаб-офицеров, а с 1858 г. им была вменена обязанность надзора, на что выделялось 3 тыс. рублей ежегодно [37]. Изначально округ имел номер VII [38], но с 1838 г. получил порядковый номер VIII. С реформированием жандармерии в 1867 г. округ был реорганизован в Сибирский жандармский округ [39] (табл. 2).

О службе А.П. Маслова в Сибири известно прежде всего благодаря его контактам со ссыльными декабристами. Будучи назначен с особой миссией за пределы Урала еще до распространения окружной (жандармской) системы и должностей губернских штаб-офицеров, он имел достаточно много задач [5. С. 212]. Так, например, А.Н. Муравьев в письме своему брату Николаю упоминает о том, что жандармский офицер принял от него записку «О злоупотреблениях в Тобольской губернии» для передачи ее А.Х. Бенкендорфу [40. С. 314].

Необходимо отметить, что у А.П. Маслова был опыт расследований правонарушений экономического характера. В 1827 г. он производил негласное расследование о хищениях при поставке леса на Александровский литейный завод в Санкт-Петербурге [Там же. Л. 1–2]. Поэтому после определенного времени пребывания в Сибири он смог сделать в 1835 г. аналитическую оценку состоянию управления губерниями и промышленностью в Сибири [41. С. 231].

Таблица 2
Начальники жандармских округов в Сибири, 1833–1895 гг.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Чин при вступлении в должность	Годы нахождения в должности	Наличие опыта службы в Сибири по прежнему месту службы
1	Маслов Александр Петрович («Маслов 2-й»)	Полковник	1833–1836	Да
2	Фалькенберг Николай Яковлевич	Генерал-майор	1836–1844	Нет
3	Влахопулов Константин Изотович	Генерал-майор	1844–1853	Нет
4	Казимирский Яков Дмитриевич	Генерал-майор	1853–1858	Да
5	Мосолов («Мосолов 2-й»)	Генерал-майор	1860–1863	Да
6	Политковский Николай Николаевич («Политковский 2-й»)	Генерал-майор	1863–1873	Нет
7	Ходкевич Дмитрий Матвеевич	Генерал-майор	1873–1887	Нет
8	Александров Николай Иванович	Генерал-майор	1886–1895	Нет

А.П. Маслов так и не был утвержден в должности, поскольку генерал-губернатор П.Д. Горчаков пожаловался на его чрезмерное вмешательство в процесс управления регионом. Во избежание обострения конфликта и падения авторитета власти А.Х. Бенкендорф отозвал А.П. Маслова

с должности, прикомандировав к Штабу Корпуса жандармов. В своем докладе императору шеф жандармов пояснял, что знал Маслова лично с лучшей стороны, поэтому «оставил его при себе» [42. Л. 4 об.].

Вместо отозванного А.П. Маслова А.Х. Бенкендорф предложил императору Николаю I назначить начальником VIII жандармского округа Н.Я. Фалькенберга, известного «кротким нравом и отличными способностями» [Там же. Л. 5]. Возможно, такая характеристика была либо заблуждением А.Х. Бенкендорфа, либо это было намеренное лукавство с его стороны, поскольку Н.Я. Фалькенберг был не менее активен, чем его предшественник. Именно в период его заведования жандармским округом было инициировано и успешно реализовано предложение о «жандармском надзоре» за частными золотыми промыслами (1843 г.) [15. С. 19], была предпринята попытка вовлечь сибирских ссыльных в процесс золотодобычи посредством организации их труда [43], инициирован процесс устранения скопцов из числа служащих казенной палаты в Томской губернии (1837 г.) [44. С. 101].

Также у этого окружного начальника было не меньше конфликтов с генерал-губернаторской властью в лице В.Я. Руперта (в Восточной Сибири), несмотря на то что этот чиновник сам какое-то время служил в Корпусе жандармов [45. С. 19]. Донесения, которые слал жандармский генерал в столицу, привели к тому, что в 1847 г. этого генерал-губернатора были вынуждены снять с должности [46. С. 28]. Отчеты Н.Я. Фалькенберга в Санкт-Петербург с первых лет его руководства округом входили в противоречие с отчетами гражданских властей, в том числе – и по вопросу влияния плохо поставленного правительственного надзора за золотопромышленностью, неурожаев в сибирских провинциях [47. С. 70].

К.И. Влахопулов до своего назначения в Сибирь был прикомандирован к МВД, поэтому его перевод согласовывался А.Х. Бенкендорфом с министром Л.А. Перовским [48. Л. 4]. Нет сведений о том, какие обязанности офицер имел в МВД. Как и у его предшественников, у него самого были достаточно сложные отношения с западносибирским генерал-губернатором П.Д. Горчаковым [49. Р. 27]. В отличие от некоторых своих предшественников, К.И. Влахопулов был отправлен в почетную отставку с переводом в генерал-лейтенанты по кавалерии и присутствием в Правительствующем Сенате [50. Л. 1].

Таким образом, можно увидеть, что из пяти жандармских окружных начальников, служивших в 1830–1860-х гг., несколько человек не проходили предварительную службу в Сибири. Остальные офицеры служили на жандармских должностях в этой части империи, а двое (генерал-майоры Я.Д. Казимирский и Мосолов) предварительно несли службу на частных золотых приисках.

Изучая документы о назначении на различные группы должностей в Корпусе жандармов, очевиден

факт, что специального опыта или подготовки расследования дел экономического характера не требовалось. Более того, не требовался и продолжительный опыт работы для проведения негласных проверок на промыслах. Так, капитан Мишо был переведен в Корпус жандармов в 1834 г. из отставки, в которую вышел в 1830 г. в чине ротмистра по кавалерии (гусарский полк). По национальности Мишо являлся французом и, как большинство жандармских офицеров, был боевым офицером – участником Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Первой должностью в Корпусе жандармов стала позиция адъютанта начальника VIII округа [51. Л. 1–14], после назначения на которую в 1834 г. бывший отставной гусарский ротмистр был отправлен в негласную ревизию приисков.

Суждение о том, что на должности, связанные с надзором за частными золотыми приисками, назначались люди достаточно произвольно, подтверждается приведенными фактами. Кадровые военные, зачастую имевшие реальный боевой опыт, были обязаны вникать как в общие проблемы региона, так и специфичной производственной отрасли. Лишь несколько человек перед назначением имели более или менее соответствующие должности (в структурах МВД, там же).

Однако необходимо отметить, что подобный подход к изучению кадровых решений достаточно формален, а потому строить какие-либо общие выводы невозможно. Следует принимать во внимание, что жандармские офицеры, заступая на должности, знакомились с делом производством своих предшественников, выезжали на места добычи и получали доступ к личной и деловой корреспонденции золотопромышленников и их служебного персонала посредством перлюстрации. Например, фиксируется, что вся корреспонденция золотопромышленника И.Д. Асташева читалась в III отделении императорской канцелярии как минимум в 1860–1867 гг. [52. Л. 2–3; 53. Л. 1–2].

В результате проведенного исследования можно сделать несколько выводов:

1) поручение надзора за золотопромышленностью военизированному Корпусу жандармов является следствием милитаризации государственных институтов Российской империи, ярко проявившейся во второй четверти XIX в.;

2) комплектование офицерами на должности, связанные с наблюдением за частной сибирской золотопромышленностью, производилось бессистемно;

3) допускалось назначение на должности или поручение отдельных служебных заданий жандармским офицерам, не имеющим подготовки, для выявления должностных преступлений в экономической сфере, правонарушений в области трудовых отношений и иных видов преступлений, сопутствовавших сибирской золотодобыче XIX в.;

4) жандармские офицеры, проходившие службу в Сибири на достаточно высоких должностях, не явля-

лись представителями класса крупных землевладельцев: они были либо безземельными, либо мало-земельными представителями дворянства. Исключительный случай Д.Г. Пономарева показывает, что Корпус жандармов, при всем его особом месте в имперском исполнительном аппарате, не был привлекателен для отпрысков именитых и могущественных фамилий.

Таким образом, Корпус жандармов не стал полноценной альтернативой в процессе формирования отраслевой горной полиции. Вторичность «надзора» в деятельности исполнительного органа III отделения императорской канцелярии выражается и в бессистемном подходе в вопросе комплектования должностей, предполагающих полномочия по наблюдению за частной золотопромышленностью в Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перегудова З.И. Политический сыск России 1880–1917. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2013. 519 с.
2. Сенина Н.В. Отдельный корпус жандармов в конце XIX – начале XX вв. (организация, кадры, деятельность: по материалам Тульской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2007. 303 с.
3. Перегудов А.В. Об образовании воронежского губернского жандармского управления и его первом руководителе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 145–148.
4. Макарова Н.В. Особенности формирования жандармского корпуса в России // Военно-исторический журнал. 2009. № 3. С. 52–55.
5. Бибилов Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М. : Три квадрата, 2009. 424 с.
6. Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 368 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 1667.
8. Бакшт Д.А., Румянцев П.П. «Жандармский надзор» за частной золотопромышленностью в Сибири (1870–1880-е гг.): его сущность, формы и проблемы реализации // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 5–10. DOI: 10.17223/19988613/44/1
9. Именной указ, объявленный шефу жандармов Военным министром «О назначении жандармского штаб-офицера для наблюдения за порядком на частных золотых приисках в Сибири» (9 мая 1841 г.) [№ 14537] // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб., 1842. Т. XVI. Отд. 1-е.
10. Именной указ, объявленный управляющему военным министерством шефом жандармов «О назначении особого штаб-офицера Корпуса жандармов для наблюдения за золотыми приисками в Восточной Сибири» (9 мая 1842 г.) [№ 15621] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1843. Т. XVII. Отд. 1-е.
11. Бибилов Г.Н. «Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям». Инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г. // Исторический архив. 2017. № 2. С. 166–171.
12. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 249.
13. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 549.
14. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 751.
15. Бибилов Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24. DOI: 10.17223/19988613/41/3
16. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского) / Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. Иркутск : Оттиск, 2003. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/speransky/
17. Rumyantsev P.P. The efficiency of gendarme supervision of a private gold mining in Western Siberia in the middle of the 19th century (on the example of relationship with local executive power) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 44 (2). С. 487–494.
18. Список генералитету по старшинству на 1857 год. СПб. : Военная типография, 1857. 552 с.
19. Пономарева // История, культура и традиции Рязанского края. URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/13404>.
20. Товпека А.В. Развитие системы связи и управления в пограничной страже Российской империи (1827–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 300 с.
21. Алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии, внесенных в Дворянскую родословную книгу по 1 января 1893 года / сост. М.П. Лихарев. Рязань : Тип. М.С. Орловой, 1893. 144 с.
22. Civil Rights in Imperial Russia / ed. O. Crisp and L.H. Edmondson. Oxford : Clarendon Press ; N.Y. : Oxford University Press, 1989. 321 p.
23. Баранова Н.Е. «За чувства Ваши ко мне радуюсь и торжествую». Плац-майор Я.Д. Казимирский и декабристы // IV Петряевские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 360-летию города Нерчинска и 100-летию со дня рождения краеведа Е.Д. Петряева. Чита : ЗабГУ, 2013. С. 210–215.
24. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: административная политика в первой половине XIX в. / отв. ред. А.П. Толочко. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1995. 252 с.
25. Литературное наследство. Т. 60 / гл. ред. В.В. Виноградов. Кн. 2. Декабристы-литераторы. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 676 с.
26. Мамсик Т.С. Новое прочтение известных текстов: декабрист И.И. Пущин и другие // Человек – текст – эпоха : сб. науч. ст. и матер. / ред. Е.Е. Дутчак, В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. С. 38–63.
27. Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (конец XVIII – начало XX в.) / отв. ред. С.Ф. Коваль. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1978. 360 с.
28. Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Т. I. Записки и письма / отв. ред. С.В. Житомирская. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1985. 608 с.
29. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / ред. и ком. С.Я. Штрайх. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 739 с.
30. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 821.
31. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1616.
32. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1652.
33. Перцева Т.А. Влияние декабристов на формирование культурных традиций в Иркутске: причины, природа, последствия // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 11. С. 12–22.
34. Должиков В.А. Системно-институциональные истоки коррупции в алтайском «кабинетском» хозяйстве (1830-е – начало 1860-х гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1, № 4 (88). С. 104–108. DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-15.
35. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 2400.
36. Румянцев П.П. Борьба надзирающих за частной золотопромышленностью в Сибири жандармских штаб-офицеров с коррумпированностью волостного крестьянского правления // Восточно-европейский научный вестник. 2017. Т. 2, № 10. С. 60–64.
37. Именной, объявленный Комиссариатскому Департаменту Военного Министерства Военным министром указ «О возложении на Жандармских Штаб-Офицеров наблюдения за золотыми промыслами в Сибири» (23 апреля 1858 г.) [№ 33049] // ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1860. Т. XXXIII. Отд. 1-е.
38. Высочайше утвержденное положение о Корпусе Жандармов (01 июля 1836 г.) [№ 9355] // ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1837. Т. XI. Отд. 1-е.
39. Высочайше утвержденное Положение о Корпусе Жандармов (09 сентября 1867 г.) [№ 44956] // ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1871. Т. XLII. Отд. 2-е.
40. Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1986. 450 с.

41. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3А. Д. 1766.
42. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 599.
43. Власенко А.А. Проект устройства ссыльнопоселенцев начальника 8-го Корпуса жандармов Н.Я. Фалькенберга (1843 г.) // Омский научный вестник. 2006. № 8 (45). С. 20–22.
44. Бежан Е.М. Старообрядцы и сектанты в органах самоуправления Западной Сибири первой половины 19-го века: закон и реальность // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск : Омск. гос. ист.-краевед. музей, 2011. С. 98–104.
45. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века, конец 1830-х – середина 1860-х годов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1999. 44 с.
46. Коновалов И.А. Сибирский жандармский округ: структура, полномочия и деятельность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4 (41). С. 25–34.
47. Нагаев А.С. Золотопромышленность Восточной Сибири в 30–50 годы XIX века и ее влияние на социально-экономическое развитие края // Ученые записки Енисейского государственного педагогического института. Енисейск, 1958. Т. I, вып. 1. С. 3–119.
48. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1120.
49. Ремнев А.В. «Тигр, заколотый гусиным пером». Казус западносибирского генерал-губернатора князя П.Д. Горчакова // Acta Slavica Iaponica. 2009. Т. 27. Р. 55–75.
50. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1619.
51. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 360.
52. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3А. Д. 1779.
53. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3А. Д. 1788.

Baksht Dmitrii A. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: baksht@mail.ru
ABOUT THE APPOINTMENT OF GENDARMERIE OFFICERS, AUTHORIZED IN SUPERVISION OF THE PRIVATE SIBERIAN GOLD MINING IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY.

Keywords: gendarmes; gold mining; Siberia; political police; labor problem; supervision; gold mines.

The article deals with the issue of personnel recruitment of the “gendarme supervision” on the private gold mining by officers in the second quarter of the 19th century. The main sources were unpublished materials of the III Department of the Imperial Chancellery and the Headquarters of the Gendarmerie from the State Archives of the Russian Federation, and imperial legal acts. The study of the appointing officers to positions with special powers to oversee extractive gold mining industry was not carried out before. Gendarmes with special powers to supervise the Siberian private gold industry (in the 1840s and 1850s) and the commanders of the gendarmerie districts in Siberia (in the 1830s and 1860s) were included in the studied subject group. It was determined that the posts of “special officers” on gold mining were appointed for a long time. Commanders of Siberian gendarme district might not have experience of service in this region, but two of the four gendarme generals previously served in Siberia. They had the power to supervise the private gold mining. It was revealed that there were no special requirements in training or service experience in other state bodies of Russian Empire related to the counteraction of economic crimes to the officers by the main departments of Russian gendarmerie (Headquarters of the Gendarmerie Corps). Moreover, these requirements were not considered when appointing for a vacancy. In addition, officers who were given special assignments related to the rule monitoring in gold mines might not even have a long experience of serving in the Gendarmerie Corps. As to the question of belonging to a certain class of nobility, the study showed that the gendarme officers in Siberia were either landless or landhungry imperial aristocrats. In the study of service trajectories of each officer, it was found that for most of them the appointment to Siberia was the end of a career at a fairly mature age. This circumstance could also have an effect on the objectivity in the nature of the actions of gendarme officers forced during service in conflict situations with other representatives of the provincial bureaucracy. The author of the article concluded that the exercise of powers delegated to the Gendarmerie Corps for the supervision of private gold mining industry did not have a systematic and adequate personnel policy. This factor was also one of the obstacles to the formation of mining police on the basis of the Corps of Gendarmes in the form of a paramilitary police subordinate to the Chancery of Russian Emperor.

REFERENCES

1. Peregodova, Z.I. (2013) *Politicheskiy sysk Rossii 1880–1917* [Russian political investigation in 1880–1917]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
2. Senina, N.V. (2007) *Otdel'nyy korpus zhandarmov v kontse XIX – nachale XX vv. (organizatsiya, kadry, deyatel'nost': po materialam Tul'skoy gubernii)* [The separate corps of gendarmes in the late 19th – early 20th centuries. (Organisation, cadres, activities (a case study of Tula Province)). History Cand. Diss. Tula.
3. Peregodov, A.V. (2013) On the Voronezh provincial gendarmerie and its first head. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2. pp. 145–148. (In Russian).
4. Makarova, N.V. (2009) Osobennosti formirovaniya zhandarm'skogo korpusa v Rossii [The formation of the gendarme corps in Russia]. *Voennno-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*. 3. pp. 52–55.
5. Bibikov, G.N. (2007) *A.Kh. Benckendorf i politika imperatora Nikolaya I* [A.Kh. Benckendorf and the policy of Emperor Nicholas I]. Moscow: Tri kvadrata.
6. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 1667.
8. Baksht, D.A. & Rummyantsev, P.P. (2016) The gendarme supervision over private gold mining in Siberia (1870–1880): Its essence, forms and problems of realisation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(44). pp. 5–10. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/44/1
9. Russia. (1842a) Imennyy ukaz, ob'yavlenyy shefu zhandarmov Voennym ministrom “O naznachenii zhandarm'skogo shtab-ofitsera dlya nablyudeniya za poryadkom na chastnykh zolotykh priiskakh v Sibiri” (9 maya 1841 g.) [№ 14537] [The nominal decree announced by the War Minister to the Chief of Gendarmes “On the appointment of the gendarme staff officer to oversee the procedure in private gold mining in Siberia” (May 9, 1841) [№ 14537]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. Vol. 16.
10. Russia. (1842b) Imennyy ukaz, ob'yavlenyy upravlyayushchemu voennym ministerstvom shefom zhandarmov “O naznachenii osobogo shtab-ofitsera Korpusa zhandarmov dlya nablyudeniya za zolotymi priiskami v Vostochnoy Sibiri” (9 maya 1842 g.) [№ 15621] [The nominal decree announced to the Deputy Minister of War by the Chief of Police “On the appointment of a special staff officer of the gendarmerie to monitor gold mines in Eastern Siberia” (May 9, 1842) [№ 15621]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. Vol. 17.
11. Bibikov, G.N. (2017) “Chtoby rabochie lyudi, na promyslakh nakhodyashchiesya, sostoyali v nadlezhashchem povinovenii mestnym vlastyam”. Instruksii zhandarm'skim shtab-ofitseram na zolotykh promyslakh Zapadnoy i Vostochnoy Sibiri. 1842 g. [“For the working people in the mining fields to be properly subordinate to the local authorities.” Instructions to gendarme headquarters officers in the gold fields of Western and Eastern Siberia. 1842]. *Istoricheskiy arkhiv – Historical Archive*. 2. pp. 166–171.
12. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 249.
13. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 549.

14. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 751.
15. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841-1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 16–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/3
16. Dameshek, L.M., Dameshek, I.L., Pertseva, T.A. & Remnev, A.V. (2003) *M.M. Speranskiy: sibirskiy variant imperskogo regionalizma (k 180-letiyu sibirskikh reform M.M. Speranskogo)* [M.M. Speransky: Siberian embodiment of imperial regionalism (The 180th anniversary of Siberian reformer M.M. Speransky)]. Irkutsk: Ottisk. [Online] Available from: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/speransky/.
17. Rumyantsev, P.P. (2017) The efficiency of gendarme supervision of private gold mining in Western Siberia in the middle of the 19th century (on the example of relationship with local executive power). *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal – Bylye Gody Russian Historical Journal*. 44(2). pp. 487–494. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2017.2.487
18. Ministry of War of the Russian Empire. (1857) *Spisok generalitetu po starshinstvu na 1857 god* [List of generals by seniority for 1857]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
19. Rysan Region. (n.d.) *Ponomarevy* [The Ponomarev]. [Online] Available from: <http://www.history-ryazan.ru/node/13404>.
20. Tovpeka, A.V. (2014) *Razvitie sistemy svyazi i upravleniya v pogranichnoy strazhe Rossiyskoy imperii (1827–1917 gg.)* [Development of the communication and management system in the border guard of the Russian Empire (1827–1917 gg.)]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
21. Likharev, M.P. (1893) *Alfavitnyy spisok dvoryanskikh rodov Ryazanskoy gubernii, vneshnykh v Dvoryanskuyu rodoslovnuyu knigu po 1 yanvarya 1893 goda* [An alphabetical list of noble families of Ryazan Province in the Noble Genealogical Book as of January 1, 1893]. Ryazan: M.S. Orlova.
22. Crisp, O. & Edmondson, L.H. (eds) (1989) *Civil Rights in Imperial Russia*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
23. Baranova, N.E. (2013) [“I rejoice and triumph for your feelings to me.” Major Y.D. Kazimirsky and the Decembrists]. *IV-e Petryaevskie chteniya* [The Fourth Petryaev Reading]. Proc. of the Conference. Chita: Transbaikalian State University. pp. 210–215. (In Russian).
24. Remnev, A.V. (1955) *Samoderzhavie i Sibir': administrativnaya politika v pervoy polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia: administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University.
25. Vinogradov, V.V. (ed.) (1956) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 60. Moscow: USSR AS.
26. Mamsik, T.S. (2011) *Novoe prochnenie izvestnykh tekstov: dekabrist I.I. Pushchin i drugie* [A new reading of the well-known texts: Decembrist I.I. Pushchin and others]. In: Dutchak, E.E. & Zinovieva, V.P. (eds) *Chelovek – tekst – epokha* [Man – Text – Epoch]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 38–63.
27. Koval, S.F. (ed.) (1978) *Pis'ma politicheskikh ssyl'nykh v Vostochnoy Sibiri (konets XVIII – nachalo XX v.)* [Letters of political exiles in Eastern Siberia (the late 18th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
28. Shteyengel, V.I. (1985) *Sochineniya i pis'ma* [Works and Letters]. Vol. 1. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
29. Shtraykh, S.Ya. (ed.) (1951) *Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I.D. Yakushkina* [Notes, articles, letters of the Decembrist I.D. Yakushkin]. Moscow: USSR AS.
30. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 3. File 821.
31. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 1616.
32. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 1652.
33. Pertseva, T.A. (2015) The Decembrists' impact on the formation of cultural traditions in Irkutsk: Reasons, origins, consequences. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya" – The Bulletin of Irkutsk State University*. 11. pp. 12–22. (In Russian).
34. Dolzhikov, V.A. (2015) The systemic and institutional origins of corruption in the Altai “cabinet” economy (the 1830s – early 1860s). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4(88). pp. 104–108. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-15.
35. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 2400.
36. Rumyantsev, P.P. (2017) *Bor'ba nadziravshikh za chastnoy zolotopromyshlennost'yu v Sibiri zhandarmских shtab-ofitserov s korrumpirovannost'yu volostnogo krest'yanskogo pravleniya* [The struggle of gendarme headquarters officers who supervised the private gold mining industry in Siberia with the corrupting volost peasant government]. *Vostochno-evropeyskiy nauchnyy vestnik – Eastern European Scientific Journal*. 2(10). pp. 60–64.
37. Russia. (1858) *Imennoy, ob'yavlennoy Komissariatskomu Departamentu Voennogo Ministerstva Voennym ministrom ukaz “O vozlozhenii na Zhandarmских Shtab-Ofitserov nablyudeniya za zolotymi promyslami v Sibiri”* (23 aprelya 1858 g.) [№ 33049] [The decree “On Appointing the Gendarme Staff Officers to Observe Goldfields in Siberia” (April 23, 1858) [No. 33049] announced to the Commissariat Department of the Military Ministry by the Military Minister]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 33. St. Petersburg.
38. Russia. (1837) *Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie o Korpuse Zhandarmov* (01 iyulya 1836 g.) [№ 9355] [Highest approved position on the Corps of Gendarmes (July 1, 1836) [No. 9355]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 9. St. Petersburg.
39. Russia. (1871) *Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o Korpuse Zhandarmov* (09 sentyabrya 1867 g.) [№ 44956] [Highest approved Statute of the Gendarmerie Corps (September 9, 1867) [No. 44956]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 42. St. Petersburg.
40. Muraviev, A.N. (1986) *Sochineniya i pis'ma* [Works and Letters]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
41. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. List 3A. File 1766.
42. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 599.
43. Vlasenko, A.A. (2006) *Proekt ustroystva ssyl'noposelentsev nachal'nika 8-go Korpusa zhandarmov N. Ya. Fal'kenberga (1843 g.)* [The project of the exiles settlement by the Head of the 8th Corps of Gendarmes N.Ya. Falkenberg (1843)]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 8(45). pp. 20–22.
44. Bezhan, E.M. (2011) *Starobryadtsy i sektanty v organakh samoupravleniya Zapadnoy Sibiri pervoy poloviny 19 veka: zakon i real'nost'* [Old Believers and sectarians in the self-government bodies of Western Siberia of the first half of the 19th century: Law and reality]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 16. pp. 98–104.
45. Matkhanova, N.P. (1999) *Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX veka, konets 1830-kh – seredina 1860-kh godov* [The highest administration of Eastern Siberia in the middle of the 19th century, the late 1830s – the middle of the 1860s]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
46. Kononov, I.A. (2014) *Sibirskiy zhandarm'skiy okrug: struktura, polnomochiya i deyatelnost'* [Siberian gendarmerie district: Structure, powers and activities]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 4(41). pp. 25–34.
47. Nagaev, A.S. (1958) *Zolotopromyshlennost' Vostochnoy Sibiri v 30–50 gody XIX veka i ee vliyanie na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye kraia* [The gold industry of Eastern Siberia in the 1830-1850s and its influence on the social and economic development of the province]. *Uchenye zapiski Eniseyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 1(1). pp. 3–119.
48. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 1120.
49. Remnev, A.V. (2009) “Tigr, zakoloty gusinyim perom”. *Kazus zapadnosibirskogo general-gubernatora knyazya P.D. Gorchakova* [“A tiger stabbed with a goose quill.” The case of the West Siberian Governor-General Prince P.D. Gorchakov]. *Acta Slavica Iaponica*. 27. pp. 55–75.
50. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 1619.
51. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 360.
52. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. List 3A. File 1779.
53. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. List 3A. File 1788.

УДК 94

DOI: 10.17223/19988613/50/2

Г.Н. Бибилов

III ОТДЕЛЕНИЕ И НАДЗОР ЗА ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ: СЛУЧАЙ ГУБЕРНАТОРА И.Д. ТАЛЫЗИНА

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-257.2017.6).

На примере служебной карьеры И.Д. Талызина (1799–1844), служившего в 1830–1840-е гг. исполняющим должность начальника Омской области, тобольским и оренбургским гражданским губернатором, рассмотрен механизм надзора III Отделения за высшим губернским чиновничеством. По донесениям чинов Корпуса жандармов осуществлялись перестановки в губернаторском корпусе, назначались сенаторские ревизии. Надзор III Отделения за губернской администрацией не был закреплен в законодательстве, но был плотно встроен в систему государственного управления. Постепенное укрепление центральных государственных ведомств сужало пространство жандармского надзора.

Ключевые слова: III Отделение; Корпус жандармов; коррупция; губернаторы; местное управление.

Становление регулярных государственных учреждений в абсолютистских монархиях Западной Европы принято относить к XVI–XVIII вв., а применительно к России – к XVIII – началу XIX в. В условиях усложнения социальной структуры и экономики государственный аппарат выступал опорой монархической власти. Одновременно государственные учреждения сужали традиционные prerogatives придворной аристократии и ограничивали власть монарха, вынужденного делегировать полномочия бюрократическим кругам. Исследователи подчеркивают, что на определенном историческом этапе верховная власть стремится выйти из-под опеки разрастающейся бюрократии, найти альтернативные источники получения сведений для принятия политических решений, наладить дополнительный надзор за административным аппаратом.

В этой связи в институциональной теории применительно к абсолютистским государствам Нового времени принято говорить о складывании самостоятельного «института монарха» и «агентах» верховной власти [1–3]. В рамках этой традиции финский историк П. Мустонен полагает, что в России первой половины XIX в. «сохранение влияния самодержавия на административный аппарат можно было обеспечить» главным образом через «использование верховным правителем сети личных агентов и агентств, способных действовать в обход регулярных органов», что «позволяло ему сохранять свою автономию и личный контроль над важными отраслями государственного управления». Историк указывает: «В начале XIX века актуализация роли самодержца нашла отражение в создании влиятельного агентства в лице Собственной Его Императорского Величества канцелярии» [4. С. 296–297] (здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены). Б. Линкольн отмечает сходство императорской канцелярии и многочисленных секретных комитетов первой половины XIX в. как учреждений, представ-

лявших в государственном управлении непосредственно императорскую волю [5. С. 100].

Реорганизация в 1826 г. ведомства высшей полиции в виде учреждения III Отделения собственной его императорского величества канцелярии (далее – III Отделение) с приданным ему военизированным Корпусом жандармов не только была направлена на усиление надзора за оппозиционно настроенными общественными группами после восстания декабристов, но не в последнюю очередь была вызвана стремлением самодержавной власти учредить постоянный негласный надзор за центральной и местной бюрократией. На эту сторону деятельности III Отделения 1830–1840-х гг. обратили внимание дореволюционные правоведы. И.А. Блинов указал, что с учреждением III Отделения, «несомненно, имелось намерение пользоваться этим отделением и находящимися в его ведении жандармами для надзора за управлением и открытия различных злоупотреблений. Таким образом, действуя как постоянное учреждение, подчиненное непосредственно монарху, III Отделение должно было бы стать конкурентом Сената по надзору за местным управлением, – и притом конкурентом весьма деятельным и хорошо осведомленным, так как оно имело специальные, исключительно ему подчиненные органы на местах» [6. С. 546].

В 1970-е гг. американский историк Дж. Яни применил концепцию «личных агентов» монарха к жандармскому штаб-офицеру николаевской эпохи и пришел к выводу, что надзор за губернской бюрократией составлял основную сферу приложения усилий этих чинов – «военной элиты, отобранной по принципу высокой моральной ответственности и искреннего стремления принести службой пользу государству». По мнению Яни, жандармский надзор за служебной деятельностью чиновников опирался преимущественно не на правовые нормы, а на критерии морали и этики [7. С. 224–227].

В этом ключе новейшая историография местного управления дореформенной России также постепенно включает III Отделение и Корпус жандармов в орбиту своего внимания в контексте изучения злоупотреблений и негласной бюрократической иерархии, формального и неформального надзора за бюрократией. Отмечено, что высшая полиция не только контролировала деятельность губернской администрации посредством жандармских офицеров, но оказывала влияние на кадровые перестановки в рядах губернского чиновничества [8–12]. В отдаленных от Петербурга губерниях такое влияние, как правило, было более выраженным [13, 14].

Специальные исследования, раскрывающие характер жандармского надзора за местными государственными учреждениями, в историографии почти отсутствуют. В настоящей статье надзор высшей полиции за губернским чиновничеством рассмотрен на примере служебной карьеры И.Д. Талызина, служившего в 1830–1840-е гг. исполняющим должность начальника Омской области, тобольским и оренбургским гражданским губернатором. В центре внимания – не детали служебной деятельности чиновника, а влияние высшей полиции на его служебный и жизненный путь, а главным источником исследования выступают материалы делопроизводства III Отделения.

О жизненном пути Ивана Дмитриевича Талызина сохранились отрывочные сведения, преимущественно опирающиеся на данные формулярного списка. Он родился в 1799 г. в семье сенатора Дмитрия Михайловича Талызина, в 1817 г. поступил на военную службу в Троицкий пехотный полк, а в следующем году был переведен на Кавказ в Херсонский гренадерский полк. В 1820 г. Талызин находился при генерал-майоре А.А. Вельяминове в походе в Имеретию и Грузию, а в январе 1821 г. за отличие в сражении переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк с назначением адъютантом к командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии А.П. Ермолову. Сохранились сведения, что в январе 1826 г. Ермолов направлял Талызина в крепость Грозную с весьма деликатным поручением: произвести по высочайшему повелению арест А.С. Грибоедова, позволив тому предварительно уничтожить все компрометирующие бумаги [15. С. 555–557]. В августе того же года Талызин прибыл в Москву с депутатами мусульманских провинций «и находился с оными в Москве при коронации Николая I, где награжден бриллиантовым перстнем и годовым жалованьем по грузинскому положению» [16. Л. 39–47]. Осведомленный управляющий III Отделением М.Я. фон Фок сообщал тогда, что «Талызин (курсив в тексте документа. – Г.Б.), по своему положению при Ермолове и по сведениям, не мог иметь других поручений, как *поразноухать*, что говорят о нем здесь и как судят» [17. С. 288].

В марте 1828 г., вскоре после отзыва Ермолова с Кавказа, Талызину было поручено состоять при Главном штабе по военному поселению, где его служебная карьера развивалась весьма успешно: в 1830 г. он был произведен в капитаны, а спустя два года – в полковники.

Поворот в судьбе Талызина произошел в ноябре 1833 г., когда он был назначен председателем Омского областного правления с оставлением по армии. Этот перевод следует связать с фигурой генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова, который приходился родным братом ближайшему сподвижнику Ермолова. В последующие годы Талызин неоднократно «за отсутствием омского областного начальника исправлял его должность» [16. Л. 39–47], другими словами, управлял областью.

После перевода с Кавказа Талызин по-прежнему воспринимался современниками как человек из окружения Ермолова, «ермоловец». О его деловых качествах и стиле управления гражданской частью можно судить по косвенным свидетельствам, которые рисуют портрет принципиального и жесткого руководителя. Один из очевидцев его службы в Оренбургской губернии писал: «В начале 40-х годов был в Уфе губернатором Ив. Дм. Талызин, человек очень умный, дельный, живой и горячий. Был он недоволен городским головою Н... Призвав его и распушив, как водилось, он между прочим заметил: “Ты сегодня у меня голова, а я завтра из тебя сделаю пешку и кровь выпущу!”» [18. С. 82–93]¹. Другой свидетель вспоминал: «Раз как-то губернатор Талызин <...> грозой налетел на Челябину и страшал <...> что в уезде непременно найдет много беспорядков» [19]. По мнению М.М. Ребелинского, служившего в начале 1840-х гг. в Уфимском казачьем полку, Талызин, «обладавая значительным умом <...> был хитер, зол и развратен. Но все эти качества были прикрыты лоском и умением скрывать их» [20. С. 134]; кто-то из современников отзывался о нем словами «большой кутила» [21. С. 260]. По сведениям историков, в Уфе «отношение к И.Д. Талыzinу <...> было неоднозначным. Все признавали его ум и деловые качества, но мало кто испытывал к нему симпатию, отмечали его злопамятность» [22]. Формулярный список о службе Ивана Дмитриевича за 1840 г. указывает, что к тому времени он оставался холостым, недвижимым имением не владел.

К концу 1830-х гг. территория Российской империи была поделена на восемь жандармских округов. С распространением жандармской организации на Царство Польское (1832), Сибирь (1833) и Закавказье (1837) жандармский надзор охватил всю империю, за исключением Области войска Донского. В историографии неоднократно отмечалось, что основной поток сведений о состоянии местного управления и общественных настроениях в губерниях поступал в III Отделение от жандармских штаб-офицеров, которые в течение 1830-х гг. были определены во все губернии, входившие в состав округов Корпуса жандармов. Губернские штаб-офицеры были независимы от губернатора и других местных властей, но не получили административных полномочий в отношении губернских чиновников, не имели права наводить справки в присутственных местах и принимать письменные жалобы подданных. Начальники округов в со-

ставе жандармского корпуса выступали координирующим звеном между III Отделением и штаб-офицерами в губерниях.

С момента учреждения III Отделения в 1826 г. ведомство высшей полиции начало оказывать непосредственное влияние на кадровые перестановки в губернаторском корпусе. Институционализация жандармского надзора за губернским чиновничеством относится к началу 1830-х гг. В феврале 1832 г. секретным циркуляром шефа жандармов и главного начальника III Отделения графа А.Х. Бенкендорфа жандармским штаб-офицерам было поручено дважды в год доставлять в III Отделение сведения о губернских чиновниках, «которые своим званием, или богатством, связями, умом, просвещением, или другими достоинствами имеют дурное или хорошее влияние на окружающих и даже на чиновников высшего звания», при этом «основываясь на беспристрастном отзыве людей достойных и доверенных» [23. Л. 4] (про полугодовые жандармские отчеты см.: [24, 25]). Эти сведения Бенкендорф передавал ответственным министрам или докладывал императору.

Служебная деятельность И.Д. Талызина в Сибири впервые попала в поле зрения III Отделения в начале 1837 г. В ведомство высшей полиции поступил донос, подписанный неназванными жителями села Харино в окрестностях Омска, которые якобы оказались невольными свидетелями пьяного дебоша, устроенного Талызиным с друзьями во время загородной прогулки, – и «были поражены ужасом неистового нашествия сих инопланетных врагов». «Оскорбления сии не могли бы скрыться, – полагали составители доноса, – если бы не он был сам и тот, кому приносить должно жалобы». Донос завершался просьбой к шефу жандармов избавить край «от врага сего, которого и жандармский офицер больно боится и не смеет пискнуть» [26. Л. 5–5 об.].

Управляющий III Отделением А.Н. Мордвинов направил донос начальнику седьмого (сибирского) округа Корпуса жандармов² генерал-майору Н.Я. Фалькенбергу с поручением «разведать и уведомить меня с возвращением оною, как о сомнительности доноса, так и о том, в какой степени оный заслуживает верования». Отзыв Фалькенберга оказался более чем благоприятен для Талызина: «Деланный на него безымянный донос есть одна гнусная клевета. Полковник Талызин, кроме приносимой им пользы службе, при отличных умственных способностях и образовании, пользуется доверием местного высшего начальства и уважением жителей города Омска. Последовавший же на него донос, полагая, произошел более от какого-нибудь лица служащего в Омской области, которому не нравится деятельность, бескорыстие и строгая взыскательность по службе полковника Талызина по чему чтобы скрыть себя в нелепом извете скрыты настоящий почерк руки и имя сочинителя» [Там же. Л. 4–4 об.].

Схожим образом развивались события в марте 1838 г., когда новый донос на Талызина был доставлен в Министерство Императорского двора и препровожден

оттуда в III Отделение. В подписанной омским мещанином Поповым записке были обрисованы своевольные действия Талызина по управлению Омской областью, резкое обращение с чиновниками всех ведомств (им «обижены и духовные, и почтовые, и военные, и гражданские»), Талызин прозван «человеком честолубивым, властолюбивым, корыстолюбивым и сластолюбивым», которому удалось несправедливыми путями войти в доверие к генерал-губернатору Западной Сибири князю П.Д. Горчакову [26. Л. 10–11 об.]. Фалькенберг вновь отвел все обвинения: «Утвердительно заключить можно, – докладывал результаты расследования жандармский генерал, – что выставленная на конверте фамилия мещанина Павлова есть вымышленная, для сокрытия настоящего лица писавшего безымянное письмо... Безошибочно можно отнести составление его и переписку на бело ирбитскому третьей гильдии купцу Евграфу Щепетильникову», который, по сведениям Фалькенберга, управлял питейными сборами Омской области, а в 1837 г. за допущенные беспорядки был смещен и подвергнут взысканию. «Беспорядков же по управлению бывшей Омской областью полковником Талызиным которые бы порождали явно зло не было», – заключал жандармский генерал [Там же. Л. 16–17 об.].

За годы службы в Омске Талызин удостоился ордена Св. Анны 2-й ст., монаршего благоволения «за усердные действия по общему рекрутскому набору», признательности генерал-губернатора «за благовременное и выгодное для казны распоряжение о заподряде лошадей», получал по высочайшему повелению денежные награды.

6 апреля 1838 г. в соответствии с высочайше утвержденным Положением «Об отдельном управлении сибирскими киргизами» Омская область была ликвидирована. Уже в ноябре 1838 г. генерал-майор Фалькенберг взял на себя ходатайство за Талызина. В записке А.Х. Бенкендорфу жандармский генерал рекомендовал утвердить Талызина в должности тобольского гражданского губернатора: «От этой меры Тобольская губерния получит новое устройство, – уверял Фалькенберг, – генерал-губернатор будет иметь надежного и деятельного помощника, и полковник Талызин за свою истинно полезную в Сибири службу получит вознаграждение, тем более что он в настоящем чине с 1832 г. и вполне достоин места гражданского губернатора с производством в чин действительного статского советника». Фалькенберг указал на вероятные злоупотребления тобольского губернатора Х.Х. Повало-Швейковского, в том числе при постройке здания гостиницы двора в Тюмени, а общий посыл сводился к тому, что губернатор, «будучи увлечен окружающими своими – закоренелыми в прежнем образе правления, предоставил, можно сказать, все управление губернии своим любимцам, которые, видя расстройство многих управлений, извлекают только свои выгоды». Следовательно, заключал Фалькенберг, «явное равнодушие статского советника Повало-Швейковского к пользе

службы требует поручения Тобольской губернии другому». Понимая, что изложенные обстоятельства будут доведены до сведения генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова, Фалькенберг добавлял: «Нет сомнения, что князь Горчаков давно бы вошел с представлением о назначении другого гражданского губернатора, но, кажется, опасается упрека, что г. Повало-Швейковский определен по его выбору» [26. Л. 24–27 об.].

Бенкендорф доложил это мнение Николаю I, который повелел передать его на рассмотрение министра внутренних дел Д.Н. Блудова. Министр отозвался, что не располагает сведениями о злоупотреблениях по Тобольской губернии, но согласился с выводами жандармской записки: «Генерал-майор Фалькенберг не без основательного повода донес генерал-адъютанту графу Бенкендорфу, что устранение статского советника Повало-Швейковского соответствовало бы желанию князя Горчакова... нахожу также с своей стороны, что полковник Талызин, известный по своему отличному усердию и способностям, мог бы с пользою для службы занять место Тобольского губернатора» [27. Л. 8–11].

13 декабря 1838 г. по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел Талызин был утвержден исполняющим должность тобольского губернатора с переводом в гражданскую службу в чине действительно статского советника. Окончательное кадровое решение было принято, когда в январе 1839 г. был доставлен отзыв генерал-губернатора. Горчаков не вполне решительно, но поддержал как удаление губернатора — «не в полной мере доволен я г. Повало-Швейковским... но ходатайствовать об его удалении и тем помрачить всю его службу не нахожу еще причин достаточной важности», — так и назначение Талызина: «Перемена эта принесет особенную пользу для управления, где необходим самый неусыпный надзор и коего в полной мере должно ожидать от г. Талызина, отлично способного, деятельного и твердого, но коего, по пылкости нрава, вероятно, достанется главному начальству иногда воздерживать» [Там же. Л. 63–64]. 17 февраля 1839 г. по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел Талызин был утвержден в должности тобольского губернатора, а Повало-Швейковский временно причислен к Министерству внутренних дел (через год он был переведен гражданским губернатором в Олонецкую губернию).

В июле 1839 г. омские чиновники, недовольные стилем управления Талызина, напомнили о себе запиской председателя Ялуторовского земского суда титулярного советника И.И. Пушкирева «о самовластных и противозаконных действиях г. Талызина» по управлению бывшей Омской областью. Пушкирев сообщал в III Отделение о незаконном увольнении чиновников и связях Талызина с питейным откупом [26. Л. 48–49 об.]. Как и ранее, проверка сведений легла на начальника восьмого жандармского округа, который отвел подозрения от Талызина. По сведениям Фалькен-

берга, поводом для записки стал конфликт Талызина с Пушкиревым, который ранее служил письмоводителем в омском городском хозяйственном управлении и за неисполнение требований начальника области был подвергнут временному аресту. Тогда решительный шаг Талызина стал поводом для замечания со стороны генерал-губернатора Горчакова, но Фалькенберг заверил Бенкендорфа, что «донос Пушкирева составлен лицами, удаленными за разные противозаконные поступки по суду и без суда», которые «решаются клеветать, не представляя ниже одного доказательства своему извету, но только затрудняют начальство не дельными просьбами, которые нигде так не заметны, как в Сибири, и где дух ябедничества сильно существует до того, что местное начальство еще не в состоянии искоренить его» [Там же. Л. 40–47 об.].

В первые же дни пребывания в Тобольске Талызин приступил к активным перестановкам в губернской администрации. 7 февраля 1839 г. он затребовал от губернского правления доставления в десятидневный срок именных ведомостей с надлежащим объяснением о всех нерешенных делах, затем провел ревизию Приказа общественного призрения, уволил смотрителя учебных заведений. Однако служба Талызина в Тобольске продлилась недолго. В начале 1840 г. его перевода стал настойчиво добиваться сам генерал-губернатор П.Д. Горчаков. На первое ходатайство, доставленное через министра внутренних дел, Николай I отозвался, что считает Талызина «полезным на занимаемом месте» [Там же. Л. 50]. Тогда Горчаков воспользовался посредством шефа жандармов. В записке от 14 марта 1840 г. он упомянул предполагаемые злоупотребления гражданского губернатора по заготовке продовольствия для войск и одежды для полицейских чинов Тобольской губернии (по которым «не усомниться если не в чистоте намерений, то в заботливости губернского начальства довольно трудно»), но общий контекст не оставлял сомнений, что просьба Горчакова вызвана более личными мотивами и столкновением амбиций: «Желал бы, чтобы ему было внушено, что обязанности губернатора не ограничиваются одним облечением распоряжений своих в определенную оболочку, что он поставлен Государем Императором, дабы мне содействовать и исполнять мои распоряжения, хотя и не совсем согласные с его намерениями». Горчаков заключал: «Не смею скрыть, что и самое управление его оказывается не вполне соответствующим тому, что ожидал от чиновника, мною рекомендованного». Бенкендорф доложил записку Николаю I, который обратил внимание на предполагаемые злоупотребления начальника губернии и наложил резолюцию: «Все здесь помещенное, как ни называет оное князь Горчаков, приняв, что оно совершенно справедливо, составляет достаточные причины обвинению губернатора Талызина и князь Горчаков не имеет права скрывать подобное, но должен о том представить законным порядком» [26. Л. 50–52 об.], другими словами, войти с представлением в Министерство внутренних дел.

На вероятную подоплеку этого служебного конфликта указал декабрист М.И. Муравьев-Апостол. По его воспоминаниям, Горчаков приблизил к себе служившего в Сибири декабриста С.М. Семенова, «назначил его начальником отделения и поручил ему рассмотреть дела, решенные Талызиным в бытность последнего омским областным начальником... Семенов, просмотревши дела, решенные Талызиным, отозвался о них неодобрительно, указавши в них явное отступление от закона, чем нажил себе в Талызине непримиримого врага. Последний стал писать в Петербург, что Западною Сибирью управляет государственный преступник. Из III отделения сообщили этот донос кн. Горчакову...» [28. С. 217].

Войти с формальным представлением в министерство Горчаков не решился – или не успел. Когда в мае 1840 г. образовалась вакансия гражданского губернатора в Оренбургской губернии, министр внутренних дел А.Г. Строганов предложил перевести Талызина в Уфу³: «Зная желание Тобольского гражд. губер. действ. стат. советника Талызина получить увольнение от сей должности, – докладывал Строганов императору, – и принимая в уважение неоднократное ходатайство генерал-адъютанта Перовского о переводе Талызина в Оренбургскую губернию я нахожу в таком случае весьма удобным и даже полезным для службы определить его... начальником Оренбургской губернии» [16. Л. 3 об.]. Таким образом, перевод Талызина в Оренбургскую губернию стал следствием ходатайства военного губернатора Оренбурга и командира Отдельного оренбургского корпуса генерал-лейтенанта В.А. Перовского, которому Талызина рекомендовал А.П. Ермолов [26. Л. 68]. Указ о назначении Талызина последовал 29 мая 1840 г.

По поводу отъезда Талызина из Сибири декабрист М.А. Фонвизин писал: «Я лично хотя и не имею причины жаловаться на Талызина, но очень рад, что мы от него избавились. Он один из тех людей, которые мягко стелют, да жестко спят» [21. С. 262]. Фалькенберг в донесениях в Петербург продолжал поддерживать гражданского губернатора, но остался в неведении об обстоятельствах его перевода в Оренбург и сетовал, что «к несчастью какие-то тайные причины поселили несогласие между генерал-губернатором Западной Сибири князем Горчаковым и губернатором Талызиным, последствия кончились тем, что действительный статский советник Талызин переведен в Оренбургскую губернию» [29. Л. 18]. В отчете по управлению восьмым округом Корпуса жандармов за 1840 г. Фалькенберг высоко оценил служебную деятельность Талызина уже в Оренбургском крае – губернатор был изображен как «умный, деятельный человек», но «если коснется к искоренению по возможности зла во вверенной ему губернии, то встретит сильное противодействие от близких лиц к генералу Перовскому» [30. Л. 2–3].

Специфика Оренбургской губернии как приграничного региона, расположение здесь Уральского и Орен-

бургского казачьих войск, Башкиро-мещерякского войска определили особый военный характер управления краем: с 1796 по 1851 г. губерния находилась одновременно под управлением военного и гражданского губернаторов. Однако в мае 1840 г. В.А. Перовский отбыл в Санкт-Петербург, а в 1842 г. был уволен от занимаемой должности. В это время гражданский губернатор по большей части один руководил ходом гражданских дел.

С переводом Талызина из Сибири поток доносов на него временно иссяк. На новом поприще гражданский губернатор занимался переводом государственных крестьян в казаки в связи с принятием в 1840 г. «Положения об Оренбургском казачьем войске», за что был удостоен ордена Св. Станислава и пожалован 2 тыс. десятин в Вятской губернии.

Однако в октябре 1841 г. в III Отделении была получена записка из Уфы, доставленная на имя цесаревича Александра Николаевича. Новый донос на Талызина, подписанный именем бутульминского мещанина Павла Маслова, состоял из последовательно изложенных обстоятельных сведений о злоупотреблениях по управлению Оренбургской губернией. Доноситель обвинял гражданского губернатора в том, что он к отягощению крестьян перенес рекрутские присутствия из Бугуруслана в Мензелинск, руководствуясь интересами содержателей винных откупов («по видам откупщиков знакомых ему, из которых один всегда квартирует у него»), в противность законам уволил и вытеснил со службы 13 чиновников, включая уфимского полицмейстера и двух советников губернского правления, чьи места заняли знакомые губернатору выходцы из Сибири (и незаконно получили не в зачет годовой оклад жалованья), а также отдал казенное здание в центре Уфы под частный театр. Доноситель писал о грубом обращении Талызина с подчиненными и самоуправстве (на журнале строительной комиссии губернатор якобы написал: «Знаю, что закон так велит, да я не хочу»), отмечалось невозддержанное и даже не вполне пристойное поведение губернатора, происходящее «от безнравственности Ивана Дмитриевича Талызина, увлекающегося постоянно в разгульную жизнь, в чем и сомнения нет» [31. Л. 24–35 об.].

Содержание доноса указывало, что к его составлению были причастны служащие губернских присутственных мест: в тексте были помещены списки уволенным, назначенным и получившим не в зачет жалование чиновникам, номера исходящих бумаг о награждении прибывших из Сибири служащих, ссылки на законодательство о гражданской службе.

Новое свидетельство неблагонамеренности Талызина невольно привлекло внимание Бенкендорфа. Донос был доложен императору. Николай I поручил «произвести под рукой расследование для удостоверения в справедливости содержания сего доноса» [26. Л. 93] оренбургскому губернскому жандармскому штаб-офицеру. В адрес министра внутренних дел последова-

лю уведомление от шефа жандармов: «До меня неоднократно уже доходили сведения о самовластных и противозаконных действиях д.с.с. Талызина... а потому не изволите ли Ваше Превосходительство признать нужным включить его Талызина в число тех гражданских губернаторов, которых Вы уже имеете в виду с невыгодной для них стороны» [26. Л. 61].

Негласное исследование по доносу было поручено жандармскому подполковнику Алексею Григорьевичу Краевскому, который служил в Уфе с 1829 г. — сначала в должности начальника уфимской жандармской команды, затем чиновником по особым поручениям при военном губернаторе и, наконец, губернским жандармским штаб-офицером [32]. Краевского трудно было заподозрить в симпатиях к Талыzinу. Ранее он передал в III Отделение рапорт уфимского полицмейстера, отказавшегося служить под началом Талызина за понесенные оскорбления. Краевский уверял тогда, что удостоверился «из под руки в справедливости этой жалобы» и заключил, что губернатор «будучи раздражительного и упорного мстительного характера оскорбил заслуженного и покрытого ранами штаб-офицера... за то только, что это назначение последовало не по его... желанию» [26. Л. 58–59]. Краевский также доложил, что обсуждал деятельность Талызина в конфиденциальном разговоре с военным губернатором В.А. Перовским и выразил ему удивление, что Оренбургский край «находится в самовластном управлении такого лица, которое не только не имеет высоких качеств, потребных для начальника столь обширной губернии, но даже ни одной черты, характеризующей порядочного честного человека» [Там же. Л. 72 об.].

В первом кратком отзыве на донос за подписью Маслова Краевский усилил тональность критики, обвинив губернатора в бестактном обращении и аморальном поведении: «Обхождение г. Талызина с чиновниками простирается до неимоверной наглости и даже нет лица, управляющего в губернии какою либо отдельною частью, которому бы он не сделал оскорбления. Тамошние архиеры, губернский предводитель дворянства, губернский прокурор, батальонный командир и председатели палат все испытали наглость и притязательность его». Более того, «иногда подобные ругательства сопровождаются собственноручными толчками и пинками», губернатор «дозволяет себе дерзкие и предосудительные выражения; склонность же его к азартной карточной игре и к бесчинным оргиям, коим он предается даже публично, до крайней неумеренности, совершенно унижают его в глазах благомыслящих людей». Неудивительно, заключал Краевский, что Талызин «в течение года своего губернаторства добился ненависти всех вообще сословий» [Там же. Л. 68–72].

В отзыве губернского штаб-офицера сквозила неприкрытая неприязнь к губернатору, но документальных свидетельств злоупотреблений представлено не было. Записка Краевского поступила в III Отделение через начальника седьмого (казанского) жандармского

округа, в состав которого к тому моменту была переведена Оренбургская губерния. Полковник П.Ф. Львов вполне в духе отчетов Н.Я. Фалькенберга посчитал нужным сообщить, что «не слышал ничего о порочном или неприличном образе его (Талызина. — Г.Б.) жизни», а недовольны губернатором чиновники, которые «пользовались слабым управлением предместников его и во зло употребляли доверенность, которую они имели и еще все те лица, кои прежде несправедливо пользовались выгодами от взятых ими в свое содержание казенных оброчных статей за дешевую цену и передаваемых ими потом крестьянам за самые высокие». Львов прозрачно намекнул, что критика Краевского в адрес Талызина могла быть предвзятой: по доходившим слухам, жандармский штаб-офицер до прибытия Талызина в Уфу имел доходы с винного откупа [26. Л. 74].

На руках Бенкендорфа оказались два жандармских донесения, содержавших разноречивые оценки. «Будучи поставлен в заблуждение, которому из означенных дошедших до меня сведений противоречащих одно другому верить», шеф жандармов обратился к военному губернатору Оренбурга В.А. Перовскому, который находился тогда в Петербурге [Там же. Л. 75]. Перовский ранее ходатайствовал о переводе Талызина в Уфу и теперь принял сторону гражданского губернатора, указав, что хотя Талызин излишне увлекается «желанием истребить мелкие злоупотребления, почти неизбежные в земском управлении, иногда позволяет себе слишком резкие отзывы и крутые меры», но из двух доносов «один, оуждающий его действия и нравственность, наполнен сведениями чрез меру преувеличенными, другой же, говорящий в его пользу, заключает много правды». За поступившими доносами Перовский, как и Львов, разглядел партию недовольных чиновников [Там же. Л. 80–81 об.].

Как пишет современный исследователь истории Оренбургского края, «обладая правом назначения, перемещения, награждения чиновников, рассмотрения дел чиновников, обвиняемых в должностных преступлениях, военные губернаторы держали под контролем чиновничий аппарат присутственных мест» [20. С. 88]. В.А. Перовский был определен в Оренбургский край по личному настоянию императора, входил в круг его доверенных лиц. Поэтому заключение военного губернатора, казалось, внесло в дело определенную ясность. В марте 1842 г. Краевский уведомил III Отделение, что Талызин устроил в городе азартные карточные игры («прочие же лица вовлекаются в игру, желая угодить начальнику губернии, который к тем только внимателен и ласков, кто принимает участие в его оргиях, сопровождаемых и заключаемых всегда карточною игрою» [26. Л. 81]), потом дополнительно донес, что губернатор «дозволил себе публично соблазнительные и оскорбительные шутки с собравшимися под качелями городскими женщинами и девками» [Там же. Л. 97]. Обе записки были переданы из III Отделения министру внутренних дел Л.А. Перовскому (брату оренбургского

военного губернатора), который распорядился их «оставить до времени» [31. Л. 15].

Однако жандармский штаб-офицер не был заинтересован в затухании конфликта. 22 апреля 1842 г. Краевский направил в Петербург итоговый отчет по результатам высочайшего поручения о негласном расследовании по доносу за подписью мещанина Маслова. Донесение на 70 листах с обширными приложениями было недвусмысленно озаглавлено «О злоупотреблениях действительного статского советника Талызина по управлению им Оренбургской губернией» [Там же. Л. 36–293; см. также: 33].

Краевский решительно подтвердил изложенные в доносе сведения. По данным штаб-офицера, перенос рекрутских присутствий произошел «единственно для пользы мензелинского питейного откупа», содержатель которого камергер Жадовский числится в ближайших друзьях губернатора, квартирует у него в Уфе, что подает «повод к достоверному по сему заключению, не допуская даже вероятия к молве, что губернатор Талызин извлекает здесь и собственные пользы» [Там же. Л. 47]. Краевский приложил переписку и карту губернии с разделением на округа рекрутских присутствий. Штаб-офицер подтвердил и сведения о махинациях губернатора при передаче казенного здания в пользование частного театра.

Краевский взял письменные показания уволенных чиновников, призванные подтвердить, что они были «вытеснены без всякой причины от своих должностей невыносимыми притязаниями гражданского губернатора». Краевский рассуждал, что удаление советников губернского правления, замешанных в предосудительных действиях, «последовало с той только целью, чтобы дать эти места людям столько же неблагонамеренным... к тому же не составившим еще обеспечивающего их состояния», – губернатор пустил в правление «вместо сытых волков – волков голодных» [31. Л. 55]. В числе вновь определенных чиновников – правитель канцелярии губернатора Маслов, служивший при Талызине еще в Омске, – «первое действующее лицо по определению к должностям чиновников, управляющий ныне и канцелярией Его Превосходительства. Кто успеет найти его расположение, или молодой жены г. Маслова, которую г. Талызин, почти ежедневно, в отсутствие мужа, в сумерках навещает, тот всегда заслужит внимание и губернатора» [Там же. Л. 100 об.]. По сведениям Краевского, ряд чиновников, прибывших с Талызиным из Сибири, были приняты на службу без необходимых документов. От себя Краевский добавил, что губернатор «в нарушение постановленных законом правил, присутствует в губернском правлении только в первые числа каждого месяца, находится в прочие дни дома» [34. Л. 41 об.].

Помимо эпизодов служебных злоупотреблений губернатора, Краевский не менее подробно остановился на характеристике его личных качеств. В записке весьма красочно изображены эпизоды грубого обращения

Талызина с чиновниками: одного губернатор пинками выгнал из зала Благородного собрания, другого толкал и отодрал за уши в своем кабинете, бранил непристойно смотрителя богоугодных заведений. «Когда губернатор ездит по уездам, – докладывал жандармский офицер, – то наводит на всех страх, ругательства и дерзости остаются единственным плодом его проездов». Отдельные подробности рисовали портрет человека склочного, не умеющего держать себя в руках и нарушающего элементарные нормы приличия и этикета. Кроме карточных застолий Талызин бал замечен «в крайне безнравственных поступках с простыми и позорными женщинами... не стыдился плясать с ними в виду многочисленного собрания дам, чиновников и простого народа». Причиной столь странного поведения, по общему мнению, являлось «употребление Его Превосходительством при питье чая, с утра, большого количества рому или мадеры, неумеренное употребление вина за столом и вообще в течение дня и ночи» [31. Л. 80 об.].

Приложение к записке включало табели назначенных и уволенных чиновников, формулярные списки, письменные показания ряда бывших чиновников, включая советников губернского правления и губернского архитектора, здесь же помещались шуточный акrostих и пасквиль на Талызина («...Пасквиль ты на русских генералов! По чести, генерал ты взятокбравов...»). Донесение завершалось в общей стилистике: «В Оренбургской губернии из злоупотреблений затянут столь крепкий узел (не гордиев, а башкирский), что развязать его, в настоящее время, нет почти возможности – его должно рассечь – к чему необходим меч обоюдоострый в руке сильной и верной» [Там же. Л. 102]. Оригиналы или копии делопроизводственных документов, за исключением переписки по рекрутскому присутствию, в донесении отсутствовали.

В III Отделении была подготовлена пространная выжимка из донесения Краевского. 28 мая 1842 г. Бенкендорф доложил ее Николаю I с заключением: «За таковые противозаконные действия действительного статского советника Талызина, а равно за буйное и безнравственное его поведение, если б даже описание оных вполноту только было справедливо, я полагаю с моей стороны, что отставление его от службы будет недостаточным наказанием и потому признаю нужным формально исследовать и обнаружить все вообще его злоупотребления и незаконные действия, послав в Оренбургскую губернию кого либо из заслуживших особенную доверенность высшего Правительства лиц, а потом предать его, Талызина, суду» [34. Л. 44]. Бенкендорф предложил направить сведения министру внутренних дел для распоряжения о назначении ревизии сенатора. Николай I согласился: «Совершенно справедливо; непонятно мне как мог его терпеть генерал адъютант Перовский» [Там же. Л. 37].

По получении из III Отделения всех бумаг министр внутренних дел Л.А. Перовский вошел в конце июня

1842 г. с всеподданнейшим докладом, где обратил внимание на отсутствие документальных свидетельств противоправных действий губернатора. «Принимая, однако ж, в соображение важность всех возводимых на него обвинений, — заключал Перовский, — я согласно с заключением генерал-адъютанта графа Бенкендорфа признаю, что вышеизложенные действия не могут более оставаться без исследования формальным порядком» [31. Л. 298]. Николай I повелел назначить сенаторскую ревизию. 7 июля указом Сената для ревизии Оренбургской губернии был утвержден сенатор А.Н. Пещуров, бывший в течение 10 лет псковским губернатором. В качестве главного источника сведений о беспорядках в местном управлении сенатору были доставлены из III Отделения копии всех записок Краевского.

Сенаторская ревизия началась в октябре 1842 г. и стала самой подробной проверкой присутственных мест губернии в XIX в. [35]. Сенатор обнаружил медленность производства судебных дел и беспорядки по Казенной палате, 15 служащих были отрешены от должностей самим сенатором, 22 чиновника преданы уголовному суду. Уже в ноябре Пещуров писал в Петербург, что обвинения в адрес губернатора не нашли подтверждения. По основному пункту обвинений сенатор докладывал, что «увольнение чиновников происходило в порядке закона и разрешалось главными начальствами их», поэтому нельзя не оправдать губернатора «в желании заменить людей свыкшихся с местными злоупотреблениями и долгое время их попускавших новыми, которых знал лично с хорошей стороны и из которых многие оправдывают его выбор и пользуются добрым мнением людей благонамеренных». В целом, «губернатор окружен людьми благородно мыслящими», в его действиях «нигде не видно выгод собственных и лихоимства», дела губернаторской канцелярии «приведены нынче в совершенный порядок и имеют весьма успешный ход» [26. Л. 119]. Равным образом Пещуров опроверг сведения о пьянстве и непотребном поведении губернатора. Отдельные эпизоды грубого обращения Талызина с подчиненными и посетителями подтвердились (среди прочего, губернатор избил мещанина Ларионова), но свидетели описанных Краевским происшествий, «кроме нескольких человек не спрошенных по отводу от свидетельства со стороны губернатора», не подтвердили показаний жандармского офицера [Там же. Л. 114–116]. Как отмечает И.М. Гвоздиков, министр внутренних дел Перовский также ходатайствовал тогда перед Николаем I в пользу Талызина [20. С. 98].

В 1830 г. Николай I распорядился, чтобы «каждый раз, при назначении сенатора на ревизию губернии, прикомандирован был к нему штаб-офицер жандармского корпуса» [36. Л. 1]. Краевскому следовало находиться при ревизирующем сенаторе и выполнять его поручения. Но неудачный для жандармского офицера ход ревизии заставил его вновь добиваться внимания и

поддержки руководства III Отделения. В декабре 1842 г. Краевский сообщил, что губернатор Талызин якобы распространяет сведения о внезапной кончине Бенкендорфа, — «может в этом разглашении скрываться неблагоприятная цель, чтобы столь печальною вестью утратить истинно угнетаемых, которые всегда имели твердую надежду на отеческую справедливость и заступление графа» [26. Л. 109 об.]. В феврале 1843 г. Краевский пошел на конфликт с ревизирующим сенатором и представил в III Отделение записку «О слабом, неправильном и даже пристрастном производстве следствия о противоправных действиях гражданского губернатора Талызина». Краевский утверждал, что «партия из главных чиновников, соприкосновенных к злоупотреблениям губернатора Талызина» (в числе которых командир Уфимского казачьего полка, управляющие Палатой государственных имуществ и удельной конторой), вовлекла сенатора в свои «бесчинные оргии», Пещуров не принимает просителей, не ревизует присутственных мест и общается только с приближенными губернатора [Там же. Л. 161–179 об.].

Бенкендорф не дал хода этим запискам, передав их самому сенатору, шеф жандармов не оказывал влияния на ход ревизии. Пещуров, со своей стороны, в декабре 1842 г. представил в III Отделение «Записку о действиях находящегося в Оренбургской губернии Корпуса жандармов подполковника Краевского», где по пунктам опроверг сообщения всех записок Краевского. Более того, Пещуров предположил, что донос за подписью Маслова был инспирирован самим Краевским, — штаб-офицер был выставлен как человек, участвующий в мелких махинациях и «слишком не разборчивый в изобретении средств к удовлетворению личной мести». «Составляя нечто в роде оппозиции против местного начальства, — писал Пещуров в отношении Краевского, — формально принимает просителей, вмешивается в дела, до него не относящиеся и действует не всегда сообразно с духом закона». Сенатор отзывался словами, за которыми легко читалась критика всей системы жандармского надзора: «Черня с такою дерзостью людей, служащих долгое время безукоризненно, какое ручательство может представить Краевский в подкрепление своих голословных изветов. Какие заслуги или личные достоинства дают ему право предполагать, что безымянные доносы и пасквили одним только им засвидетельствованные, должны быть предпочтены формальному изысканию и свидетельству людей, ни по службе, ни в частной жизни ни чем незапятнанных» [Там же. Л. 110–129 об., 159 об.]. Отзыв Пещурова был доложен Николаю I. В начале марта 1843 г. Краевский был отчислен из Корпуса жандармов по кавалерии. Формального расследования его действий не последовало.

Тогда же в марте 1843 г. Комитет министров дважды слушал отчет ревизирующего сенатора. В журнал Комитета было внесено общее мнение: «Обвинения, взведенные на оренбургского гражданского губернатора Талызина по произведенному сенатором Пещуро-

вым исследованию, не подтвердились, исключая допущенных губернатором маловажных отступлений от установленного порядка, которые впрочем никаких вредных последствий не имели и уже отвращены на будущее время». Комитет министров счел нужным вознаградить губернатора за службу: 1 мая 1843 г. Талызину был высочайше пожалован орден Св. Анны 1-й ст. [31. Л. 422–422 об.] Окончательную точку в ревизии поставил сенатский указ от декабря 1844 г. «О производстве сенатором Пещуровым ревизии Оренбургской губернии». Все обвинения в отношении губернатора были отклонены, а упущения в местном управлении «должны быть отнесены не столько к слабостью деятельности Начальства, сколько к неудобствам местного положения края, препятствующим водворению в нем прочного порядка и успешному ходу дел» [20. С. 303].

На этом служебное противостояние губернатора и жандармского штаб-офицера формально завершилось. Но в феврале 1844 г. от преемника Краевского на посту оренбургского жандармского штаб-офицера поступили новые неблагоприятные сведения о Талызине. По поручению Бенкендорфа служащие III Отделения составили сводный обзор всего дела и подробно разобрали отчет Пещурова. В служебной записке отмечалось: «Сам г. сенатор отзываясь, что Талызин чрезвычайно неровен и раздражителен характером, не в состоянии рассматривать дел хладнокровно и в порывах вспыльчивости своей легко может оскорбить всякого», однако сенатор «старается всеми мерами опровергнуть обвинения... и делается, можно сказать, более защитником или адвокатом, нежели ревизором губернатора Талызина <...> Общее заключение из сего следует то, что сенатор Пещуров не опроверг законным образом большей части обвинений против г. Талызина... следовательно донесения против г. Талызина, в том числе и донесения полковника Краевского, имели достаточное основание» [26. Л. 298–305 об.].

Бенкендорф обратился с конфиденциальным письмом к оренбургскому военному губернатору генерал-лейтенанту В.А. Обручеву, бывшему тогда в Петербурге: «Ныне дошло до меня <...> сведение, что донесения подполковника Краевского были большею частью справедливы, что господин д.с.с. Талызин при некоторых его достоинствах не был чужд многих злоупотреблений и неправильных действий; следовательно г. Краевский пострадал невинно и это обстоятельство тем более обращает на себя внимание, что означенный штаб-офицер обременен многочисленным семейством и оставшись без службы дошел до крайне бедственного положения»⁴. По бумагам III Отделения значится, что «генерал от инфантерии Обручев, отказавшись от письменного ответа, словесно подтвердил во всей подробности донесение Краевского» [Там же. Л. 313].

Гражданского губернатора Талызина могло ждать новое служебное столкновение с жандармским ведомством, но 14 мая 1844 г. он скончался в Уфе.

Отголоски реакции общественного мнения на ревизию сенатора Пещурова можно найти в воспоминаниях служившего в начале 1840-х гг. в Уфимском казачьем полку М.М. Ребелинского, который много позже писал о Талызине: «Чтобы дать понятие об этом человеке, достаточно сказать, что он, бывши губернатором, на деревенском пикнике, где было все городское общество и множество дам, напился до такой степени, что был уведен и уложен в постель; но из которой выскочил и, прибежав в одном белье, плясал в хороводе. Случай этот не остался без последствий. По Высочайшему повелению назначен был сенатор Пещуров произвести формальное следствие. Но таково было старое доброе время, что все было скрыто, и Талызин не только оставался по-прежнему губернатором, но получил еще орден св. Анны 1^й степени. Однако все это так сильно на него подействовало, что он заболел и скоро умер» [37. С. 100–101].

В течение 1844 г. Бенкендорф не решался входить к Николаю I с ходатайством за уволенного из Корпуса жандармов подполковника Краевского, на одной из служебных записок сохранилась запись служащего III Отделения: «Очень жаль, сердце болит, а помочь нельзя» [26. Л. 298]. Но уже на следующий год Краевский был утвержден адъютантом по особым поручениям к оренбургскому военному губернатору, дослужился до чина полковника и умер в Уфе в 1863 г. Еще в бытность жандармским штаб-офицером Краевский выкупил в Уфе усадьбу, где в 1790-е гг. прошло детство Сергея Тимофеевича Аксакова. Знатоки местной истории полагают заслугой Краевского, что он восстановил аксаковскую усадьбу в её исторических границах [38. С. 59–60].

Пример служебной карьеры И.Д. Талызина показывает, что к концу 1830-х гг. надзор III Отделения за губернаторским корпусом был плотно встроен в систему государственного управления.

В ведомство высшей полиции стекались записки губернских жандармских штаб-офицеров с оценкой деловых и моральных качеств высших чинов губернской администрации. Разнообразные доносы, которые служили важной формой коммуникации населения с верховной властью, также принимались во внимание и направлялись на проверку губернским жандармам. Жандармские донесения основывались на «толках и слухах» и других сведениях, полученных частным путем. Негласный, кулуарный надзор жандармов не был закреплён законодательно и не предполагал публичного разбирательства служебных конфликтов, руководство III Отделения полагалось на личные качества губернских жандармов.

Записки штаб-офицеров оперативно попадали на стол к императору, давая возможность верховной власти контролировать деятельность местных властей и принимать кадровые решения в обход министерств. Система жандармского надзора замыкалась на фигуре монарха. От постоянного доступа к императору, его

благожелательного отношения и доверия к сведениям высшей полиции проистекало влияние шефа жандармов на кадровую политику Министерства внутренних дел и других центральных ведомств. По инициативе III Отделения осуществлялись кадровые перестановки в губернаторском корпусе, назначались сенаторские ревизии, генерал-губернаторы в решении местных кадровых вопросов прибегали к посредничеству шефа жандармов.

Служебное столкновение оренбургского гражданского губернатора с губернским жандармским штаб-офицером и последующая сенаторская ревизия обо-

значили определенные пределы влияния жандармского ведомства на кадровую политику министерств. Штаб-офицер не имел права вмешиваться в распоряжения губернских властей и наводить справки в присутственных местах, это лишало жандармские донесения доказательной основы для преследования чиновников по суду. Укоренение жандармов в губернской среде, непосредственное участие в негласных служебных столкновениях делали их отчеты менее беспристрастными. Дальнейшее укрепление центральных государственных ведомств сужало пространство жандармского надзора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В годы губернаторства И.Д. Талызина уфимским городским головой был Иван Андреевич Нестеров, дед художника М.В. Нестерова.

² С 1838 г. – восьмой округ.

³ Губернские присутственные места Оренбургской губернии располагались в Уфе.

⁴ У Краевского было шестеро детей.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М., 2010.
- Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М. ; СПб., 2001. Т. 1 : Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада.
- Мустонен П. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления. Хельсинки, 1998.
- Lincoln W.B. Nicholas I, Emperor and Autocrat of All the Russias. Indiana University Press, 1978.
- История Правительствующего Сената за двести лет. СПб., 1911. Т. 3.
- Yaney G.L. The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. University of Illinois Press, 1973.
- Романов В.В. Надзор за состоянием и деятельностью института губернаторов – функция политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг. // Правозащитная политика в современной России. К 20-летию Основного закона государства (сборник по материалам круглого стола и всероссийской научно-практической конференции). Ульяновск, 2014. С. 124–131.
- Бикташева А.Н. Кадровый контроль политической полиции над региональным чиновничеством: практики Казанской губернии 1826–1861 гг. // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». 2014. Т. 14, вып. 4. С. 110–114.
- Бикташева А.Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 132–143.
- Севастьянов Ф.Л. Почему Россией управляют столоничальники? // Родина. 2013. № 3. С. 90–92.
- Ефимова В.В. Деятельность В.С. Филимонова на посту архангельского губернатора // Вопросы истории. 2014. № 3.
- Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995.
- Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
- Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977.
- Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 25. Д. 9.
- Из донесений М.Я. фон Фока // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.
- Свице Я.С. Уфа и уфимцы в первой половине XIX в. по запискам И.С. Листовского // Бирская старина: Историко-краеведческий альманах. Бирск, 2010. Вып. 3.
- Воспоминания старика крестьянина Челябинского уезда (крестьянина Таловской слободы Николая Кудрина) // Оренбургский листок. 1876. № 35.
- Гвоздиков И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа, 2010.
- Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред В.В. Коновалова. Тюмень, 2000.
- Макарова В.Н. Служение на ниве общественного призрения // Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: История и современность. Информационно-аналитический бюллетень № 12. Уфа, 2011. С. 156–163.
- Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. 1 эксп. Оп. 7. Д. 434.
- Матханова Н.П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века // Источники по русской истории и литературе. Серия «Археография и источниковедение Сибири». Новосибирск, 2000. Вып. 19. С. 204–236.
- Бибиков Г.Н. Полугодовые отчеты губернских жандармских штаб-офицеров: к характеристике источника // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : сб. материалов Шестой междунар. конф. молодых ученых и специалистов Clío-2016. М., 2016. С. 55–58.
- ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1837. Д. 8.
- РГИА. Ф. 1284. Оп. 23. Д. 162.
- Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество / под ред. И.В. Пороха и В.А. Федорова. М., 1980.
- ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1840. Д. 198.
- ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1841. Д. 98.
- РГИА. Ф. 1284. Оп. 27. Д. 6.
- ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 237.

33. Семенова Н.Л. Причины сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1842–1843 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 4. С. 46–51.
34. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 89.
35. Гвоздиков И.М. Миссия сенатора А.Н. Пещурова. Сенаторская ревизия в Оренбургской губернии. 1842–1843 гг. // Бельские просторы. 2007. № 6.
36. ГАРФ. Ф. 109. 1 экзп. 1830. Д. 62.
37. Выписки из записок уфимского старожила генерал-майора Михаила Михайловича Ребелинского. Публикация Я.С. Свице // Река времени. 2014 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014. С. 100–101.
38. Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017.

Bibikov Grigory N. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru

THIRD SECTION OF HIS IMPERIAL MAJESTY'S OWN CHANCELLERY AND THE CONTROL OVER PROVINCIAL ADMINISTRATION: THE CASE OF GOVERNOR I.D. TALYSIN.

Keywords: Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; The Corps of gendarmes; local administration; corruption; bureaucracy.

The aim of presented article is to examine the mechanism of control of the Third section of His Imperial Majesty's Own Chancellery over the highest provincial bureaucracy during the Nicholas I era. The career of Ivan Talysin (1799–1844), who served in the 1830s–1840s as civil governor in Tobolsk and Orenburg was taken as an example. The article questions several topics: what information did the Third section possess on the state of the provincial government; how did the Third section intervene in the personnel policy of the Ministry of Internal Affairs and other central departments; what was the practice of interaction between the Third section and the ministries in the framework of supervision over the provincial administration. In this methodological approach the author relies on the tradition of the institutional theory in the field of historical sociology. It was noted that the emerging of professional bureaucracy within the absolutist state led to the formation of an independent “monarch's institution” and “agents” of the supreme authority caused by the monarch's intention to retain power. The activities of the Third section and gendarme officers in the province are regarded as directly representing the imperial will in public administration. The article is based on official records from the archives of the Third section (State Archives of the Russian Federation) and the Ministry of Internal Affairs (Russian State Historical Archive). In the course of the study, the following conclusions were made. The establishment of the Third section in 1826 was caused by the intention of the monarch to set a constant supervision over the central and local bureaucracy. The Third section collected regular reports of gendarmerie officers with characteristics of local officials, various denunciations were sent to provincial gendarmes for verification. Gendarmerie officers were deprived of the right to make inquiries in the documents of provincial agencies, their reports were based on information from their confidants and rumors and were not confirmed by official documents. The whole system of supervision ascended to the monarch, and the reports of the secret police provided him with an alternative source of information on the state of affairs in the provincial government and allowed to make decisions in the circumvention of the ministers. Gendarmerie control over provincial administration was not legislated, but by the end of the 1830s was tightly integrated into the public administration. The gradual consolidation of central government agencies narrowed the space for regular gendarmerie control.

REFERENCES

1. Anderson, P. (2010) *Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva* [Genealogy of the Absolutist State]. Translated from English. Moscow: Territoriya budushchego.
2. Elias, N. (2002) *Pridvornoe obshchestvo. Issledovanie po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii* [The Court Society. A study on the sociology of the king and the court aristocracy]. Translated from German by A.P. Kukhtenkov, K.A. Levinson, A.M. Perlov, E.A. Prudnikova, A.K. Sudakov. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
3. Elias, N. (2001) *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [On the process of civilisation. Sociogenetical and psychological research]. Translated from German by A. Rutkevich. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
4. Mustonen, P. (1998) *Sobstvennaya Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyariya v mekhanizme vlastvovaniya instituta samoderzhitsa. 1812–1858. K tipologii osnov imperskogo upravleniya* [His Own Imperial Majesty's Chancellory in the ruling of the institution of the autocracy. 1812–1858. To the typology of the foundations of imperial government]. Helsinki: Aleksanteri inst., Cop. .
5. Lincoln, W.B. (1978) *Nicholas I, Emperor and Autocrat of All the Russias*. Indiana University Press.
6. Filippov, A.N. et al. (eds) *Istoriya Pravitel'stvennogo Senata za dvesti let* [History of the Governing Senate for two hundred years]. Vol. 3. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
7. Yaney, G.L. (1973) *The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905*. University of Illinois Press.
8. Romanov, V.V. (2014) Nadzor za sostoyaniem i deyatel'nost'yu instituta gubernatorov – funktsiya politicheskoy politzii Rossiyskoy imperii v 1826–1860 gg. [Supervision of the state and activities of the institution of governors - a function of the political police of the Russian Empire in 1826–1860]. In: Artemova, S.T., Bakaev, A.A. & Malko, A.V. (eds) *Pravozashchitnaya politika v sovremennoy Rossii. K 20-letiyu Osnovnogo zakona gosudarstva* [The Human Rights Policy in Modern Russia. To the 20th Anniversary of the State Basic Law]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University. pp. 124–131.
9. Biktasheva, A.N. (2014) Kadrovyy kontrol' politicheskoy politzii nad regional'nym chinovnichestvom: praktiki Kazanskoy gubernii 1826–1861 gg. [Personnel control of the political police over regional officials in Kazan Province in 1826–1861]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"*. 14(4). pp. 110–114.
10. Biktasheva, A.N. (2015) Gendarmes and the Modernization of Local Rule in Russia (Research Experience and Prospects). *Quaestio Rossica*. 2. pp. 132–143. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2015.2.100
11. Sevastyanov, F.L. (2013) Pochemu Rossiey upravlyayut stolonachal'niki? [Why Russia is governed by the heads of depaprtments?]. *Rodina*. 3. pp. 90–92.
12. Efimova, V.V. (2014) Deyatel'nost' V.S. Filimonova na postu arkhangel'skogo gubernatora [Activities of V.S. Filimonov as the Arkhangelsk Governor]. *Voprosy istorii*. 3.
13. Remnev, A.V. (1995) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX veka* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University.
14. Matkhanova, N.P. (1998) *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [Governors-General of Eastern Siberia in the middle of the 19th century: V.Ya. Rupert, N.N. Muraviev-Amursky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SB RAS.

15. Nechkina, M.V. (1977) *Griboedov i dekabristy* [Griboedov and the Decembrists]. 3rd ed. Moscow: USSR AS.
16. *The Russian State Historical Archives (RGIA)*. Fund 1284. List 25. File 9.
17. Vatsuro, V., Gey, N., Makashin, S., Myasnikov, A. & Orlov, V. (eds) *A.S. Griboedov v vospominaniyakh sovremennikov* [A.S. Griboedov in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Svitse, Ya.S. (2010) Ufa i ufiimtsy v pervoy polovine XIX v. po zapiskam I.S. Listovskogo [Ufa and its residents in the first half of the 19th century in the notes by I.S. Listovsky]. In: Sergeyev, Yu.N. (ed.) *Birskaya starina: Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh* [Birskaya Starina: Historical and Local History Almanac]. Issue 3. Birsk: Birsk State Social and Pedagogical Academy.
19. Kudrin, N. (1876) Vospominaniya starika krest'yanina Chelyabinskogo uezda (krest'yanina Talovskoy slobody Nikolaya Kudrina) [Memoirs of an old peasant from Chelyabinsk Uezd (Nikolay Kudrin from Talovskaya settlement)]. *Orenburgskiy listok*. 35.
20. Gvozdikova, I.M. (2010) *Grazhdanskoe upravlenie v Orenburgskoy gubernii v pervoy polovine XIX v. (1801–1855 gg.)* [Civil administration in Orenburg Province in the first half of the 19th century (1801–1855)]. Ufa: [s.n.].
21. Konovalov, V.V. (ed.) (2000) *Sibirskie i tobol'skie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty* [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents]. Tyumen: Tyumenskiy izdatel'skiy dom.
22. Makarova, V.N. (2011) Sluzhenie na nive obshchestvennogo prizreniya [Service in public charity]. *Natsional'nye i yazykovye protsessy v Respublike Bashkortostan: Istoriya i sovremennost'*. 12. pp. 156–163.
23. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. 1 eksp. List 7. File 434.
24. Matkhanova, N.P. (2000) Gubernatorskie otchety i zhandarmskie doneseniya kak istochnik po istorii rossiyskogo provintsial'nogo chinovnichestva serediny XIX veka [Governor's and gendarmerie reports as a source on the history of Russian provincial bureaucracy of the middle of the 19th century]. In: Romodanovskaya, V.A. et al. *Istochniki po russkoy istorii i literature* [Sources on Russian History and Literature]. Issue 19. Novosibirsk: SB RAS. pp. 204–236.
25. Bibikov, G.N. (2016) Polugodovye otchety gubernskikh zhandarmskikh shtab-ofitserov: k kharakteristike istochnika [Semiannual reports of gendarmerie officers: to the description of the source]. In: Kotov, S.A. et al. (eds) *Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arkheografii, istochnikovovedeniya, rossiyskoy i vseobshchey istorii novogo i noveyshego vremeni* [Historical documents and topical problems of archeography, source study, Russian and general history of new and modern times]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 55–58.
26. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. Expedition 1. 1837. File 8.
27. *The Russian State Historical Archives (RGIA)*. Fund 1284. List 23. File 162.
28. Muratiev-Apostol, M.I. (1980) Vospominaniya i pis'ma M.I. Murav'eva-Apostola [Memoirs and letters of M.I. Muraviev-Apostol]. In: Porokh, I.V. & Fedorov, V.A. (eds) *Memuary dekabristov. Yuzhnoe obshchestvo* [Memoirs of the Decembrists. The Southern Society]. Moscow: Moscow State University.
29. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. Expedition 1. 1840. File 198.
30. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. Expedition 1. 1841. File 98.
31. *The Russian State Historical Archives (RGIA)*. Fund 1284. List 27. File 6.
32. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 237.
33. Semenova, N.L. (2011) Prichiny senatorskoy revizii Orenburgskoy gubernii 1842–1843 gg. [The reasons for the senatorial revision of Orenburg Province of 1842–1843]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 4. pp. 46–51.
34. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. List 221. File 89.
35. Gvozdikova, I.M. (2007) Missiya senatora A.N. Peshchurova. Senatorskaya reviziya v Orenburgskoy gubernii. 1842–1843 gg. [Senator A.N. Peshchurov's mission. Senatorial revision in Orenburg Province. 1842–1843]. *Bel'skie prostory*. 6.
36. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. Expedition 1. 1830. File 62.
37. Svitse, Ya.S. (ed.) (2014) Vypiski iz zapisok ufimskogo starozhila general-mayora Mikhaila Mikhaylovicha Rebelinskogo [Extracts from the notes of the Ufa old-timer Major-General Mikhail Mikhailovich Rebelinsky]. In: Rodnov, M.I. (ed.) *Reka vremeni* [The River of Time]. Ufa: Knizhnaya palata RB. pp. 100–101.
38. Rodnov, M.I. (2017) *Dvoryanskaya usad'ba Ufimskogo uezda vtoroy poloviny XIX v. Vostok. Sever* [The noble manor of the Ufa district in the second half of the 19th century. East. North]. Ufa: [s.n.].

УДК 94(47)+(73)
DOI: 10.17223/19988613/50/3

М.В. Шиловский

ПОЧЕМУ РОССИЯ ПРОДАЛА РУССКУЮ АМЕРИКУ? (К 150-ЛЕТИЮ ПОДПИСАНИЯ КОНВЕНЦИИ ОТ 18(30) МАРТА 1867 г. ОБ УСТУПКЕ СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИМ СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ РОССИЙСКИХ СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ)

Анализируются причины продажи российским правительством в 1867 г. Русской Америки Северо-Американским Соединенным Штатам и последующей ликвидации Русско-американской компании (РАК), образованной в 1799 г. для промыслово-хозяйственной деятельности на ее территории и управления северо-американскими колониями. Определяется статус объединения, взаимоотношение с органами государственного управления. Устанавливается, что РАК создавалась и действовала во многом по аналогии с английской Ост-Индской компанией.

Ключевые слова: Русская Америка; Русско-американская компания; Северо-Американские Соединенные Штаты; колония; устав; промышленники.

Обозначенное в заголовке событие, связанная с ним история Русской Америки (РА) и Русско-американской компании (РАК) постоянно привлекали внимание историков. Еще в период существования торгового объединения увидели свет первые обстоятельные исследования П.А. Тихменева [1] и Д.И. Завалишина [2]. В обличительном ракурсе оценивали ее деятельность сибирские областники. В частности, в публичных лекциях, прочитанных С.С. Шашковым в 1864–1865 гг. в Красноярске и Томске, правительственная экономическая политика в отношении региона квалифицировалась как «возмутительная и безнравственная спекуляция». Наиболее ярким проявлением ее лектор считал практические усилия РАК: «Шестидесятилетняя история Росс[ийско]-Ам[ериканской] К[омпании] есть также история рабства и туземных народов и русских рабочих» [3. Л. 17, 43] (Здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены). К концу XX в. общее количество публикаций по изучаемой теме, по данным трехтомной «Истории Русской Америки», составило 1 400 наименований. «Есть и психологический момент, – замечает А.Н. Ермолаев, – объясняющий огромный интерес историков и простых людей к прошлому Аляски. Российская империя столетиями формировалась как государство, постоянно расширяющее свои границы. Добровольная уступка огромной территории противоречит российскому менталитету. Поэтому Русская Америка всегда будет привлекать внимание общественности и ученых» [4. С. 5].

Несмотря на обилие исследовательской литературы, издание большого массива источников, многие аспекты анализируемой проблемы недостаточно изучены (правовой статус РА и РАК, взаимоотношения с местными органами государственного управления, положение аборигенов и креолов, причины продажи Русской Америки САСШ). Последний сюжет избран объектом нашего анализа.

В современной отечественной историографии существуют несколько объяснений по поводу уступки

русских владений в Америке. Наиболее представительной является позиция объясняющих акцию необходимостью укрепления русско-американских отношений и устранения потенциального очага противоречий. Истоки ее идут к монографии С.Б. Окуня, еще в 1939 г. предположившего, что природные богатства Аляски таили в себе серьезную опасность, ибо, не имея в АТР тогда значительных воинских контингентов и боевых кораблей, сохранить за Российской империей колонии было невозможно [5. С. 252].

Последовательно эту точку зрения выражал академик РАН Н.Н. Болховитинов, утверждавший, что главная причина продажи – «устранение очага возможных противоречий в будущем, укрепление фактического союза двух стран, перенесение внимания на укрепление позиций России на Дальнем Востоке (особенно в районе р. Амур)» [6. С. 316].

Примерно в таком же духе объясняет произошедшее В.М. Хевролина в главе «Уход из Америки и обретение союзника» в коллективной монографии по истории внешней политики России второй половины XIX в. [7. С. 153].

В рамках рассматриваемого направления А.И. Алексеев и авторы «Истории Дальнего Востока СССР» продажу РА связывают со слабостью Российской империи на дальневосточных рубежах, невозможностью защитить их [8. С. 130–131; 9. С. 126]. А.И. Алексеев глухо намекает на причастность к продаже высокопоставленных российских немцев (М.Х. Рейтерна, Н.К. Краббе, Э.А. Стекля), ибо «никогда и никто из русских не поставил бы вопрос о продаже Русской Америки» [8. С. 132].

«Вопрос о том, кому продать Аляску, фактически не обсуждался, – утверждает В.А. Ламин. – Он был предпринят политикой вечной дружбы с Северо-Американской республикой и обоснован еще в 1853 г. Н.Н. Муравьевым-Амурским» [10. С. 115]. По мнению А.Д. Агеева, встречное движение американцев и русских привело на севере Тихого океана к столкновению и цивилизационному разлому. Американцы действовали более активно, а после присоединения к САСШ Калифорнии и при-

нения ими доктрины Монро «Русская Америка была обречена» [11. С. 24].

Вину за подписание конвенции 1867 г. И.Б. Миرونوف возлагает на руководящие круги России и их действия квалифицирует как предательство интересов государства: «Политическая обстановка того времени не давала оснований для сдачи русских территорий, все официальные причины продажи были не только несостоятельны, но и противоречили друг другу, цена за Аляску была символической... Продажа Русской Америки – правительственная афера, которая реализовывалась более десяти лет» [12. С. 261]. С ним солидарны Г.Г. Небрятенко и Ю.И. Литвинова, утверждающие: «Излишний бюрократизм в управлении Русской Америкой, вероятно, коррупционные мотивы привели к утрате Аляски и иных стратегически важных территорий, эпилогом чего стала утрата в 1905 г. Порт-Артура, Южного Сахалина и Курильских островов... При всей отдаленности американских владений в результате их потери Российская империя из трансконтинентальной державы превратилась в континентальное государство, причем без видимых на то оснований» [13. С. 14].

По мнению А.Н. Ермолаева, в 1865 г. РАК практически прекратила свою деятельность в Сибири и на Дальнем Востоке. Данные обстоятельства «стали объективными предпосылками, приведшими к утрате русских американских колоний. В этих условиях продажа колоний была не самым худшим вариантом развития событий» [4. С. 585]. Автор настоящей статьи, изучая хозяйственное освоение Сибири, указал на существование особых экономических (анклавных) зон, для которых «характерно предоставление государством монопольного права на хозяйственное освоение выделенной территории хозяйствующим субъектам (предприниматель, акционерное общество, Кабинет) с активным участием в делах анклавного образования властных структур». К числу таких объединений я относил и Русско-американскую компанию. «Социальные траты привели, наряду с другими факторами, к финансовому кризису компании в 1860-х гг. В свою очередь тяжелое экономическое положение РАК послужило весомым аргументом для сторонников продажи колоний США. В отличие от современной практики государство не разрешило хозяйствующему субъекту “сброс” социальной сферы и тем самым предопределило банкротство ЗАО, тесно связанного с ним» [14. С. 42, 47].

А теперь попытаемся выявить главные причины продажи (уступки) РАК американцам. Мне не удалось установить, когда подведомственная РАК территория получила статус колонии. По всей видимости, специального нормативного акта на сей счет не было. Если судить по делопроизводственным документам (служебной переписке, отчетам, донесениям, предписаниям и т.д.), вошедшим в сборник документов, посвященный последнему этапу деятельности компании в 1841–1867 гг. [15], то в них преобладают дефиниции «колония» или «русские колонии в Америке». В

меньшей степени используются словосочетания «русские владения», «наши владения, находящиеся в ведении Северо-Американской компании» (С. 315), «колонии Российско-Американской компании» (С. 162), «наши северо-американские колонии» (С. 321). При этом в практике деятельности объединения активно применялись приемы, использовавшиеся в процессе инкорпорации сибирских территорий в правовое поле российской государственности в XVII–XVIII вв. В частности, уставом РАК даже в 1852 г. разрешалось брать аманатов. Согласно предписанию Главного правления РАК от 10 ноября 1852 г., меры, «какие Компания на сей конец может принимать в случае вражды и разрыва с туземцами, в Уставе ничего не говорится, потому что меры эти должны исключительно зависеть от местных соображений и обстоятельств» (С. 244).

В истории России использовались разные подходы к интеграции присоединенных территорий. Прежде всего установлением особого порядка управления ими путем создания наместничеств или особого управления, как это произошло с сибирскими территориями на основе принятия по инициативе М.М. Сперанского «сибирского уложения». При этом он признавал особый статус региона, не используя дефиницию «колония». Так, в письмах дочери, с одной стороны, 14 июня 1819 г. он сообщает: «...я смело утверждаю, что Сибирь есть просто Сибирь, то есть прекрасное место для ссыльных, выгодное для некоторых частей торговли, любопытное и богатое для минералогии; но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности, твердой, основанной на хлебопашестве, фабриках и внутренней торговле». Буквально через три месяца, 5 сентября, он утверждает: «Как велика земля русская! И здесь те же люди, та же чернь, те же нравы и обычаи; те же пороки и добродетели. Сие единство почти непонятно. Во всех других государствах несравненно есть более разнообразия. Сие происходит, думаю, оттого, что здешнее население есть смесь или произведение всех стран России. Но не думай и не дозволяй думать, что Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число их, как капля в море; их почти не видно...» [16. С. 101, 109].

Следующей формой подчинения Российской империи формально независимых национально-государственных образований стали протектораты, установленные на основании договоров, заключенных 23 июня 1868 г. с бухарским эмиром и 12 августа 1873 г. – с хивинским ханом, которые лишались самостоятельности во внешнеполитических вопросах. Русские власти получили право вмешательства в решение вопросов о наследниках престолов и выборах первых министров. Остальные аспекты внутреннего управления остались в компетенции правителей Бухары и Хивы [17. С. 23, 29]. В результате Синхайской революции в Китае (1911 г.) и признания им автономии Внешней Монголии Российская империя 4 апреля 1914 г. объявила об установлении протектората над Урянхайским краем (Тувой). Этот статус «накладывал

на Туву два обязательства: во-первых, не вступать напрямую в сношение с другими странами; во-вторых, все споры между кожуунами выносить на суд русского резидента в лице комиссара по делам Урянхайского края. С правителей кожуунов были взяты письменные заверения о неукоснительном соблюдении условий протектората» [18. С. 12].

Русские владения в Америке, казалось бы, подходили при определении их политико-административного статуса в составе Российской империи к тувинскому варианту, но нужно иметь в виду, что протекторат над Урянхайским краем был установлен спустя 134 года с моментами объявления российскими подданными алеутских народов (1780 г.). К тому же они не проявляли благосклонности к русским промышленникам и офицерам. Поэтому территории их проживания становятся колониями. Российские власти учитывали фактор нахождения их на другом континенте, отделенных от метрополии Тихим океаном. Данное обстоятельство побудило петербургских чиновников создать особую торгово-административную структуру (РАК) для эксплуатации природных ресурсов и управления колониями по аналогии с европейскими колониальными державами (Голландией, Францией, Англией). Фактически был скопирован опыт функционирования английской Ост-Индской компании (1600–1858 гг.), первоначально частного объединения английских купцов, которое получило монопольное право до 1813 г. на торговлю и создало в Индии ряд факторий и укреплений. Она получила от английского правительства со второй половины XVII в. ряд привилегий: объявлять войну, содержать вооруженные формирования и флот, чеканить монету; захватила и подчинила всю индийскую территорию [19. С. 297, 378].

На последующую историю Российско-американской компании повлияли три комплекса факторов: ее финансово-хозяйственная деятельность, политика США и взаимоотношения с российскими властями. Я не буду касаться первого направления, сославшись на заключение государственного ревизора С.А. Костлищева, осуществившего аудит объединения с выездом в Русскую Америку в 1863 г. «Расчеты государственного ревизора демонстрируют очевидную прибыльность Северо-Американских колоний под управлением РАК, причем эта доходность являлась стабильной на протяжении многих лет, среди которых были и годы военные, и неудачные в отношении промыслов, и годы, косившие население болезнями. Следовательно, стабильная доходность не была для американских колоний России делом случая, а являлась результатом налаженного управления, как территориями, так и заселявшими их людьми. Свод доходов и расходов Российско-Американской компании с 1842 по 1859 г. демонстрирует, что общий баланс капиталов Компании к 1 января 1860 г. составлял 5 907 859 руб. 8 к. серебром» [12. С. 58]. При этом доля акций, принадлежащих сибирякам, неуклонно сокращалась, достигнув к середине XIX в. 10–11% [4. С. 114].

Что касается российско-американских отношений и политики США в отношении РАК, то здесь наблюдается активная экспансия американцев на северо-восток. В 1809 г. устанавливаются официальные дипломатические отношения между Россией и США. В 1810 г. русский генеральный консул в Вашингтоне сделал запрос по поводу интенсивного проникновения промысловых судов англичан и американцев в акваторию РАК. Правительство США уклонилось от объяснений, сославшись на необходимость точнее определить границу русских владений. В 1824 и 1825 гг. подписываются русско-американская и русско-английская конвенции, устанавливающие границу русских поселений и промыслов по 54-му градусу 40 минутам северной широты. Этими соглашениями впервые были определены границы русских владений в Америке. В 1832 г. между Россией и США заключается новый договор о торговле и мореплавании, согласно условиям которого Петербург пошел на дальнейшие уступки. РАК в 1840 г. в момент, «когда русские достигли наибольших успехов в хозяйственном освоении земель в Калифорнии», ликвидировало здесь свою колонию Форт Росс на земле, принадлежавшей Испании, затем Мексике, а с 1848 г. – США. По мнению будущего восточно-сибирского генерал-губернатора М.С. Корсакова, произошло это потому, что «смелости не доставало продолжить начатое» [20. С. 10, 16].

Взаимоотношения РАК с государством до середины 1840-х гг. можно охарактеризовать как взаимовыгодные. Объединение получало от него кредиты и компенсацию за осуществление управленческих функций в колониях. В том числе в ее интересах организуется первая русская кругосветная экспедиция под руководством И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1803–1806 гг.). Всего таких плаваний в первой половине XIX в. русские военные моряки совершили около 40, большей частью в интересах РАК [21. С. 26]. Утвержденный в 1806 г. флаг Российско-американской компании представлял бело-синее полотнище (сверху вниз) с двуглавым черным орлом в левом верхнем углу, в когтях которого располагалась лента с надписью «Рос. Ам. Комп.». В 1820–1821 гг. в интересах изучаемой структуры правительство запретило иностранцам торговать в Русской Америке.

Компания активно выполняла дипломатические функции по установлению российско-японских отношений, присоединении Приамурья, Приморья и Сахалина. В июне 1850 г. под видом ее фактории Г.И. Невельской, действуя от имени компании, основал недалеко от устья Амура зимовье Петровское. В том же году торговому объединению передается остров Сахалин. 7 февраля 1851 г. император Николай I повелел официально объявить Николаевский пост на Амуре лавкой (факторией) РАК. 11 апреля 1853 г. он же дал санкцию компании организовать на Сахалине стационарный пост и проведение с этой целью вооруженной экспедиции (десанта). 15 апреля того же года в специальной инструкции Г.И. Невельскому

генерал-губернатор Н.Н. Муравьев предписал занять остров, «устроить ограды или укрепления и поставить орудия, которые из Аяна к Вам будут доставлены, а также флаг Американской компании» [15. С. 260]. Высадка осуществляется в сентябре 1853 г. в заливе Томари-Анива. Результатом стало основание Муравьевского поста, а непосредственно на острове – Ильинского поста. Кроме того, РАК по предписанию правительства в 1851–1853 гг. осуществляет поставки продовольствия военнослужащим, направленным к устью Амура.

Таким образом, к середине XIX в. Российско-американская компания по характеру хозяйственно-управленческой деятельности воспроизводила на российской почве функции английской Ост-Индской компании. Я присоединяюсь к выводу А.Н. Ермолаева о том, что «государственно-правовое партнерство в лице Российско-американской компании в некоторых вопросах оказалось очень успешным, но в других – нет» [4. С. 584].

Первой «ласточкой», начавшей формировать негативный имидж компании, стали донесения капитана 2-го ранга В.М. Головина, в 1817–1819 гг. на шлюпе «Камчатка» совершившего плавание в Русскую Америку. Он имел полномочия «для исследования поступков промышленных» и аудита объединения. Вернувшись в Петербург, сообщил о большом количестве жалоб служащих РАК на изнурение аборигенов работами, произвол чиновников, «худое содержание и скудное продовольствие». В докладе морскому министру (1824) офицер пришел к выводу, что объединение никакой пользы акционерам и государству не приносит, так как «обширные области, приобретенные компанею для России, только на картах к ней приложены одноцветною краскою и могут занимать одних лишь детей в школах, учащихся географии, или недорослей из министерств, вовсе географии не знающих; но в самом деле сии области всякая Европейская держава может отнять у нас без больших трудов и издержек, когда только пожелает оных...» [8. С. 124, 126].

Вслед за ним управляющий РАК Ф.П. Врангель в 1831 г. отметил, что алеуты «весьма дружелюбно принимали сначала своих новых пришельцев и переносили с удивительным терпением различные притеснения. А когда поступки промышленных превзошли уже всякую меру терпения... то уж мщение взяло верх над кроткою их терпеливостью, а мщение дикаря за обиды хотя и ужасно в последствиях, но оно не должно причислять к постыдным чертам народного характера. Просвещенные пришельцы, подав первый повод к отмщению, превзошли туземцев и в наказании за убийства виновников раздора, перебив их гораздо более, нежели русских было убито, и часть с обманом и коварством, нисколько не уступающим военной хитрости дикарей» [22. С. 144].

А.В. Гринев опроверг утверждения предшественников о гуманности колонизации Аляски в отношении к аборигенам [23. С. 108, 109]. Мощное противо-

действие индейцев территории стало одним из факторов ухода колонизаторов отсюда. Повторилась ситуация, имевшая место за 96 лет до продажи Русской Америки на Чукотке, где решительное сопротивление объясачиванию оказали чукчи. Неоднократные попытки силой заставить их принять российское подданство встретило вооруженное противодействие их. В конечном счете в 1771 г. был разрушен Анадырский острог, а его гарнизон покинул Чукотку.

Озаботилось проблемой усиления государственной поддержки и руководство РАК. В сентябре 1845 г. ее Главное правление направило управляющему Министерству финансов Ф.П. Вронченко представление, в котором напоминало, что «управлению Компании вверена отдаленнейшая часть государства» и эта функция поглощает 32% доходов объединения с тенденцией к дальнейшему росту. «Постепенное истощение нынешних средств неминуемо повлечет за собою разстройство дел Компании, – пугали главного финансиста империи руководители объединения, – и тогда правительство или принять на себя управление колониями и, лишась ныне получаемых оными от торговли Компании выгод, обременить себя значительным на их содержание расходом, или, наконец, отказаться от колоний и предоставить их в пользу других наций, жаждущих подобного приобретения для усиления владычества своего на морях». Поэтому «Компания смеет надеяться на особенное к ней внимание правительства в тех случаях, когда независимо от просьбы ея, и самые обстоятельства свидетельствуют о необходимости некоторых в пользу ея облегчений» [15. С. 126, 127–128].

Важным фактором в определении судьбы Русской Америки стала Крымская война 1853–1856 гг., показавшая незащищенность русских колоний. Наиболее ярким событием в вооруженном противостоянии на Дальнем Востоке была героическая оборона Петропавловска-на-Камчатке 18–22 августа 1854 г. при попытке отряда из шести кораблей англо-французской эскадры захватить город. Однако наличие превосходящих сил противника в северо-восточной части Тихого океана заставила эвакуировать корабли, личный состав гарнизона, гражданское население, вооружение и имущество из Петропавловска в Николаевский пост. Формально имущество и инфраструктура РАК признается англичанами нейтральным в связи с фиктивной продажей их Компании Гудзонова залива, тем не менее англо-французские военные корабли в 1855–1856 гг. высаживали десанты в порту Аян и в августе 1855 г. обстреляли постройки на острове Уруп, высадили десант и, «оставляя остров... взяли с собой принадлежащие Компании пушные промысла и увезли в плен управляющего островом Говорова, а также еще двух русских: Миловидова и Избека». Побывали они и в Ново-Архангельске.

В совокупности все эти действия ускорили перенесение центра российских военно-морских сил в АТР на юг. В 1856 г. владение РАК остров Сахалин передается «в непосредственное ведение и управле-

ние главного и местного начальства Восточной Сибири и Камчатской области». В том же году образуется Приморская область с центром в Николаевском посту, переименованном в Николаевск-на-Амуре, который объявляется главным российским морским портом в Тихом океане.

В изменившейся после войны геополитической ситуации в правительственных кругах усиливается группировка противников РАК и сторонников отказа от заокеанских колоний. Ее возглавил брат императора Александра II известный либерал и реформатор великий князь Константин Николаевич, в 1853–1881 гг. управляющий Морским министерством. В марте 1857 г. в письме к Министру иностранных дел А.М. Горчакову он предложил с целью экономии государственных средств: «...нам следовало бы воспользоваться избытком в настоящее время денег в казне Соединенных Северо-Американских штатов и продать им наши Северо-Американские колонии. Продажа эта была бы весьма своевременна, ибо не следует себя обманывать и надобно предвидеть, что Соединенные Штаты, стремясь постоянно к округлению своих владений и желая господствовать нераздельно в Северной Америке, возьмут у нас помянутые колонии, и мы не будем в состоянии вернуть их. Между тем эти колонии приносят нам весьма мало пользы, и потеря их не была бы слишком чувствительна и потребовала бы только вознаграждения нашей Российско-Американской компании». А.М. Горчаков поддержал предложение коллеги с оговорками оставить во владении России Алеутские и Курильские острова, а уступку (продажу) осуществить через 4,5 года, когда закончится срок действия устава компании 1844 г. Император 29 апреля 1857 г. наложил резолюцию: «Оставить без исполнения, пока не окончится вопрос об уничтожении контракта между Компанией нашей и Сан-Франциско условия которой могут чрезвычайно уронить ценность владений наших в Северной Америке» [15. С. 314, 315–316].

В декабре 1857 г. названные выше министры обменялись письмами, суть которых свелась к согласованному мнению создать комиссию для ревизии положения дел в Русской Америке с целью «определения ценности колоний, если окажется выгодным продать их...». Одновременно «приступить к пересмотру ея Устава с целью изменить совершенно ея значение и обратить в учреждение чисто торговое, а не административное». В мае 1860 г. Министерство финансов командировало на Аляску статского советника С.А. Костливцева и капитан-лейтенанта П.Н. Головина, который должен был вести работу среди американской политической элиты в плане того, «что и для Соединенных Штатов, и для русского правительства было бы очень выгодно, если бы Россия уступила американцам колонии ее в Северной Америке». Разразившаяся в апреле 1861 г. гражданская война между северными и южными штатами отодвинула решение судьбы Русской Америки на некоторое время.

Тем временем предписанием от 27 апреля 1862 г. организуется Комитет об устройстве русских амери-

канских колоний во главе с Н.О. Тизенгаузеном, который 22 мая 1863 г. предложил сохранить за РАК до 1874 г. привилегию на пушной промысел, предоставив всем русским подданным «право свободной торговли и промышленности в крае» за исключением заготовки пушнины. Управление территорией оставить за компанией, подчинив ее администрации правительственному, вполне не зависящему от Компании органу в лице военного губернатора. Аборигенов предлагалось освободить от обязательного труда в пользу РАК, а разбирательства по спорам и жалобам их предоставить колониальному совету во главе с военным губернатором [15. С. 375].

В течение 1863 г. и до конца 1866 г. шли интенсивная подготовка новой редакции Устава РАК, согласование его в министерствах морском и финансов, а также в Государственном Совете. Ситуация кардинально изменилась в ноябре 1866 г. после обращения Главного правления РАК в Министерство финансов с просьбой об оказании помощи. «Компания обязана подтвердить с чистейшею откровенностью, – говорилось в нем, – что без денежных средств для уплаты ея долгов никакая мера не может спасти это предприятие от совершенного прекращения его деятельности». По сути дела объединение заявило власти о своем банкротстве. В сложившейся ситуации решающее значение на принятие окончательного решения оказало пребывание в Петербурге в конце 1866 г. российского посланника в Вашингтоне, тайного советника Э.А. Стекля. Именно после встречи с ним министр финансов, бывший подчиненный великого князя Константина Николаевича, М.Х. Рейтерн и подчиненный его управляющий Морским министерством вице-адмирал Н.К. Краббе поддержали идею продажи колоний [Там же. С. 395, 397–399].

Резюмируя позицию великого князя, поддержанную А.М. Горчаковым, М.Х. Рейтерном, Н.К. Краббе и Э.А. Стеклем, Н.Н. Болховитинов пишет: «Были три главные причины, по которым вел. кн. Константин высказался за продажу Аляски:

1. Неудовлетворительное состояние дел РАК, существование которой необходимо поддерживать “искусственными мерами и денежными со стороны казны пожертвованиями”.

2. Необходимость сосредоточения главного внимания на успешном развитии “При-Амурского края”, где именно на Дальнем Востоке “предстоит России будущность”.

3. Желательность поддержания “тесного союза” с США и отстранение всего, “что могло бы породить несогласие между двумя великими державами”» [6. С. 186].

Окончательное решение по рассматриваемому вопросу принимается 16 декабря 1866 г. на «особом совещании» в МИД с участием всех перечисленных выше лиц и императора Александра II. Все участники высказались в пользу продажи. Договор о продаже Аляски подписывается 18(30) марта 1867 г. в Вашингтоне Э.А. Стеклем и госсекретарем США

У. Стюардом, в апреле ратифицирован сенатом, а в мае – Александром II.

Таким образом, осуществленный мной анализ ситуации, связанной с продажей Соединенным Штатам Русской Америки в 1867 г., позволяет сделать вывод, что принятие соглашения обуславливалось комплексом причин, среди которых важное значение имело фактическое прекращение деятельности РАК на Дальнем Востоке к 1865 г. «В сфере ее интересов оставались только Курильские острова» [4. С. 584]. Усиливалось противодействие индейцев. Крымская война показала незащищенность колоний с моря. Присоединение Приамурья, Приморья, Сахалина потребовало значительных усилий и инвестиций со стороны Российской империи

для закрепления их за собой. В последнее десятилетие существования Российско-американской компании обсуждался вариант ее деятельности как управленческой структуры для русских колоний, с усилением государственного участия (военный губернатор). К тому же нужно иметь в виду, что в 1858 г. ликвидируется Ост-Индская компания, кальку с которой представляла РАК, и вводится режим прямого колониального управления во главе с вице-королем для Индии. Нельзя забывать о геополитических устремлениях Российской империи в рассматриваемое время, направленных на преодоление ограничений Парижского мира 1856 г. в период руководства А.М. Горчаковым внешнеполитическим ведомством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия ее до настоящего времени. СПб., 1861, 1863. Т. 1–2.
2. Завалишин Д.И. Российско-американская компания. М., 1865.
3. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 15. Д. 18753.
4. Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово, 2013. 620 с.
5. Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л., 1939.
6. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990. 368 с.
7. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. 384 с.
8. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М., 1982. 288 с.
9. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991. 471 с.
10. Ламин В.А. Траектория высочайших «соображений» // Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории. Новосибирск, 2012. С. 112–115.
11. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.
12. Мионов И.Б. Роковая сделка: как продавали Аляску. М., 2007. 288 с.
13. Небрятенко Г.Г., Литвинова Ю.И. Государственно-правовое развитие Русской Америки // История государства и права. 2016. № 21. С. 10–14.
14. Шиловский М.В. Анклавы геэкономические зоны в истории хозяйственного освоения Сибири XVI – начала XX вв. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул, 2008. С. 41–50. Вып. 2.
15. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера. 1841–1867 : сб. док. М., 2010. 483 с.
16. Сперанский М.М. Письма к дочери. Новосибирск, 2002.
17. Тухтаметов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи (вторая половина XIX века). Уфа, 1999. 214 с.
18. История Тувы. Новосибирск, 2007. 430 с.
19. Синха Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии / пер. с англ. М., 1954. 440 с.
20. Петров А.Ю., Капалин Г.М., Ермолаев А.Н. О продаже русской колонии Форт Росс в Калифорнии // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 3–16.
21. Чернавская В.Н. Кругосветные плавания российских моряков // Россия и АТР. 1996. № 3. С. 23–28.
22. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л.: Наука, 1979. 277 с.
23. Гринев А.В. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопросы истории. 2003. № 8.

Shilovskiy Mikhail V. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: istorik.novosib@gmail.com

WHY DID RUSSIA SELL RUSSIAN AMERICA? (ON THE 150TH ANNIVERSARY OF THE SIGNING OF THE TREATY (MARCH, 18 (30), 1867) ON THE CESSION OF THE NORTH AMERICAN COLONIES TO THE UNITED STATES).

Keywords: Russian America (RA); Russian-American Company (RAC); the United States of America (USA); colony; charter; promushlenniki (fur hunters).

Despite the abundant research literature and publication of numerous historical sources the reasons for which Russia sold Russian America to the United States remain a subject for lively discussions. Therefore the present study deals with this topic. In order to achieve the aim the following tasks are to be carried out: evaluating the present state of research in this area; identifying specific features of creation and activities of RAC as a government-controlled joint stock company; determining the causes of its liquidation. The research is performed using concepts of modernization theory, including the global trend that became evident since the mid-XIX century – transformation of the Asia-Pacific Region into the center of civilizational development (“Mediterranean Sea of the Future”). The source base of research consists of the publications of specialists (historians, economists, lawyers) and published documents reflecting the history of the Russian colonies in North America. The author came to the following conclusions. Since the discovery of the North-Western coast of North America and Aleutian Islands by V.I. Bering and A.I. Chirikov this region had received an influx of Russian fur hunters and merchants (promyshlenniki) who set up joint stock companies. They were backed by the government which in 1787 proclaimed the North American territories of its colonial possessions and authorized the creation of RAC in 1799. As time went on the company began to govern the colonies. Taking into account the fact that the colonies were located on another continent the authorities in Saint-Petersburg decided to use a special commercial and administrative entity (company) for exploitation of natural resources and governing the colonies. By the middle of the XIX century in terms of its economic and managerial activities RAC copied the functions of the British East India Company in the Russian context. The reasons for the sale of Russian America included: cessation of the RAC activities in the Far East; growing opposition from the natives; the colonies’ vulnerability to attack from sea during the Crimean War of 1853–1856; abolition of East India Company and imposition of direct rule in India; con-

siderable efforts required for securing Russia's rights for the Amur River region, the Maritime territory, Sakhalin. The final decision to sell Russian America and terminate the activities of RAC was made on December, 16, 1866 at the special meeting in the Ministry of Foreign Affairs. The meeting's participants included: Minister of Foreign Affairs A.M. Gorchakov, Grand Duke Konstantin Nikolayevich, Finance Minister M. von Reutern; Vice admiral N.K. Krabbe, chief administrator of the Ministry of the Navy; Privy Councillor E.A. Stoeckl, the Russian minister in Washington; the Emperor Alexander II.

REFERENCES

1. Tikhmenev, P.A. (1861, 1863) *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiysko-amerikanskoy kompanii i deystviya ee do nastoyashchego vremeni* [Historical overview of the formation of the Russian-American company and its actions to date]. Vol. 1–2. St. Petersburg: [s.n.].
2. Zavalishin, D.I. (1865) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya* [The Russian-American Company]. Moscow.
3. *The State Historical Archive of Omsk Region*. Fund 3. List 15. File 18753.
4. Ermolaev, A.N. (2013) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1799–1871 gg.)* [The Russian-American company in Siberia and the Far East (1799–1871)]. Kemerovo: INT.
5. Okun, S.B. (1939) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya* [The Russian-American Company]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
6. Bolkhovitinov, N.N. (1990) *Russko-amerikanskije otnosheniya i prodazha Alyaski. 1834–1867* [Russian-American relations and the sale of Alaska. 1834–1867]. Moscow: Nauka.
7. Sakharov, A.N., Ignatiev, A.V. et al. (eds) (1997) *Istoriya vneshney politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka* [History of foreign policy of Russia. The second half of the 19th century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
8. Alekseev, A.I. (1982) *Osvoenie russkimi lyud'mi Dal'nego Vostoka i Russkoy Ameriki do kontsa XIX veka* [Russian development of the Far East and Russian America until the end of the 19th century]. Moscow: Nauka.
9. Krushanov, A.I. (ed.) (1991) *Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.)* [History of the Soviet Far East in the era of feudalism and capitalism (the 18th century – February 1917)]. Moscow: Nauka.
10. Lamin, V.A. (2012) Traektoriya vysochayshikh "soobrazheniy" [Trajectory of the highest "considerations"]. In: Lamin, V. & Malov, V. (eds) *Aziatskaya chast' Rossii: modelirovanie ekonomicheskogo razvitiya i kontekste opyta istorii* [The Asian part of Russia: Modeling of economic development and the context of history]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 112–115.
11. Ageev, A.D. (2005) *Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizhenie frontirov* [Siberia and the American West: the movement of the frontiers]. Moscow: Aspekt-Press.
12. Mironov, I.B. (2007) *Rokovaya sdelka: kak prodavali Alyasku* [A fatal deal: how Alaska was sold]. Moscow: Algoritm.
13. Nebratenko, G.G. & Litvinova, Yu.I. (2016) State and Legal Development of Russian America. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 21. pp. 10–14.
14. Shilovskiy, M.V. (2008) Anklavnye geoeconomicheskie zony v istorii khozyaystvennogo osvoeniya Sibiri XVI – nachala XX vv. [Enclave geoeconomic zones in the history of economic development of Siberia in the 16th – early 20th centuries]. In: Goncharov, Yu.M. (ed.) *Sovremennoe istoricheskoe sibirvedenie XVII – nachala XX vv.* [Modern historical Siberian studies of the 17th – early 20th centuries]. Barnaul: Az Buka. pp. 41–50.
15. Petrov, A. (ed.) (2010) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya i izuchenie Tikhookeanskogo severa. 1841–1867* [The Russian-American company and the study of the Pacific North. 1841–1867]. Moscow: Nauka.
16. Speranskiy, M.M. (2002) *Pis'ma k docheri* [Letters to the Daughter]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
17. Tukhtametov, F.T. (1999) *Pravovoe polozhenie Turkestana v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX veka)* [The legal status of Turkestan in the Russian Empire (the second half of the 19th century)]. Ufa: Bashkir University.
18. Lamin, V.A. et al. (2007) *Istoriya Tuvy* [The History of Tuva]. Novosibirsk: Nauka.
19. Sinha, N.K. & Banerjee, A.C. (1954) *Istoriya Indii* [History of India]. Translated from English. Moscow: Inostrannaya literatura.
20. Petrov, A.Yu., Kapalin, G.M. & Ermolaev, A.N. (2013) O prodazhe russkoy kolonii Fort Ross v Kalifornii [On the sale of the Russian colony of Fort Ross in California]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 3–16.
21. Chernavskaya, V.N. (1996) *Krugosvetnye plavaniya rossiyskikh moryakov* [Round-the-world voyages of Russian sailors]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 3. pp. 23–28.
22. Khlebnikov, K.T. (1979) *Russkaya Amerika v neopublikovannykh zapiskakh K.T. Khlebnikova* [Russian America in the unpublished notes by K.T. Khlebnikov]. Leningrad: Nauka.
23. Grinev, A.V. (2003) *Kharakter vzaimootnosheniy russkikh kolonizatorov i aborigenov Alyaski* [The nature of the relationship of Russian colonists and Alaska natives]. *Voprosy istorii*. 8.

УДК 94(47).084.3
DOI: 10.17223/19988613/50/4

С.В. Любичанковский

ПОЛИТИКА АККУЛЬТУРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗРУШЕНИЯ ИМПЕРИИ: КАЗУС ВОЛОСТНОГО ЗЕМСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01008).

Волостная земская реформа 1917 г., в результате которой в России возникло низовое сельское самоуправление, была одной из наиболее трудных реформ, осуществленных Временным правительством. В историографии трудности в проведении этой реформы объяснялись организационными, кадровыми, техническими проблемами и политическим размежеванием в обществе. На наш взгляд, важнейшим препятствием реформы было ее восприятие местным населением в качестве акта насильственной аккультурации. В условиях разрушения империи это мероприятие вызвало существенное сопротивление со стороны носителей традиционалистского сознания. На примере Юго-Восточного региона России выявлены основные признаки этого конфликта при подготовке выборов в волостное земство.

Ключевые слова: аккультурация; империя; волостное земство; революция; Юго-Восток России.

Весь позднеимперский период российская власть занималась разработкой реформы местного управления и самоуправления [1]. Вопрос о создании волостного земства в начале XX в. перестал быть только лишь детищем либеральной общественности. Он стал практически самой обсуждаемой в бюрократических кругах проблемой. Это подтверждается предложением П.А. Столыпина о введении всесословной волости, которое не было реализовано из-за сопротивления объединенного дворянства. Однако власть вернулась к обсуждению этого принципиального вопроса в тяжелые годы Второй Отечественной войны, о чем свидетельствует предложение председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, озаглавленное им «Областное начало внутреннего управления империи». Записка, датированная июлем 1916 г., была предназначена для императора Николая II [2. Ф. 627. Оп. 1. Д. 109]. В ней было намечено создание на территории страны 15–18 областей, во главе которых предполагалось ставить Наместников Его Величества. При этом губернское земство предлагалось упразднить как «излишнее», учредив взамен мелкую земскую единицу [Там же. Л. 3 об.–4]. Документ был прочитан Николаем II, который собственноручно наложил на него следующую резолюцию: «Разработать теперь же законопроект об областном управлении и внести на рассмотрение законодательных собраний ко времени осеннего созыва их» [Там же]. По понятным причинам никаких реальных последствий это запоздалое решение не получило, однако сам факт его принятия на высшем государственном уровне говорит о том, что курс на создание волостного земства рассматривался в чрезвычайных условиях военного времени в качестве магистрального [3]. Реализоваться на практике он получил возможность уже в период развертывания революционных событий 1917 г.

Предпринятая Временным правительством попытка волостной реформы давно привлекает внимание историков. В сфере интересующей нас проблематики исто-

рическая наука прошла сложный путь развития: от проблемно-эпизодического и ограниченного цензурными рамками подхода – к системному анализу и стремлению максимально расширить географию исследований. В исследованиях 1917–1918 гг., написанных адептами реформы, научный анализ зачастую подменялся политической декларацией нужности данного преобразования для развития «истинной демократии», а провал объяснялся тем, что «простой народ был темен» и обманут «демагогами слева» [4–6]. В классической советской науке сформировалось убеждение в том, что волостная реформа была отражением противоборства буржуазно-либеральных и пролетарско-революционных (поддержанных большинством населения страны) общественно-политических сил, проявлявшегося по линии «земство – советы» [7–9].

После падения монополии марксистской парадигмы подходы стали пересматриваться, причем при явном влиянии и сотрудничестве с зарубежными коллегами. Так, существенным вкладом в изучение проблематики стала коллективная монография «Земский феномен: политологический подход», вышедшая в 2001 г. при поддержке Министерства образования, науки и культуры Японии и одного из авторитетнейших зарубежных центров русистики – Центра славянских исследований университета Хоккайдо (г. Саппоро). Книга создана соавторством японских и российских специалистов по истории земства – К. Мацузато, В.Ф. Абрамова и А.А. Ярцева. Фактически в работе содержится программа перспективных историко-политологических исследований земской темы, которую можно рассматривать как эвристически продуктивную реакцию на сложившуюся историографическую ситуацию. Последняя, по мнению авторов, с которым есть все основания согласиться и сегодня, по прошествии десяти лет с момента выхода книги, характеризуется перекосом исследовательского внимания в пользу хозяйственной деятельности земств и в пользу периода до 1914 г. [10. С. 36–37]. К. Мацузато, написавший для этой моногра-

фии главу о земстве в 1914–1917 гг., пришел к выводу, что непродуманная политика Временного правительства (как и царского режима – ранее) способствовала огосударствлению и бюрократизации земств, сохранению и даже увеличению недемократических начал в устройстве земских собраний и управ, отрыву их от народа. Это обстоятельство в совокупности со стремлением рядовых граждан к радикальному разрешению острых социальных вопросов, по его мнению, и объясняет неудачу волостной реформы в 1917 г., а также и уничтожение земств как института на всей территории России [Там же. С. 200].

Таким образом, в настоящее время, в условиях сформировавшегося методологического плюрализма и накопления многообразного фактического материала, проблема политической деятельности земства, в том числе такой ее важнейшей составляющей, как волостная реформа и ее реализация в российских регионах, переместилась с периферии в центр внимания историков. В настоящее время развитие предложенных в науке подходов и корректировка выработанных оценок возможны только с учетом региональной специфики, что совершенно необходимо для адекватного понимания реальной сложности исторического процесса (не)приспособления государственной машины Российской империи к постсамодержавным условиям.

Проблема изучения становления волостного земства в контексте структурирования империи. Проблема революционного реформаторства – многоаспектная, во многом замыкающаяся на специфику регионов. Региональная структура России может видеться по-разному в зависимости от задач научного анализа. В связи с этим важно обоснованно подойти к выделению территориальных рамок исследования. Наиболее распространенное историко-географическое деление страны (на Урал, Поволжье, Северо-Запад и пр.) может быть использовано далеко не всегда, поскольку абстрагируется от многих существенных параметров. Так, например, говорить о земствах Уральского региона означает объединять в единых рамках как классические Вятское и Пермское земство, созданные уже в 60-х гг. XIX в. (1867–1870 гг.), Уфимское земство, учрежденное в ходе следующей крупной «волны» территориального расширения земской реформы (1875 г.), так и Оренбургское земство, которое в силу социокультурных особенностей территории стало действовать только в 1913 г. Более обоснованным является выделение земских регионов в соответствии с сущностной структурой империи как сложного и неоднородного в культурном плане пространства. Империя, по мнению современных специалистов, включала в себя так называемое «ядро», окраины и промежуточную территорию – «внутреннюю периферию» [11. С. 484]. Миссия империи заключалась в перераспределении регионов внутри этой системы, в подтягивании окраин до статуса внутренней периферии, а последней – до внутренних стандартов империи. В широком плане именно этот про-

цесс и можно охарактеризовать как имперскую политику аккультурации. Именно в соответствии с этой логикой и судебная, и городская, и земская реформы распространялись на территории государства не повсеместно, а «волнами», в зависимости от готовности губерний соответствовать предлагаемым стандартам. Последней группой губерний, получивших земское самоуправление только в 1913 г., явились Астраханская, Оренбургская и Ставропольская. Эта совокупность территорий в управленческом плане может рассматриваться как единый регион, именуемый условно «Юго-Восток России».

Цель настоящего исследования – рассмотреть вопрос о том, как именно проходил процесс подготовки создания низовой самоуправленческой единицы в трех губерниях, которые являлись самыми «молодыми» земскими территориями империи.

Рассматриваемый регион отличался комплексом специфических черт: особым географическим положением (квазиокраинностью, непосредственным соседством с окраинами империи – Кавказом, казахскими землями и Средней Азией); обширной площадью (Астраханская губерния, в «гражданских» и «иностранческих» границах простиралась на 184 536 кв. верст, Оренбургская – 101 584 кв. верст, Ставропольская – 47 716 кв. верст, т.е. занимали одно из первых мест среди «земских» губерний России по этому показателю), число волостей при этом было следующим: в Астраханской – 78, Оренбургской – 96, Ставропольской – 146; невысокой плотностью населения (в Астраханской губернии на 1 кв. версту приходилось 6,6 чел. сельских и 1,2 человек городских жителей, в Оренбургской – 14,8 и 3,34 человек соответственно, в Ставропольской – 27,4 и 2,5 человек); интенсивным ростом общей численности населения (за счёт переселенцев, беженцев и др.); малой численностью дворян и помещиков (в начале XX в. в целом по России на каждую тысячу подданных приходилось 15 дворян, а в Астраханской губернии этот показатель равнялся 0,6, в Оренбургской – 0,8, в Ставропольской – 0,9); многонациональным составом населения и сложной конфессиональной структурой (в Астраханской губернии казахи, калмыки и прочие нерусские народы составляли 46% населения, в Оренбургской губернии башкиры, татары, казахи – более 27%, в Ставропольской губернии калмыки, ногайцы, туркмены составляли около 8% населения); наличием значительного числа казаков (Астраханское казачье войско включало около 31 тыс. чел., Оренбургское – 575 тыс. чел.), которые обладали автономией и были в определенной степени обособлены от жителей гражданской части соответствующих губерний.

Как уже отмечалось, во всех указанных губерниях земские учреждения были введены синхронно – в 1913 г., следовательно, регион изначально получил однотипную нормативно-правовую базу, организационную структуру и избирательную систему, накопил к 1917 г. схожий опыт культурно-хозяйственной и общественно-политической работы. Все это делает коррект-

ным рассмотрение вопроса именно в данных территориальных рамках.

Подготовка выборов в волостное земство на Юго-Востоке России: преодоление объективных препятствий. В 1917 г. земские учреждения России, в том числе Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерний, встали на сторону Временного правительства и приняли активное участие в реализации его политического курса. Дальнейшее сохранение действия «Положения» 12 июня 1890 г. неизбежно вело к ослаблению позиций новой власти. Поэтому при активном участии «Особого совещания» под руководством Б.Б. Веселовского и Н.Н. Авинова в мае–июле 1917 г. был издан пакет законодательных актов, касавшихся создания волостного земства: «Положение о волостных земских учреждениях» (от 21 мая 1917 г.); «Наказ о производстве выборов волостных земских гласных» (от 11 июня); «Инструкция о порядке выборов волостных гласных на основе пропорциональной системы» (от 26 июля) [12]. В соответствии с требованиями этих законов их непосредственная реализация была поручена губернским и уездным земским управам [13. С. 1–3].

В предшествующей историографии сам процесс подготовки и организации выборов зачастую оставался за рамками исследовательского внимания, упор делался на изучение агитации, контрагитации и результатов выборов. Однако современная наука пришла к пониманию важности изучения рутинных технологий власти, которые сами по себе могут определять эффективность проводимой политики. И действительно, анализ документов показал, что при подготовке волостных выборов региональное земство столкнулось с целым рядом объективных препятствий.

Во-первых, в условиях экономического кризиса земства не смогли найти достаточного объема финансовых ресурсов и были вынуждены выделить на волостную земскую избирательную кампанию лишь предельный минимум денежных ассигнований – всего лишь от трех до двадцати тысяч рублей на уезд [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 43–45; 2. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 42. Л. 4–9]. И это при том, что регион отличался от коренных губерний России большими площадями административных единиц. Что же касается правительственной помощи в этом вопросе, то она ограничилась правительственным кредитом в размере 500 руб. на волость, которые планировалось погасить за счёт волостных земских сборов с физических и юридических лиц [2. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 310–325].

Во-вторых, немало трудностей пришлось испытать земствам при определении и утверждении границ волостей [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 47–55; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 17–21; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 49–58]. Требовалось объединить ряд небольших городских и сельских населенных пунктов в единые избирательные округа, в других случаях – разбить крупные посёлки на два-три отдельных округа [2. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 310–325]. Например, в Астраханском уезде

общее число волостей увеличилось с 16 до 21 [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 29–31]. Схожим образом были размежёваны и структурированы все прочие уезды Юго-Востока России [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 49–56; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 22–27; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 51–55]. При этом, стремясь максимально укрепить свои позиции, земства отклонили все просьбы граждан о создании поселкового самоуправления и нераспространении волостной земской реформы на соответствующие населённые пункты. Данные действия вызвали возмущение и протест жителей многих сёл.

В-третьих, специальное внимание земства уделили определению количества гласных, подлежащих избранию по каждой отдельной волости и округу. Оно было установлено в размере от 20 до 50 человек, в зависимости от общей численности населения, проживающего в волости [17. С. 1–2]. В среднем, волости с 5 000 жителями получили возможность избрать 35 гласных. Однако, исходя из местных специфических условий (которые всегда можно было обобщить оценкой «чрезмерно антиземские настроения волости»), избирательные органы установили некоторые вариации. Например, в Никольской (650 жителей) и Андреевской (775 чел.) волостях Святокрестовского уезда было закреплёно минимально возможное число гласных – по 20. В Величаевской волости Святокрестовского уезда с 5 358 жителями земское собрание поручалось скомплектовать из 22 гласных, а в Воронцово-Александровской, имевшей 23-тысячное население, – 50 гласных [16. Ф. 314. Оп. 1. Д. 56. Л. 37–39].

В-четвертых, земства наметили сроки проведения выборов волостных земских гласных. В общем и целом они оказались согласованы со временем избирательной кампании в Учредительное собрание – вторая половина августа 1917 г. [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 41; 16. Ф. 314. Оп. 1. Д. 143. Л. 12–18; 18. 19 авг. С. 3]. Однако исключение составили широко представленные в регионе территории «кочевых инородцев», где, исходя из ряда специфических трудностей (социокультурные особенности местности), выборы гласных в соответствующие органы оказались отложены до октября 1917 г. [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 40, 52].

В-пятых, подготовка волостных выборов потребовала от земств создания разветвлённой сети избирательных комиссий. Их предусматривалось формировать из председателя, назначавшегося уездной земской управой, а также из 4–8 членов (в зависимости от числа избирателей в округе) [2. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 159–165, 310–325]. Половина из них предлагалась и утверждалась руководителями земской управы, а другая – избиралась населением. Население региона в своей массе крайне равнодушно или даже негативно отнеслось к выборам членов волостных комиссий, в ряде случаев – фактически отказалось от участия в этом процессе. Например, 28 июля 1917 г. жители села Надежда Ставропольского уезда открыто заявили представителям власти, что до конца войны не позво-

ляют проводить в волости выборы волостных земских гласных, и на этом основании устранились от определения членов волостной избирательной комиссии [16. Ф. 314. Оп. 1. Д. 133. Л. 37–40]. Аналогичные действия граждан были документально зафиксированы не менее чем в сорока крупных сёлах всех трех рассматриваемых губерний. В результате не менее 20% сельских и волостных избирательных комиссий региона фактически оказались скомплектованы лишь уполномоченными от земских управ и собраний, т.е. в нерепрезентативном виде. Это, в конечном итоге, самым негативным образом отразилось на их практической деятельности.

В-шестых, региональное земство встало перед необходимостью подготовить к выборам большой штат квалифицированных специалистов, чья нехватка на территориях «самого молодого земства» России ощущалась особенно остро: инструкторов, консультантов, организаторов, агитаторов, счётчиков (статистиков) и т.п. [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 32–43; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 62–79; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 101–112]. В итоге пришлось задействовать работников просветительских организаций, кооператоров и т.п. Часть из них была командирована в Москву и Петроград на специальные курсы, организованные столичными земствами и университетом Шаняевского [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 64. Л. 1–24, 65–81]. Вернувшись, они получили статус «уполномоченных-инструкторов» и были командированы земскими управами в волости и сёла для руководства действиями соответствующих комиссий [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 34].

В-седьмых, земствам региона необходимо было определиться с тем, какая избирательная система будет применена к планируемым волостным выборам. Дело в том, что если первоначально земствам было поручено организовать выборы исключительно на основе мажоритарной системы, то 26 июля 1917 г. Временное правительство разрешило земствам факультативно применять и пропорциональную систему, при которой избиратель отдавал свой голос за один из списков, выдвинутых общественными и политическими организациями и утвержденными МВД [2. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 159–165, 310–325]. Большинство земских избирательных комиссий не решились использовать пропорциональную систему и положили в основу выборов волостных гласных мажоритарную (персонально-именную) модель голосования [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–64; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 84–96; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 91–121]. Однако по-иному поступили в ряде волостей Оренбургского, Ставропольского, Медвеженского и некоторых других уездов [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 16–21, 80–83]. Единообразия в этом вопросе достичь не удалось.

В-восьмых, особые сложности в ходе реализации волостной реформы земства встретили при составлении списков избирателей волостных земских гласных. Здесь пришлось столкнуться с прямым сопротивлением со стороны населения. Так, в июле 1917 г., стремясь сохранить общинный уклад и боясь увеличения налогов, крестьяне села Михайловское Ставропольской губернии

составили и утвердили приговор: «Волостное земство пока не организовывать и списков избирательных не составлять» [16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 97–99]. В конце июля 1917 г. жители с. Надеждинское Ставропольского уезда запретили писарю составлять списки избирателей. Своё решение они аргументировали необходимостью дожидаться окончания войны и стабилизации обстановки. В целом в Юго-Восточных губерниях то или иное противодействие составлению названных списков выразили жители более половины волостей [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69. Л. 59–82; 2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80, 85–97].

Характерную зарисовку поведения населения в отношении соответствующей процедуры составил один из членов волостной избирательной комиссии Оренбургского края и по совместительству корреспондент журнала «Оренбургское земское дело»: «Заходим в одну избу, хозяин недовольно ворчит: “Уже переписывали, переписывали и нам надоело, а всё пишут”. Другие говорят: “Это для чего?” “Пусть уже без нас выбирают”... Крестьяне смотрят на выборы волостного земства как на ненужную тяжесть» [18. 18 (31) июня. С. 6].

В итоге региональному земству не удалось уложиться в намеченный график и оперативно опубликовать списки избирателей волостных гласных: окончательные списки появились в местной печати не в июне, а лишь в конце июля – в Астраханской губернии, в августе – в Оренбургской и Ставропольской губерниях [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 32–35; 18. 29 июня (11 авг.). С. 1–3; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177. Л. 96–120]. Из числа неинородческих территорий рекордсменом региона в плане соответствующей задержки стал Александровский уезд, где работа над составлением указанных списков продолжалась до середины сентября 1917 г. [16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 98–99]. Но наиболее сложная ситуация сложилась на территории проживания «кочевых инородцев» (в Туркменском и Ачикулакском приставствах). Здесь под воздействием противодействия со стороны родовой знати обозначенные мероприятия завершили только в октябре 1917 г. [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81. Л. 145, 161].

В итоге все названные сложности заставили правительство сдвинуть сроки выборов волостных земских гласных. В Астраханском, Черноморском, Орском, Челябинском, Ставропольском, Медвеженском уездах они были назначены на конец августа 1917 г., в Оренбургском, Верхнеуральско-Троицком, Святокрестовском, Благодаринском – на первую половину сентября, в Александровском уезде – они вначале были отложены до 24 сентября 1917 г., а затем оказались перенесены на 1 октября 1917 г. [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 39, 81, 152; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 73–112; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 91–122]. На территории проживания так называемых кочевых инородцев выборы наметили провести лишь в ноябре 1917 г. [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81. Л. 146, 162; 16. Ф. 67. Оп. 1. Д. 352. Л. 11–14].

Таким образом, на Юго-Востоке России процесс подготовки выборов в волостное земство показал, что

для региона были характерны две фундаментальные проблемы, снижавшие технологическую эффективность управления процессом. Одна из них была характерна для всей страны и заключалась в недостатке финансирования и отсутствии должной централизации. Вторая была, по-видимому, характерной для регионов с выраженной социокультурной спецификой (национальных периферий) и заключалась в отсутствии рычагов воздействия на родовую аристократию, в стремлении привнести на территорию ее проживания новые внутрироссийские стандарты управления. Одна проблема накладывалась на другую, усугубляла ее, что делало волостные выборы на Юго-Востоке России мероприятием более проблемным, чем где бы то ни было.

Предвыборная агитация «за» и «против» волостных выборов в регионе: позиция советов, волостных начальников и «туземной аристократии». В связи с вышеизложенным становится понятным то особое внимание, которое земства уделили разъяснению населению важности участия в выборах. Сразу отметим, что у широких слоев населения Юго-Востока России сформировалось явно выраженное негативное отношение к запланированным выборам. Данный факт был публично засвидетельствован практически всеми политическими силами и не представляет никакой сенсации. Так, 29 июля 1917 г., характеризуя настроение граждан, газета «Астраханский листок» опубликовала путевые записки одного из местных земских деятелей, посетившего волости с агитационными целями. «На местах, — отмечал он, — сложилось недоверие к земству благодаря неправильно взятому курсу земской деятельности, со всеми её дефектами, поселившими крайнее отвращение даже к самому слову «земство». Крестьяне говорят, называйте наше будущее управление как угодно, однако не земство: омерзело нам это слово» [19. С. 2–3]. Оренбургский губернский комиссар в докладе министру внутренних дел, оценивая подготовку выборов волостных гласных, отмечал, что «земская идея не привилась в губернии и у большинства населения вызывает отрицательное отношение» [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80–83]. Характеризуя настроение граждан, корреспондент газеты «Известия Оренбургского губернского комитета Общественной безопасности» в июле 1917 г. писал: «На земского человека здесь смотрят как на притеснителя, обманщика, получающего только жалование... Ему не доверяют и, даже, боятся» [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 83]. Наиболее сложная ситуация в этом отношении сложилась в Ставропольской губернии, где мощное антиземское движение зародилось еще в дореволюционный период. В августе 1917 г., информируя МВД о положении в крае, Ставропольский губернский комиссар Д.Д. Старлычанов сообщал: «Объезжаю сёла лично, крестьяне заявляют, что всё дадут, что готовы терпеть всякие жертвы, только не надо говорить про земство. Слово “земство” вызывает негодование и озлобление» [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 17].

Почему перед выборами в регионе сложилась такая ситуация? Нам представляется, что ключевую роль

здесь сыграла не политическая дифференциация общества, а, говоря обобщенно, дифференциация ментальная. Это очень ярко проявилось в процессе предвыборной агитации и контрагитации.

Стремление добиться на волостных выборах определенного политического результата фактически отошло на второй план по сравнению со стремлением добиться того, чтобы выборы состоялись как таковые. Земские управы региона привлекали для решения этой задачи не только своих служащих (учителей, врачей, агрономов), но и разнообразные политические и общественные организации: исполкомы, комитеты безопасности, кооперативы, просветительские учреждения, партийные комитеты кадетов и эсеров [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 21–34; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 75–114; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 87–111]. Важно, что оказались задействованы и советы. Особенно широко сотрудничество земств и советов развернулось в Оренбургской и Ставропольской губерниях. Так, в июле 1917 г. Ставропольское губернское земство распорядилось выделить 25 тыс. руб. Советам на расходы «по принятию мер к разъяснению земской идеи». Оренбургский исполком советов крестьянских депутатов направил на места многих своих представителей для подготовки выборов волостных земских гласных [20. С. 4].

Таким образом, присущее советской историографии стремление рассматривать советы и земства как классово антагонистические органы самоуправления не подтверждается документами, характеризующими ситуацию в рассматриваемом регионе. С чем это могло быть связано? Нам видится основная причина в том, что местные советы позиционировали себя как органы самоуправления, тогда как волостное земство рассматривали как создающийся низовой демократический орган государственного управления, включенный в вертикаль власти региона. Такая оценка, под которой были серьезные основания (не случайно вывод о бюрократизации земства был сделан в современной науке), позволяла не рассматривать волостные выборы как антисоветское мероприятие, делала советы заинтересованными в формировании сети местных учреждений, с которыми потом можно было начать сотрудничество.

Однако даже поддержка советов не могла помочь внятно донести земскую позицию о необходимости участвовать в выборах местному населению в условиях, когда крестьяне были полностью заняты сельскохозяйственными работами и просто физически не могли регулярно посещать предвыборные митинги и прочие агитационные акции [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69. Л. 29–52; 23. С. 4–7]. Стремление провести выборы как можно быстрее сыграло в этом смысле злую шутку с земствами по всей стране, в том числе и на аграрном Юго-Востоке. В итоге земствам не удалось охватить предвыборной агитацией подавляющую часть населения. Граждане, в своей основной массе, оказались не ознакомлены с сутью волостного земского самоуправления, с тонкостями процедуры выборов гласных, особенно

стями пропорциональной и мажоритарной систем голосования, с кандидатами на соответствующие посты [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 148–157; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 10–14; 16. Ф. 314. Оп. 1. Д. 133. Л. 39–65].

Единственным выходом из создавшейся ситуации было бы использование в качестве агитационного механизма традиционных органов крестьянского управления – волостных и сельских сходов. Однако именно они оказались в руках противников выборов в волостное земство. Их руководящие лица, как правило, вели антиземскую агитацию, тем более действенную, что она осуществлялась не время от времени, «наездами», а каждодневно, в процессе рутинного управления селом. В первую очередь, в этом направлении работали сельские и волостные старшины, то есть лица, наделенные властью. Резонно предположить, что их основным мотивом было нежелание ее потерять.

Они в массовом порядке уклонялись от участия в составлении избирательных списков и прочих подобных предвыборных мероприятий [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 29–44; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 78–92; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 91–111], т.е. саботировали процесс подготовки выборов. И, конечно, вели контрагитацию. Причем документы показывают, что их агитация велась не столько против этих конкретных выборов, а против земской идеи в целом. Характерными чертами такой агитации на Юго-Востоке России стали следующие:

- использование абсолютно неправдоподобных с точки зрения любого образованного человека (т.е. заведомо ложных) слухов. Например, в июле–августе 1917 г. в Третьей и Пятой Бурзянских, Ново-Киевской волостях Орского уезда местных башкир уверяли, что «если примете земство, то оно закроет вам всякие базары, возьмёт в свои руки продовольственные дела и покупать вам будет нечего, примете земство – оно всю вашу землю разделит между русскими» и т.п. [18. 29 сент. С. 4];

- опора на представителей казачества как категории, которая успешно вела сельское хозяйство без земского управления. Например, в Карачай-Кипчакской волости именно казаки приезжали в села и указывали: «не заводите земства, а то оно вам хлеба не будет давать, а мы вас прокормим. Если земство примете, то земля ваша уйдёт. Вот у нас, казаков, нет земства, как хорошо мы живём и всегда готовы к вам на помощь прийти» [Там же];

- опора в национальных районах (например, в Киргизской степи, Калмыккой Орде, Туркменском и Ачикулакском приставствах, Большедербетовском улусе) на местную родовую знать как на основных агитаторов против земства как органа, вторгающегося в традиционную сферу племенного управления и потому незаконного [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81. Л. 145, 161; 16. Ф. 67. Оп. 1. Д. 352. Л. 19–52];

- приравнивание волостного земства к возвращению «старого режима». Например, в селе Станковском Челя-

бинского уезда старшина Я. Колесников говорил о схожести «земских начальников и земских стражников (и всех старых порядков) с новым земством» [18. 4 (17) авг. С. 8].

Подводя итоги изложенному, важно сказать, что в науке сформировался стереотип, в соответствии с которым основным противником волостной реформы являлись радикальные левые политические силы (большевики, левые эсеры), которые через партийные структуры и подконтрольные советы «дали бой» и сорвали выборы. Такие факты действительно наблюдались в изучаемом регионе. Однако наше исследование показывает, что это был, если можно так выразиться, «вспомогательный фронт», а основная граница противостояния на Юго-Востоке России пролегла все-таки по линии «новая власть (земство) – традиционная власть (руководители крестьянских сходов, туземная аристократия)». На наш взгляд, есть основания перенести поиск причин углубившегося в 1917 г. системного кризиса из политической и экономической плоскости в ментальную, в смысле отторжения традиционалистским сознанием большинства населения региона предлагаемых ему (а точнее говоря, навязываемых и продавливаемых сверху) инноваций, воспринимаемых как элемент политики насильственной аккультурации. Именно в рамках этой модели становится объяснимой и позиция волостных старшин, которые, судя по имперскому опыту, должны были бы желать ладить с Властью, но при условии, что это власть понятного им образца; и проземская позиция большинства местных советов – ведь они, как и земства, выступали в роли новшества, противостоящего традиционным формам жизни. Являлась ли эта фундаментальная проблема специфической только лишь для рассматриваемого региона либо она была характерной для страны в целом?

Думается, признаки описанной выше ситуации можно увидеть по всей земской России, однако на разных территориях она имела разную степень остроты, и наибольшую – именно в таких регионах, как Юго-Восток России. Дело в том, что весь предшествующий опыт существования этого яркого представителя «внутренней периферии» в составе Российского государства предполагал уважение Центра к традиционным механизмам власти и их носителям, а непосредственное соседство крестьян региона с особыми социокультурными группами (казаками, «иногородцами») не могло не возбудить в них желания пользоваться теми же льготами и привилегиями (признание законности старинных форм управления общиной рассматривалось ими именно как льгота и привилегия). Соответственно, и их реакция на внедряемый механизм земского волостного управления была более резкой, чем у жителей тех регионов, которые в таких условиях не находились и к которым земство пришло уже несколько десятилетий назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любичанковский С.В. Ремонтируемая вертикаль: губернская реформа в планах правительства Николая II. Оренбург, 2009. 404 с.
2. Государственный архив Российской Федерации.

3. Любичанковский С.В. Кризис губернского управления регионами в позднимперской России // Федерализм. Теория. Практика. История. 2007. № 1. С. 127–140.
4. Загряцков М.Д. Земство и демократия: зачем земство нужно народу? М., 1917. 47 с.
5. Веселовский Б.Б. Земство и демократическая реформа. Пг., 1918. 19 с.
6. Руднев В. Земское и городское самоуправление в 1917 г. // Год русской революции (1917–1918). М., 1918. С. 24–47.
7. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. Л., 1967. 363 с.
8. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.
9. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. 262 с.
10. Матсузато К., Абрамов В.Ф., Ярцев А.А. Земский феномен: политологический подход. Саппоро : Slavic Research Center, 2001. 219 с.
11. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург ; Ижевск, 2010. 496 с.
12. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1. 214 с.
13. Вестник Временного правительства 1917. 28 мая.
14. Государственный архив Астраханской области.
15. Государственный архив Оренбургской области.
16. Государственный архив Ставропольского края.
17. Вестник Временного правительства. 1917. 13 (26) июня.
18. Оренбургское земское дело. 1917. 19 авг.
19. Астраханский листок. 1917. 29 июля.
20. Известия Оренбургского губернского комитета общественной безопасности 1917. 28 июня (10 июля).

Lyubichankovskiy Sergey V. Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia). E-mail: svlubich@yandex.ru

POLICY OF ACCULTURATION IN THE CONDITIONS OF DESTRUCTION OF THE EMPIRE: INCIDENT OF A VOLOST' ZEMSTVO.

Keywords: acculturation; Empire; volost' zemstvo; revolution; Southeast of Russia.

The aim of this article is to analyze the process of preparation of the elections to a volost zemstvo in the Southeast of Russia in 1917 in the context of a policy of violent acculturation. The solution of the following tasks is provided: the identification and the analysis of obstacles in the preparation of these elections of technical and organizational character; research of a position of regional councils, volost chiefs and “the native aristocracy”. The methodology of the research is based, on the one hand, on achievements of the scientific direction of “a modern imperial history”; on the other hand, it is within the regional approach emphasizing a variety of local conditions. The problem field of a research is within a definition of characteristic features and features of realization of state policy on the development of peripheral territories. The research is directed to the solution of a large scientific problem of definition of nature of the evolution of policy of acculturation for peripheral territories of Russia at a stage of turning off the Empire. Mainly archival sources from the State Archives of the Russian Federation and regional archives of Orenburg, Astrakhan, Stavropol, and also the regional press of the studied period have formed a research sources base. During the conducted research the author came to the following conclusions: by preparation of the elections to a volost zemstvo the main border of opposition in the Southeast of Russia laid not on the politic party line, but on the “new Authorities (zemstvo) - the traditional Authorities (heads of country descents, the native aristocracy)” line. The local population perceived attempt of the Authorities on an introduction of a volost zemstvo as the act of violent acculturation. The traditionalist mentality of the populace rejected the proposed innovations (or, rather, innovations impressed upon and forced from above). Signs of the situation described above can be seen across all zemstvo's Russia, however in different territories it had different degree of sharpness, and the greatest – in such regions as the Southeast of Russia, in connection with an immediate vicinity of peasants of the region with special sociocultural groups (Cossacks, “foreigners”).

REFERENCES

1. Lyubichankovskiy, S.V. (2009) *Remontiruemaya vertikal': gubernskaya reforma v planakh pravitel'stva Nikolaya II* [Repaired vertical: provincial reform in the plans of the government of Nicholas II]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University.
2. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*.
3. Lyubichankovskiy, S.V. (2007) *Krizis gubernskogo upravleniya regionami v pozdneimperskoy Rossii* [The crisis of provincial administration of regions in the late Russian Empire]. *Federalizm. Teoriya. Praktika. Istoriya*. 1. pp. 127–140.
4. Zagryatskov, M.D. (1917) *Zemstvo i demokratiya: zachem zemstvo nuzhno narodu?* [Zemstvo and democracy: why does the zemstvo need people?]. Moscow: Bibliotekhnnyy fond.
5. Veselovskiy, B.B. (1918) *Zemstvo i demokraticeskaya reforma* [Zemstvo and democratic reform]. Petrograd: [s.n.].
6. Rudnev, V. (1918) *Zemskoe i gorodskoe samoupravlenie v 1917 g.* [Zemstvo and city self-government in 1917]. In: Bakh, A.N. et al. *God russkoy revolyutsii (1917–1918)* [The Year of the Russian Revolution (1917–1918)]. Moscow: Semlya i Volya. pp. 24–47.
7. Dyakin, V.S. (1967) *Russkaya burzhuaziya i tsarizm v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914–1917 gg.* [The Russian bourgeoisie and tsarism in the years of World War I. 1914–1917]. Leningrad: Nauka.
8. Eroshkin, N.P. (1983) *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya shkola.
9. Gerasimenko, G.A. (1990) *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Zemstvo self-government in Russia]. Moscow: Nauka.
10. Matsuzato, K., Abramov, V.F. & Yartsev, A.A. (2001) *Zemskiy fenomen: politologicheskii podkhod* [Zemstvo: The political approach]. Sapporo: Slavic Research Center.
11. Zagrebin, A.E. & Lyubichankovsky, S.V. (eds) (2010) *Mestnoe upravlenie v poreformennoy Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost'* [Local governance in post-reform Russia: mechanisms of power and their effectiveness]. Ekaterinburg; Izhevsk: SB RAS.
12. Provisional Government. (1917) *Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva* [Collection of decrees and resolutions of the Provisional Government]. Petrograd: [s.n.].
13. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917a) 28th May.
14. *The State Archives of Astrakhan Region*.
15. *The State Archives of Orenburg Region*.
16. *The State Archives of the Stavropol Territory*.
17. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917b). 13th June.
18. *Orenburgskoe zemskoe delo*. (1917a) 19th August.
19. *Astrakhanskiy listok*. (1917) 29th July.
20. *Izvestiya Orenburgskogo gubernskogo komiteta obshchestvennoy bezopasnosti*. (1917) 28th June.

УДК 94 (47).083
DOI: 10.17223/19988613/50/5

Н.В. Митюков, Д.В. Матвеев

СУДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЦЕХ ВОТКИНСКОГО ЗАВОДА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как показал анализ военных заказов судостроительного цеха Воткинского завода, деградация воткинского судостроения, прекратившая это производство при консервации завода в середине 1920-х гг., началась во время Первой мировой войны, а не в период Гражданской войны, как полагалось ранее. Завод перепрофилировался с пароходов и барказов на изготовление простых в производстве барж и шаланд. Тем не менее с помощью продукции завода удалось в краткие сроки кардинально обновить инфраструктуру стратегически важных в годы войны Волго-Каспийского канала и Архангельского порта.

Ключевые слова: Воткинск; Воткинский завод; судостроительный цех; техническое бюро; судостроение; Первая мировая война.

Введение. Первая мировая война стала серьезным испытанием для промышленности Российской Империи. Традиционный подход, сформировавшийся в советской историографии, рассматривал процесс военной модернизации производства через призму социально-экономических и политических процессов. Единичные работы, рассматривавшие военно-технический аспект промышленной модернизации, были скорее исключением из правил. Лишь в последнее время наметилась тенденция комплексного рассмотрения проблемы как продукта серии взаимосвязанных процессов [1, 2]. К сожалению, первоначальная статистическая информация, на которой базируются подобного рода исследования, обычно не подвергается критическому анализу, а потому выводы кажутся несколько преждевременными и голословными. Поэтому успеха можно достичь, лишь применив отраслевой подход для анализа с целью реконструкции реальных объемов производства и выявления проблем отрасли. Задача данной работы состояла в определении реальных объемов производства судостроительного цеха Воткинского завода в период Первой мировой войны и анализа динамики структуры военных заказов.

Материалы и методы исследования. До сих пор при оценке объемов производства воткинского завода исследователи использовали в качестве источниковой базы фонды Воткинского завода, сосредоточенные в основном в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР) [3–6]. Однако, как было показано нами ранее [7], они не дают цельной картины и не составляют однородный контент, например детально описываются работы и заказы за 1915 г. при практически полном отсутствии описания работ и заказов за 1916 г.

Второй мощный источниковый корпус представляют речные и морские регистры. Предыдущая наша работа с ними и реконструкция по их данным биографий судов дали возможность сформулировать несколько оригинальных принципов, подробнее изложенных нами ранее [8]. Но и здесь имеется ряд проблем. Дореволюционные регистры весьма подробно описывают имевшиеся в строю самоходные плавсредства и обходят полным молчанием несамоходные. Однако, как

удалось выяснить, основную массу военных воткинских заказов составляли как раз несамоходные плавсредства – шаланды и баржи. В этой связи очень помогают регистры начала 1920-х гг., имеющие эти списки [9, 10], но они, разумеется, отражают лишь плавсредства, пережившие Гражданскую войну.

Третью группу источников составляют периодическая печать и литература мемуарного характера. При всей своей субъективности она иногда способна дать ценные свидетельства, заставляющие проверить или опровергнуть имеющиеся реконструкции. К сожалению, содержащаяся там информация обычно крайне субъективна и нередко не подтверждается источниками, а потому ее использование без предварительной проверки невозможно. Так, в работе Ломаева [11] утверждается, что заказ на плавкраны завод получил в 1907 г. и в 1908 г. были заложены первые три крана. Эта информация противоречит архивным данным, по которым работа над кранами началась лишь в 1912 г. [3. Д. 11050]. В работе Добровольского [12. С. 46] утверждается, что по воткинским чертежам на Сормовском и Балтийском заводах было открыто производство землечерпательниц. Архивные фонды дают обратную картину: Воткинский завод просит от Министерства промышленности и торговли высылку комплекта чертежей по землечерпательнице типа «Василий Салов», а для зарисовки особо непонятных элементов конструкции командирует на Балтику своего инженера [3. Д. 11093].

Таким образом, традиционный корпус литературы и источников не может дать объективной картины воткинского судостроения военного времени. В связи с этим был выбран альтернативный подход реконструкции номеров судостроительных заказов. С началом больших объемов производства на филиалах, прежде всего в Тюмени и Сретенске, в 1909 г. в заводской документации начал фигурировать номер заказа или строительный номер парохода и плавсредства. До этого каждый заказ назывался индивидуально, например «шхуна № 2 Померанцева», что при смене владельца в период стапельного строительства вносило некоторую неопределенность с исполнением заказа и возможность ошибок, которые при функционировании отдаленных

площадок могли привести к существенным финансовым убыткам. Так, в 1915 г. гребной винт землечерпательницы «Инженер Петерсон» был по ошибке отправлен в Астрахань, где шла достройка землечерпалки «Инженер Шуляченко» [3. Д. 11093]. Зато в 1914 г., когда шла одновременно достройка в Тюмени парохода «А. Станкевич», а в Сырыголе Одесских плавкранов, комплектующие для них шли единым потоком на стан-

цию Чепца, где в зависимости от заказа направлялись либо в Сибирь, либо на Черное море [Там же. Д. 11092].

Используя сведения, имеющиеся в документации Технического бюро Воткинского завода, нами была составлена таблица номеров заказов, пустые номера которых были заполнены на основании анализа архивной документации [13]. После реконструкции номеров заказов появилась возможность их логического анализа.

Таблица 1

Выполнение заказов судостроительного производства в годы Первой мировой войны

№ заказа	Наименование	Дата / заказчик	Полугодие / Год								
			1/1914	2/1914	1/1915	2/1915	1/1916	2/1916	1/1917	2/1917	1/1918
281	Землечерпалка «Инженер Шуляченко»	? / МПит									
282	40-тонный Керченский плавкран	? / МПит									
283	50-тонный 1-й Одесский плавкран	? / МПит									
284	Пароход «А. Станкевич» Тобольского губернского управления	? / МПит									
285	50-тонный 2-й Одесский плавкран	? / МПит									
286 (?)	Бакинский плавкран	? / МПит									
287–290	Грунтоотвозные шаланды в 100 куб. м для Архангельского порта (4 ед.)	? / МПит									
291	Землечерпалка «Инженер Флорин»	17.01.1914 / МПит									
292	40-тонный Астраханский плавкран	17.01.1914 / МПит									
293	Землечерпалка «Инженер Руденко»	17.01.1914 / МПит									
294-299	Грунтоотвозные шаланды в 150 куб. м для Астраханского порта (1-я партия) (6 ед.)	17.01.1914 / МПит									
300	Землечерпалка «Инженер Петерсон»	17.01.1914 / МПит									
301–306	Грунтоотвозная шаланда в 150 куб. м. для Астраханского порта (2-я партия) (6 ед.)	17.01.1914 / МПит									
307–312	Грунтоотвозная шаланда в 115 куб. м для Астраханского порта (3-я партия) (6 ед.)	17.01.1914 / МПит									
313–318	Грунтоотвозная шаланда в 200 куб. м. для Астраханского порта (4-я партия) (6 ед.)	17.01.1914 / МПит									
319	50-тонный Николаевский плавкран	17.01.1914 / МПит									
320	50-тонный Архангельский плавкран № 2	17.01.1914 / МПит									
321–328	Баржа для сухого груза для Архангель- ского порта (8 ед.)	? / МПит									
329–330	Грунтоотвозные шаланды в 130 куб. м для Архангельского порта (2 ед.)	? / МПит									
331	50-тонный Архангельский плавкран № 3	? / МПит									
332–335	50-тонные Архангельские плавкраны № 5–8 (4 ед.)	? / МПит									
336–345	Баржа для сухого груза в 120 т для Архан- гельского торгового порта (10 ед.)	? / МПит									
346–351	Баржа для сухого груза в 120 т для Коль- ского порта (6 ед.)	? / МПит									
352 (?)	Буксирный пароход «Сплавщик»	? / ВЗ									
353–362 (?)	Рейдовая баржа в 250 т для Архангельского порта (10 ед.)	? / ММ									
363 (?)	Буксирный барказ типа «Сорванец»	23.11.1916 / ВЗ									
364 (?)	Дебаркадер для Астраханского порта	? / МПит									
365–366	Колесные буксирные пароходы «Красная заря» и «Вперёд»	15.12.1916 / МПит									
367–368	Винтовые буксирные пароходы «Кура» (2-й) и «Терек» (2-й)	16.12.1916 / МПит									
369–371 (?)	Колесные рейдовые буксиры в 250 л.с. для МПит (3 ед.)	16.12.1916 / МПит									
372 (?)	Плавкран Батумского порта	? / МПит									
373–382	Баржа для сухого груза в 200 т (10 ед.)	? / ММ									
383–392	Баржа для сухого груза в 120 т для Архан- гельского торгового порта (10 ед.)	? / МПит									
393	Пароход «Металлист»	27.12.1917 / Михалев									

Примечание. МПит – Министерство промышленности и торговли, ММ – Морское министерство, ВЗ – Воткинский завод.

Таблица 2

Загрузка судостроительного цеха Воткинского завода в годы войны

Наименование	Полугодие / Год								
	1 / 1914	2 / 1914	1 / 1915	2 / 1915	1 / 1916	2 / 1916	1 / 1917	2 / 1917	1 / 1918
Плавкраны	7 (32%)	12 (25%)	10 (16%)	10 (15%)	2 (5%)	2 (3%)	2 (4%)	2 (3%)	1 (3%)
Землечерпалки	4 (18%)	4 (9%)	4 (7%)	3 (4%)	1 (3%)	1 (2%)	1 (2%)	1 (2%)	1 (3%)
Пароходы и барказы	1 (5%)	1 (2%)	2 (3%)	2 (3%)	1 (3%)	9 (14%)	9 (16%)	8 (13%)	9 (24%)
Баржи	0	18 (38%)	34 (55%)	34 (51%)	26 (68%)	37 (59%)	37 (65%)	37 (60%)	21 (55%)
Грунтоотвозные шаланды	10 (45%)	12 (26%)	12 (19%)	18 (27%)	8 (21%)	14 (22%)	8 (14%)	14 (23%)	6 (15%)
Всего в исполнении	22	47	62	67	38	63	57	62	38

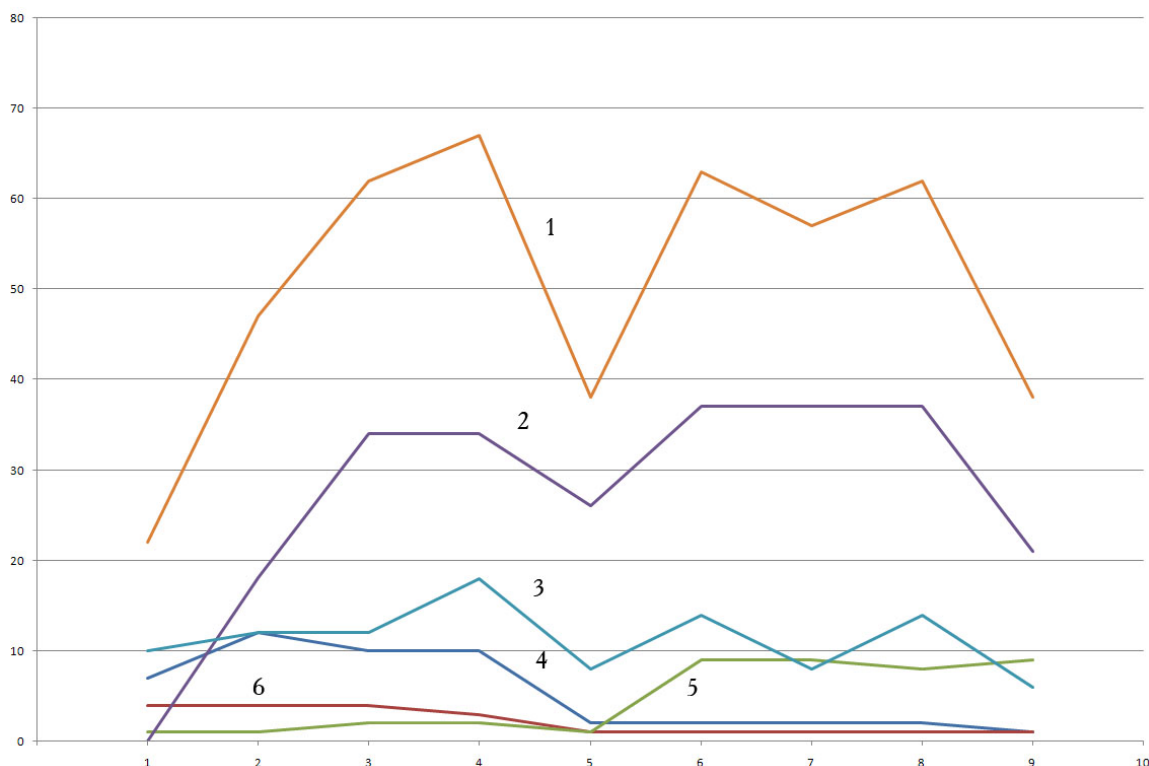

Рис. 1. Загрузка судостроительного цеха Воткинского завода в годы войны: 1 — всего объектов в постройке; 2 — баржи; 3 — грунтоотвозные шаланды; 4 — плавкраны; 5 — пароходы и барказы; 6 — землечерпалки

Обсуждение. На основании реконструированной таблицы номеров заводских заказов появилась возможность восстановить степень загрузки судостроительного производства завода в разные периоды мировой войны (табл. 1). Общая логика выдачи заказов следующая: поздние заказы имеют более высокий номер. Дата исполнения заказа была определена на основе заводской архивной документации. В случае отсутствия сведений об исполнении заказа полугодием исполнения считалось полугодие, когда заказ пропадал из списка незавершенных работ. Для наглядности темпов загрузки завода есть смысл сгруппировать заказы по следующим категориям: плавкраны; землечерпалки; пароходы и барказы; баржи; грунтоотвозные шаланды. Таким образом, картина динамики производства принимает следующий вид (табл. 2, рис. 1).

Как видно из приведенных данных, в первом полугодии 1916 г. завод в основном справился с предвоенными и начальными военными заказами (38 исполняемых заказов), из-за чего во втором полугодии 1916 г. он получает новые заказы, исполняемые до конца войны. Естественный спад, наблюдаемый во втором полугодии 1918 г.,

связан с воткинским восстанием, последующими за ним двумя эвакуациями завода при прохождении линии фронта. Это что касается количественной картины.

Однако исполняемые заказы меняются и качественно. Если в начале войны завод барж не строил, в военные годы именно баржи составили львиную долю заказов (от 51 до 68% по количеству). На втором месте стабильно идут грунтоотвозные шаланды. Их доля в заказах колеблется от 14 (1917 г.) до 27% (1915 г.). Но следует отметить, что практически все эти заказы выданы еще в январе 1914 г. и завод, закончив одну партию шаланд, приступал к работе над следующей. В итоге последняя партия из шести 200-кубовых шаланд для Астраханского порта так и не ушла заказчику из-за воткинского восстания 1918 г. Доля плавкранов и землечерпалок в течение войны неумолимо снижается. Дело в том, что уже во второй половине 1915 г. завод выполнил два наиболее важных заказа: качественное обновление землечерпательного парка Волго-Каспийского канала и формирование штата плавучих кранов Архангельского порта, через который шли военные поставки от союзников.

Однако самый важный итог войны состоял в том, что доля пароходов в структуре заказов завода упала до ничтожных 2–3%. Заказ на семь буксирных пароходов для Астраханского порта, последовавший в декабре 1916 г., картину не изменил, работы на этих объектах завод практически не вел. В итоге в 1922 г. удалось достроить лишь два буксира, работы на остальных не вышли из стадии плазовой разметки. Картина тем более удивительная, что в предвоенные годы именно пароходы составляли не просто большую часть заказов судостроительного цеха, в некоторые годы они были единственной продукцией завода.

Почему отсутствие пароходных заказов имело крайне негативное влияние на общую картину судостроительного производства Воткинского завода? Дело в том, что именно пароходы составляли в то время наиболее интеллектуально емкую продукцию. На пароходах в первую очередь находили применение все инновации, как в строительстве корпусов, так в производстве машин и котлов [12]. Хотя на землечерпалках и плавучих кранах тоже стояли паровые машины, это были весьма примитивные машины двойного расширения, которые, впрочем, вполне справлялись со своими задачами. Отсутствие заказов на пароходы отделило Техническое бюро завода от передовых достижений в этой отрасли.

С другой стороны, просматривая чертежи барж и грунтоотвозных шаланд [4, 6], нельзя не заметить их чрезвычайно примитивные обводы. Так, мидельшпангоут у большинства из них представлял собой в плане обычный прямоугольник. Такая конструкция позволяла существенно снизить затраты на производство, уменьшить сроки постройки, но отнюдь не способствовала повышению интеллектуального потенциала. Справедливости ради следует отметить, что Техбюро по мере возможностей вносило улучшения в конструкцию, применив, например, на шаландах оригинальную конструкцию грунтовых ящиков воткинского инженера Рождественского.

Интересная картина получается и при анализе ведомственной картины заказов. Если еще в 1910 г. завод рапортовал, что казенных судостроительных заказов он не имеет, то начиная с 1913 г. он полностью переориентировался на заказы различных министерств (последний частный заказ на пароход «Витязь» Коншина и Двинаренко выполнен в 1913 г.). Явная диспропорция видна и при сравнении заказов разных министерств. Так, в январе 1913 г. завод получил заказ на четыре парохода от Министерства путей сообщения, выполненный в 1914 г. Начиная с этого периода основной и по нескольким годам единственный заказчик – Министерство промышленности и торговли. Лишь в 1916 г. был получен заказ на 10 барж от Морского министерства, а в 1917 г. – еще на десять, составив в итоге лишь 32% от общих заказов завода.

Наконец, в конце 1917 г. завод получил заказ от купца Михалева на изготовление нового корпуса к па-

роходу «Братья и сестры», став единственным частным заказом в годы войны. Вероятно, причины этого крылись в необходимости получить хоть какие-то денежные средства в условиях начавшейся инфляции и тотальной задолженности по кредитам.

Обращает на себя внимание еще одна особенность функционирования судостроительного цеха в военное время. Если до войны преобладала сборка на площадках в Сретинске и Тюмени, то в военных заказах работы на филиалах были свернуты. Филиал в Сырыголе прекратил работы в 1915 г. после сборки последнего плавкрана для портов Черного моря.

Результаты. Военные заказы судостроительного цеха Воткинского завода были ориентированы на развитие технических средств торгового флота России и в меньшей степени – военно-морского флота (20 барж, заказанные в 1916 г.). В этой связи было бы полезным проанализировать объекты инфраструктуры, на которые были направлены усилия воткинских корабелов.

В 1874 г. началось строительство Волго-Каспийского канала, соединившего глубоководное русло реки Бахтемир с Каспийским морем. Если до его открытия грузы и пассажиров приходилось перегружать на плоскодонные плавсредства с небольшой осадкой, чтобы доставить в Астрахань и там снова перегрузить на речные суда, то теперь появилась возможность морским судам с осадкой до 8 футов разгружаться непосредственно в Астрахани, что сильно удешевило перевозки. В 1881 г. работы по углублению Бахтемирского прохода были окончены и открылись регулярные рейсы [14]. Стратегическое значение Волго-Каспийского канала иллюстрируется такими цифрами: за 20 лет его функционирования грузооборот через Астрахань вырос более чем в 200 раз: с 600 тыс. пудов в 1873 г. до 146 млн пудов в 1891 г., составив примерно треть от грузооборота Суэцкого канала! В 1914 г. габариты канала составили: глубина 12 футов (3,6 м), ширина – 60 сажень (128 м), длина судоходной прорези – 33,2 км [15]. Это было одно из крупнейших в мире гидротехнических сооружений.

Несмотря на огромное хозяйственное значение, Волго-Каспийский канал оказался чрезвычайно уязвим из-за морских и речных наносов, поэтому безопасная эксплуатация судов была возможна лишь при условии ежегодного эксплуатационного землечерпания [16. С. 41]. Особенное значение канал приобрел с началом Первой мировой войны, ведь это был основной путь получения бакинской нефти. По информации речного регистра 1926 г. все технические средства обслуживания Волго-Каспийского канала, как землечерпалки, так и грунтоотвозные шаланды, были произведены в Воткинске [9].

Архангельский порт, начиная со времен Новгородского княжества, представлял собой главный перевалочный пункт для торговли на Севере. Однако, ввиду малого срока навигации, ко второй половине XIX в. интерес к нему в торговых кругах практически пропал.

Намного большую экономическую выгоду приносил транзит через черноморские порты. В результате перед самой войной Архангельский торговый порт располагал четырьмя постоянными городскими пристанями, в период навигации к которым добавлялось еще 7–8 плавучих пристаней [17. С. 15]. По свидетельству очевидцев, к концу навигации Архангельск обычно представлял собой «город, заваленный по берегу кучами угля и другими грузами, которые не успевали вывезти: не хватало причалов, барж, железнодорожных вагонов и многого другого» [Там же. С. 16]. По некоторым оценкам, грузооборот через Архангельск во время Первой мировой войны превысил таковой в период Второй мировой войны [18. С. 119]. Именно на решение этой транспортной проблемы и были направлены заказы от Министерства промышленности и торговли Воткинского завода. Еще в 1912 г. был заказан первый плавучий кран, который в условиях непостоянных плавучих пристаней приобретал огромное значение. Его без труда можно было доставлять с места на место. Именно поэтому в феврале 1914 г. министерство заказало заводу два крана и восемь 120-тонных барж, а позднее – еще четыре крана и 10 барж. На решение транспортной проблемы Архангельска была направлена постройка самой крупной серии барж за всю историю завода, включавшей в себя 34 единицы! Даже после Гражданской войны и иностранной интервенции, судя по регистру 1922 г., в Архангельске имелось 16 барж 20000-пудовых и 6 – 15000-пудовых [10].

Кроме того, завод успешно исполнил заказ на шесть 120-тонных барж для Кольского порта. К сожалению, не понятна их дальнейшая судьба, так как в регистре 1922 г. они отсутствуют. Но есть точка зрения, что именно эти баржи сразу после Гражданской войны перешли на Енисей. К сожалению, ни подтвердить, ни

опровергнуть эту информацию авторам пока не представляется возможным, но по регистру 1939 г. на Енисее находилась как минимум одна баржа Воткинского завода, характеристики которой практически совпадают с таковыми 120-тонных Кольских барж.

Выводы. Анализ военных заказов судостроительного цеха Воткинского завода позволяет сделать следующие выводы.

1. Военные заказы способствовали деградации судостроения на Воткинском заводе. Если перед войной среди заказов преобладала интеллектуально емкая продукция в виде пароходов и барказов, то в военное время завод перепрофилировался на выпуск барж и шаланд с крайне упрощенной технологией изготовления. Кроме того, было практически свернуто производство на филиалах. Это обстоятельство указывает на то, что деградация воткинского судостроения, прекратившая это производство при консервации завода в середине 1920-х гг., началась еще во время мировой войны, а не в период Гражданской войны, как полагалось ранее [19]. Поэтому встречающееся в литературе утверждение о том, что судостроительная отрасль в Воткинске претерпела модернизацию [1, 2] из-за военных заказов, – не состоятельно.

2. Продукция судостроительного цеха Воткинского завода имела большое значение для военной экономики России. Землечерпалки и грунтоотвозные шаланды, произведенные в Воткинске, дали возможность в короткие сроки полностью перевооружить мощности, обслуживающие Волго-Каспийский канал. Кроме того, продукция завода имела решающее значение при создании инфраструктуры Архангельского порта, например семь из восьми Архангельских плавучих кранов были воткинской постройки (один из них находится в эксплуатации до сих пор [20]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Липина С.А. Воткинский железодельный завод: к вопросу о технической реконструкции накануне и в годы Первой мировой войны // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2011. № 22. С. 39–44.
2. Липина С.А. Модернизация оборудования и внедрение новых технологий на Воткинском железодельном заводе в годы Первой мировой войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 1–2. С. 130–134.
3. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. 212. Оп. 1. Камско-Воткинский железодельный завод и Камско-Воткинский железодельный и сталеплавильный завод. Документы постоянного хранения. 11267 док.
4. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Камско-Воткинский железодельный завод и Камско-Воткинский железодельный и сталеплавильный завод. Научно-техническая (конструкторская) документация. 967 док.
5. ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Воткинский машиностроительный и сталеплавильный завод. Документы постоянного хранения. 385 док.
6. ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 8к. Воткинский машиностроительный и сталеплавильный завод. Научно-техническая документация. 30 док.
7. Mitiukov N.W., Matveev D., Svechnikova N.V. Problems of Votkinsk's shipbuilding: to analyze the historical sources // *Bylye gody*. 2017. № 1 (43). С. 145–152.
8. Mitiukov N.W. Maritime and river registers as a historical source // *Bylye gody*. 2016. № 2 (40). С. 469–478.
9. Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1 марта 1926 г. / под ред. инж. Н.Я. Волпянского. М.: Транспечать, 1926. 503 с.
10. Торговый флот РСФСР. Список судов к 1 января 1922 г. М., 1922.
11. Ломаев Ю. Воткинскому плавучему крану 100 лет?! // *Воткинские вести*. 2012. № 140–141 (7 дек.). С. 2.
12. Добровольский И.А. Воткинский завод на рубеже эпох: Заметки конструктора. 2-е изд., испр. и доп. Воткинск: МП МИИЦ, 2009. 300 с.
13. Mitiukov N.W., Matveev D., Semenov A.S. Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders // *Bylye gody*. 2017. № 2 (44). С. 644–652.
14. Русанов Н.В., Бухарицин П.И., Беззубиков Л.Г. Волго-Каспийский морской судоходный канал – современное состояние, проблемы и пути их решения // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 4–5. С. 863–871.
15. Коданина А. Волго-Каспийский канал: дорога к морю. В нынешнем году исполняется 130 лет Волго-Каспийскому судоходному каналу // *Большая Волга*. 2003. № 43 (12 нояб.).

16. Бабич Д.Б., Иванов В.В., Коротаев В.Н., Пронин А.А., Римский-Корсаков Н.А. Гидрографические, геофизические и русловые методы исследований при изысканиях для улучшения судоходных условий в морских каналах (на примере Волго-Каспийского морского судоходного канала) // Инженерные изыскания. 2015. № 2. С. 38–51.
17. Смирнова М.А. Проекты, рожденные Первой мировой войной // Известия Русского Севера. 2014. № 4 (28). С. 15–19.
18. Шубин С.И., Рогачев И.В., Опрышко А.И. Первая мировая война как форма европейского сдерживания развития России: взгляд из Архангельска // Арктика и Север. 2015. № 18. С. 114–121.
19. Коробейников А.В. Воткинское судостроение и Гражданская война: очерки социальной истории города и завода. Ижевск : Иднакар, 2012. 190 с.
20. Lapshin R.V., Mitiukov N.W. Votkinsk's Floating Cranes for the Arkhangelsk's Port // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2015. Vol. 5, № 3. P. 137–146. DOI: 10.13187/jincfar.2015.5.137.

Mitiukov Nicholas W. International Network Center of Fundamental and Applied Research (Sochi, Russia). E-mail: nico02@mail.ru;
Matveev Dmitry V. East-European Institute (Izhevsk, Russia). E-mail: matveevdv1972@mail.ru

SHIPBUILDING YARD OF VOTKINSK PLANT DURING THE FIRST WORLD WAR.

Keywords: Votkinsk; Votkinsky plant; shipbuilding shop; technical bureau; shipbuilding; World War I.

The First World War became a serious test for the Russian industry. Unfortunately, for a number of enterprises there is no reliable information about the volumes of military production, one of which is the shipyard of the Votkinsk plant. The aim of the study is to reconstruct the production volumes of the shipyard of the Votkinsk plant during the WWI. The source base. The archive fund of the Votkinsk plant does not represent a single and homogeneous content. So there is very detailed information for 1915, with a limited volume for 1916 and with a complete absence for 1918. The second sources are the Marine and River registers and the Naval rolls, that has numerous lacunas too. Pre-revolutionary registers did not provide information on non-self-propelled vessels, and post-revolutionary registers keep silent about ships that lost during the civil war. To solve the problem of determining actual production volumes, the list of order numbers of the plant was reconstructed. Based on the documentation of the Technical Bureau of the plant, a table of order's numbers was compiled, the empty numbers were supplemented on the basis of other sources. The table of the order's production has been compiled on base of a table of order's numbers. The analysis of the received information was made. In the course of the study, the following results were obtained and the following conclusions were drawn. 1. During wartime, the qualitative composition of orders had changed. If before the war in some years the orders of the plant consisted exclusively of self-propelled vehicles (steamships and steamboats), then non-self-propelled vessels are prevailed in the structure of military orders: barges comprised 51–68%, and scows – 14–27%. Under war-time conditions, their design was simplified to the utmost in order to speed up and reduce the cost of production. The share of steamers in orders dropped to 2–3%, of which only one was completed in wartime, and the majority, at the end of the war, was in the initial stages of construction, it were dismantled on the slips. Regarding the departmental ownership of the executed orders, on the pre-war orders were dominated the private individuals. Since 1912 the main, and in 1914–1915, the principal customer was the Ministry of Industry and Trade. In 1916 the Naval Ministry joined the number of customers, the maximum share of orders not exceeding 32%. And only at the end of 1917 the plant received a single private order from the merchant Mikhalev (first time since 1913). 2. During wartime, the work of the plant changed radically too. If for some prewar years 100% of all products were collected at branches in Siberia and the Far East. On 1915, with the assembly of the last floating crane for the Black Sea in Strygol, the functioning of the branches ceased. All this information refutes the established opinion about the modernization of production associated with military orders, and allows us to assert that the degradation of shipbuilding production began during the World War, and not during the civil war, as previously stated. 3. The products of the Votkinsk plant's shipbuilding yard had the great importance for the Russian military economy. Dredgers and scoop scows of the Votkinsk made can to possible in a short time to fully re-equip the facilities serving the Volga-Caspian channel. According to the register of 1926, this year the canal was served only by vessels of Votkinsk's built. In the period from 1914 to 1915, the Votkinsk plant supplied six floating cranes to the port of Arkhangelsk, which were of great importance, because of the prevalence of temporary piers in the port. On a total seven from the eight of a port cranes were Votkinsk's built. According to the register of 1922, the Votkinsk's barges accounted for more than half of the available barges of the port. This information points to the great importance of the products of the shipbuilding yard of the Votkinsk plant in ensuring of the strategically important transportation of the Russian Empire by the Volga-Caspian Canal and through the Arkhangelsk Port.

REFERENCES

1. Lipina, S.A. (2011) Votkinskiy zhelezodelatel'nyy zavod: k voprosu o tekhnicheskoy rekonstruktsii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny [Votkinsk iron-making plant: to the question of technical reconstruction on the eve and during the First World War]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii – Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*. 22. pp. 39–44.
2. Lipina, S.A. (2012) Modernizatsiya oborudovaniya i vnedrenie novykh tekhnologiy na Votkinskom zhelezodelatel'nom zavode v gody pervoy mirovoy voyny [Modernisation of equipment and introduction of new technologies at the Votkinsk ironworks during the First World War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 1–2. pp. 130–134.
3. *The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR)*. Fund 212. List 1.
4. *The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR)*. Fund 212. List 7k.
5. *The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR)*. Fund R-785. List 1.
6. *The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR)*. Fund R-785. List 8k.
7. Mitiukov, N.W., Matveev, D. & Svechnikova, N.V. (2017) Problems of Votkinsk's shipbuilding: to analyze the historical sources. *Bylye gody – Bylye Gody Russian Historical Journal*. 1(43). pp. 145–152. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2017.1.145
8. Mitiukov, N.W. (2016) Maritime and river registers as a historical source. *Bylye gody – Bylye Gody Russian Historical Journal*. 2(40). pp. 469–478. (In Russian).
9. Volpyansky, N.Ya. (ed.) (1926) *Registr Soyuz SSR. Spisok rechnykh sudov. Sostavlenn po dannym Mestnykh Byuro Registra Soyuz SSR na 1 marta 1926 g.* [The Register of the USSR. List of river vessels. Compiled according to the data of the Local Bureau of the Register of the USSR on March 1, 1926]. Moscow: Transpechat'.
10. Soviet Union. (1922) *Torgovyy flot RSFSR. Spisok sudov k 1 yanvarya 1922 g.* [Merchant Fleet of the RSFSR. The list of ships as of January 1, 1922]. Moscow: [s.n.].
11. Lomaev, Yu. (2012) Votkinskomu plavuchemu kranu 100 let?! [The centennial of the Votkinsk floating crane?!]. *Votkinskie vesti*. 7th December. pp. 2.
12. Dobrovolskiy, I.A. (2009) *Votkinskiy zavod na rubezhe epokh: Zametki konstruktora* []. 2nd ed. Votkinsk: MP MIITs.

13. Mitiukov, N.W., Matveev, D. & Semenov, A.S. (2017) Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders. *Bylye gody – Bylye Gody Russian Historical Journal*. 2(44). pp. 644–652. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2017.2.644
14. Rusanov, N.V., Bukharitsin, P.I. & Bezzubikov, L.G. (2016) Volgo-Kaspiyskiy morskoy sudokhodnyy kanal – sovremennoe sostoyanie problemy i puti ikh resheniya [Volga-Caspian Maritime Navigation Channel – the current state of the problem and ways to solve it]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 4–5. pp. 863–871.
15. Kodanina, A. (2003) Volgo-Kaspiyskiy kanal: doroga k moryu. V nyneshnem godu ispolnyaetsya 130 let Volgo-Kaspiyskomu sudokhodnomu kanalu [Volga-Caspian Canal: the road to the sea. This year marks the 130th anniversary of the Volga-Caspian Shipping Canal]. *Bol'shaya Volga*. 12th November.
16. Babich, D.B., Ivanov, V.V., Korotaev, V.N., Pronin, A.A. & Rimskiy-Korsakov, N.A. (2015) Hydrographical, geophysical and channel research methods of engineering surveys for improvement of navigability in seaway canals (a case study of the Volga-Caspian seaway canal). *Inzhenernye izyskaniya – Engineering Surveys*. 2. pp. 38–51. (In Russian).
17. Smirnova, M.A. (2014) Proekty, rozhdennyye pervoy mirovoy voynoy [Projects born by the First World War]. *Izvestiya Russkogo Severa*. 4(28). pp. 15–19.
18. Shubin, S.I., Rogachev, I.V. & Opryshko, A.I. (2015) The First World War as a form of European containment of Russia: a view from Arkhangelsk. *Arktika i Sever – Arctic and North*. 18. pp. 114–121. (In Russian).
19. Korobeynikov, A.V. (2012) *Votkinskoe sudostroenie i Grazhdanskaya vojna: ocherki sotsial'noy istorii goroda i zavoda* [Votkinsk shipbuilding and the Civil War: Essays on the social history of the city and the plant]. Izhevsk: Idnakar.
20. Lapshin, R.V. & Mitiukov, N.W. (2015) Votkinsk's Floating Cranes for the Arkhangelsk's Port. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 5(3). pp. 137–146. DOI: 10.13187/jincfar.2015.5.137.

УДК 908

DOI: 10.17223/19988613/50/6

М.В. Берсенев

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНЫХ КАРЬЕРОВ КУЗБАССА В 1948–1965 гг.

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ
(проект № 28.8279.2017/8.9).*

Статья посвящена успехам и недостаткам социального развития работников угольных карьеров Кузбасса со времени открытия первого карьера в 1948 г. до начала 1965 г., в котором началась реформа А.Н. Косыгина. Отмечается постепенное улучшение условий жизни горняков угольных карьеров, успехи жилищного строительства и благоустройства городов. Рабочие постепенно переселялись из землянок и ветхого деревянного жилья в новые дома. Улучшалось благоустройство городов. Данные изменения, а также память о недавних испытаниях страны приводили к улучшению ментального здоровья и социальной устойчивости работников. Однако к началу 1960-х гг. произошло заметное замедление улучшения социально-бытовых условий, что привело к ухудшению факторов ментального здоровья, падению трудовой дисциплины.

Ключевые слова: Кузбасс; угольные карьеры; социально-бытовое обеспечение; ментальное здоровье.

Советская эпоха оставила нам для анализа значительный опыт социального развития различных категорий населения. В настоящий момент, когда проблема социального развития и социальной защищенности в России стоит достаточно остро, нам было бы интересно исследовать основные пути развития этих процессов в рамках бурно развивавшегося региона, каким тогда являлся Кузбасс. Социально-бытовое развитие рабочих коллективов Сибири и Кузбасса было освещено в большом количестве работ.

Среди исследователей этой проблемы особо выделяются новосибирские историки С.С. Букин и М.М. Ефимкин. С.С. Букин [1] определил специфику основных этапов развития социально-культурной среды. М.М. Ефимкин [2] подошел к проблеме с точки зрения изменения социально-культурного облика рабочего, исследовал структуру доходов работников, изменение уровня профессиональной подготовки, проведение досуга. В исследованиях этих авторов затронут широкий круг вопросов, но не все они раскрываются с достаточной полнотой. Социальная сфера горняцких коллективов представлена в самом общем виде. Существуют также работы, посвященные урбанизации Сибири, но этот процесс понимался сугубо механически, как прирост городского населения [3]. Непосредственно рабочим коллективам Кузбасса большое количество работ посвятила К.А. Заболотская [4]. Нельзя обойти вниманием и работу Н.С. Головань, в которой специально рассматривается жилищная политика в Кузбассе [5].

Отметим, однако, что названные авторы оперировали в основном количественными показателями. В этой связи интересно рассмотреть состояние работников и их развитие в качественной плоскости – в формате понимания их самоощущения от происходящего в их непосредственном окружении, их удовлетворенности жизнью. В рамках решения этой задачи мы хотели бы использовать распространенную в психологии и со-

циологии, но не использовавшуюся ранее широко в историческом исследовании концепцию ментального, или психического, здоровья. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, «ментальное здоровье – это состояние благополучия, когда человек может реализовать собственный потенциал, справляться с жизненными стрессами, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество» [6]. Сразу отметим, что мы проводим четкую границу между психическими болезнями и нарушениями в ментальном здоровье. Психические болезни – это нарушения функции человеческой психики, ментальное здоровье – ощущение человеком благополучия своей жизни. Крайние нарушения ментального здоровья могут приводить к психическим заболеваниям, но эти понятия ни в коем случае не тождественны.

Исследования ментального здоровья в западной литературе продолжают более 50 лет и уходят корнями в более старые концепции, развивавшиеся в медицине с XIX в. Осветим некоторые из них, которые будут полезны в нашей работе. Так, Яхода [7] разделял ментальное здоровье на три зоны (самореализация, власть над окружающей средой, автономность). Хотя эти чувства достаточно важны для любого человека и их следует учитывать при анализе ментального здоровья, его концепция сразу же подверглась критике как отражающая в основном элементы индивидуалистической североамериканской культуры. Л. Антоновский [8] предложил «подход развития решений», в котором личность рассматривает собственный опыт как осмысленный, управляемый и значимый, а стрессогенное влияние иногда имеет не только негативные, но и позитивные следствия для личности. Т. Хейнонен и А. Меттери [9] предлагают измерители устойчиво положительного состояния ментального здоровья: прошлый опыт, тяжесть проблем, с которыми личность сталкивается в жизни, восприятие проблем самим че-

ловеком. Эти измерители можно применять в рамках исторического исследования.

В настоящем исследовании мы попытаемся проанализировать детерминанту, касающуюся окружающего рабочих Кузбасса социально-бытового мира в конце 40-х – середине 60-х гг. XX в. с тем, чтобы сформулировать вероятное состояние их ментального здоровья. Социально-бытовая среда включает в себя множество факторов: традиция поддержки «своих», политика государства в рамках обеспечения граждан основными культурно-бытовыми благами (жилье, обеспечение основными продуктами и товарами, доступность различных культурных мероприятий и т.д.). В настоящей работе мы попытаемся от количественного перейти к качественному анализу изменений социально-бытовых условий рабочих Кузбасса.

Успехи разработки угля открытым способом во многом определялись состоянием социальной сферы, которое было узким местом. Преобладала тенденция развития производства средств производства, в Кузбассе ставка делалась на добычу сырья, в добывающую отрасль направлялась основная часть средств. В данный период перед руководством страны прежде всего остро стояли вопросы восстановления промышленности и обороны страны (в 1949 г. был создан блок НАТО; США, ставшие вероятным противником, обладали атомным оружием и рассматривали вопрос его применения против «красной угрозы»). Вопросы социального развития коллективов отступали на второй план. Это негативно сказывалось на производительности труда. Торговля, общественное питание, производственная медицина – также необходимое условие успешного функционирования производственной среды в условиях, когда в основном используется труд вольных рабочих. Также примитивные условия труда негативно сказывались на ментальном здоровье работников и их рабочем энтузиазме.

Руководство предприятий стремилось к развитию культурно-бытовой инфраструктуры рабочих поселков. В целом можно выделить несколько направлений социально-бытового развития, на которых сосредоточивало свою деятельность руководство отраслью: 1) жилищное строительство; 2) организация рабочего снабжения горняков; 3) организация лечения и отдыха работников [10. Л. 32].

Жилье – важнейшее бытовое благо работника. Климатические условия Сибири определяют первостепенную потребность человека в крыше над головой. Жилье рассматривалось как способ закрепления рабочих на предприятиях, а Министерство угольной промышленности было одним из основных застройщиков в регионе. По программе жилищного строительства, разработанной на Конференции по изучению производительных сил Кузбасса (1948 г.), за 1950–1965 гг. в области было запланировано построить 20 млн кв. м жилья, из них силами Министерства угольной промышленности – 8 млн кв. м (металлургической – 4,7 млн, химиче-

ской – 1,2 млн, местных советов – 2 млн кв. м). Карьеры подчинялись территориальным трестам, а те, в свою очередь, комбинатам «Кемеровоуголь» и «Кузбассуголь», возведение жилья осуществлялось в основном за счет средств комбинатов, трестов, шахт и карьеров. Это предопределяло разрозненный характер горняцких поселков, несформированность многих городских центров.

За время войны население Кузбасса значительно увеличилось, а жилье в основном вводилось временно-го типа, капитальный ремонт не проводился. На начало четвертой пятилетки износ жилого фонда в кузбасских городах составлял 30–40%. Ситуация осложнялась тем, что средства на строительство распылялись [11]. Большая часть населения проживала в городах (в 1956 г. из 2,696 млн чел., проживавших в Кузбассе, 1,890 млн, или 71%, проживали в городах [12. С. 52], что определялось спецификой промышленного развития региона. Быстро росла численность работников карьеров (в 1950 г. – 819 человек, в 1956 – 6 941, в 1960 – 11 379, а к 1965 г. численность достигла 15 172 человек) [11. С. 18], т.е. за 17 лет увеличилась в 18,5 раза. Рост численности рабочих существенно опережал темпы роста жилищного строительства. С одной стороны, отметим, что отставание в строительстве оказывало негативное влияние на умственное здоровье работников, но, с другой стороны, действовали другие факторы, поддерживавшие оптимизм работников: сравнительно недавняя победа в Великой Отечественной войне, энтузиазм «общего дела». Кроме того, трудности понимались населением как временные, вызванные проблемами роста.

Как бы то ни было, жилье рабочих было в основном неблагоустроенным. Многие горняки Кузбасса в конце 1940-х гг. жили в землянках и полужемлянках, общежитиях с многоярусными нарами, каркасных домах (в общежитиях с многоярусными нарами проживали в 1946 г. 84% работников «Кузбассугля» и 62% комбината «Кемеровоуголь») [13. С. 198]. В общежитиях работников угольных предприятий по данным проверки, проведенной профсоюзами в 1950 г., обстановка была антисанитарной, не хватало мебели, было зачастую холодно [14. Л. 25], общежития были грязными, в них недоставало инвентаря, они были не радиофицированы [15. Л. 14].

Жилой фонд карьеров располагался в городах и частично в сельской местности, что оказывало влияние на степень благоустройства. В деревнях и рабочих поселках обычно размещались традиционные деревенские избы, частично – финские дома. На низком уровне было благоустройство городов. В Прокопьевске в 1950 г. не было налажено автобусное движение, плохое водоснабжение, дороги. Еще хуже дело обстояло с поселками карьеров, где иногда не было даже благоустроенных жилых домов [16. Л. 18, 24, 25, 29]. Многие улицы не были освещены, зачастую на одного человека приходилось не более чем по 3,5 кв. м, большая часть жилья была барачного типа [15. Л. 10]. Из-за неразвитости социальной сферы квалифицированные работники не стремились закрепиться в Куз-

бассе, в том числе по причинам, связанным с ментальным здоровьем: человек, как правило, стремится в такое место, где на его состояние не оказывают влияние негативные факторы.

Такое положение в городах и поселках региона вызывало озабоченность центральных органов власти. В Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6.03.1948 «О состоянии партийно-политической работы на шахтах Кузбасса» была подчеркнута необходимость улучшения условий труда и быта, отмечено бюрократическое отношение к этому вопросу руководства отраслью. Было, в частности, сказано, что Кемеровский обком «не проявлял заботу о кадрах, не привлек внимания партийных, профсоюзных, советских и хозяйственных организаций к делу улучшения материального и культурно-бытового обслуживания шахтеров, запустил руководство культурно-бытовыми учреждениями, ослабил общий контроль за работой жилищно-коммунальных отделов, магазинов, столовых и других организаций и предприятий, призванных обслуживать насущные нужды трудящихся» [17. С. 173]. В этом документе были намечены меры по преодолению сложившейся ситуации: взять под контроль жилищное строительство с тем, чтобы в течение 1948 г. перевести рабочих из землянок в благоустроенные общежития, усилить контроль за работой магазинов, столовых и других организаций. Это постановление привело к определенной переоценке значения социально-бытового развития. С конца 1940-х гг. уже при строительстве предприятий более-менее значительные суммы на строительство жилья закладывались в титульные списки строящихся объектов. Однако было бы ошибкой считать, что у партийного аппарата было последнее слово в решении социальных проблем населения. В.П. Романов (руководитель нескольких угольных предприятий, к концу рассматриваемого периода занимал пост начальника комбината «Кузбассуголь») вспоминал: «Все и вся определяли хозяйственники. Они сидели в партийных бюро, партийных комитетах, в органах советской власти и контролировали, определяли ситуацию. Если первый секретарь “выпрыгался”, он лишался должности на первом же очередном или внеочередном пленуме, который в любой момент мог превратиться в “организационный”» [18. С. 211]. Поэтому, какими бы ни были благими намерения партийных работников, они ставились в жесткие рамки интересов производственных планов, ведомственной подчиненности.

Работа по улучшению жилищных условий рабочих велась по ряду направлений, одним из которых было переселение людей из временных жилищ в более благоустроенные. Конечно, улучшение условий жилья позитивно сказывалось на ментальном здоровье работников. В конце 40-х – начале 50-х гг. для шахтеров Кузбасса ежегодно вводилось по 150–180 тыс. кв. м жилья. В основном это были 1–2-квартирные дома [19. С. 132], а в городах – 1–2-этажные [20. С. 132]. В те-

чение 1948 г. по комбинату «Кемеровоуголь» 3 580 человек были переведены из землянок в капитальные дома [21. С. 138], в общежитиях были ликвидированы двухъярусные спальные места, в отдельные квартиры переселены 1 637 семей [13. С. 198]. В 1949 г., по заявлениям руководства, было завершено переселение из землянок рабочих комбината «Кузбассуголь» [22. С. 41]. Такие заявления, однако, не следует принимать на веру. В дальнейшем землянки появлялись вновь и вновь, до 1960-х гг. Еще тяжелее сказывался разрыв между словами и делом на ментальном здоровье рабочих: как минимум один фактор, ожидание лучшего будущего, оказывался под угрозой.

В 1956 г. на одного проживающего в домах предприятий Министерства угольной промышленности в Кузбассе приходилось 5,6 кв. м (для сравнения: по энергетической – 4,2, черной металлургии – 3,3, химической – 3, строительной – 2,5) [Там же. С. 319]. В целом за 1950-е гг. для шахтеров Кузбасса было построено 950 тыс. кв. м жилья [23. С. 5] (всего по Кузбассу – около 5 млн кв. м жилплощади [24. С. 85]), из чего можно сделать вывод, что угольщики обеспечивались жильем лучше, чем рабочие других предприятий. В 1966 г. на каждого жителя в среднем по комбинату «Кузбасскарьеруголь» уже приходилось по 8,04 кв. м [25. Л. 1]. Успехи жилищного строительства для рабочих карьеров объясняются также тем, что их персонал, по сравнению с шахтами, был немногочисленным.

Однако принятые меры оказывались явно недостаточными. В начале 1960-х гг. обеспеченность жилплощадью жителей Кузбасса была ниже среднереспубликанских норм, отмечалась антисанитария жилищ. В период деятельности Советов народного хозяйства была сделана попытка преодоления ведомственного подхода к строительству жилья. В 1959 г. впервые в Западной Сибири Кемеровский областной исполком и совет народного хозяйства приступили к созданию организации, специализирующейся на строительстве гражданских объектов.

Появление в конце 1950-х – начале 1960-х гг. комбинатов крупнопанельного домостроения позволило обеспечить ускорение темпов строительства жилья, дома стали типовыми. Их строительство позволило облегчить проблему нехватки жилья в области: в 1960 г. общая полезная площадь в Кемеровской области составляла 17 227 тыс. кв. м (в Западной Сибири – 42 859, в РСФСР – 502 355) [26. С. 15].

Жилье возводилось различными методами (подрядным, индивидуальным, ведомственным), но преобладал ведомственный подход. За 1951–1955 гг. за счет государства для угольщиков Кузбасса было построено более 500 тыс. кв. м жилья [27. Л. 6], а за тот же период посредством индивидуального строительства и на собственные средства предприятий – 2 609 тыс. кв. м жилплощади [21. С. 319], преобладали индивидуальное строительство и хозспособ. Необходимость развития этих методов строительства диктовалась и нехваткой

кадров в строительных организациях [28. С. 143]. Кроме того, практиковалась выдача кредитов на строительство жилья, но в сравнительно небольших размерах. В 1957 г. планировалось по государственному кредитованию построить 466 тыс. кв. м, в 1960 г. – 1 128 тыс. кв. м [29. С. 9].

Разрезы на этом фоне не выделялись. Например, поселок разреза Бачатского в 1950 г. состоял из нескольких деревянных домиков, а также сборных финских [30]. В распоряжении карьера «Краснобродский» было 5 деревянных домов, в которых проживали 36 чел [31. Л. 21]. Шахткомы постоянно рассматривали просьбы работников о выделении им ссуд или материалов (дерева) для строительства собственных домов. Обычно выдавались ссуды в размере до 5 тыс. рублей [27. Л. 94] либо материалы объемом от 10 до 20 куб. м. Так, за 6 месяцев 1955 г. был выделен лес 22 членам профсоюза Красногорского разреза, одному была выделена ссуда на строительство. Предприятиями обычно предоставлялись не только материалы, но и транспорт для их перевозки [32. Л. 4, 4а, 16, 22]. Впрочем, развертывание индивидуального строительства не находило поддержки у большинства трудящихся. Особенно это проявилось в конце периода, когда было существенно ограничено льготное кредитование на индивидуальное строительство.

В начале 1960-х гг. социально-бытовые проблемы обострились [33. С. 26]. Замедление развития экономики не позволило полностью реализовать жилищные проекты правительства. Хотя в 1965 г. в среднем вводилось в строй 53 квартиры в сутки, в городах области появлялось все больше «долгостроев». Из-за распыления средств по объектам страдала сфера жилищного строительства. Появление «хрущевок» не украшало архитектурный облик городов и рабочих поселков. Скорее наоборот, по сравнению с домами начала 1950-х гг., построенными по индивидуальным планам с привязкой к окружающей местности, типовые дома выглядели значительно хуже.

Следует отметить, что в исследуемый период (до середины 1960-х гг.) труженики разрезов не имели возможности селиться в «хрущевках», на этих предприятиях продолжали возводить жилье традиционными способами. Только постепенно, по мере развития общественного транспорта, руководство предприятиями в какой-то степени отказалось от идеи приближения жилых кварталов к производству. В горисполкомх начали создаваться отделы капитального строительства. Разрезы начали заключать с хозяйственными органами договоры на строительство. Однако ведомственный способ возведения жилья преобладал. Одновременно на предприятиях продолжалась работа по стимулированию индивидуального строительства, но в крупных городах оно было свернуто и продолжалось нелегально, что привело к появлению самозастроенных поселков-«нахаловок».

Качество жилья в 1950-е – начале 1960-х гг. должно было быть невысоким. Даже в конце 1950-х гг. в

городах Кузбасса была недостаточно развита водопроводная сеть, канализацией было оснащено 10–15% жилплощади, газом она не снабжалась [20. С. 105]. Более 133 тыс. кв. м жилья располагались в зданиях барачного типа, домах в аварийном состоянии. 483 семьи жили в полуподвальных помещениях, 547 – в зоне терриконов. Водопроводы были маломощными – в целом жители области были обеспечены 7–10 литрами воды в день на человека [15. Л. 10]. Однако к концу периода жилье, принадлежавшее карьерам, было более благоустроенным, чем у других производственных объединений. Общая жилплощадь, находившаяся на балансе комбината «Кузбасскарьеруголь», составляла 290 453 кв. м, оснащено водопроводом было 82,85%, канализацией – 73,08%, центральным отоплением – 78,75% [26. Л. 1] (в целом по области 71, 64 и 57% соответственно) жилплощади [20. С. 108].

Таким образом, анализируя влияние жилищных условий на ментальное здоровье трудящихся, мы не можем не отметить, что, несмотря на большое количество трудностей, в данной сфере были достигнуты значительные улучшения, что влияло на ментальное здоровье людей положительно. Но не всегда качество жилья соответствовало городскому уровню жизни, однако даже неблагоустроенным жильем вполне могла довольствоваться сельская молодежь, демобилизованные солдаты, выходцы из мест заключения и т.д.

У работника разреза в основном было два места пребывания: дом и работа, и улучшение жилищных условий для людей, которые каждодневно должны были возвращаться в свои дома, конечно, заставляло людей с большим оптимизмом смотреть в завтрашний день. Понимание того, что еще недавно была перенесена самая тяжелая война в истории человечества, что наша страна вышла из нее победительницей, служило практически всем людям в этот период объяснением трудностей в жилищном строительстве, трудности скорее воспринимались как временные и решаемые.

Одновременно с развертыванием жилищного строительства решались вопросы рабочего снабжения и общественного питания. В решении этих вопросов ярко проявилась особенность социальной политики советского государства – госпатернализм. В области были созданы Управления рабочего снабжения каждого из отраслевых министерств. Наиболее влиятельным среди них было Управление рабочего снабжения Министерства угольной промышленности СССР. Управление рабочего снабжения имело свои территориальные подразделения – отделы рабочего снабжения (ОРСы) [34. Л. 21–22].

В подчинении Управления рабочего снабжения Министерства угольной промышленности по Кузбассу находились 283 магазина, из них 134 продуктовых, 64 хлебных, 4 плодоовощных, 3 мясо-рыбных, 9 бакалейно-гастрономических, 28 промтоварных, 121 смешанный (их число постоянно на протяжении периода уменьшалось) и торговые точки другого типа (ларьки,

киоски, перевозные торговые точки) [35]. Сеть магазинов не была развитой. Плохо работали городские пищевые комбинаты, не хватало бань [15. Л. 21]. Не хватало овощей и фруктов, рыбных изделий, промтоваров. Жители Кузбасса испытывали особые трудности в приобретении рыбы (например, маринованной сельди, рыбных консервов, копченой рыбы), животных жиров, зато были в избытке молочные продукты [36. Л. 4], колбаса, птица [Там же. Л. 48]. Ситуация со снабжением рабочих была нестабильной, и к началу 1960-х гг. проявился дефицит хлебобулочных изделий, мясомолочных продуктов. По-прежнему недоставало промтоваров [37. С. 171]. С другой стороны, в целом угольщики были лучше обеспечены товарами массового потребления, чем другие группы населения, а Кузбасс снабжался лучше других регионов Сибири, что определялось его стратегическим значением.

С целью восполнения дефицита продовольствия предоставляли своим работникам землю для выращивания овощей, развода скота, причем зачастую вспашка земли на таких участках производилась силами разрезов. Подсобные хозяйства, содержащиеся горняками, играли определенную роль в восполнении недостатка продуктов. Кроме того, подсобные хозяйства находились и в подчинении предприятий. Они производили сельскохозяйственную продукцию (главным образом для столовых на предприятиях, а также – в незначительной степени – для продажи работникам продуктов). Конечно, такая ситуация оказывала скорее негативное влияние на ментальное здоровье людей. Постоянные сбои с обеспечением работников важнейшими продуктами, с одной стороны, заставляли людей вместо отдыха посвящать часть свободного времени частным огородам (хотя для недавних крестьян, каковыми были многие работники разрезов, такая ситуация, возможно, и не рассматривалась как нечто чрезвычайное). С другой стороны, невозможность купить какие-либо продукты, нестабильность снабжения «давила» на людей, отравляла им жизнь, создавала неприятный фон, типичный для трудных периодов советского времени.

Организация горячего питания горняков тоже была в компетенции Управления рабочего снабжения. В подчинении ОРСов находилась в 1950-е гг. Качество блюд, продававшихся в таких столовых, было низким, поступали жалобы на недостаточный ассортимент [2. С. 230]. На многих предприятиях открытой добычи угля в первые годы их существования не было ни столовой, ни буфета. Так, в 1949 г. по ОРСу «Сталинуголь» работали 43 столовых, «Прокопьевскуголь» – тоже, «Кагановичуголь» – 40, «Молотовуголь» – 30, «Куйбышевуголь» – 16, однако большая их часть располагалась на шахтах [36. Л. 48]. По отдельным трестам столовых не хватало. Следует, однако, сказать о специфике угольной промышленности. По роду своей работы многие группы трудящихся карьеров (как и шахт) неспособны организованно прерываться на обеденный перерыв, так как отделены от столовых боль-

шим расстоянием, в основном же на обед приносились «тормозки» из дома. Однако можно сказать, что скорее работниками разрезов эта ситуация воспринималась как данность, и питание «домашним» вряд ли могло оказать слишком сильное негативное воздействие на их ментальное здоровье.

Условия труда и проживания оказывают наибольшее воздействие на ментальное здоровье человека прежде всего потому, что именно в рамках этих двух сфер он и проживает большую часть жизни. Но был еще один фактор, серьезно влиявший на социальное самочувствие работников карьеров: возможность провести отпуск либо получить профилакторное лечение. Карьеры, обладая незначительными материальными ресурсами, первоначально оказались неспособными широко развивать сферу рекреации своих тружеников. Впрочем, рекреационная деятельность в конце 1940-х – начале 1950-х гг. вообще в Кузбассе не была развитой. В 1949 г. в области был всего один дом отдыха для работников угольной промышленности, а также только два дома отдыха для работников других отраслей [14. Л. 130а]. В конце 1950-х гг. ситуация улучшилась: был открыт санаторий для горняков «Зенковский парк» [37. С. 153], в 1965 г. для работников разреза «Бачатский» построен профилакторий на 75 мест [38. С. 101], на юге области был открыт Прокопьевский санаторий. Кроме того, рабочие пользовались возможностью отдыхать в домах отдыха всего Советского союза, часто на отдых выезжали в Крым, на Кавказ, на курорты Средней Азии. Средняя стоимость путевки в санаторий внутри области составляла около 200 рублей, зачастую профсоюзом оплачивалось от 70 до 100% стоимости. Проводилась политика выравнивания права на отдых всех трудящихся: наиболее низкооплачиваемым категориям (уборщицам, нижникам и т.д.) выдавались путевки бесплатно либо с компенсацией части стоимости.

Одновременно с сетью домов отдыха и профилакториев карьеров развивалась сеть пионерских лагерей для детей горняков. Путевка в пионерлагерь (в ценах до 1961 г.) стоила 186 руб. Сеть пионерлагерей в начале 1950-х гг. была развита недостаточно, мест не хватало. При распределении путевок руководство предприятиями следовало принципам социальной справедливости: низкооплачиваемые категории работников имели возможность устроить своих детей на лето в лагерь бесплатно либо оплатив не более 30% от стоимости путевки [27. Л. 94]. К середине 1960-х гг. сеть учреждений детского отдыха расширилась, каждое предприятие уже имело пионерлагерь и проблема летнего отдыха детей была снята. Несомненно, такое развитие рекреационной сферы деятельности положительно влияло на ментальное здоровье работников Кузбасса. Возможность отправить своих детей или самим на время отправиться из неблагоустроенного жилья в дом отдыха, санаторий, условия в котором были достойными для того времени, конечно, вселяла в людей оптимизм.

Еще один позитивный фактор, влиявший на ментальное здоровье работников карьеров, – доступность культурных мероприятий. Хотя к началу указанного периода в новых поселках часто не бывало кинотеатра или дома культуры, но в конце 1950-х гг. дома культуры, кинотеатры либо агитплощадки для танцев, показа фильмов и т.д. были практически во всех поселениях, где жили работники карьеров. В городах этот процесс развивался еще быстрее. С. Кара-Мурза описывает этот феномен так: «Да, многие жили в старых деревянных домах и бараках, но после работы могли пойти и писать маслом картину, а сынок их играл на скрипке или мандолине. Неоценимая отдушина, и давало силы. Эти дома культуры были частью нашего быта, причем для всех без исключения. Туда и театры приезжали, и поэты» [39. С. 821].

Таким образом, в 1948–1965 гг. в открытой угледобыче Кузбасса сложилась ситуация, которая, как мы полагаем, влияла на ментальное здоровье работников положительно. Хотя проблемы жилищной сферы оставались очень острыми, вместе с тем условия жизни за 17 лет улучшились значительно, создавая своеобразный «эффект базы»: люди понимали, что живут не слишком хорошо, но также понимали, что их жилищные условия постоянно улучшаются, а качество жизни растет. Вместе с другими условиями (улучшение снабжения работников разрезов, улучшение условий труда, падение смертности от производственных факторов, повышение образовательного уровня) развитие жилищного строительства помогало работникам разрезов

поверить в поступательное улучшение жизни. Память о прошедшей страшной войне и вера в то, что скоро наступит долгожданный коммунизм, также на протяжении этого периода создавали положительный эмоциональный настрой. Скорее негативно влияли на ментальное здоровье работников перебои со снабжением, часто возникающий дефицит на товары.

Вместе с тем в начале периода к такому положению вещей люди склонны были относиться с пониманием: прошедшая война и вероятная военная угроза со стороны западных стран в это время могли служить объяснением и утешением практически для всех людей. Кроме того, традиционный для наших людей выход – развитие собственных огородов – частично решал их проблемы. Серьезное влияние оказывала возможность за небольшую цену или вовсе бесплатно провести свой отдых. Конечно, это влияние было позитивным. Однако к концу периода ментальное здоровье работников разрезов снова оказалось под угрозой, поскольку завышенные ожидания начала периода постепенно переставали оправдываться. Все детерминанты ментального здоровья оказывались под угрозой: условия жизни рабочих все еще были неудовлетворительными, от будущего не ожидали особых успехов, некоторые работники оценивали ситуацию довольно негативно. Однако прошлый опыт (победа в войне, пережитые тяжелые испытания) продолжали оставаться основой для оптимизма и укрепляли ментальное здоровье рабочих угольных карьеров Кузбасса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букин С.С. Строительство объектов социально-бытовой инфраструктуры городов Сибири // Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск, 1987.
2. Ефимкин М.М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1979.
3. Алексеев В.В. Освоение Сибири: исторический очерк и современность (конец XVIII в. – 80-е гг. XX в.). Свердловск, 1990.
4. Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996. Кемерово : Книж. изд-во, 1997. 302 с.
5. Головань Н.С. Государственная жилищная политика в городах Кемеровской области (1943–1950 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006.
6. Психическое здоровье. Информационный бюллетень // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru>.
7. Jahoda M. Current concepts of positive mental health. N.Y. : Basic Books, 1958.
8. Antonovsky A. Health, stress and coping. San Francisco : Jossey-Bass, 1979.
9. Хейнонен Т., Меттери А., Лич Дж. О применении детерминант и измерений здоровья в социальной работе // Социальная работа: образование и практика. Томск, 2013.
10. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 9.
11. Открытая добыча угля в Кузбассе, 1950–1970 (статистический справочник). Кемерово : Книж. изд-во, 1972.
12. Народное хозяйство РСФСР : стат. сб. М. : Госстатиздат, 1957.
13. Угольная промышленность Кузбасса. Кемерово, 1995.
14. ГАКО. Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 7.
15. ГАКО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 4.
16. ГАКО. Ф. П-26. Оп. 6. Д. 150.
17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8.
18. Романов В.П. Пласт углекаменный. Кемерово : ВЕСТЬ, 2003.
19. Горбачев Т.Ф., Кожевин В.Г., Карпенко З.Г. и др. Кузнецкий угольный бассейн. М., 1957.
20. Куксанова Н.В. Организация жилой среды населения Сибири в 1956–1980 годах // Социально-культурное развитие Сибири. Новосибирск, 1991.
21. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск : Наука, 1984.
22. Рубежи шахтерской славы. Кемерово, 1970.
23. Кожевин В.Г. Встретим десятую годовщину Дня шахтера новыми производственными успехами // Уголь. 1957. № 8.
24. Окладников А.П., Кузьмина З.В. и др. Кузбасс: прошлое, настоящее, будущее. Кемерово : Книж. изд-во, 1978.
25. ГАКО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 79.
26. Ефимкин М.М. Рабочие Сибири. Конец 50-х – начало 80-х годов. Новосибирск : Наука, 1990.
27. ГАКО. Ф. Р-404. Оп. 1. Д. 18.

28. Куксанова Н.В. Развитие коммунально-бытового обслуживания в городах и рабочих поселках Западной Сибири во второй половине 50-х годов // Социальные аспекты индустриального развития Сибири / под ред. В.В. Алексеева. Новосибирск : Наука, 1983.
29. Пилипец С. Широкие горизонты // Сибирские огни. 1958. № 1.
30. Лесников П., Локонов В. Директор // Кузбасс. 1982. 4 июля.
31. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 4. Д. 1349.
32. ГАКО. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 1.
33. Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 60–70-е годы. Новосибирск, 1994.
34. ГАКО. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 210.
35. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 30. Д. 2.
36. ГАКО. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 16.
37. Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях ее руководителей. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004.
38. Богачук А. Разрез защищает диплом. Кемерово : Книж. изд-во, 1981.
39. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М. : Алгоритм, 2016.

Bersenev Maxim V. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: m.bersenev@gmail.com
SOCIAL AND WELFARE SERVICES OF THE WORKERS OF KUZBASS COAL OPENCAST MINES IN 1948–1965.

Keywords: mental health; Kuzbass; open coast mine; social development.

The aim of this article is to study the processes of social development of the Kuzbass coal quarry workers since the opening of the first career in 1948 up to the beginning of 1965 in connection with the mental health of the workers that had been changing due to the changes in their social and economic environment. Task and objectives of this research are: to find out the main factors of social development, to understand how they were changing during that period and to answer the question, how the mental health of quarry workers was changing due to the changes in their social development. The methodological base of this research was the system analyses, history-genetic method, method of historical periodization as well as the mental health theory. The author used the wide range of studies to reach his goal. Some of them are the articles of Russian and Siberian historians who wrote about the Siberian working class in the Soviet time, its social and economic development and problems (A. Okladnikov, S. Bukin, M. Efimkin, V. Alekseev, N. Kuksanova). In addition, the author studied the materials of Kemerovo State Archive (funds of different manufacturing groups, documents of the Communist Party etc.), statistical books and the articles of local newspapers. Also the articles of the theorists in mental health were used. We can make the following conclusions. In the Kuzbass open coal mining there was a situation, which we believe affected the mental health of employees positively. Although the problems of the housing sector remained very sharp, however, the living conditions of these 17 years improved significantly, creating a kind of “base effect” – people understood that they lived not too good, but also understood that their living conditions were improving, and the quality of life increased. Together with other conditions (improved supply of workers, better working conditions, mortality fall of production factors, increase of the educational level) housing development helped employees to believe in progressive improvement of life. The memory of the war and the belief in soon coming of the long-awaited communism during this period also were creating a positive emotional state. However, by the end of the period the mental health of cuts workers again has been threatened since the beginning of the period of high expectations gradually ceased to be justified.

REFERENCES

1. Bukin, S.S. (1987) Stroitel'stvo ob'ektov sotsial'no-bytovoy infrastruktury gorodov Sibiri [Construction of objects of social and household infrastructure in Siberian cities]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Urbanizatsiya Sovetskoy Sibiri* [Urbanisation of Soviet Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Efimkin, M.M. (1979) *Istochniki i formy popolneniya rabochikh Zapadnoy Sibiri v usloviyakh razvitoogo sotsializma* [Sources and forms of replenishment of workers in Western Siberia of developed socialism]. Novosibirsk: Nauka.
3. Alekseev, V.V. (1990) *Osvoenie Sibiri: istoricheskiy ocherk i sovremennost' (konets XVIII v. – 80 e gg. XX v.)* [The development of Siberia: A historical sketch and the present (the late 18th century – the 1980s)]. Sverdlovsk: [s.n.].
4. Zabolotskaya, K.A., Khaliulina, A.A. & Karpenko, Z.G. (1997) *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa. 1721–1996* [Kuzbass coal industry in 1721–1996]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
5. Golovan, N.S. (2006) *Gosudarstvennaya zhilishchnaya politika v gorodakh Kemerovskoy oblasti (1943–1950 gg.)* [State housing policy in the cities of Kemerovo Region (1943–1950)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
6. WHO. (n.d.) *Psikhicheskoe zdorov'e. Informatsionnyy byulleten'* [Mental health. Newsletter]. [Online] Available from: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru>.
7. Jahoda, M. (1958) *Current concepts of positive mental health*. New York: Basic Books.
8. Antonovsky, A. (1979) *Health, stress and coping*. San Francisco: Jossey-Bass.
9. Heinonen, T., Metteri, A. & Leach, J. (2013) O primeneniі determinant i izmereniy zdorov'ya v sotsial'noy rabote [On application of determinants and measurements of health in social work]. In: Grik, N.A. (ed.) *Sotsial'naya rabota: obrazovanie i praktika* [Social work: education and practice]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
10. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-981. List 1. File 9.
11. Kemerovo Region. (1972) *Otkrytaya dobycha uglya v Kuzbasse, 1950–1970 (statisticheskiy spravochnik)* [Open coal mining in the Kuzbass, 1950–1970 (A Statistical Handbook)]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
12. Soviet Union. (1957) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR: statisticheskiy sbornik* [The national economy of the RSFSR: A statistical collection]. Moscow: Gosstatizdat.
13. Anon. (1995) *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa* [Kuzbass coal industry]. Kemerovo: [s.n.].
14. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-792. List 1. File 7.
15. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-496. List 1. File 4.
16. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund P-26. List 6. File 150.
17. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) (1985) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 8. Moscow: In-t marksizma-leninizma.
18. Romanov, V.P. (2003) *Plast uglekamennyy* [The carbonaceous bed]. Kemerovo: VEST.
19. Gorbachev, T.F., Kozhev, V.G., Karpenko, Z.G. et al. (1957) *Kuznetskiy ugol'nyy basseyn* [Kuznetsk coal basin]. Moscow: Ugletekhizdat.
20. Kuksanova, N.V. (1991) *Organizatsiya zhiloy sredy naseleniya Sibiri v 1956–1980 godakh* [The organisation of the residential environment of the Siberian population in 1956–1980]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Sotsial'no-kul'turno razvitiye Sibiri* [Socio-cultural development of Siberia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
21. Alekseev, V.V. (ed.) (1984) *Rabochiy klass Sibiri v period uprochneniya i razvitiya sotsializma* [Siberian working class of during the consolidation and development of socialism]. Novosibirsk: Nauka.

22. Karpenko, Z.G. (ed.) (1970) *Rubezhi shakhterskoy slavy* [Boundaries of Miner's Glory]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
23. Kozhev, V.G. (1957) Vstreim desyatuyu godovshchinu Dnya shakhtera novymi proizvodstvennymi uspekhami [We will meet the tenth anniversary of the Miner's Day with new production successes]. *Ugol'*. 8.
24. Okladnikov, A.P., Kuzmina, Z.V. et al. (1978) *Kuzbass: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Kuzbass: Past, present, future]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
25. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-524. List 1. File 79.
26. Efimkin, M.M. (1990) *Rabochie Sibiri. Konets 50-kh – nachalo 80-kh godov* [Siberian workers. The late 1950s – the early 1980s]. Novosibirsk: Nauka.
27. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-404. List 1. File 18.
28. Kuksanova, N.V. (1983) Razvitie kommunal'no-bytovogo obsluzhivaniya v gorodakh i rabochikh poselkakh Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 50-kh godov [The development of public services in cities and workers' settlements of Western Siberia in the second half of the 1950s]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Sotsial'nye aspekty industrial'nogo razvitiya Sibiri* [Social aspects of Siberian industrial development]. Novosibirsk: Nauka.
29. Pilipets, S. (1958) Shirokie gorizonty [Wide horizons]. *Sibirskie ogni*. 1.
30. Lesnikov, P. & Lokonov, V. (1982) Direktor [Director]. *Kuzbass*. 4th July.
31. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-304. List 4. File 1349.
32. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-981. List 1. File 1.
33. Kuksanova, N.V. (1994) *Sotsial'no-bytovoe razvitie gorodov Sibiri v 60–70-e gody* [Social and household development of Siberian cities in the 1960–1970s]. Novosibirsk: Nauka.
34. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund P-26. List 8. File 210.
35. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund P-126. List 30. File 2.
36. *The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO)*. Fund R-612. List 1. File 16.
37. Konovalov, A.B. (2004) *Istoriya Kemerovskoy oblasti v biografiyakh ee rukovoditeley* [History of Kemerovo region in the biographies of its leaders]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
38. Bogachuk, A. (1981) *Razrez zashchishchaet diplom* [Surface mine defends its diploma]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.
39. Kara-Murza, S.G. (2016) *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet Civilisation]. Moscow: Algoritm.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 658.26:339.9(575.2)(574)
DOI: 10.17223/19988613/50/7

Р.С. Бейсебаев

ПРОБЛЕМЫ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КЫРГЫЗСТАНА И КАЗАХСТАНА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Топливно-энергетическая стабильность в Кыргызстане является одним из важнейших факторов экономического и политического развития. Казахстан играет важную роль в отношениях с Кыргызстаном в заявленном секторе. Интерес к исследованию вызван тем, что существуют определенные аспекты в рамках ЕАЭС, регулирующие отношения между странами, которые влияют на состояние топливно-энергетического комплекса Кыргызстана.

Ключевые слова: ЕАЭС; Кыргызстан; Казахстан; топливно-энергетический комплекс; уголь; нефть; газ; гидроэнергетика.

Сотрудничество Кыргызстана с Казахстаном является частью стратегии в многовекторной внешней политике официального Бишкека. Казахстан играет особую роль в развитии современного Кыргызстана. Исходя из своего экономического потенциала, Казахстан претендует на роль лидера в Центральной Азии. Страны связаны особыми культурными и историческими узами, имеют общие границы. Духовная и языковая близость народов является общепризнанным фактом. Республики являются партнерами в рамках таких международных организаций, как СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС [1. С. 320].

Учитывая факты наличия углеводородных ресурсов в Казахстане и отсутствие таковых в Кыргызстане, выявление основных проблемных зон двустороннего сотрудничества в топливно-энергетическом секторе стран вызывает неподдельный интерес. Хотя Кыргызстан с учетом выстраивания добрососедских отношений с Казахстаном может получить доступ к энергетическим ресурсам второго, более того, страны являются партнерами в рамках ЕАЭС, тем не менее такая практика отсутствует.

Основная цель статьи – определить, каким образом складываются отношения между республиками в топливно-энергетическом секторе. Для решения поставленной цели выявляются основные проблемы до формирования ЕАЭС и в процессе действия многостороннего межгосударственного проекта. Для того чтобы изучить двустороннее сотрудничество, в статье используются системно-исторический подход и причинно-следственный метод.

Дипломатические отношения между Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан установлены 15 октября 1992 г. За годы независимости подписано более 120 кыргызско-казахстанских межгосударствен-

ных, межправительственных и межведомственных соглашений, наиболее значимыми из которых являются Договор о вечной дружбе от 8 апреля 1997 г. В 90-е гг. XX в. страны договорились о возвращении всех земель, арендованных в советский период. Ограничений для сотрудничества двух республик не было. Взаимодействие осуществлялось в рамках СНГ, ОДКБ, ШОС. Подписание нового формата – ЕАЭС, не внесло особых изменений в двустороннее сотрудничество.

Россия, Белоруссия и Казахстан объединились в Евразийский экономический союз, подписав Договор о Евразийском экономическом союзе в г. Астане 29 мая 2014 г. [2]. В результате у Кыргызстана могли возникнуть торгово-экономические и другие проблемы из-за экономической блокады. Кыргызстан стал полноправным членом Евразийского экономического союза после того, как 12 августа 2015 г. вступил в силу Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [3].

Для того чтобы выявить качественные изменения двустороннего сотрудничества до ЕАЭС и в процессе его действия, которые укажут на основные проблемы, необходимо обратить внимание на историю и состояние партнерства в топливно-энергетическом комплексе, в связи с чем будут рассмотрены угольное, нефтегазовое и гидроэнергетическое направления сотрудничества.

В первые годы независимости одним из важных направлений сотрудничества Кыргызстана и Казахстана был угольный сектор. В торговле углем между Кыргызстаном и Казахстаном в период с 1991 по 2011 г. особых противоречий не было. Казахстан, постепенно расширяя рынок экспорта и увеличивая объемы добычи, традиционно поставлял уголь в Кыргызстан в необходимых объемах. Более того, Казахстан оказывал Кыргызстану дополнительную гуманитарную помощь.

Решением правительства Казахстана гуманитарная помощь включала поставки топлива на отопительный сезон 2010–2011 гг. в общем объеме 230,3 тыс. т угля. Для отправки в Кыргызстан было погружено 66,8 тыс. т угля, в том числе 9,2 тыс. т для жизнеобеспечения столицы страны – г. Бишкека [4].

Качество и цена казахстанского твердого топлива устраивали кыргызскую сторону до тех пор, пока в октябре 2011 г. не встал вопрос об угле с Куланского месторождения, поступившем на ТЭЦ Бишкека. Выявлен факт поступления в Кыргызстан радиоактивного угля из Казахстана. На бишкекскую ТЭЦ поступило 8 тыс. т угля из Казахстана, превышающего нормы радиоактивности в 2–8 раз [5]. Готовность к отопительному сезону в плановые сроки в Бишкеке была под большим сомнением. Кроме поставок на ТЭЦ Бишкека также казахстанский уголь покупает и частный сектор Кыргызстана, в связи с чем встал вопрос о применении отечественного угля для решения создавшейся проблемы.

Следует отметить, что в последнее время Кыргызстан все больше отдает предпочтение отечественному углю Таш-Кумырского и Кавакского месторождений, несмотря на некоторые сложности с его доставкой. В осенне-зимний период 2016–2017 гг. на ТЭЦ Бишкека используют 450 тыс. т местного угля. На 2017–2018 гг. данный показатель достигнет 1,2 млн т [6].

По сравнению с годами до вступления в ЕАЭС, Кыргызстан импортировал из Казахстана, например в январе–ноябре 2012 г., 2,279 млн т каменного угля, брикетов и полученных из каменного угля окатышей, что на 40,9% больше, чем за аналогичный период 2011 г., в январе–ноябре 2012 г. Казахстан экспортировал в Кыргызстан руды и концентратов на 81,9 млн долл., что на 54,9% больше, чем за аналогичный период 2011 г. Ежегодная потребность Кыргызстана в угле составляет 2,2–2,3 млн т, тогда как в 2011 г. добыто 800 тыс. т. Затем добыча выросла до 1 млн 142 тыс. т в 2012 г., в 2013 г. она составила более 1,4 млн т, а в 2014 г. – 1,7 млн т [7]. Оставшуюся потребность в угле республика решала за счет импорта из Казахстана. В 2015 г. Казахстан поставил 900 тыс. т угля в Кыргызстан [8]. Заметно, что объемы импорта угля Кыргызстана в период до вступления в ЕАЭС и в процессе его действия рознятся в сторону снижения объемов закупок.

Однако слабо развитая угольная промышленность Кыргызстана, отдаленность угольных месторождений от промышленных объектов, низкое качество (относительно российского, украинского и казахстанского) – основные причины, по которым Кыргызстан вынужден закупать твердое топливо у соседа. Кыргызстан в основном импортирует казахстанский уголь, восполняя недостающую часть собственными ресурсами из центральных и южных областей республики (Кара-Кече, Суюккта, Кызыл-Кия и др.). Этот факт подтверждает важную роль Казахстана в Кыргызстане в топливном сотрудничестве. Практика закупок казахстанского угля на ТЭЦ крупных городов, хотя и в меньших объемах, в

связи с переходом объектов на альтернативные источники энергии (газ, мазут, отечественный уголь), тем не менее, продолжается. Очень часто отопительный сезон в Кыргызстане бывает под угрозой срыва, если из Казахстана несвоевременно доставляется уголь. Тем не менее явной проблемы с поставками угля из Казахстана в Кыргызстан нет.

Другой сектор, в котором осуществляется топливно-энергетическое сотрудничество республик, – нефтегазовый. После распада СССР Кыргызстан традиционно импортировал нефтепродукты из Казахстана. Казахстанский бензин поступал из нефтеперерабатывающего завода, который входит в четверку лидеров по объемам переработки нефти в Центральной Азии – «Шымкент-нефтеоргсинтез» (ШНОС), и особых проблем, на которых следовало бы сконцентрироваться, не было.

Тем не менее в последнее время торговля нефтепродуктами между республиками снижена до максимального предела. В Казахстане принят закон о запрете на импорт ГСМ в Кыргызстан. Бензин не должен поступать на территорию Кыргызстана без уплаты НДС. Именно этот законодательный жест послужил началом возникновения проблемных зон двустороннего формата сотрудничества. Кыргызстан является членом ЕАЭС, но вопросы с поставками ГСМ в Кыргызстан из Казахстана не решаются в рамках Союза, хотя существует ст. 84 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [9]. Объясняется это тем, что, пока этот рынок не будет сформирован, действуют двусторонние соглашения, заключенные между государствами – членами в области поставок нефти и нефтепродуктов, определения и порядка уплаты вывозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), если соответствующие государства-члены не договорятся об ином.

По всей видимости, издание такого закона связано с тем, что основная часть казахстанской нефти законтрахована и поставки в рамках договоренности с Россией и Китаем должны осуществляться без срывов. Тем более, что в сезон весенних и осенних полевых работ в Казахстане наблюдается значительный внутренний спрос на нефтепродукты.

Действие этого закона влияет на двустороннее топливно-энергетическое сотрудничество двух республик. Ассоциация нефтетрейдеров Кыргызстана летом 2014 г. пыталась доставить в республику около 500 вагонов ГСМ (примерно 30 тыс. т), но они были задержаны на кыргызско-казахской границе на станции «Луговая». Казахстан не пропускал груз (поставки из России), объясняя причину скопления вагонов с ГСМ выявлением финансовой полицией коррупционной схемы в поставках ГСМ в Кыргызстан. Официально казахстанские органы аргументировали, что основанием для задержания вагонов таможенным постом «Кулан» является несоответствие сведений о грузополучателях товаров, указанных в соответствующих графах деклараций на товары и товаросопроводительных накладных [10].

Казахстанская сторона объяснила причину скопления вагонов с ГСМ выявлением финансовой полицией коррупционной схемы поставок нефтепродуктов в Кыргызстан. Так, казахские нефтяные продукты оформлялись под видом российских с целью их завоза в КР без оплаты таможенных пошлин. Речь идет о том, что между российским заводом и кыргызстанскими получателями появилось лишнее звено – казахстанские фирмы-посредники. Речь идет о компаниях Asia Petroleum System, Orda Munai Trade, Petroleum Trade, «Дин Маркет», «Снабпромресурс» [10].

Позже официально казахстанские органы аргументировали задержание вагонов таможенным постом «Кулан» в связи с несоответствием сведений о грузополучателях товаров, указанных в соответствующих графах деклараций на товары и товаросопроводительных накладных. Была и другая причина, более веская – в Казахстане действует временный запрет на вывоз легких дистиллятов и продуктов, керосина, газойлей и прочих нефтепродуктов. В итоге задержанные вагоны с топливом были пропущены, но до тех пор в Кыргызстане назревал дефицит и цены на ГСМ стремительно росли, что, конечно, отразилось мультипликативным эффектом на стране.

Государственное антимонопольное агентство КР выступило с рядом предложений к правительству КР по решению ценовой политики по поставкам ГСМ. В частности, в правительство Кыргызской Республики внесено предложение на правительственном уровне рассмотреть вопросы заключения соглашений с Республикой Казахстан: по беспошлинным поставкам нефти и нефтепродуктов в Кыргызстан; по установлению унифицированных железнодорожных тарифов при транзите нефтепродуктов через территорию Казахстана (что позволит снизить цену ввозимых ГСМ на \$50–60 за 1 т) [11]. Кыргызская Республика является импортером нефтепродуктов и сырья для их производства, затрачивая на эти цели ежегодно 100–120 млн долл. США [12]. Однако предложение до сих пор не имеет практического продолжения.

Между Кыргызстаном и Казахстаном возникали определенные трудности и в газовых вопросах. В 2012 г. долг Кыргызстана за потребленный казахстанский природный газ достиг 31,2 млн долл., в связи с чем АО «КазТрансГаз» выставило требование о погашении задолженности перед кыргызской стороной до 1 мая 2012 г. Казахстан предложил вариант возврата долга через цену реализации газа, т.е. повышение цены газа на величину, укладывающую в нее составляющую возврата долга, обеспечивающую возврат долга в течение 5–7 лет. Долг составлял более 7,5 млн долл. плюс 12,5 млн долл., которые Казахстан вложил в совместное предприятие «КырКазГаз» [13].

Поставки газа в Кыргызстан до появления российской компании «Газпром» из Казахстана и Узбекистана занимали серьезную долю в экономическом сотрудничестве центральноазиатских государств. Кыргызстану было удобно обеспечивать север страны поставками из

Казахстана, а юг, соответственно, – из Узбекистана. Вступление Кыргызстана в ЕАЭС привело к тому, что российские поставки газа осуществляются без введения таможенных акцизов, что заметно влияет на ценовую политику внутри страны при реализации газового продукта. Таким образом, проблемы поставок из Казахстана и Узбекистана решены.

Следующее направление сотрудничества двух республик – гидроэнергетическое партнерство. Основные проблемы – это водопользование. Кыргызстан использует воду Токтогульского водохранилища для выработки электроэнергии. В свою очередь, Казахстану нужна вода для сельскохозяйственных нужд. Основной сброс воды для выработки электричества Кыргызстан осуществляет зимой, а летом заполняет водохранилище, что непосредственно влияет на нехватку объемов воды для потребностей Казахстана.

Кыргызстан неоднократно сокращал экспорт электроэнергии в Казахстан. Главной причиной сокращения поставок электроэнергии называют снижение объемов воды в Токтогульском водохранилище [14]. В отношениях между Кыргызстаном и Казахстаном начинают возникать сложности, которые регулируются переговорными процессами.

Зимой 2012 г. Казахстан поднял вопрос о выходе их единого энергетического кольца. Начиная с 2009 г. Казахстан высказывал намерение выйти из кольца [15]. Кыргызстан просил Казахстан не выходить из Объединенной энергосистемы Центральной Азии в осенне-зимний период 2012–2013 гг., пока не закончится строительство масштабной ЛЭП «Датка–Кемин». Если бы Казахстан не отказался от своего намерения, то 40% севера Кыргызстана оказалось бы без света. В первую очередь пострадали бы северные регионы Кыргызстана. Казахстан отнесся с пониманием и не вышел из кольца. Со вступлением Кыргызстана в ЕАЭС серьезных изменений в секторе не произошло. Республики в традиционной форме осуществляли сотрудничество в двустороннем порядке, экспортируя и импортируя электроэнергию по мере необходимости.

Вышеперечисленные проблемы сотрудничества Кыргызстана и Казахстана в топливно-энергетическом секторе могут быть решены. ЕАЭС выступает как многофункциональная площадка стратегического, долгосрочного характера. Первой стадией и формой был экономический союз, призванный обеспечить свободное перемещение товаров. В 2015 г. началось формирование единого энергетического рынка, а к 2025 г. предполагается формирование единого евразийского рынка углеводородов, что призвано стимулировать развитие евразийской экономики [16].

Создание единого рынка энергоресурсов в ЦА требует решения многих проблем экономического, юридического и технического характера. В целях решения проблем комплексного сбалансированного рационального использования богатейших водных ресурсов Кыргызской Республики необходимо постоянно поддержи-

вать согласованный режим межгосударственного водораспределения на основе взаимовыгодного сотрудничества центральноазиатских государств в рамках развивающегося в этом регионе рынка водных ресурсов.

Принцип соседства – главный фактор, который определяет важную роль Казахстана в топливном вопросе Кыргызстана. Казахстанские поставки угля до сих пор актуальны. Только в случае успешного осуществления гидроэнергетических проектов Бишкек может снизить зависимость от казахстанского твердого топлива. Доступ к казахским нефтегазовым продуктам в рамках ЕАЭС по договоренности может существенно снизить монополию российских поставок, что в рыночных условиях может привести к конкуренции и снижению цен на нефтепродукты.

Отношения Кыргызстана и Казахстана практически не подверглись кардинальным изменениям, они стабильны. Казахстан является одним из основных торговых партнеров Кыргызстана. Для того чтобы у Кыргызстана была возможность осуществлять прагматичное сотрудничество, необходима стабильная внутриполитическая ситуация, которая отнимает много времени

и ресурсов, отвлекая от выстраивания и осуществления проектов внешней политики. В целом Кыргызстану необходимо готовиться выстраивать отношения с соседним государством, формируя соответствующие двусторонние структуры как новые элементы двусторонней и региональной интеграции. К направлениям будущей деятельности Кыргызстана можно добавить сохраняющую свою актуальность подзабытую идею Казахстана о создании центральноазиатского союза.

Говорить о том, что после вступления Кыргызстана в ЕАЭС произошли существенные сдвиги в топливно-энергетическом сотрудничестве с Казахстаном, не приходится. Тем не менее следует отметить, что ЕАЭС выступает юридической платформой, которая может способствовать реанимации сотрудничества республик в топливно-энергетическом секторе в случае болезненных изменений. ЕАЭС – это формат, который позволяет сохранять и применять на практике сложившуюся традиционную логику сотрудничества Казахстана и Кыргызстана, которая с каждым годом изменялась не в пользу интеграции в связи с постоянными переменами в международных отношениях с учетом национальных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб., 2008. С. 320.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1, свободный (дата обращения: 26.07.2017).
3. Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (с изменениями на 11 апреля 2017 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/420246571>, свободный (дата обращения: 25.07.2017).
4. Международное информационное агентство Kazinform. Казахстан направляет дополнительную гуманитарную помощь Кыргызстану. URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2312896>, свободный (дата обращения: 23.09.2016).
5. В Кыргызстане разгорелся скандал из-за радиоактивного угля из Казахстана. URL: <https://tengrinews.kz/sng/kyrgyzstane-razgorelsya-skandal-iz-za-radioaktivnogo-uglya-200069>, свободный (дата обращения: 26.07.2017).
6. Костенко Ю. Покупка угля: неприкрытое лобби. URL: https://24.kg/ekonomika/34981_pokupka_uglya_nepri, свободный (дата обращения: 27.07.2017).
7. Кыргызское телеграфное агентство КирТАГ. Кыргызстан увеличил импорт казахстанского угля на 40,9% за 11 мес. 2012 года. URL: http://kyrtag.kg/news/kyrgyzstan_uvelichil_import_kazahstanskogo_uglya, свободный (дата обращения: 23.06.2017).
8. Джумашева А. Премьера Казахстана попросили проконтролировать поставку угля в Кыргызстан. URL: http://www.vb.kg/doc/320249_premiera_kazahstana, свободный (дата обращения: 27.07.2017).
9. Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW, свободный (дата обращения: 23.09.2016).
10. За поставку ГСМ в Кыргызстан вступили политические тяжеловесы. URL: http://www.vb.kg/doc/282062_zapostavky_gsm_v_kyrgyzstan_vstupili_politicheskie, свободный (дата обращения: 23.09.2016).
11. Почему Кыргызстан не покупает казахстанскую нефть и как российский бензин подрывает валютные запасы страны. URL: <http://kyrtag.kg/standpoint/pochemu-kyrgyzstan-ne-pokupaet-kazahstanskuyu-neft-i-kak-rossiyskiy-benzin-podryvaet-valyutnye-zapasy-strany>, свободный (дата обращения: 20.09.2016).
12. Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. Программа развития нефтегазовой отрасли Кыргызской Республики до 2010 года. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/53023>, свободный (дата обращения: 01.12.2016).
13. Клеменкова К. Цены на казахстанский газ: самые высокие – для Кыргызстана, самые низкие – для Швейцарии. URL: <http://365info.kz/2014/07/ceny-na-gaz-strannaya-cenovaya-politika-ili-kommercheskaya-tajna-vsej-strany>, свободный (дата обращения: 23.09.2016).
14. Кыргызстан сократит экспорт электроэнергии в Казахстан. URL: <https://tengrinews.kz/sng/kyrgyzstan-sokratit-eksport-elektroenergii-v-kazahstan-231493>, свободный (дата обращения: 23.09.2016).
15. Баялы С. Кто теперь выйдет из единого энергокольца Центральной Азии? URL: <http://www.gezitter.org/economics/1640>, свободный (дата обращения: 23.09.2016).
16. Бирюков С., Барсуков А., Березняков Д., Козлов С. Проблемы и перспективы расширения ЕАЭС. URL: <http://svom.info/entry/676-problemy-i-perspektivy-rasshireniya-eaes>, свободный (дата обращения: 27.07.2017).

Beisebaev Rahat S. Bishkek Humanities University named after K. Karasaev (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: beisebaev.ra@mail.ru

PROBLEMS OF FUEL AND ENERGY COOPERATION BETWEEN KYRGYZSTAN AND KAZAKHSTAN IN THE EURASIAN SPACE.

Keywords: EAEU; Kyrgyzstan; Kazakhstan; Fuel and energy complex; coal; oil; gas; Hydropower engineering.

Kyrgyz-Kazakh fuel and energy relations are important components of the bilateral cooperation format. There are conditions and some problems of cooperation before and after the framework of the EAEU which could be particular interest to the readers. The aim of the article is to determine how the relations between the republics are developing in the fuel and energy sector. To achieve this aim, tasks are set to identify the main problems of cooperation between countries before the formation of the EAEU, as well as in the process of

the multilateral interstate project. The article uses the system-historical approach, the cause-effect method of analysis. The data obtained are based on agreements, on printed and electronic sources of information of the international news agency Kazinform, the Kyrgyz Telegraph Agency KyrTAG, the centralized database of legal information of the Kyrgyz Republic, on scientific publications of Russian, Kazakh and Kyrgyz authors, representatives of civil society in Kyrgyzstan. Particular attention is paid to the history and state of partnership in the fuel and energy complex, which is why coal, oil and gas and hydropower cooperation are being considered. Qualitative changes in bilateral cooperation to the EAEU and in the process of its operation are indicated, indicating the main problems. The underdeveloped coal industry of Kyrgyzstan is noted - the main reason for which Kyrgyzstan is forced to purchase solid fuel in Kazakhstan. At present, Kyrgyzstan, taking into account the formation of good-neighborly relations with Kazakhstan, considering the partnership in the EAEU is not able to import oil and gas products from the neighboring republic. In fact, the gas supplies to Kyrgyzstan before the appearance of the Russian company Gazprom from Kazakhstan and Uzbekistan, took a significant share in the economic cooperation of the Central Asian states. Hydropower cooperation of the republics also indicates the difficulties of cooperation in the sector. Thus, in order to solve the problems of integrated balanced rational use of the richest water resources of the Kyrgyz Republic, it is necessary to constantly support the coordinated regime of interstate water distribution on the basis of mutually beneficial cooperation of the Central Asian states within the framework of the developing water market in this region. As a result, it is noted that after Kyrgyzstan's accession to the EAEU, there have been no significant shifts in fuel and energy cooperation with Kazakhstan. The EAEU acts as a legal platform that can promote resuscitation of cooperation of the republics in the fuel and energy sector, in case of painful changes. The EAEU is a format that allows to preserve and apply the established traditional logistics of cooperation between Kazakhstan and Kyrgyzstan, which changed every year not in favor of integration, due to the constant change in international relations taking into account national interests.

REFERENCES

1. Pivovarov, E.I. (2008) *Postsovetское prostranstvo: al'ternativy integratsii. Istoricheskiy ocherk* [The post-Soviet space: Alternatives to integration. A historical essay]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 320.
2. The Eurasian Economic Union. (n.d.) *Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze* [Treaty on the Eurasian Economic Union]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1. (Accessed: 26th July 2017).
3. The Eurasian Economic Union. (n.d.) *Dogovor o prisoedinenii Kyrgyzskoy Respubliki k Dogovoru o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze ot 29 maya 2014 goda (s izmeneniyami na 11 aprelya 2017 goda)* [Agreement on accession of the Kyrgyz Republic to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 (as amended on April 11, 2017)]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/420246571>. (Accessed: 25th July 2017).
4. Rakhimbekov, A. (2010) *Kazakhstan napravlyayet dopolnitel'nyuy humanitarnuyu pomoshch' Kyrgyzstanu* [Kazakhstan is sending additional humanitarian assistance to Kyrgyzstan]. [Online] Available from: <http://www.inform.kz/rus/article/2312896>. (Accessed: 23rd September 2016).
5. Tengrinews.kz. (2011) *V Kyrgyzstane razgorelsya skandal iz-za radioaktivnogo uglya iz Kazakhstana* [In Kyrgyzstan, a scandal broke out over radioactive coal from Kazakhstan]. [Online] Available from: <https://tengrinews.kz/sng/kyrgyzstane-razgorelsya-skandal-iz-za-radioaktivnogo-uglya-200069>. (Accessed: 26th July 2017).
6. Kostenko, Yu. (2016) *Pokupka uglya: neprikrutoe lobbi* [Purchase of coal: undisguised lobby]. [Online] Available from: https://24.kg/ekonomika/34981_pokupka_uglya_nepri. (Accessed: 27th July 2017).
7. The Kyrgyz Telegraph Agency. (2012) *Kyrgyzstan uvelichil import kazakhstanskogo uglya na 40,9% za 11 mes. 2012 goda* [Kyrgyzstan increases import of Kazakh coal by 40.9% over 11 months of 2012]. [Online] Available from: http://kyrtag.kg/news/Kyrgyzstan_uvelichil_import_kazakhstanskogo_uglya. (Accessed: 23rd June 2017).
8. Dzhumasheva, A. (n.d.) *Prem'era Kazakhstana poprosili prokontrolirovat' postavku uglya v Kyrgyzstan* [The Premier of Kazakhstan was asked to control the supply of coal to Kyrgyzstan]. [Online] Available from: http://www.vb.kg/doc/320249_premera_kazakhstana. (Accessed: 27th July 2017).
9. The Eurasian Economic Union. (n.d.) *Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze* [Treaty on the Eurasian Economic Union]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1. (Accessed: 23rd September 2016).
10. Vecherniy Bishkek. (n.d.) *Za postavku GSM v Kyrgyzstan vstupili politicheskie tyazhelovesy* [Political heavyweights supported the supply of petroleum products to Kyrgyzstan]. [Online] Available from: http://www.vb.kg/doc/282062_zapostavku_gsm_v_kyrgyzstan_vstypili_politicheskie. (Accessed: 23rd September 2016).
11. The Kyrgyz Telegraph Agency. (2016) *Pochemu Kyrgyzstan ne pokupaet kazakhstanskuyu nef' i kak rossiyskiy benzin podryvaet valyutnye zapasy strany* [Why Kyrgyzstan does not buy Kazakh oil and how Russian gasoline undermines the country's currency reserves]. [Online] Available from: <http://kyrtag.kg/standpoint/pochemu-kyrgyzstan-ne-pokupaet-kazakhstanskuyu-neft-i-kak-rossiyskiy-benzin-podryvaet-valyutnye-zap2a>. (Accessed: 20th September 2016).
12. Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. (2001) *Tsentralizovannyi bank dannykh pravovoy informatsii Kyrgyzskoy Respubliki. Programma razvitiya neftegazovoy otrasli Kyrgyzskoy Respubliki do 2010 goda* [Centralised database of legal information of the Kyrgyz Republic. The program for the development of the oil and gas industry of the Kyrgyz Republic until 2010]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/53023>. (Accessed: 1st December 2016).
13. Klemenkova, K. (2014) *Tseny na kazakhstanskiy gaz: samye vysokie – dlya Kyrgyzstana, samye nizkie – dlya Shveytsarii* [The prices for Kazakhstan gas: the highest for Kyrgyzstan, the lowest for Switzerland]. [Online] Available from: <http://365info.kz/2014/07/ceny-na-gaz-strannaya-cenovaya-politika-ili-kommercheskaya-tajna-vsej-strany>. (Accessed: 23rd September 2016).
14. Tengrinews.kz. (2013) *Kyrgyzstan sokratit eksport elektroenergii v Kazakhstan* [Kyrgyzstan will reduce electricity exports to Kazakhstan]. [Online] Available from: <https://tengrinews.kz/sng/kyrgyzstan-sokratit-eksport-elektroenergii-v-kazakhstan-231493>. (Accessed: 23rd September 2016).
15. Bayaly, S. (2011) *Kto teper' vyidet iz edinogo energokol'tsa Tsentral'noy Azii?* [Who will now leave the single energy ring in Central Asia?]. [Online] Available from: <http://www.gezitter.org/economics/1640>. (Accessed: 23.09.2016).
16. Biryukov, S., Barsukov, A., Bereznyakov, D. & Kozlov, S. (n.d.) *Problemy i perspektivy rasshireniya EAES* [Problems and prospects of the EAEC expansion]. [Online] Available from: <http://svom.info/entry/676-problemy-i-perspektivy-rasshireniya-eaes>. (Accessed: 27th July 2017).

УДК 32.327.5

DOI: 10.17223/19988613/50/8

Д.В. Березняков, С.В. Козлов

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ АЛЬЯНСОВ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Исследование выполнено в рамках НИР «Расширение Евразийского экономического союза (ЕАЭС): стратегия развития в условиях новых политико-экономических реалий, перспективы государств – участников и кандидатов» (ГК № УД-1035Д).

Рассматриваются процессы интеграции на евразийском пространстве сквозь призму концепции альянсов в теории международных отношений. Сравниваются ЕС и ЕАЭС как альтернативные модели альянсов. Кратко анализируя основные особенности и риски евразийской интеграции, авторы выдвигают идею о перспективности стратегии конструктивного партнёрства как рамочной парадигмы долгосрочного планирования интеграционных процессов.

Ключевые слова: альянсы; ЕАЭС; международные отношения; держава-гегемон; стратегия конструктивного партнерства; стратегия принуждения к партнерству.

Концепция альянсов в теории международных отношений: краткая характеристика. Одна из доминирующих и очевидных, как для политиков, так и для экспертов разных стран, тенденций в развитии международных отношений с начала XXI в. состоит в усилении роли и статуса России в постбиполярной системе международных отношений. Это позволяет говорить о том, что Россия постепенно возвращает себе статус «великой державы», что самым серьезным образом влияет не только на внутривосточные процессы, но и на характер стратегического поведения нашей страны в качестве геополитического субъекта такого типа.

В этой связи стратегия развития Евразийского экономического союза в средне- и долгосрочной перспективе может быть рассмотрена в логике концепции альянсов в международных отношениях. В рамках данного подхода основной акцент делается на принципиальной роли формирования и поддержания альянсов (коалиций) вокруг и против стран, претендующих на статус «великих держав». Под альянсами в данном случае понимают формальные и неформальные обязательства государств-участников вступать в отношения сотрудничества в определенных областях с определенными целями. Такая интеграция может происходить в различных сферах (военно-технологической или экономической), но в любом случае все участники альянса берут на себя определенные обязательства по кооперации и поддержанию возникшей структуры в актуальном состоянии [1]. Суверенные государства в рамках альянсов объединяют ресурсы разного типа для совместного противостояния внешним вызовам и угрозам, источником которых выступают государства, которые не входят в данный альянс. Соответственно сформированные альянсы начинают оказывать влияние на поведение их участников, что выражается в расстановке тех или иных приоритетов в принятии внутри- и

внешнеполитических решений национальными правительствами [2].

Данный подход предполагает, что государства, претендующие на статус «великих держав», вынуждены выстраивать альянсы с теми государствами, которые таким статусом не обладают. Именно этот фактор изначального статусного неравенства и определяет структуру и характер взаимоотношений участников внутри альянса.

«Великие державы» сталкиваются со следующими основными проблемами при формировании альянсов. Первая и главная проблема состоит в том, что именно «великая держава» как доминантный актор альянса берёт на себя основные издержки по его содержанию. Основной тип издержек, который фиксируется в данном случае, – это издержки по оказанию услуг безопасности. Как показали в классической статье М. Олсон и Р. Зекхаузер, «великие державы» внутри любого альянса всегда несут непропорционально большие издержки по обеспечению безопасности, тогда как малые участники от этого освобождаются [3]. Вторая проблема связана с асимметрией распределения ответственности акторов внутри альянса: чем более асимметрично распределены ответственность и роли в альянсах, тем они устойчивее. Однако асимметричность создаёт угрозу неограниченного доминирования «великой державы» над остальными участниками альянса, что может в перспективе породить оппортунистическое поведение «младших» партнёров по альянсу.

Таким образом, успех любого альянса предполагает наличие доминантного актора, берущего на себя основное бремя расходов, но при этом фиксированные гарантии с его стороны относительно непредсказуемого переопределения правил игры и различных возможностей его доминирования. В любом случае с позиций «младших» участников альянса всегда существует про-

блема доверия к взятым обязательствам со стороны «великой державы». Это, в частности, означает, что если держава-гегемон активно манипулирует обязательствами и правилами игры, это радикальным образом влияет на горизонты планирования своего участия «малых» акторов в альянсе, провоцируя именно оппортунистическое поведение, что подчёркивалось выше.

При формировании стратегии развития альянса, как показывает неореалистский подход в теории международных отношений, необходимо учитывать саму структуру международных отношений [4]. Имеется в виду тот факт, что формирование и развитие альянсов в условиях биполярной структуры имеют принципиальные отличия от аналогичных процессов в условиях многополярной системы или перехода к ней (что, собственно, и переживает современная система международных отношений).

В условиях биполярной модели (а именно на этот период выпадает фаза становления Европейского Союза как геополитического альянса) количество гегемонов было радикально минимизировано. Это приводило к тому, что «малые» участники *de-facto* не имели возможности для перехода из одного альянса в другой. Распад биполярной модели и постепенный переход к многополярности не только увеличивает количество держав-гегемонов (возвращение России и Китая), но и создаёт для «малых» участников выгодные тактические возможности маневрирования между «великими державами». В частности, это может выражаться в том, что «малые» участники могут вырабатывать ситуативные стратегии так называемого «мягкого балансирования» для извлечения собственной выгоды из конфликта между «великими державами» [5]. Соответственно мы можем говорить о том, что между «великими державами» в условиях многополярной структуры существует конкуренция за потенциальных и реальных партнёров по альянсу. Этот фактор конкуренции за «малых» участников провоцирует «великие державы» вырабатывать такие внешнеполитические стратегии, которые были бы привлекательны для этих «малых» участников.

Как показывают исследования международных альянсов, идеологический фактор, как правило, играет второстепенную роль. Приоритет отдаётся прагматическим интересам безопасности и экономической выгоды. Вместе с тем экономикоцентричное видение евразийской интеграции ставит под вопрос экономические выгоды державы-гегемона (в данном случае – России). Как показывает проделанный И.В. Андроновой анализ промежуточных итогов функционирования ЕАЭС, в сложившихся условиях Россия несёт экономические издержки, связанные с перераспределением ввозных пошлин, изменениями в сфере транспортной логистики, притоком контрабандных и контрафактных товаров на российский рынок, резкспортом продукции, попавшей под российские контрсанкции, и т.п. [6] Иными словами, экономическая рациональность, предполагающая максимизацию именно экономических

выгод от интеграции, не может быть объяснительным принципом для понимания российской стратегии действий внутри ЕАЭС. Как отмечает М.В. Братерский, «Россия начала создавать региональные организации экономической интеграции для укрепления своих глобальных позиций в политико-экономической системе. С помощью такой политики Россия пытается укрепить свое конкурентное положение в глобальной системе» [7. С. 65].

Кроме того, излишнее педалирование какой-то конкретной идеологической версии будущего того или иного альянса со стороны «великой державы» может отпугнуть режимы, которые придерживаются иных идеологических установок. В этой связи отметим, что эксплуатация советско-имперской риторики и соответствующих ей мифологем при строительстве Евразийского экономического союза, безусловно, является проигрышной стратегией со стороны России.

Стоит также учитывать, что чрезмерное давление со стороны «великой державы» внутри альянса может сделать и делает реальным фактом мировой политики привлекательность другого гегемона для «малых» участников внутри данного альянса. Такое поведение можно обозначить как тактику «меньшего зла», когда, например, США могут рассматриваться как более привлекательный партнёр для чрезмерно давящего на «малого» участника альянса России или Китая [8]. Фактически, тактика «меньшего зла» – это ответ «слабых» акторов международных альянсов на такую стратегию гегемона, которую можно обозначить как «принуждение к партнёрству».

Таким образом, подводя промежуточный итог, необходимо подчеркнуть, что формирование стабильных международных альянсов предполагает несколько ключевых характеристик:

- 1) асимметричный статус участников альянса (опозиция «великая держава» – «малые» акторы);
- 2) большинство издержек, в первую очередь в сфере безопасности, берёт на себя держава-гегемон;
- 3) в условиях формирования многополярной модели международных отношений «великие державы» вынуждены конкурировать за «малых» участников и формировать стратегии поведения и развития альянсов, которые были бы привлекательны для этих «малых» акторов, а не выстроены в логике «принуждения к партнёрству».

Геополитический контекст расширения и развития ЕАЭС. Новые реалии, в которых разворачивается процесс евразийской интеграции в формате ЕАЭС, определяется целым рядом факторов, имеющих средние и долгосрочный временной лаг воздействия на характер интеграционных процессов и на мировую политику в целом. Имеет смысл кратко охарактеризовать наиболее значимые из них.

1) **Закат американской гегемонии и формирование нового мирового порядка.** Этот тезис подтверждается разработками в области исторической макроэкономологии как в формате мир-системного моделирования

ния международных отношений, так и с точки зрения неовеберианской социологии глобализации [9–11]. Это означает, что США будут стремиться к усилению своего участия в конкуренции за новых «малых» участников выгодных им международных альянсов и выстраивать стратегии их развития с учётом формирующихся интересов этих «малых» акторов¹. Поэтому США следует рассматривать как основного конкурента в этой сфере, а основным американским ресурсом – в первую очередь военную и финансовую мощь.

Вместе с тем закат американской гегемонии позволяет «малым» акторам диверсифицировать риски участия в альянсах и рассматривать Россию как актуального партнёра в статусе «великой державы». Такая ситуация даёт России шанс серьёзно интенсифицировать интеграционные процессы в выигрышном для себя направлении.

2) **Эмансипация Китая и возвращение этой стране статуса «великой державы» и «мировой фабрики».** Это означает, что евразийское пространство становится сферой пересечения геополитических интересов России и Китая. При этом Китай, так же, как США, может рассматриваться как реальный конкурент в статусе гегемона при формировании различных альянсов на евразийском пространстве. Подчёркнём при этом, что гегемониальная стратегия Китая имеет ряд принципиальных отличий от американского аналога. Прежде всего, речь идёт о том, что Китай позиционирует себя в качестве экономического партнёра и отчасти спонсора региональных экономических проектов, не претендуя на контроль над политическими институтами и навязывание собственной идеологии как в виде неолиберальной версии глобальной демократии и универсальных прав человека, так и в виде радикальных версий политического ислама. Это делает Китай весьма привлекательным для постсоветских режимов, которые, пользуясь китайской ресурсной базой, не обязаны брать на себя обязательства по реформированию и демократизации политических институтов. Для России это актуализирует необходимость сопряжения проекта евразийской интеграции и китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути [12].

3) **Фактор «арабской весны»,** который означает коллапс государственности светского типа и стремительную религиозно-политическую радикализацию местного населения арабских стран, одной из основных причин которой является демографический фактор, выраженный в так называемом феномене «молодёжного бугра» [13]. Именно молодёжь, проживающая в городах, но не имеющая серьёзных перспектив социализации и восходящей вертикальной мобильности, становится основной средой для рекрутирования боевиков и радикальных экстремистов. Фактор «арабской весны» создаёт экзистенциальную угрозу светским режимам Центральной Азии, поскольку ислам предлагает идеологическую альтернативу неэффективным и «прогнившим», с точки зрения религиозных активистов,

режимам, тем более что ислам является укоренённой на данной территории религией, имея свою собственную внутриисламскую историю расколов и конфликтов. Такая ситуация, безусловно, подталкивает правящие элиты этих стран к поиску надёжных партнёров, которые бы смогли обеспечить их надёжными ресурсами для противостояния исламской угрозе.

4) Тесно связанным с предыдущим является **фактор военно-религиозной мобилизации в формате международного терроризма.** Он вынуждает как страны Центральной Азии, так и «великие державы» определённым образом выстраивать антитеррористические коалиции. Впрочем, для многих трезво оценивающих ситуацию политических элит рассматриваемого макрорегиона становится очевидным неспособность «коллективного Запада», возглавляемого США, реально противостоять угрозам, исходящим от Исламского Государства. В такой ситуации эффективный курс на борьбу с террористической угрозой ИГ, демонстрируемый Россией, может стать дополнительным фактором консолидации вокруг неё «малых» участников ЕАЭС, заинтересованных в военно-технологических ресурсах лидера ЕАЭС.

5) **Фактор слабости постсоветских государств.** Необходимо учитывать тот факт, что государства, которые формировались на пространстве бывшего Советского Союза, нельзя рассматривать как состоявшиеся, высокoeffективные монополии легитимного насилия в сфере безопасности, нормотворчества и налогообложения. Так или иначе с разной степенью остроты слабость политических новообразований является хорошо просматриваемой с аналитической точки зрения характеристикой постсоветского пространства [14, 15]. Наиболее радикальным и трагичным является украинский случай распада государственности и диффузии насилия [16]. Впрочем, подобные сценарии не исключены и для других режимов.

6) Актуальной характеристикой политических режимов многих постсоветских стран является не только слабость государства, но и **фактор старения элит и выход ряда стран – участников ЕАЭС в фазу их смены** (наиболее актуальным здесь является случай Казахстана). Фактор старения способен дезинтегрировать элиты, породив фракционные расколы, что может запустить механизмы утраты политического контроля за территорией и распад государства. Кроме того, внутри элит существуют различные поколенческие страты, ориентированные на разные интересы и ценности, за которыми стоят разные геополитические акторы. Подчёркнём, что с точки зрения исторической макросоциологии, именно раскол элит, а не восстание народа «снизу», является триггером, запускающим механизм распада государства [17, 18].

ЕС и ЕАЭС как альтернативные модели альянсов. Одним из возможных способов формирования стратегии развития ЕАЭС может служить малоперспективный, с нашей точки зрения, вариант институци-

онального переноса тех моделей и практик, которые были характерны для Европейского Союза. Как отмечает ряд российских авторов, «долгое время экспертное и научное сообщества были склонны идеализировать европейский опыт интеграционного строительства и, соответственно, модель традиционного регионализма. Попытки их слепого копирования на постсоветском пространстве на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. не принесли результатов» [19]. В этой связи нам представляется принципиально важным подчеркнуть, что **ЕС и ЕАЭС необходимо рассматривать как два различных варианта международных альянсов**. Существующие различия можно описать следующим образом:

1) ЕС формировался в условиях биполярного мира, а позже развивался в условиях краткосрочной американской гегемонии. Это означало, что издержки по обеспечению безопасности и обороны несли в основном Соединённые Штаты. Это позволяло европейским странам концентрировать ресурсы в сфере экономического развития и социальной политики, выразившейся в формировании различных европейских версий «государства всеобщего благоденствия», которое на данном этапе переживает глубокий кризис. Результатом существования американского военного «зонтика» стали демилитаризация и пацификация Европы и очевидная для внешних игроков слабость европейской оборонной инфраструктуры. Это обстоятельство даёт США возможность манипулировать своими европейскими партнёрами, которые де-факто не способны самостоятельно планировать и осуществлять результативные военные операции (что показал опыт кампании Франции и Великобритании в Ливии в 2011 г.).

В отличие от ЕС ЕАЭС стартует в условиях разложения монополярности и складывания основ многополярного мира, выражающихся в подъёме значения стран БРИКС в решении мировых проблем и роста их удельного веса в мировой экономике. В текущих реалиях у стран ЕАЭС есть альтернативные форматы сбора «гаранта безопасности».

2) Страны ЕС не обладают общим имперским прошлым. Они не были ни инфраструктурно, ни культурно едины. В свою очередь страны, входящие в состав ЕАЭС, являются бывшими республиками Советского Союза, которые сохраняют не только некоторые остаточные советские институты, но и общую коллективную память, значимую для старших поколений этих государств и их актуальных политических элит². Этот фактор общей культурной памяти, безусловно, можно считать наиболее значимым символическим ресурсом, работающим на поддержание идеи и институтов ЕАЭС. С уходом этих поколений в историю фактор символической политики и политики «мягкой силы», ориентированной на вновь входящие в жизнь поколения, приобретёт критически важное значение.

3) Европейские государства, участвовавшие в создании ЕС, – это национальные государства (*nation states*) со сформировавшимися идентичностями и эф-

фективными механизмами социального обеспечения. Очевидно, что постсоветские государства таковыми не являются. Это означает, что **сам характер государственности субъектов этих альянсов различен**. В первом случае перед нами продукт длительного исторического развития, хоть и переживающий кризис и утрату части суверенитета. Во втором случае мы имеем дело с продуктами распада Советского Союза по административным границам, что обуславливает несовпадение культурных и политических границ [21, 22].

4) Вошедшие в ЕС государства с точки зрения механизмов ресурсоизвлечения в основном ориентируются на так называемую фискальную стратегию. Эта стратегия предполагает отлаженное государственное администрирование сбора налогов, что в свою очередь ведёт к сближению государства и общества, работая над повышением дееспособности государства и подотчётности по отношению к населению³. Такой механизм ресурсоизвлечения вовлекает граждан в политический процесс и приводит к тому, что они начинают рассматривать монополию легитимного насилия как машину по предоставлению налогоплательщикам общественных благ.

В свою очередь, из пяти государств-участников ЕАЭС два основных – Россия и Казахстан – до последнего времени тяготели к модели рентного ресурсоизвлечения за счёт высоких цен на углеводороды и сырьё. А другие участники унаследовали индустриальную инфраструктуру от Советского Союза и в некоторых сегментах переживают процессы активной архаизации экономической жизни, что ставит на повестку дня этих стран задачу выработки нового антикризисного экономического курса, ориентированного на реиндустриализацию и современные технологии экономической безопасности, стремящиеся минимизировать непредсказуемые факторы глобального рынка.

Исходя из концептуальной рамки теории альянсов и тех новых геополитических реалий, которые были кратко обозначены выше, можно наметить два возможных варианта стратегии развития ЕАЭС.

Первый вариант стратегии – «принуждение к партнёрству» – следует рассматривать как заранее проигранный и нереализуемый. Основными недостатками этой стратегии являются завышение фактора военной силы и весьма возможное одностороннее навязывание интересов державы-гегемона в качестве интересов всего альянса, что приведёт к нарастанию напряжённости внутри альянса и поиску его «малыми» участниками других держав в качестве альтернативного гегемона.

Второй вариант стратегии – «конструктивное партнёрство». Он предполагает, что Россия рассматривает себя внутри данного союза как «великую державу», берушую на себя основные издержки по его содержанию. При этом Россия должна понимать, что она является одним из конкурентов, стремящихся консолидировать вокруг себя «малые» государства. Сами «малые» государства будут постоянно балансировать меж-

ду разными центрами силы и требовать различных предпочтений. Очевидно, что подписанные договоры не будут препятствиями для различных стратегий торга с гегемоном.

Успех стратегии «конструктивного партнёрства» может быть обеспечен за счёт:

- эффективных совместных проектов реиндустриализации национальных экономик, ориентированных на внутриевразийский рынок;
- совместных проектов в сфере обороны политики, военно-политического сотрудничества и профилактики террористических угроз;

– активного продвижения светских моделей культурной и молодёжной политики.

Стоит особо отметить региональное измерение интеграционных процессов. Регионы, особенно приграничные, должны рассматриваться не как транзитные территории для централизованных потоков ресурсов и товаров, а как территории развития, формирующие адекватную инфраструктуру, создающую долгосрочные условия для инвестиций в современную социальную среду. Именно коммуникации на уровне регион – регион внутри ЕАЭС могут в долгосрочной перспективе сформировать фундамент стабильности данного геополитического альянса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Демонстрируемая администрацией Д. Трампа попытка минимизировать поддержку союзников с целью сконцентрироваться на решении внутривнутриполитических проблем встречает устойчивое сопротивление американских элит, рассматривающих заявленную внешнеполитическую стратегию новой администрации как угрозу положению США как державы-гегемона.

² Подробнее об идее имперского центра в политической культуре Запада см. [20].

³ Подробнее о разных версиях ресурсоизвлечения и государственного строительства см. [23–25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Walt S. Alliances in Unipolar World // *World Politics*. 2009. № 61 (01). P. 86–120.
2. Gelpi Ch. Alliances as Instruments or Intra-Allied Control or Restraint / eds. by H. Haftendorn, R. Keohane, C. Wallander // *Imperfect Unions: Security Institutions over Time and Space*. N.Y. : Oxford University Press, 1999.
3. Olson M., Zeckhauser R. An economic theory of Alliances // *The Review of Economics and Statistics*. 1966. № 48 (3). P. 266–279.
4. Waltz K. *Theory of International Politics*. Mass. : Addison-Wesley, 1979.
5. Pempel T. Soft Balancing, Hedging, and Institutional Darwinism: The Economic-Security Nexus and East Asian Regionalism // *Journal of East Asian Studies*. 2010. № 10 (2). P. 209–238.
6. Андропова И.В. Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11, № 2. С. 7–23.
7. Братерский М.В. Изоляционизм против геополитики: двойственная роль Евразийского союза в системе глобального управления // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11, № 2. С. 58–70.
8. Walt S. *The Origins of Alliances*. Cornell : Cornell University Press, 1990. P. 35–181.
9. *Закат империи США: Кризисы и конфликты*. М. : МА КС Пресс, 2013.
10. Mann M. *Incoherent Empire*, London : Verso, 2003. 278 p.
11. Mann M. The sources of social power. V. 4. *Globalizations, 1945–2011*. N.Y. : Cambridge University Press, 2013. P. 268–321.
12. Скриба А.С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11, № 3. С. 67–81.
13. *Арабский мир после Арабской весны* / под ред. А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной. М. : URSS, 2013.
14. Hale H.E. *Patronal Politics. Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge : Cambridge University Press, 2015.
15. Фисун А.А. *Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации*. Харьков : Константа, 2006.
16. Козлов С.В. Украинский неопатримониальный режим: от «оранжевой революции» к «евромайдану» // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2014. Т. 10, № 1. С. 31–43.
17. Коллинз Р. *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М. : УРСС, 2015.
18. Голдстоун Дж. *Революция. Очень краткое введение*. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
19. Головин М.Ю., Захаров А.В., Ушкалова Д.И. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 4. С. 61–69.
20. Каспэ С. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М. : Моск. шк. полит. исследований, 2007.
21. Ноженко М. *Национальные государства в Европе*. СПб. : Норма, 2007.
22. Малахов В.С. *Национализм как политическая идеология*. М. : Изд-во КДУ, 2014.
23. Тилли Ч. *Государственное ресурсоизвлечение и демократия* // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2007. № 4. С. 38–49.
24. Росс М. *Нефтяное проклятие. Как богатые запасы углеводородного сырья задают направление развития государств*. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
25. Brautigam D.A., Fjeldstad O.-H., Moore M. *Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008.

Bereznyakov Dmitry V. Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia). E-mail: bereznyakov@ngs.ru; *Kozlov Sergey V.* Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia). E-mail: feld@ngs.ru

PROJECTING THE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION THROUGH THE PRISM OF THE INTERNATIONAL RELATIONS' ALLIANCE THEORY.

Keywords: alliances; EEC; international relations; hegemonic power; strategy of constructive partnership; strategy of coercive partnership.

Rapid changes in the structure of international relations in the 21st century have led to the emergence of alternate centers of power claiming a “great power” status. Their strategic behavior on the international stage requires theoretical conceptualization reflective of current transformations in international relations. Drawing on methodologies of the international relations' alliance theory the article seeks to define a possible direction of Russia's strategic behavior as a dominant actor in the EAEU. The alliance theory argues that sta-

ble functional alliances in world politics are defined by assymetric statuses of their participants and by the exclusive role of a hegemonic power in providing security. In the course of the emerging post bi-polar structure of international relations hegemonic powers find themselves competing to recruit “minor” alliance members. The stated aim of the article is pursued by applying key principles of the alliance theory to the study of Eurasian integration, by identifying certain key elements of the geopolitical context for the EAEU’s expansion and development, and by defining meaningful distinction criteria for the EAEU and the EU as alliances with different historical, economic, and political foundations. When evaluating the strategic context for the formation of the Eurasian Economic Union, which defines actor behavior of the former republics of the Soviet Union, it is necessary to take into account both the evolved role of the United States as a global hegemonic power and the precipitous increase in the geopolitical weight of China as an alternate power center. Furthermore, a major factor shaping the behavior of post-Soviet states is the growing role of Islam which casts doubt on the secular legitimacy of these polities. Institutional weakness of these states as legitimate power monopolies and the ageing of their elites increase uncertainty risks and drive post-Soviet states to seek partners in order to form alliances, which could ensure stability in their macro-region. In this case uncritical borrowing of the experience of European integration could play a negative role since the formation of the European Union and the formation of the Eurasian Economic Union occurred in different historical conditions. The European Union was formed as a union of stable nation states in the bi-polar structure of international relations with the United States assuming the role of the military resource security provider for that alliance. The Eurasian Economic Union, however is made up only of actors with post-Soviet experience of state building whose elites have been mostly shaped in the political and cultural space of the Soviet era. In the course of this research study, the authors came to conclude that stabilizing the post-Soviet space in the EAEU format requires from Russia as an alliance leader to develop a mode of strategic behavior that would create long term planning horizons, both for Russia and for other alliance members. Such strategy could be defined as “constructive partnership”, which means at its core that Russia will be assuming main costs of maintaining security and coordinating projects of reindustrialization and reconstitution of a shared economic space.

REFERENCES

- Walt, S. (2009) Alliances in Unipolar World. *World Politics*. 61(01). pp. 86–120. DOI: 10.1017/S0043887109000045
- Gelpi, Ch. (1999) Alliances as Instruments or Intra-Allied Control or Restraint. In: Haftendorn, H., Keohane, R. & Wallander, C. (eds) *Imperfect Unions: Security Institutions over Time and Space*. New York: Oxford University Press.
- Olson, M. & Zeckhauser, R. (1966) An economic theory of alliances. *The Review of Economics and Statistics*. 48(3). pp. 266–279.
- Waltz, K. (1979) *Theory of International Politics*. Mass.: Addison-Wesley.
- Pempel, T. (2010) Soft Balancing, Hedging, and Institutional Darwinism: The Economic-Security Nexus and East Asian Regionalism. *Journal of East Asian Studies*. 10(2). pp. 209–238. DOI: 10.1017/S1598240800003441
- Andronova, I.V. (2016) Eurasian Economic Union: Opportunities and Barriers to Regional and Global Leadership. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*. 11(2). pp. 7–23. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-07
- Braterskiy, M.V. (2016) Isolationism versus Geopolitics: The Dual Role of the Eurasian Economic Union in Global Governance. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*. 11(2). pp. 58–70. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-58
- Walt, S. (1990) *The Origins of Alliances*. Cornell: Cornell University Press. pp. 35–181.
- Wallerstein, I., Amin, S., George, S., Bello, W. et al. (2013) *Zakat imperii SShA: Krizisy i konfliktiy* [The Decline of the US Empire: Crises and Conflicts]. Moscow: MA KS Press.
- Mann, M. (2003) *Incoherent Empire*. London: Verso.
- Mann, M. (2013) *The sources of social power*. Vol. 4. New York: Cambridge University Press. pp. 268–321.
- Skriba, A.S. (2016) The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Players, interests and implementation challenges. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*. 11(2). pp. 67–81. (In Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-67
- Korotaev, A.V., Isaev, L.M. & Shishkina, A.R. (eds) (2013) *Arabskiy mir posle Arabskoy veny* [The Arab world after the Arab Spring]. Moscow: URSS.
- Hale, H.E. (2015) *Patronal Politics. Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fisun, A.A. (2006) *Demokratiya, neopatrimonializm i global'nye transformatsii* [Democracy, neo-patrimonialism and global transformations]. Kharkov: Konstanta.
- Kozlov, S.V. (2014) Ukrainskiy neopatrimonial'nyy rezhim: ot “oranzhevoy revolyutsii” k “evromaydanu” [Ukrainian non-patrimonial regime: From the “Orange Revolution” to the “Euromaidan”]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS – Political Expertise: POLITEX*. 10(1). pp. 31–43.
- Collins, R. (2015) *Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English by N. Rozov. Moscow: URSS.
- Goldstone, J. (2015) *Revolutsiya. Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions: A Very Short Introduction]. Translated from English by A. Yakovlev. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
- Golovnin, M.Yu., Zakharov, A.V. & Ushkalova, D.I. (2016) Economic Integration: Lessons for the Post-Soviet Space. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 60(4). pp. 61–69. (In Russian).
- Kaspe, S. (2007) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centres and hierarchies: Spatial metaphors of power and the Western political form]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
- Nozhenko, M. (2007) *Natsional'nye gosudarstva v Evrope* [National States in Europe]. St. Petersburg: Norma.
- Malakhov, V.S. (2014) *Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya* [Nationalism as a political ideology]. Moscow: KDU.
- Tilly, Ch. (2007) *Gosudarstvennoe resursoizvlechenie i demokratiya* [State resource extraction and democracy]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 4. pp. 38–49.
- Ross, M. (2015) *Neftyanoe proklyatie. Kak bogatye zapasy uglevodorodnogo syr'ya zadayut napravlenie razvitiya gosudarstv* [The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations]. Translated from English by Yu. Kapturevsky. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
- Brautigam, D.A., Fjeldstad, O.-H. & Moore, M. (2008) *Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 327.7

DOI: 10.17223/19988613/50/9

Ю.В. Жучкова, С.Н. Мирошников

ЕС И АРМЕНИЯ: НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО?

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект № 28.4319.2017/5.1).

Анализируются политика руководства Армении после отказа армянского руководства подписать Соглашение об ассоциации с ЕС и вступлении Армении в Евразийский экономический союз. Основное внимание уделяется возникновению уникальной ситуации, в которой руководству Армении удалось, сохранив свои обязательства в рамках ЕАЭС, парафировать новое Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС, которое рассматривается как облегченная версия Соглашения об ассоциации.

Ключевые слова: Армения; ЕС; интеграция; Восточное партнерство; Соглашение об ассоциации.

С момента приобретения независимости развитие отношений Армении с евроатлантическими структурами, и прежде всего с Европейским союзом, стало приоритетным направлением внешней политики [1]. Однако долгое время отношение к Армении не отличалось от подхода ЕС к другим постсоветским странам. Сотрудничество началось с запуска программы Технической помощи Содружеству независимых государств – ТАСИС (TACIS), призванной способствовать развитию прочных экономических и политических связей между Европейским Союзом и страной-партнером. Главным инструментом ТАСИС стало предоставление субсидий для передачи технологий, поддержки перехода к рыночной экономике и демократии путем реформирования законодательства. Наряду с общей для всех программой ТАСИС, так же, как и в случае с остальными 11 республиками, между ЕС и Арменией в 1996 г. было заключено Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), которое носило чисто технический характер. Выработка общего подхода ко всем бывшим советским республикам была связана с несколькими факторами. Долгое время ЕС имел слабое представление о регионе: на протяжении десятилетий ЕС (в качестве *political entity*, а не на уровне отдельных государств-членов) был вовлечен в дела региона лишь пассивно. К тому же в 80–90-х гг. XX в. Европейский союз сам находился в процессе перманентной трансформации и не мог уделять должного внимания появившимся в одночасье «молодым демократиям».

Однако по мере расширения на Восток отношение ЕС к региону в целом и Армении в частности значительно изменилось. Так, с целью укрепления роли Европейского союза в обеспечении региональной безопасности и оказания помощи южнокавказским республикам в проведении реформ в области верховенства права, демократии и прав человека был назначен Специальный представитель Европейского Союза на Южном Кавказе Хейке Талвитие. В это же время Армения становится участником Европейской политики добрососедства (ЕПС), которая была разработана в 2004 г. с

целью сближения ЕС с ее соседями. Основными целями ЕСП были достижение экономического развития государств, усиление политической стабильности и безопасности в регионе. Главным стимулом не только для поддержания реформ во всех областях общественной жизни, но и для достижения стабильного регионального развития и утверждения на Южном Кавказе атмосферы взаимного доверия выступает перспектива получения финансовых средств в рамках данной программы, что, по мнению ЕС, должно вести к углублению сотрудничества и интеграции с ЕС. Такая перспектива вполне отвечает долгосрочным интересам Армении [2]. Сотрудничество в рамках ЕПС важно для Еревана не только с военно-политической точки зрения, но и с экономической. Являясь основным торговым партнером, на который приходится 29,7% общей торговли Армении, ЕС в рамках политики добрососедства продвигает целый ряд программ, призванных развивать региональное сотрудничество и приводить национальные стандарты производства в соответствие с европейскими нормами [3].

Несмотря на проработанность концепции ЕПС, Брюссель быстро понял, что невозможно одними и теми же инструментами продвигать сотрудничество в Алжире, Египте, Армении или Молдове. Слишком разные интересы и цели этих стран, слишком разные представления о сотрудничестве и интеграции с ЕС существуют у них. Осознавая негибкость политики добрососедства, Брюссель был вынужден искать новые формы развития интеграционных процессов с постсоветскими государствами. Так, с целью способствовать стабилизации, безопасности и процветанию самого ЕС и его партнеров ЕС запустил проект «Восточного партнерства» (региональное измерение ЕПС), который объединил три страны Восточной Европы и три страны Южного Кавказа, среди которых была и Армения [4]. Главной задачей Партнерства явилось развитие интеграционных связей между Европейским Союзом и Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной на основе ценностей, норм и стандар-

тов ЕС. Конечной целью сотрудничества ЕС со странами-партнерами в рамках данного проекта было объявлено заключение соглашений об ассоциации, создание глубоких и всеобъемлющих зон свободной торговли и введение безвизовых режимов [4]. При этом сотрудничество с ЕС предполагалось развивать в русле политики кондициональности [Там же]. Кондициональность утверждает те условия, при которых определенное государство становится частью единого правового пространства, от членства или ассоциации с которым получает очевидные выгоды (например, в форме политической, экономической, материальной или организационной помощи) и в то же время предполагает, что институты ЕС (Европейский Парламент, Комиссия ЕС и, что особенно важно, Европейский суд) способны эффективно имплементировать проверенные юридические и организационные практики в заинтересованных странах.

Несмотря на пугающий, с первого взгляда, юридически обязательный характер будущего Соглашения об ассоциации, Армения оставалась весьма заинтересованной стороной в развитии углубленного сотрудничества с ЕС. Интерес Еревана к «Восточному партнерству» продиктован несколькими факторами:

- Ухудшение российско-грузинских отношений, связанное с военным вмешательством России в грузино-южноосетинский конфликт, негативно сказалось на армянской экономике. Армения, и без того испытывающая трудности в развитии транспорта и промышленности ввиду жесточайшей экономической блокады со стороны Азербайджана и Турции, понесла огромные финансовые убытки, так как 60–70% всего товарооборота страны идет через Грузию [5]. Военный же конфликт привел к тому, что три недели транспортные коммуникации не функционировали должным образом.

- Фактическая остановка любых контактов между российской и грузинской стороной после конфликта 2008 г. поставила под вопрос энергетическую безопасность страны. В ходе военных действий грузинская сторона без предупреждения сократила поставки российского газа в Армению. А ввиду того, что одним из главных аспектов сотрудничества ЕС со странами-партнерами является усовершенствование механизмов энергетической безопасности, участие в «Восточном партнерстве» было крайне важно для Еревана.

- Углубление интеграционных связей с ЕС отвечало интересам Армении, так как способствовало диверсификации внешнеэкономической деятельности страны. Согласно Национальной статистической службе, по состоянию на 2008–2009 гг. по объему импорта ЕС и СНГ практически одинаково отображаются в торговом балансе с суммой немногим более 1 млрд долл. [6].

- Развитие и углубление партнерства ЕС–Армения необходимо было для уравнивания военно-политической, энергетической, телекоммуникационной и банковской зависимости от России. Ведь в результате активной экспансии в банковский сектор Армении доля российских банков увеличилась до 60% общего ино-

стрannого капитала [7]. А в сфере энергетики и телекоммуникаций в настоящее время наблюдается следующая картина: практически 100%-ми «дочками» российских компаний являются «Южно-Кавказская железная дорога», которой переданы в концессию железные дороги Армении, «Газпром Армения», обеспечивающая поставку и продажу природного газа на внутреннем рынке, «Арментел» и его коммуникационные сети, «Роснефть-Армения», осуществляющая поставки нефтепродуктов из России в Армению [8]. В военно-политическом плане Ереван по-прежнему во многом зависит от Москвы. Согласно подписанному в 1997 г. Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Арменией и РФ, стороны обязались развивать военно-техническое сотрудничество и оказывать друг другу взаимную помощь в случае военной угрозы от третьих стран [9]. Таким образом, размещенная по Договору 1995 г. 102-я российская военная база до сих пор служит одним из сдерживающих факторов начала азербайджанской военной агрессии против Армении. Кроме того, Россия остается одним из главных поставщиков вооружений в страну [10].

Вышесказанное обусловило желание Еревана углубить взаимодействие с Европейским союзом. И уже в 2010 г. ЕС и Армения начали переговоры о заключении Соглашения об ассоциации и создании всесторонней и углубленной зоны свободной торговли [11]. Запуск переговоров спровоцировал споры как среди политических деятелей, так и в академическом сообществе всех заинтересованных сторон, включая Россию, которая продвигала свою модель интеграции в виде Таможенного союза и Евразийского союза. Москву, которая всегда с настороженностью относилась к «Восточному партнерству», беспокоило, что в случае заключения Соглашения об Ассоциации она лишится былого геополитического влияния России на постсоветском пространстве в силу имплементации европейских принципов и норм в национальные законодательства стран-партнеров, перестанет быть ведущим поставщиком энергоносителей в регионе ввиду того, что ЕС и страны-партнеры намереваются развивать альтернативные пути энергоснабжения, потеряет традиционные рынки сбыта своих товаров и услуг, а ее внутренний рынок захлестнет волна более дешевых и качественных европейских товаров в результате реэкспорта через Армению и Украину. Это подтолкнуло Россию предпринять еще более решительные шаги в отношении стран, желавших создать зону свободной торговли с ЕС. Среди трех стран, на которые Кремль оказывал экономическое и политическое давление, была и Армения. Так, например, в 2012 г. российская сторона подняла цены на поставляемый в Армению газ, что в условиях экономического спада не могло не возыметь действия на власти. Также Россия напомнила о военно-политической уязвимости Еревана, подписав крупный контракт на поставку Баку российских вооружений [12].

Результатом трехлетних переговоров между Брюсселем и Ереваном стал отказ президента Армении

Сержа Саргсяна подписать Соглашение об Ассоциации на Вильнюсском саммите «Восточного партнерства» в ноябре 2013 г. В ответ на это Брюссель отказался от предложения армянской власти подписать политические главы Соглашения об ассоциации. Несмотря на разочарование и раздраженность тем, что Армения входит в состав Таможенного и затем Евразийского союза, сотрудничество сторон в рамках «Восточного партнерства» продолжилось. С одной стороны, это было связано с тем, что Брюссель всегда подчеркивал стремление развивать двусторонние отношения со странами-партнерами вне зависимости от их интеграционных устремлений [4]. Возобновление переговоров по новому Соглашению между Арменией и Европейским союзом укладывалось как в логику принципа дифференциации, который был декларирован еще на Пражском саммите «Восточного партнерства» и подтвержден в очередной раз на Рижском саммите в 2015 г., так и Глобальной стратегии ЕС, принятой в 2016 г. С другой стороны, Ереван, который на протяжении долгих лет выстраивает международные связи в духе комплементаризма, не собирался оставлять попыток развития диалога с Брюсселем. Итогом приверженности подобным подходам явилось возобновление переговоров по пересмотру Соглашения о партнерстве между ЕС и Арменией в декабре 2015 г. Уже спустя 14 месяцев, в феврале 2017 г., на встрече президента Армении с высшим руководством ЕС было парафировано новое Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве.

Новое Соглашение есть не что иное, как «лайт-версия» Соглашения, которое не было подписано в 2013 г. Политические главы, отмечает Российский совет по международным делам, обновленного Соглашения предусматривают детализацию двустороннего сотрудничества в области защиты прав человека, содействия демократическим реформам, укрепления принципа верховенства права. Данное положение соответствует интересам Европейского союза, который выстраивает диалог со странами-партнерами на основе европейских ценностей свободы, верховенства права и экономического благополучия. Вместе с тем из текста Соглашения исключены пункты, касающиеся чувствительных сфер общественной жизни, которые могут войти в противоречие с уже имеющимися обязательствами Армении с другими организациями и государствами [13]. Иными словами, обновленный документ учитывает обязательства армянской стороны перед Таможенным союзом, ОДКБ и Россией. Исключены положения о всеобъемлющей зоне свободной торговли между ЕС и Арменией. При всех ограничениях, накладываемых на Армению ее членством в ЕАЭС, Армения

смогла сохранить тесные отношения с одним из главных торговых партнеров и инвесторов, а также продолжить развивать торговые отношения в рамках Системы тарифных преференций ЕС (GSP+), что отвечает задаче диверсификации экономической деятельности Армении.

Таким образом, новое Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Арменией и Европейским союзом носит менее амбициозный, но не менее содержательный характер. Учитывая те изменения, которые были внесены в новое рамочное соглашение, перспективы его подписания на саммите «Восточного партнерства» в ноябре 2017 г. достаточно оптимистические. Проявив гибкость в отношении Армении, Европейский союз доказывает приоритетность постсоветского пространства в своей политической повестке дня, а также демонстрирует, что «Восточное партнерство» – не антироссийский проект, нацеленный на подрыв геополитических и экономических интересов России, как считают многие российские исследователи и политики, а проект, в действительности направленный на реформирование общественной жизни не только отдельно взятого государства, но и бывших советских республик, в особенности учитывая тот факт, что Армения «выторговала» больше времени для реализации правовых актов Европейского союза.

Будущее отношений ЕС–Армения в рамках «Восточного партнерства» будет зависеть от нескольких вещей. Прежде всего, от отношения самих заинтересованных сторон к этому европейскому проекту. Нельзя допустить конфронтации по линии ЕС–ЕАЭС. Это уже привело к серьезной дестабилизации современной системы международных отношений. Создание новых барьеров по линии разграничения интеграционных объединений приведет к разделу евразийского пространства, которое еще недавно мыслилось как «единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока». К тому же быстрое развитие современных технологий может забетонировать этот разрыв на долгое время и породить новые конфликты. Во-вторых, для усиления двусторонних отношений критически важным станет способность Европейского союза тщательно отслеживать ход проводимых в Армении реформ и осуществлять адекватную политику, нацеленную на выработку решений, которые отвечали бы интересам Армении как государства – члена ЕАЭС. В-третьих, в ситуации ограниченного пространства для маневра не менее важным станет способность сторон выработать новые подходы и найти необходимые инструменты для развития сотрудничества в тех областях армянской экономики, которым модернизация и технологическое развитие могут придать импульс для дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия национальной безопасности Республики Армения, утвержденная 26 января 2007 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения. URL: http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrineeng.pdf.
2. Минасян С. Армения и программа ЕС «Политика европейского соседства // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 6 (42). С. 84.

3. Armenia – EU trade // Официальный сайт Европейской комиссии. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/armenia>.
4. Совместная декларация Пражского саммита «Восточного партнерства», 7 мая 2009 г. // Официальный сайт Совета ЕС. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf.
5. Минасян С. Армения и Грузия: взаимный транзитный потенциал в контексте торгово-экономического и политического сотрудничества двух стран, 16 сентября 2016 г. Аналитическая статья // Аналитический портал «Кавказского дома». URL: <http://regional-dialogue.com/ru/армения-и-грузия-взаимный-транзит>.
6. База данных внешней торговли Республики Армения // Официальный сайт Национальной статистической службы Республики Армения. URL: <http://www.armstat.am/ru/?nid=159>.
7. Жучкова Ю. Армения связана по рукам и ногам, 26 июля 2017. Комментарий // Сайт Джеймстаунского фонда. URL: <https://jamestown.org/armenias-hands-are-tied-regarding-russian-arms-sales-to-azerbaijan>.
8. Иноземцев В. Экономика Армении: вызовы и перспективы. 6 августа 2017. Аналитическая статья // Сайт Аналитического центра «Армениэн Интэрэст». URL: <http://armenian-interest.com/rus/Post/title/Ekonomika-Armenii9-vyzovy-i-perspektivy>.
9. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения, 29.08.1997 // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-243/47338.
10. Регистр обычных вооружений ООН. Статистические данные // Официальный сайт Регистра обычных вооружений ООН. URL: <https://www.unroca.org>.
11. Республика Армения и Европейский союз начали переговоры по Соглашению об ассоциации. Пресс-релиз // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения. URL: http://www.mfa.am/en/press-releases/item/2010/07/19/association_negotiations.
12. Федоровская И. Армения и Таможенный союз // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 1. С. 62.
13. Минасян С. Армения–ЕС: подготовка нового рамочного соглашения о сотрудничестве. Аналитическая статья, 10 марта 2017 года // Сайт Российского совета по международным делам. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/armeniya-es-podgotovka-novogo-ramochnogo-soglasheniya-o-sotr>.

Zhuchkova Yulia V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: yulia.zhuchkova@gmail.com; Miroshnikov Sergey N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Smiroshnikov64@mail.ru

EU–ARMENIA: ALL IS NOT LOST?

Keywords: Armenia; EU; Integration; Eastern Partnership; Association Agreement.

The objective of the article is to determine the extent and nature of the new stage of relationship between the European Union and Armenia after the latter has joined the Eurasian Union. To attain the objective, the authors set the following tasks: 1) To analyze the nature of the Association Agreement between the EU and the Republic of Armenia; 2) To determine the reasons for not signing the agreement by the leadership of Armenia at the Vilnius summit of the “Eastern Partnership” in November 2013; 3) To identify the factors that contributed to the resumption of negotiations between the EU and Armenia on the conclusion of a new agreement in 2015; 4) To analyze the initial agreement between the Republic of Armenia and the EU. The methodological basis of this article is the method of historical analysis, based on the analysis of processes occurring in a certain period of time, the extraction of the process, and its discussion in hindsight. In addition, content analysis is used to analyze the texts of the agreements. A problematic field of research is the formation of a modern system of international relations and the interaction of different integration processes. Therefore, the authors of the article came to the following conclusions: Since independence in 1991, the development and consolidation of Armenia’s relations with the European structures, especially with the EU, has been a priority direction for the country’s foreign policy. Despite this, the Armenian president refused to sign the Association Agreement at the Vilnius summit of the “Eastern Partnership” 2013, because he believed that the obstacles imposed on Armenia by that Agreement would hinder the development of its ties with the Russian Federation. The resumption of negotiations on the new Association Agreement between Armenia and the European Union was consistent both with the logic of the EU Global Strategy adopted in 2016, and was in line with Yerevan’s desire to develop dialogue with the EU, but already as a member of the EAEU. The initial 2017 Agreement corresponds to the interests of the European Union. At the same time, the paragraphs that may contradict Armenia’s existing commitments to the EAEU and CSTO were excluded from the text of the new Agreement. The future of EU-Armenia relations within the framework of the “Eastern Partnership” will depend on several issues. First of all, it will depend on the attitude of the interested parties to this European project. It is necessary to put an end to the confrontation between the EU and the EAEU. It has already led to a serious destabilization of the contemporary system of international relations. The creation of new barriers along the line of demarcation of integration associations will result in the division of the Eurasian space, which until recently has been perceived as a common space from Lisbon to Vladivostok. In addition, the rapid development of modern technologies can concretize this gap for a long time and generate new conflicts. Secondly, the European Union’s ability to monitor Armenia’s progress in implementing the CEPA provisions but at the same time not creating barriers to Yerevan on its way to the EAEU, will be crucial. Thirdly, in a situation when the space for maneuver is shrinking, the ability of the parties to develop new approaches and to find the necessary tools for developing cooperation in those areas of the Armenian economy, to which modernization and technological development can give impetus for further development, will be equally important.

REFERENCES

1. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia. (2007) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Respubliki Armeniya, utverzhennaya 26 yanvarya 2007 g.* [The national security strategy of the Republic of Armenia, approved on January 26, 2007]. [Online] Available from: http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrineeng.pdf.
2. Minasyan, S. (2005) *Armeniya i programma ES Politika evropeyskogo sosedstva* [Armenia and the EU program European Neighborhood Policy]. *Tsentr'naya Aziya i Kavkaz – Central Asia and the Caucasus*. 6(42). pp. 84
3. The European Commission. (n.d.) *Armenia – EU trade*. [Online] Available from: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/armenia>.
4. The EU Council. (2009) *Sovmestnaya deklaratsiya Prazhskogo sammita “Vostochnogo partnerstva”*, 7 maya 2009 g. [Joint Declaration of the Prague Summit “Eastern Partnership”, May 7, 2009]. [Online] Available from: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf.
5. Minasyan, S. (2016) *Armeniya i Gruzija: vzaimnyy tranzitnyy potentsial v kontekste torgovo-ekonomicheskogo i politicheskogo sotrudnichestva dvukh stran, 16 sentyabrya 2016 g.* [Armenia and Georgia: mutual transit potential in the context of trade, economic and political cooperation between the two countries, September 16, 2016]. [Online] Available from: <http://regional-dialogue.com/ru/armeniya-i-gruziya-vzaimnyy-tranzit>.

6. National Statistical Service of the Republic of Armenia. (n.d.) *Baza dannykh vneshney trgovli Respubliki Armeniya* [Database of foreign trade of the Republic of Armenia]. [Online] Available from: <http://www.armstat.am/ru/?nid=159>.
7. Zhuchkova, Yu. (2017) *Armeniya svyazana po rukam i nogam, 26 iyulya 2017. Kommentariy* [Armenia is bound hand and foot, July 26, 2017. Commentary]. [Online] Available from: <https://jamestown.org/armenias-hands-are-tied-regarding-russian-arms-sales-to-azerbaijan>.
8. Inozemtsev, V. (2017) *Ekonomika Armenii: vyzovy i perspektivy. 6 avgusta 2017* [The economy of Armenia: Challenges and prospects. August 6, 2017]. [Online] Available from: <http://armenian-interest.com/rus/Post/title/Ekonomika-Armeniip9-vyzovy-i-perspektivy>.
9. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (1997) *Dogovor o druzhbe, sotrudnichestve i vzaimnoy pomoshchi mezhdu Rossiyskoy Federatsiey i Respublikoy Armeniya, 29.08.1997* [Treaty on Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Republic of Armenia, August 29, 1997]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-243/47338.
10. The United Nations Register of Conventional Arms. (n.d.) *Registr obychnykh vooruzheniy OON. Statisticheskie dannye* [United Nations Register of Conventional Arms. Statistics]. [Online] Available from: <https://www.unroca.org>.
11. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia. (2010) *Respublika Armeniya i Evropeyskiy soyuz nachali peregovory po Soglasheniyu ob assotsiatsii* [The Republic of Armenia and the European Union have started negotiations on the Association Agreement]. [Online] Available from: http://www.mfa.am/en/press-releases/item/2010/07/19/association_negotiations.
12. Fedorovskaya, I. (2014) *Armeniya i Tamozhennyi soyuz* [Armenia and the Customs Union]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii – Russia and New States of Eurasia*. 1. pp. 62.
13. Minasyan, S. (2017) *Armeniya-ES: podgotovka novogo ramochnogo soglasheniya o sotrudnichestve* [Armenia-EU: preparation of a new framework agreement on cooperation]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/armeniya-es-podgotovka-novogo-ramochnogo-soglasheniya-o-sotr>.

УДК 37.014.5

DOI: 10.17223/19988613/50/10

А.М. Погорельская

ВЫДАВАЯ ЖЕЛАЕМОЕ ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ, ИЛИ ВСТУПЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ В БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС

*Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России
(проект № 28.4319.2017/5.1).*

Актуальность исследования обусловлена историческим сходством систем высшего образования Беларуси и России, а также тем фактом, что обе страны вынуждены их реформировать в связи с присоединением к Болонскому процессу. Реформы высшего образования всегда болезненно воспринимаются обществом, а их эффект ощутим лишь в долгосрочной перспективе, однако требуется анализ текущего положения дел с тем, чтобы возникающие пробелы оперативно ликвидировались. Ниже рассматривается проблема обеспечения академической мобильности в Беларуси как одного из обязательных показателей участия в Болонском процессе.

Ключевые слова: Беларусь; высшее образование; Болонский процесс; академическая мобильность.

Советская система образования, которая смогла выполнить тяжелейшие задачи – в относительно короткие сроки обеспечить секуляризацию образования, обучить грамоте многомиллионное население, подготовить многочисленных квалифицированных специалистов для развития науки и промышленности, – долгое время считалась передовой. Несмотря на излишнюю централизацию и идеологизацию высшего образования, эта система исправно снабжала страну необходимыми кадрами. Постепенно образование всех уровней стало в СССР бесплатным. Согласно стандартам советской системы, высшее образование очной формы обучения занимало пять лет, по истечении которых студент, сдавший все зачеты и экзамены и защитивший итоговую индивидуальную работу, получал диплом специалиста. Во многом в связи с потребностями экономики к концу 1970-х гг. высшее образование в СССР стало характеризоваться дисбалансом в сторону естественнонаучного профиля и фундаментальных дисциплин. Кроме того, несмотря на высочайшее качество подготовки специалистов инженерного и естественнонаучного профиля, развитие советской системы высшего образования определялось прежде всего нуждами национальной экономики и проходило обособленно от многих мировых тенденций [1. С. 46–47].

В начале 1990-х гг. Беларусь, как и остальные бывшие республики СССР, характеризовалась наличием системы образования, унаследованной с советских времен. В частности, высшее образование предоставлялось только в государственных вузах и по весьма специфической схеме, отличной от европейской. Однако на первый план среди задач государства тогда вышло решение проблем социально-экономического порядка, поэтому система высшего образования какое-то время существовала по инерции. Появились частные вузы и платное высшее образование, однако суть образовательного процесса во многом не менялась. Поскольку страна к тому моменту уже характеризовалась

очень высоким уровнем грамотности и количеством студентов, что объяснялось доставшейся в наследство от СССР системой всеобщего бесплатного среднего образования и традициями получения высшего образования как гарантии трудоустройства, то необходимость реформ была осознана далеко не сразу.

Тем временем в мире усиливалась конкуренция за самых высококвалифицированных специалистов, способных использовать комплекс полученных в университете знаний для решения многопрофильных задач, умеющих пользоваться современными информационными и коммуникационными технологиями и желающими постоянно совершенствоваться ввиду изменчивости рынка. Обеспеченность такими специалистами стала одним из ключевых аспектов перехода любой страны к «экономике знаний». В этой связи большинство развитых, а затем и развивающихся стран было вынуждено прибегнуть к реформированию системы высшего образования [2. С. 294–298].

С конца 1990-х гг. на путь реформирования и сближения образовательных систем встали европейские страны. С подписанием Сорбонской декларации (1998 г.), а затем Болонской декларации (1999 г.) фактически был дан старт созданию Европейского пространства высшего образования. Первыми участниками так называемого Болонского процесса стали 29 стран Европы, обязавшихся к 2010 г. гармонизировать свои системы высшего образования. Опираясь на традиции и новые требования к высшему образованию, обусловленные необходимостью перехода к «экономике знаний», они решили сформировать конкурентоспособное на мировом рынке образовательных услуг и привлекательное для абитуриентов со всего света общеевропейское образовательное пространство. Бонусами для вступающих в него стран должны были стать широкие возможности для академической мобильности студентов и преподавателей, а также реализация должного мониторинга качества высшего образования, в том числе в целях

гарантирования его соответствия запросам рынка труда и содействия дальнейшему трудоустройству выпускников в соответствии с потребностями национальных экономик [3].

Создание условий для надлежащего функционирования Европейского пространства высшего образования предполагало принятие целого ряда мер, включавших введение трехуровневой системы высшего образования (бакалавриата, магистратуры и докторантуры); установление кредитной системы, позволяющей сопоставлять знания и умения выпускников вузов из разных стран-участниц Процесса; достижение договоренностей о взаимном признании квалификаций и выработку универсальных квалификационных требований; соблюдение автономии университетов. Позже к ним добавились идеи о необходимости привлечения студентов и работодателей к разработке и реализации образовательного процесса; обеспечения образования в течение всей жизни; содействия доступности высшего образования; обеспечения исследовательской составляющей третьего уровня высшего образования [4].

Наряду с расширением задач Болонского процесса росло и количество его участников. К настоящему моменту оно увеличилось с 29 до 48 государств, что свидетельствует об актуальности поставленных задач и их привлекательности для участников. В частности, Россия присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г., Армения – в 2005 г., Казахстан – в 2010 г., Беларусь стала 48-м его участником в мае 2015 г.

Хотя сегодня Болонский процесс считается достаточно успешным примером региональной интеграции в сфере высшего образования, предполагающим, что все его участники обязуются соответствовать высоким требованиям качества высшего образования, а также целому ряду общих положений Болонской декларации, степень внедрения соответствующих принципов в образовательную политику и систему высшего образования разных стран – участниц Процесса неоднородна. В частности, некоторые государства подошли к их установлению весьма формально, ограничившись поверхностной ретушью существовавшей ранее системы высшего образования.

Формально-бюрократический подход некоторых участников к реализации Болонского процесса стал центром внимания министров образования государств – членов Европейского пространства высшего образования в ходе министерской конференции в г. Ереван (Армения) в мае 2015 г. Они обсудили те уроки, которые были извлечены участниками за 15 лет тесного сотрудничества. В ходе конференции были обозначены недостатки Болонского процесса, осложняющие его надлежащую имплементацию на национальном уровне.

По мнению министров образования стран – участниц Болонского процесса, причинами поверхностного внедрения принципов Болонской декларации становятся недостаточная информированность и понимание всеми заинтересованными лицами концепции Европей-

ского пространства высшего образования. Соответственно, некоторые участники трактуют положения Болонской декларации и других ключевых документов Болонского процесса наиболее выгодным для себя образом, в том числе в финансовом и репутационном плане, тем самым зачастую искажая инструменты и цели реформ в угоду формальным показателям.

Кроме того, среди причин формального подхода к имплементации принципов Болонской декларации была выделена такая трудность в проведении структурных реформ, трансформирующих исторически сложившиеся особенности национальных систем образования, как необходимость заручиться поддержкой общественного мнения. Ведь даже при запуске необходимых преобразований, занимающих от нескольких месяцев до нескольких лет, необходимо не только предоставить обществу возможности для обратной связи, но и путем постоянной разъяснительной работы и обеспечения прозрачности ведомственных действий выработать в обществе лояльность принципам и целям Болонского процесса. Подобная задача требует многолетних усилий, пока обществу в теории и на практике не станут очевидны преимущества участия в Европейском пространстве высшего образования как результата имплементации принципов Болонского процесса [5].

Все эти трудности реализации Болонского процесса можно было наблюдать на примере вступления в него Республики Беларусь [6]. Идея присоединения Беларуси к Болонскому процессу активно обсуждалась в стране еще в начале 2000-х гг., но в преддверии выборов 2006 г. процедура вступления в Болонский процесс была отложена. С 2010 г. белорусские власти вернулись к идее завершения процедуры вступления в ряды членов Болонского процесса, тем более что первые шаги в этом направлении, включая ратификацию Европейской культурной конвенции и Лиссабонской конвенции «О признании квалификаций высшего образования», были сделаны.

Согласно процедуре вступления государства в Болонский процесс, после ратификации Европейской культурной конвенции страна должна официально заявить о желании вступить в процесс, направив заявку и доклад о текущей ситуации в сфере высшего образования в Секретариат Болонского процесса. В указанной заявке государство обычно обязуется содействовать целям Болонского процесса и обеспечивать внедрение следующих пяти принципов Болонского процесса: 1) международной мобильности студентов и преподавателей вузов; 2) автономии университетов; 3) участия студентов в управлении высшим образованием; 4) общественной ответственности за предоставление высшего образования; 5) социального измерения Болонского процесса (включая гарантии доступности высшего образования для различных категорий населения) [7].

На момент принятия официального решения о подаче заявки на вступление в Процесс в Беларуси существовала некая гибридная система высшего образования: первая ступень, оканчивающаяся с получением

диплома специалиста, занимала от четырех до пяти лет; вторая ступень, позволяющая получить степень магистра, занимала один-два года. Однако вместо третьей ступени, установившейся в Европе в виде докторантуры, занимающей три года, в Беларуси сохранилось требование проводить три дополнительных года учебы и научно-исследовательской работы перед защитой диссертации на степень кандидата наук, еще три года аналогичной работы – для получения степени доктора наук [8. Р. 9–10].

Подготовив в течение 2010 г. необходимые документы, свидетельствующие о формальном соответствии белорусского высшего образования отдельным требованиям Болонского процесса, включая наличие как минимум двухступенчатой системы, Министерство образования Республики Беларусь обратилось в 2011 г. в Болонский секретариат с заявкой. Такая спешка объяснялась несколькими причинами, в том числе необходимостью приобщения к современным европейским стандартам высшего образования как для обеспечения экономики кадрами, обладающими новыми принципами мышления и работы, так и для привлечения в белорусские вузы абитуриентов, в том числе иностранных, обучающихся на платной основе.

Однако, ознакомившись с текстом национального доклада о состоянии белорусской системы высшего образования, далеко не вся общественность оказалась согласна с опубликованными в нем выводами. В результате в 2011 г. в качестве гражданской инициативы был учрежден Общественный Болонский комитет, представивший альтернативный доклад, указывающий на несоответствие белорусской системы высшего образования принципам Болонского процесса. В частности, критике был подвергнут Кодекс об образовании Республики Беларусь, принятый в 2011 г. В альтернативном докладе указывалось на отсутствие в тексте Кодекса упоминания автономии и академической свободы университетов. В частности, был раскритикован механизм назначения ректоров лично президентом (в государственных вузах) или министром образования (в частных вузах), что априори делает их инструментами государственной политики и пропаганды в университетах. Кроме того, среди недостатков Кодекса указывался запрет на деятельность в вузах общественных объединений, который, по мнению Общественного Болонского комитета, закреплял монополию на такую деятельность ограниченного числа контролируемых государством организаций. В альтернативном докладе также были приведены примеры репрессий среди студентов и преподавателей белорусских университетов. Составители доклада осудили существование системы принудительного распределения выпускников, получивших высшее образование за счет бюджетных средств, а также излишнюю бюрократизацию управления и мониторинга качества высшего образования.

Учитывая данные альтернативного доклада, Беларуси было отказано во вступлении в Болонский про-

цесс. Тем не менее, несмотря на отсутствие глубоких структурных реформ в области высшего образования в последующие годы, Беларусь все-таки была допущена в Болонский процесс в 2015 г. на особых условиях, что многие объяснили тогда изменением политической ситуации в регионе и желанием Европы «втянуть» Беларусь в орбиту своего влияния [6]. По сути, включение Беларуси в Болонский процесс с условием внедрить в течение трех лет положения Дорожной карты, стало беспрецедентным шагом, во многом подвергающим принципы Болонского процесса сомнению: формально страна, не соответствующая нескольким таким принципам, была принята в Процесс под честное слово, и в случае невыполнения Беларусью поставленных задач по проведению структурных реформ в сфере высшего образования к поставленному сроку (2018 г.) у остальных стран-участниц не окажется эффективных инструментов давления на белорусские власти.

Одной из основных причин подачи Беларусью заявки на вступление в Болонский процесс Общественный Болонский комитет назвал необходимость сглаживания демографической ямы и обеспечения притока финансовых ресурсов в систему высшего образования за счет иностранных студентов. Однако представленный анализ академической мобильности в Беларуси свидетельствовал о достаточно низком уровне ее развития, в частности о несбалансированности входящих потоков академической мобильности и незначительном, по сравнению со многими европейскими странами, количестве иностранных студентов в процентном соотношении с общей массой обучающихся в вузах Беларуси. Именно поэтому одним из аргументов в пользу вступления Беларуси в Болонский процесс в официальной риторике стало повышение привлекательности белорусских университетов для иностранных студентов ввиду возможности получения там европейского приложения к диплому, формально признаваемого по всему миру.

В дополнение к этому было указано, что существуют препятствия и для развития исходящей академической мобильности, в частности – закрепленная Кодексом 2011 г. необходимость получения разрешения Министерства образования на участие в любых программах академической мобильности, непрозрачность процессов отбора участников, контролирующихся Министерством, и недостаточный уровень владения иностранными языками как студентов, так и сотрудников вузов [9]. В этой связи вступление в Болонский процесс и выполнение всех его требований для Беларуси могли означать опасность потерять собственных абитуриентов, получающих все больше возможностей для выезда за рубеж для продолжения образования и/или трудоустройства. В частности, уже в конце 2016 г. исследователями Белорусского государственного университета – ведущего вуза страны, никогда не испытывавшего недостатка в абитуриентах, был сделан доклад, согласно которому для обучения за рубежом еже-

годно выезжают почти в два раза больше студентов, чем приезжают с аналогичной целью в страну. Таким образом, по их оценкам, почти 35 тыс. белорусских граждан уезжают для получения высшего образования за рубеж, что равняется примерно 12% численности студентов белорусских вузов. Сегодня, по некоторым оценкам, большинство выезжающих из Беларуси студентов едет учиться в Россию по причинам географической близости и возможности обучаться на русском языке, который широко распространен в Беларуси [10].

Русский язык в Беларуси, согласно ст. 17 Конституции Республики Беларусь, является государственным языком наряду с белорусским. Несмотря на то что оба языка имеют общее происхождение и формально изучаются в школе наравне, использование их населением разнится в зависимости от возраста людей, их социальной и даже политической принадлежности. Если во времена Советского Союза русский язык несколько потеснил национальные языки других союзных республик ввиду внутренней миграции, ведения документооборота на русском языке, его преподавания во всех школах, то после обретения независимости некоторые представители белорусской общественности периодически выступают за необходимость более активной государственной политики по возвращению белорусскому языку ведущих позиций в государстве и даже за отмену статуса русского языка как государственного [11]. Тем не менее абсолютное большинство белорусских абитуриентов, желающих обучаться в российских вузах, могут свободно и грамотно владеть русским языком, что делает российское образование, в частности вузы европейской части России, конкурентом белорусских университетов в борьбе за абитуриентов.

Говоря о поступлении иностранных граждан в белорусские вузы, стоит отметить, что, согласно данным официальной статистики на 2016/17 учебный год, высшее образование в Беларуси получил 15 971 иностранный гражданин, т.е. иностранцы составили 4,9% от численности всех студентов и магистрантов, получающих высшее образование в Беларуси. Кардинальных перемен в национальном составе приезжающих в Беларусь студентов с момента вступления страны в Болонский процесс не произошло. В частности, половину из них уже как минимум пять лет составляют выходцы из Туркменистана (почти 8 тыс. человек). На втором месте по численности иностранных студентов в контингенте белорусских вузов традиционно занимают студенты из России, хотя их доля за последние шесть лет снизилась с 23,5 до 10,2% от общей численности иностранных студентов в университетах Республики Беларусь. На третьем месте по количеству приезжающих для получения высшего образования в Беларусь стоят граждане Китая, численность которых уже несколько лет держится на уровне около 1 200 человек, что составляет от 13 (2010/11 учебный год) до 8% (2016/17 учебный год) всех иностранных студентов. Кроме того, среди студентов белорусских вузов также

встречаются граждане Ирана (5% всех иностранных студентов в Беларуси в 2016/17 учебном году), Нигерии (3,3%), Азербайджана (3%), Таджикистана (2,7%), Казахстана (2%), а также в пределах нескольких сотен студентов приезжают из таких стран, как Ирак, Ливан, Литва, Турция и Украина [12. С. 155].

В то же время, по данным ЮНЕСКО, число студентов, принимающих участие в программах академической мобильности, постоянно увеличивается, в частности за последние 25 лет уровень академической мобильности студентов по миру увеличился в три раза [13]. Центрами притяжения для них служат в основном США и страны Западной Европы. Однако поток входящей академической мобильности очень изменчив в зависимости от многих обстоятельств. Например, в связи с объявлением о Брексите, количество иностранных студентов, приезжающих в Великобританию из-за пределов Евросоюза, упало на 6%, составив, по данным на май 2016 г., 222 609 человек [14]. В процентном же соотношении доля иностранных студентов в их общем контингенте еще в 2013 г. составляла в Великобритании 17,5%, Швейцарии и Австрии – по 16,8%, Нидерландах, Дании и Бельгии – около 10% [15]. Однако, обращаясь к целям Болонского процесса, еще в 2009 г. на очередной встрече министров образования стран – участниц Болонского процесса в г. Лёвен (Бельгия) было принято решение довести долю выпускников университетов Европейского пространства высшего образования, получивших опыт академической мобильности, до 20%. Для Беларуси эта цель означает, что государству придется не только расширять поддержку академической мобильности студентов, но и способствовать диверсификации исходящих потоков академической мобильности ввиду того, что соседние страны вряд ли смогут привлечь и обеспечить высшее образование пятой части белорусских студентов, пусть и на условиях включенного образования, предусматривающего обучение в иностранном вузе от нескольких недель до 1–2 семестров.

Сравнительный анализ процентных показателей доли иностранцев в общей численности студентов в Беларуси и некоторых европейских странах свидетельствует, что белорусское образование не является достаточно привлекательным для студентов из стран с высоким уровнем жизни. Тем самым приписываемые белорусским властям надежды расширить количество иностранных студентов, обучающихся на платной основе, привлекая их формальным соответствием высокому общеевропейскому уровню качества высшего образования за счет формального вступления в Болонский процесс, пока не оправдались.

Низкие показатели академической мобильности, с одной стороны, свидетельствуют об определенных проблемах в белорусской системе высшего образования, в частности о неспособности белорусских вузов конкурировать с большинством университетов мира и привлекать к себе лучших абитуриентов. С другой сто-

роны, они сами негативно сказываются на репутации белорусских вузов, например в международных рейтингах университетов. Так, за исключением Белорусского государственного университета, уже на протяжении четырех лет демонстрирующего положительную динамику в движении по мировому рейтингу университетов QS и находящегося сейчас на 334-м месте, остальные белорусские вузы (кроме Белорусского национального технического университета, занимающего 751–800-е места в рейтинге QS2018) там не представлены [16]. Для сравнения, в рейтинге THE 2016/2017 (Times Higher Education) Белорусский государственный университет занял одно из мест в конце списка (801–1000), в то время как другие белорусские вузы там не представлены [17].

Хотя большинство университетских рейтингов весьма субъективно, тем не менее почти все они учитывают уровень развития академической мобильности в оцениваемых университетах. В частности, рейтинг университетов QS оценивает вузы по шести показателям: 1) академическая репутация вуза (40% итоговой оценки), суждение о которой предоставляют эксперты со всего мира; 2) репутация вуза среди работодателей (10%), как отечественных, так и зарубежных; 3) качество преподавания (20%), определяемое по отзывам студентов; 4) частота цитируемости работ научного и

профессорско-преподавательского состава в научных изданиях (20%); 5) количество иностранных исследователей и преподавателей, работающих в университете (5%), и количество иностранных студентов (5%) [18]. В рейтинге Times Higher Education университеты оцениваются по 13 показателям, определяющим качество преподавания, объемы и качество проводимых научных исследований, цитируемость работ преподавателей и научных сотрудников университета, а также соотношение отечественных и иностранных студентов / преподавателей / проектов в университете [19].

Таким образом, в настоящее время представляется, что в вопросах содействия академической мобильности студентов белорусская система высшего образования пока находится в тупике. Репутация системы высшего образования создается десятилетиями, и в настоящее время Беларусь сильно проигрывает в борьбе за лучших абитуриентов европейским вузам, на которые она стремится равняться. И для того, чтобы занять желаемую нишу на мировом рынке образовательных услуг, Беларуси необходимо как можно скорее на самом деле внедрять европейские образовательные стандарты в систему образования, заручившись пониманием этой цели как среди правящих кругов, так и среди широкой общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Запругаев С.А. Системы высшего образования России и США // Вестник Воронежского государственного университета. 2001. № 1. С. 39–47. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2001/01/Zapryagaev.pdf>, свободный (дата обращения: 22.10.2016).
2. Лебедева М.М. Мировая политика : учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2007. 365 с.
3. The Bologna Process and the European Higher Education Area // European Commission, s.a. URL: http://ec.europa.eu/education/policy/higher-education/bologna-process_en, свободный (дата обращения: 16.09.2017).
4. History // European Higher Education Area, s.a. URL: <https://www.ehea.info/pid34248/history.html>, свободный (дата обращения: 16.09.2017).
5. The Bologna Process Revisited: The Future Of The European Higher Education Area // Yerevan. 2015. URL: https://media.ehea.info/file/2015_Yerevan/71/1/Bologna_Process_Revisited_Future_of_the_EHEA_Final_613711.pdf, свободный (дата обращения: 16.09.2017).
6. Можейко В. Долгий и сложный путь Беларуси в Болонский процесс: каким он был и куда он нас привел? // Дискуссионно-аналитическое сообщество «Либеральный клуб», б.д. URL: <http://eclab.by/texts/article/dolgiy-i-slozhnyy-put-belarusi-v-bolonskiy-process-kakim-byl-i-kuda-nas-privel>, свободный (дата обращения: 16.09.2017).
7. How to apply for becoming a member // European Higher Education Area, 2016. URL: <https://www.ehea.info/cid101089/how-apply.html>, свободный (дата обращения: 16.09.2017).
8. World Data on Education. VII Edition // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), 2010/2011. URL: <http://www.ibe.unesco.org/en/document/world-data-education-seventh-edition-2010-11>, свободный (дата обращения: 22.10.2016).
9. Готовность высшего образования Беларуси к включению в ЕПВО (Европейское пространство высшего образования) // Общественный Болонский комитет, 10.12.2012. URL: <http://bolognaby.org/index.php/issledovanie-analitika/544-alternaty-dl-9eny-daklad-i-darozhnaya-karta-pa-dl-9eklyuchennyy-belarusi-dl-9e-epva-2>, свободный (дата обращения: 16.09.2017).
10. Ежегодно учиться за рубежом уезжает вдвое больше студентов, чем приезжает в Беларусь // Хартия 97. 15.11.2016. URL: <https://charter97.org/ru/news/2016/11/15/231211>, свободный (дата обращения: 16.09.2017).
11. Покровская А. Говорить на белорусском в Беларуси – это утопия // Витебский курьер. 21.02.2016. URL: <https://vkurier.by/47398>, свободный (дата обращения: 09.09.2017).
12. Образование в Республике Беларусь. Статистический сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2017. URL: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/b38/b38b23677fdb6313942d69b1434f89c.pdf>, свободный (дата обращения: 09.09.2017).
13. Global Flow of Tertiary-Level Students/ UNESCO Institute for statistics, 2017. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>, свободный (дата обращения: 16.09.2017).
14. International student numbers have been plummeting for years. Now what? // The Guardian. 14.07.2016. URL: <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2016/jul/14/international-student-numbers-have-been-plummeting-for-years-now-what>, свободный (дата обращения: 16.09.2017).
15. OECD Factbook: Economic, Environmental and Social Statistics 2015-2016 // OECD. 2016. URL: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/3015041e.pdf?expires=1505572522&id=id&accname=guest&checksum=4C3B09E491C8184F95B89B8D25E60D58>, свободный (дата обращения: 16.09.2017).
16. QS World University Rankings 2018 // S.I., s.a. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018>, свободный (дата обращения: 12.09.2017).
17. The Times Higher Education World University Rankings 2018 // S.I., s.a. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2018/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats, свободный (дата обращения: 12.09.2017).
18. QS World University Rankings Methodology // S.I., s.a. URL: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings/methodology>, свободный (дата обращения: 12.09.2017).
19. World University Rankings 2016-2017 methodology // S.I., s.a. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/methodology-world-university-rankings-2016-2017>, свободный (дата обращения: 12.09.2017).

Pogorelskaya Anastasia M. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: lisbonne@rambler.ru

WISHFUL THINKING: BELARUS JOINING THE BOLOGNA PROCESS.

Keywords: Belarus; higher education; The Bologna Process; academic mobility.

The article seeks to explore the current state of inward and outward academic mobility of students in Belarus including its numbers and composition. The author reviews the data on mobility with regards to the aims of the European Higher Education Area members to achieve the indicator of 20% graduates having participated in student mobility programmes by 2020. The aim of the research is therefore, to evaluate the levels of student mobility in Belarus in connection with its obligations established by the Roadmap whose implementation has become the main condition for the accession of Belarus into the Bologna process. The research methods employed by the author include statistics and secondary data analysis necessary for the complex study of the development of higher education system in Belarus within the last thirty years. The urgency of the research is determined by the similarity of Russian and Belorussian educational systems' development. Thus, both systems experience similar problems and need to be transformed in order to meet the demands of modern labour market and the needs of national economies. There is certain shortage of serious scientific research on higher education in Belarus. Some research interest for this topic was displayed in connection with the formal joining Bologna process by the Republic of Belarus. The author traces the background of Bologna process and highlight objective and subjective reasons for Belarus to join the Process. Despite much incoherence with the letter and intent of Bologna declaration, Belarus became the member of Bologna process in 2015. There is no precedent for this occasion because Belarus became full member of the Process by promising to adopt the number of reforms listed in the Roadmap within three years. However, if Belarus does not comply with the promise Members of the European Higher Education Area won't have any effective means of enforcement. As for the academic mobility it is now hindered by certain legal tools as well as the poor quality and reputation of Belorussian universities. Meanwhile, promotion of academic mobility is one of the main principles of the European Higher Education Area and one of the indicators used by various agencies ranking the universities in the world. The author comes to the conclusion that the fundamental problems with the quantity and quality of students coming to Belarus within academic mobility programmes can be solved only by conducting true reforms in its higher education system.

REFERENCES

1. Zapryagaev, S.A. (2001) Sistemy vysshego obrazovaniya Rossii i SShA [Systems of higher education in Russia and the USA]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Voronezh State University*. 1. pp. 39–47. [Online] Available from: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2001/01/Zapryagaev.pdf>. (Accessed: 22nd October 2016).
2. Lebedeva, M.M. (2007) *Mirovaya politika* [World Politics]. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press.
3. European Commission. (n.d.) *The Bologna Process and the European Higher Education Area*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/education/policy/higher-education/bologna-process_en. (Accessed: 16th September 2017).
4. European Commission. (n.d.) *History*. [Online] Available from: <https://www.ehea.info/pid34248/history.html>. (Accessed: 16th September 2017).
5. European Higher Education Area. (2015) *The Bologna Process Revisited: The Future Of The European Higher Education Area*. [Online] Available from: https://media.ehea.info/file/2015_Yerevan/71/1/Bologna_Process_Revisited_Future_of_the_EHEA_Final_613711.pdf. (Accessed: 16th September 2017).
6. Mozheyko, V. (n.d.) *Dolgiy i slozhnyy put' Belarusi v Bolonskiy protsess: kakim on byl i kuda on nas privel?* [The long and difficult way of Belarus to the Bologna process: what was it and where did it lead us?]. [Online] Available from: <http://eclab.by/texts/article/dolgiy-i-slozhnyy-put-belarusi-v-bolonskiy-process-kakim-byl-i-kuda-nas-privel>. (Accessed: 16th September 2017).
7. European Higher Education Area. (2016) *How to apply for becoming a member*. [Online] Available from: <https://www.ehea.info/cid101089/how-apply.html>. (Accessed: 16th September 2017).
8. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO). (2010/2011) *World Data on Education*. 7th ed. [Online] Available from: <http://www.ibe.unesco.org/en/document/world-data-education-seventh-edition-2010-11>. (Accessed: 22nd October 2016).
9. Public Bologna Committee. (2012) *Gotovnost' vysshego obrazovaniya Belarusi k vkluycheniyu v EPVO (Evropeyskoe prostranstvo vysshego obrazovaniya)* [Readiness of higher education of Belarus for inclusion in the EHEA (European Higher Education Area)]. [Online] Available from: <http://bolognaby.org/index.php/issledovaniya-analitika/544-alternaty-dl-9eny-daklad-i-darozhnaya-karta-pa-dl-9eklyuchennyu-belarusi-dl-9e-epva-2>. (Accessed: 16th September 2017).
10. Khartiya 97. (2016) *Ezhegodno uchi't'sya za rubezh uezzhaet vdvoe bol'she studentov, chem priezhaet v Belarus'* [Every year, twice as many students leave the country to study abroad than come to Belarus]. [Online] Available from: <https://charter97.org/ru/news/2016/11/15/231211>. (Accessed: 16th September 2017).
11. Pokrovskaya, A. (2016) *Govorit' na belorusskom v Belarusi – eto utopiya* [To speak Belarusian in Belarus is a utopia]. [Online] Available from: <https://vkurier.by/47398>. (Accessed: 9th September 2017).
12. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. (2017) *Obrazovanie v Respublike Belarus'. Statisticheskiy sbornik* [Education in the Republic of Belarus. A Statistical Collection]. [Online] Available from: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/b38/b38b23677fdb6313942d69b1434f89c.pdf>. (Accessed: 9th September 2017).
13. UNESCO Institute for Statistics. (2017) *Global Flow of Tertiary-Level Students*. [Online] Available from: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>. (Accessed: 16th September 2017).
14. *The Guardian*. (2016) International student numbers have been plummeting for years. Now what? 14th July. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2016/jul/14/international-student-numbers-have-been-plummeting-for-years-now-what>. (Accessed: 16th September 2017).
15. OECD. (2016) *OECD Factbook: Economic, Environmental and Social Statistics 2015-2016*. [Online] Available from: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/3015041e.pdf?expires=1505572522&id=id&accname=guest&checksum=4C3B09E491C8184F95B89B8D25E60D58>. (Accessed: 16th September 2017).
16. *QS World University Rankings 2018*. [s.l., s.n.]. [Online] Available from: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018>. (Accessed: 12th September 2017).
17. *The Times Higher Education World University Rankings 2018*. [s.l., s.n.]. [Online] Available from: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2018/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats. (Accessed: 12th September 2017).
18. *QS World University Rankings Methodology*. [s.l., s.n.]. [Online] Available from: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings/methodology>. (Accessed: 12th September 2017).
19. *World University Rankings 2016-2017 Methodology*. [s.l., s.n.]. [Online] Available from: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/methodology-world-university-rankings-2016-2017>. (Accessed: 12th September 2017).

УДК 316.3/4

DOI: 10.17223/19988613/50/11

О.А. Романов

ЕВРАЗИЙСКАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МИРОПОРЯДКА: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СУЩНОСТЬ

Рассмотрены факторы, механизмы и задачи процесса регионализации как ведущей тенденции глобальной социальной динамики. Показано, что регионализация выступает реакцией государств на негативы глобализации и деятельности ее ведущих субъектов (ТНК, глобальных СМИ и т.п.). Обоснован тезис, согласно которому оптимальной формой развития и обеспечения национальных интересов большинства стран мира является региональный блок. Эксплицированы необходимые и достаточные условия интеграции стран в региональные союзы. Рассмотрены конкретные сценарии развития евразийского пространства, выявлены условия его прогрессивного развития. Показаны социально-экономические и социокультурные векторы эволюции ЕАЭС.

Ключевые слова: регионализация; евразийская интеграция; локальные цивилизации.

В последние годы регионализация превратилась в одну из наиболее актуальных тем в контексте обсуждения тенденций и перспектив развития международных отношений. В некоторых случаях проблема вовлекается в орбиту исследовательских интересов «попутно» — как следствие более широкого и многопланового процесса, каковым представляется глобализация. Других исследователей неуклонно набирающая силу тенденция расширения межгосударственной региональной кооперации (ставшая в 1990-е гг. вполне очевидной благодаря активизации региональных взаимодействий, укреплению институтов локальной кооперации, росту числа объединений, возникающих на региональной основе, и увеличению их международного «веса») привлекает в качестве значимого самостоятельного фактора современной мировой политики.

Несмотря на все возрастающее количество научных публикаций, так или иначе связанных с исследованием регионализма, общая картина его формирования, развития и современного состояния остается, тем не менее, фрагментарной и не вполне ясной. Подтверждением этому служит невероятное количество полярных суждений, касающихся его сути и значения, которые встречаются в исследованиях отдельных (частных) его проявлений. Так, некоторые специалисты усматривают в регионализме серьезное препятствие для экономического роста и межгосударственных отношений, связывая это с угрозой разделения мира на замкнутые торговые блоки и ужесточения конкуренции между ними. Другие считают, что более серьезной проблемой мирового порядка XXI в. является не структура отношений между различными региональными объединениями, а асимметрия этих отношений с неустойчивыми региональными группировками или с зонами, где они отсутствуют вовсе [1. С. 32]. Еще большее число наблюдателей убеждены, что региональные интеграционные соглашения, наоборот, способны оказывать позитивное воздействие на ход многосторонних торговых переговоров, снижать издержки и негативные последствия

глобализации [2. Р. 34–36]. Зачастую они вообще являются единственно возможным решением, позволяющим сгладить противоречие между производительными силами, которые переросли рамки отдельных наций, но не достигли еще мировых масштабов, и социальными отношениями [3. Р. 63]. Ряд экономистов прямо указывают на регионализм как на один из главных виновников учащающихся в последнее время кризисов в мировой экономике [4. Р. 10]. Их оппоненты возражают, что, напротив, те регионы, где число интеграционных объединений больше, а история регионализма продолжительнее, в меньшей степени подвержены влиянию кризисов, а последние менее ощутимы [5. Р. 8]. В части исследований бытует мнение о том, что экономическая неразвитость участников региональных объединений является препятствием для их развития, а более эффективным способом преодоления отсталости бедными странами является международная интеграция [6. Р. 15]. Однако, возражают другие, дерегулирование не только ликвидирует тарифы, оберегающие местных производителей и местные рынки, но и ввергает производителей малых стран в конкуренцию, в которой они зачастую неспособны выстоять, и разрушают способность правительств этих стран управлять собственной экономикой [7. С. 65]. Экономическая и политическая интеграция, доказывают третьи, ограничивает пространство для национальных действий и национального суверенитета [8. Р. 12]. Не совсем так, полагают четвертые, указывая на то, что при общей ориентации на ценности открытой мировой экономики многочисленные региональные экономические группировки представляют собой мощные инструменты защиты специфических интересов государств и государственно-частных субъектов [9. С. 35].

Выявление неисследованных аспектов проблемы регионализации, а также выделение подходов к ее познанию представляют собой лишь малую часть дискуссионных моментов, которые возникают при изучении современного международного регионализма. Причи-

ной их возникновения, помимо многомерности и внутренней сложности самого предмета исследования, служит настоятельная потребность в обретении адекватного способа противодействия деструктивным аспектам процесса глобализации. Обнаружилось, что национальному государству становится все труднее самостоятельно справляться с порожденными глобализацией экономическими, экологическими, социальными, научно-техническими и прочими проблемами. И потому оно стремится объединить свои усилия с усилиями других стран. Отсюда тяга к региональным сообществам в надежде, что вместе удастся более успешно противостоять возрастающим опасностям. «Регионализм – один из способов справиться с глобальной трансформацией, поскольку большинству стран недостает сил и средств для того, чтобы одолеть такие проблемы на национальном уровне», – пишет шведский политолог Бьерн Хеттне [10. Р. 7]. Эту же мысль высказывает бывший премьер-министр Бельгии Г. Верхофстадт: «Ни одно государство не может считаться достаточно крупным и богатым, чтобы в одиночку противостоять глобальным вызовам» [11. С. 27].

Следующей причиной интенсификации процессов регионализации, впрочем, тесно связанной с предыдущей, является качественное ускорение НТП, начавшееся в середине XX столетия и обусловившее выход многих значимых экономических процессов за национальные границы. Обнаружилось, что целый ряд видов экономической деятельности нерентабелен в пределах одной страны и принципиально нуждается в больших пространствах для того, чтобы быть эффективным. К таким видам деятельности относятся информационные технологии и компьютерная техника, высокоскоростной транспорт, средства и инфраструктура телекоммуникаций и т.д. «В одной отрасли за другой, от выплавки стали до пивоварения, производство на мировой рынок стало императивом. Всякая технологическая инновация требовала новых инвестиций. А по мере технологического прогресса, подгоняемого давлением конкуренции между фирмами за долю на рынке, все меньше и меньше можно выживать за счет прибылей на внутреннем рынке. <...> Фирмы не выбирают, производить ли им на внешние рынки или нет, они вынуждены либо делать это, либо идти на дно» [12. Р. 365].

Еще одной детерминантой регионализационных процессов выступает все более явственно обнаруживающаяся ограниченность стратегических природных ресурсов. Впечатляющий экономический рост был достигнут странами – лидерами индустриальной экспансии за счет легкомысленного и бездумного обращения с общим достоянием земель – невозполнимыми конечными сырьевыми ресурсами планеты. За последнюю треть XX в. человечество израсходовало треть естественных богатств Земли. Среди них есть ресурсы, не имеющие эквивалентных заменителей. В первую очередь, к их числу относится пресная вода, без которой невозможен не только экономический рост, но и сама

жизнь. Из имеющихся доступных запасов воды половина уже востребована. Если не будут предприняты экстренные меры, то к середине нашего столетия вся наличная пресная вода будет использована. Сходная ситуация складывается и с энергетическими ресурсами. При этом важно отметить, что все они распределены на планете крайне неравномерно. Это обстоятельство порождает два принципиально значимых следствия.

Во-первых, страны, имеющие крупные запасы дефицитных природных благ, могут определять региональные и даже общемировые тенденции экономического развития.

Во-вторых, в условиях возрастающего спроса на природные ресурсы, они все чаще становятся объектом самого пристального внимания со стороны мощных, но малообеспеченных ресурсами стран. «После Второй мировой войны постоянная погоня за природными ресурсами была скрыта политическими и идеологическими требованиями американо-советского соперничества; окончание этого соперничества более реалистично осветило истинную картину» [13. Р. 24].

События первого десятилетия нашего века продемонстрировали со всей очевидностью, что само по себе обладание ценным сырьем еще не гарантирует процветания и безопасности страны. Для того чтобы природные богатства стали фактором социального прогресса, они должны быть надежно защищены правовым, политическим и, самое главное, военным способом. Отсюда стремление многих стран к созданию торговых, политических и военных блоков для обеспечения своей безопасности в современном глубоко конфликтном мире.

Также процессы регионализации порождаются ТНК, которые, вопреки распространенному поверхностному мнению, вовсе не способствуют экономическому и научно-технологическому сближению стран, находящихся на разных этапах развития. ТНК не стремятся к передаче своих технологий странам базирования, так как это лишило бы их конкурентных преимуществ. Но даже если бы ТНК были альтруистами и стремились к технологическому обогащению неразвитых стран, возможности передачи технологий объективно ограничены. Ведь конкретная форма воплощения каждой технологии (реализующая ее организационная структура, характер и полнота инструкций и т.д.) несет на себе отпечаток социально-экономических и культурных особенностей общества, которым она создана. Так, большинство современных технологий не могут быть адаптированы к условиям многих неразвитых стран, в частности к преобладанию неквалифицированного труда. Они слишком сложны и требуют часто недостижимой в неразвитых странах точности, а также нуждаются в непосильных для этих стран масштабах производства. Тем самым сложная технология не может быть механически перенесена в страну с отличающимся типом экономики и культуры. Кроме того, ТНК, как правило, используют в странах размещения своих производств технологии, направленные на создание

товаров, заведомо слишком дорогих для населения этих стран, что ввергает его в избыточные и зачастую непосильные расходы. В целом деятельность ТНК порождает ряд деструктивных процессов:

- относительное обострение проблем занятости (те же объемы капитала обслуживают меньше людей);
- относительное усиление социального неравенства (количество относительно обеспеченных работников, связанных с ТНК, меньше, а разрыв между ними и занятыми в национальной экономике воспринимается более остро);
- торможение развития технологий, не связанных с ТНК, в том числе разрабатываемых национальными силами [14. С. 158].

Адаптация технологий к специфике стран размещения дочерних подразделений ТНК невыгодна для них, так как повышает вероятность промышленного шпионажа со стороны специалистов развивающихся стран и отрицает важнейший принцип ТНК, состоящий в эффекте экономии на масштабе: применение единой системы технологий в разных странах с ее минимальным изменением. Поэтому использование в отсталых странах не адаптированных к уровню их развития технологий для производства не соответствующих их структуре потребления товаров – основа деятельности ТНК и ключевой источник их рыночного преимущества.

Многие государства мира стихийно выработали политику не глобальной, но региональной интеграции, при которой в глобальной конкуренции участвуют не отдельные страны, силы которых недостаточны для нее, а целые группы стран, поддерживающих и дополняющих друг друга. Региональная интеграция, в отличие от глобальной, направлена не на подавление, а на сбережение и развитие отстающих стран, наиболее полное и рациональное использование их ресурсов, недостаточных для самостоятельного участия в глобальной конкуренции. Тем самым эти страны получают возможность найти свое место в новом мировом хозяйстве. Предоставляя отстающим странам исторический шанс, региональная интеграция поддерживает внутреннее разнообразие, а тем самым – и устойчивость человечества. Таким образом она вступает в непримиримое противоречие с исповедуемой США и насаждаемой ими либеральной идеологией глобальной интеграции, ведущей к ослаблению всех ее субъектов (разумеется, за исключением США). Региональная интеграция успешна, лишь если ее «двигателем» становятся сильные участники глобальной конкуренции. Ведь чем слабее общества того или иного региона, тем более проницаемы его экономические границы для глобальной конкуренции и тем менее эффективна региональная интеграция.

В экономической сфере регионализация имеет целый ряд преимуществ по сравнению с основными принципами и конкретно-историческими способами реализации проекта глобализации:

- достижение договоренностей между немногими государствами, как правило, близкими друг другу гео-

графически и исторически, есть гораздо более быстрый и менее затратный процесс, нежели установление соглашений на глобальном уровне, например в ВТО, членами которой являются 150 стран;

- результаты регионального сотрудничества более конструктивны, так как его участники создают друг другу весьма благоприятные условия во взаимной торговле и миграции производственных факторов;
- интегрируя материальные и человеческие ресурсы, регионализация создает предпосылки для формирования благоприятной инфраструктурной и интеллектуальной среды экономического развития и повышает конкурентные преимущества во внешней торговле.

Потребность в формировании региональных блоков обусловлена и факторами социокультурного порядка. Диалектика социокультурных противоречий между процессами, происходящими на макро- и микроуровне, порождает необходимость регулирования и разрешения этих противоречий на каком-то пограничном промежуточном уровне. Преодоление конфликта этих разнонаправленных сил состоит в обнаружении либо созидающей переходной ступени, выполняющей функцию «социального редуктора», посредника между общемировыми и местными процессами. Данный промежуточный (мезо-) уровень дает возможность приспособить глобальные тенденции к местной культурной и хозяйственной специфике, что позволяет противостоять процессам унификации и стандартизации и сохранить «цветущую сложность» социального мира, сберечь уникальность каждой из существующих культур. Мы согласны с российским исследователем Р.Х. Симоняном, утверждающим, что «в отличие от макроуровня промежуточная ступень дает возможность операционального выхода на конкретную этнокультурную самобытность, что повышает гарантии ее защиты и сохранения» [15. С. 21].

Подобно тому, как отдельный человек и государство не могут непосредственно взаимодействовать, нуждаясь в структурах-посредниках, так и локальные социумы используют опосредующие звенья для выхода на уровень макросистемы. Тем самым потребность в среднем промежуточном уровне обусловлена необходимостью снятия противоречий между мировыми и локальными тенденциями, между процессами социальной ассоциации и диссоциации, между унификацией и стандартизацией всех компонентов общества и местными историческими традициями. Направленность мезопроцессов имеет своим вектором ориентацию на поиск оптимальных форм интеграции локальных обществ. Формирование общностей среднего уровня в качестве своей культурной основы имеет ценность солидарности – естественный и единственный способ их самосохранения в глобальном мире. Если глобализация представляет собой движение сверху вниз, от макро- к микроуровню, то регионализация – это движение снизу вверх – от микро- к макроуровню. На среднем (мезоуровне) происходят организация и упорядочивание

встречных потоков, здесь становятся возможными нахождение общесоциального консенсуса и обретение гармонии глобального и локального, закладываются основы гомеостаза системы. Будучи разнонаправленными, а зачастую и противоречивыми, общемировые и местные этнокультурные процессы диалектически предполагают наличие такой ступени, на которой общее и единичное могут предстать в форме гармоничной целостности, а не жесткого антагонизма.

Преимущество среднего уровня состоит в том, что он не утратил непосредственного контакта с «почвой», и это позволяет более гибко и адекватно регулировать текущие процессы. С другой стороны, средний уровень обладает большим политическим и экономическим «весом», что дает ему более высокий общественный статус. «Выполняя функции проводника и в том, и в другом направлениях, этот уровень по своей природе амбивалентен: он и отрицает, и утверждает, координирует и преобразует, отбирает, управляет и в конечном счете гармонизирует отношения, организуя между крайними уровнями диалог» [15. С. 23]. Положение этого уровня, его специфика определяют наличие в нем мощного регулятивного потенциала. Это социальное звено призвано оптимизировать социальные процессы в целях достижения устойчивости постоянно развивающегося социума. Другими словами, источником возникновения мезоуровня является необходимость гомеостазиса социальной системы. Если он отсутствует, то в системе возникает риск саморазрушения.

Какая же ступень организации различных государственных или административных сообществ может рассматриваться как промежуточная? Регион, на наш взгляд, и есть тот самый мезоуровень организации мирового социального сообщества, который позволяет одновременно не только ослабить и разрешить противоречия между глобальными и антиглобалистскими процессами, но и, что очень важно, сообщить определенную «глобальность» локальным процессам и, наоборот, адаптировать общепланетарные тенденции к местной культурно-исторической специфике. Регион сегодня является промежуточной зоной, проводящей социальной средой, сопричастной как внутреннему, так и внешнему пространству. Именно на этой ступени общественной самоорганизации устанавливается баланс между интеграцией и дезинтеграцией, между центром и периферией, между централистскими и сепаратистскими тенденциями, между многими другими социальными противоречиями современного общественного развития. Следовательно, регионализация – это не только способ государств приспособиться к условиям всеобщей глобализации, но и стремление приспособить глобальные тенденции к своим локальным интересам. Иными словами, регионализация – это путь к равновесию общепланетарной системы.

При этом само понятие «регион» не является застывшим, строго математически очерченным. Это может быть и внутригосударственное, и межгосударственное образование, а один регион может входить в состав

другого, более крупного региона. То есть данная категория универсальна, операциональна и продуктивна настолько, насколько универсальна, операциональна и продуктивна в принципе любая типология в классификации в области социального знания.

Принципиально важно отметить, что в качестве субъектов противодействия глобализации могут выступать далеко не все типы регионов. В современной регионалистике выделяют макрорегиональный, страновой (государственный) и субрегиональный уровни.

– Макрорегионы относят к крупнейшим территориальным образованиям, предшествующим глобальному уровню.

– Государство, которое пытается оптимизировать динамику своего развития путем передачи части функций на макро- либо субрегиональный уровень, оставаясь при этом важнейшим субъектом международных отношений.

– Субрегион – регион, стоящий на одну таксономическую ступеньку ниже государственного уровня.

Исходя из различий смыслов понятия «регион», можно говорить о разных уровнях регионализации. Внутренняя регионализация представляет собой передачу правительством части своих полномочий на места. Внешняя регионализация состоит в том, что страны, имеющие единство интересов (экономических, военных, научно-технических и др.), стремятся заключить межгосударственные союзы с целью повышения уровня своей экономической эффективности, обеспечения национальной безопасности и культурного прогресса. В настоящей работе мы будем говорить именно о внешней регионализации.

Наша позиция состоит в том, что сегодня именно создание надгосударственных «больших пространств» является оптимальной моделью, способной эффективно реагировать на внешние и внутренние вызовы. В прошлом такими образованиями были империи, теперь их называют «государства-цивилизации». Весьма убедительно об этом пишет Ги Верхофстадт: «Так что, нравится нам это или нет, мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век, когда вопросы, стоящие перед мировым сообществом, будет решать дюжина реальных либо потенциальных политических и экономических мировых центров, более или менее равномерно распределенных по всему земному шару. Под термином «империя» я понимаю... политико-экономическое образование, состоящее, возможно, из многих государств и народов, объединенное общими структурами и современными институтами, зачастую подпитываемое разнообразными традициями и ценностями и уходящее корнями в старые и новые цивилизации. В этом новом мировом порядке важная роль отводится многообразию империй и цивилизаций, а не доминированию какой-то одной цивилизации. Значение имеют политическая стабильность и экономический рост, который они могут обеспечить на региональном уровне, а не стремление той или иной державы властвовать над всем миром» [11. С. 27].

Иными словами, сегодня национальное государство слишком мало для того, чтобы влиять на события, происходящие в мире. С другой стороны, ООН чересчур громоздка и медлительна, чтобы быть действенной организацией в быстро меняющихся условиях. Во всех отношениях новые образования могут возвести мост через существующие водоразделы, поскольку способны мобилизовать региональные возможности на субконтинентальном уровне и, следовательно, как об этом говорится в Уставе ООН, сыграть центральную роль в решении региональных и даже мировых проблем.

Важно отметить, что региональные лидеры могут структурировать регионы не произвольно и волюнтаристично, но считаясь с внутренней логикой данного процесса. Сегодня процессы регионального деления идут преимущественно по границам локальных цивилизаций, конкуренция между которыми резко обостряется. Человечество разделяется не только по используемым технологиям и уровню благосостояния, но и по цивилизационному признаку – по признаку культурной совместимости. Это отражено не только научными трудами, но и практикой госуправления, в первую очередь – неуклонным ужесточением по отношению к представителям других цивилизаций законодательства развитых стран. В наиболее откровенном законодательстве Великобритании прямо указано, что иммиграция ограничивается не для предотвращения угрозы подрывной деятельности, сохранения рабочих мест и даже экономии бюджетных средств на программы социальной адаптации, но «во избежание ситуации культурного противостояния» [16. С. 114].

Наша принципиальная позиция состоит в том, что оптимальной конкретно-исторической формой бытия евразийского пространства на рубеже II и III тысячелетий является самостоятельный цивилизационный центр развития и силы, сформированный на собственной культурно-исторической основе. Объективно вопрос стоит так. Объединяющаяся и объединенная Европа однозначно не считает православные восточнославянские народы и (тем более другие народы – члены ЕАЭС) своими, и можно определенно утверждать, что и в обозримом будущем считать не будет. Народами региона конфуцианского Востока (прежде всего Юго-Восточной Азии) и исламского мира мы также воспринимаем как представители иной цивилизации. В этой ситуации государствам ЕАЭС остается два пути: или они форсировано развивают и укрепляют свой собственный центр развития и силы, или превращаются в «этнографический материал» развития других цивилизационных центров силы.

В подтверждение данного принципиального тезиса приведем следующие аргументы. Во-первых, несмотря на мнение о европейской идентичности России она вместе с Беларусью (и в значительной мере с Казахстаном и Арменией) представляет самостоятельную локальную цивилизацию, что зафиксировано подавляющим большинством исследователей данной проблемы.

Дело в том, что в теоретическом анализе цивилизационных границ и отношений необходимо различать географический и социокультурный аспекты. С точки зрения географии большая часть ЕАЭС действительно находится на территории Европы и может считаться ее частью. Но в социокультурном плане эти страны исторически сформировались как части славяно-русской (евразийской) цивилизации. Культурно-цивилизационная дифференциация является неоспоримым фактом истории развития человечества. Этот факт получил исчерпывающее осмысление в мировой социально-философской мысли. В классических работах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби недвусмысленно проводится мысль о самостоятельном существовании «славяно-русского культурно-исторического типа», «православно-христианской цивилизации», «русско-сибирской великой культуры».

В современной научной литературе эта тема наиболее полно раскрыта в работе американского исследователя С. Хантингтона. Он в книге «Столкновение цивилизаций» выделяет восемь мировых цивилизаций, четко очерчивая границы каждой из них. Согласно ему, в целом Запад сегодня включает в себя Европу, Северную Америку, а также страны, населенные выходцами из Европы, т.е. Австралию и Новую Зеландию». Что же касается границы Европы на Евразийском континенте, то восточная граница Запада совпадает с восточной границей западного христианства. Хантингтон прямо ставит вопрос о том, какой из народов, населяющих географическое пространство Европы, можно относить к потенциальным членам Европейского Союза, НАТО и подобных им организаций, и отвечает на него следующим образом: «Наиболее ясный ответ, против которого трудно возразить, дает нам линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные народы от мусульманских и православных народов... Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие. Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы, именно его они в подавляющем большинстве поддерживают *Sotto voce*, именно такой точки зрения открыто придерживается большая часть интеллигенции и политиков» [17. С. 243–244].

Есть все основания полагать, что Запад как геополитический субъект не считает страны ЕАЭС европейскими государствами. В лучшем случае он их рассматривает как элемент внешнего периметра безопасности Европы. Дело в том, что современная Европа – это не только единые стандарты, прописанные чиновниками Евросоюза, но и общее историческое и культурно-цивилизационное наследие, к которому народы Северной Евразии, Средней Азии и Закавказья не имеют никакого отношения по причине иной цивилизационной идентичности.

Вторым аргументом в пользу необходимости формирования самостоятельного евразийского центра развития и силы являются исчерпание мировых ресурсов и

обостряющаяся борьба за овладение ими. США, население которых составляет от мирового чуть более 4%, потребляет сырьевых и энергетических ресурсов, задействованных сегодня в мире, около 45%. Промышленность, вся инфраструктура, транспорт и т.д., которые обслуживают интересы этих четырех процентов, уже в течение 30 лет съедают весь кислород, образуемый наземным фотосинтезом растений на территории США. Из 72 основных видов сырья, используемых США, 69 завозится из других стран. А если добавить к США другие богатые страны, обеспечившие у себя потребительский образ жизни, то уже получится 15% населения от мирового. Эти 15% и есть так называемый «золотой миллиард» нашей планеты. К настоящему времени эти 15% населения уже потребляют 80% мировых сырьевых и энергетических ресурсов, а выброс в атмосферу углекислого газа равен 60%. На сегодняшний день потребности «золотого миллиарда» настолько велики, что данного объема ресурсов уже не хватает. В результате либо в наиболее развитых промышленных странах начнут снижаться достигнутые стандарты потребления, либо правительствам этих стран придется усилить эксплуатацию других стран и народов.

В то же самое время на территории современной России сосредоточена 1/3 часть мировых энергетических и сырьевых ресурсов, что в перспективе может позволить восточнославянским народам уверенно смотреть в ближайшее и отдаленное будущее. Значение данного факта невозможно переоценить. Именно это обстоятельство лежит (или, по крайней мере, должно лежать) в основе большинства стратегических политических решений. Исходя из вышесказанного, проведем мысленный эксперимент, включающий в себя продумывание двух сценариев перспектив развития евразийского политического и социокультурного пространства.

Первый сценарий предполагает развитие событий в евразийском регионе в деструктивном направлении. Предположим, что между нынешними участниками ЕАЭС ослабели или даже оказались разорваны исторические, экономические, научно-технологические, военные связи и отношения. Следствием данного процесса станет глубокий и всеобъемлющий контроль глобалистских структур над ресурсами и производством этих стран, разумеется, в интересах «золотого миллиарда». Для конструктивного сотрудничества между Западом и остальным миром в рамках сложившегося миропорядка объективно нет предпосылок. «Европейский дом» тесен, и для расширения «клуба избранных» на нашей планете просто нет ресурсов. Европе не нужны Казахстан, Беларусь и все остальные неевропейские государства как конкуренты в получении ресурсов из третьих стран, не нужны они ей и как конкуренты в области промышленного производства, особенно высокотехнологичного. Напротив, Западу необходимо любой ценой сохранить монополию на высокотехнологичное производство, ибо это является важнейшим

условием его доминирования в мире. Как представители другой цивилизации народы ЕАЭС никогда не достигнут реального равноправия со странами Западной Европы. Итак, при реализации данного сценария будет достигнута цель раздробления евразийского региона, превращения его в колониальную или полуколониальную периферию других центров силы.

Второй сценарий представляется гораздо более благоприятным и, более того, единственно возможным в конструктивном плане для евразийских народов. Его суть состоит в том, что ЕАЭС активно развивается, наращивая свой экономический, политический, военнотехнический и культурный потенциал. В случае реализации этого сценария перед его участниками открывается перспектива длительного и устойчивого развития. Нам никогда не следует забывать, что члены ЕАЭС, учитывая общность их исторических путей развития, культурно-цивилизационную близость, теснейшие научные и промышленно-технологические связи, являются естественными союзниками в высшей степени.

В этом пункте необходимо сделать одно принципиально важное уточнение. Мы считаем, что региональные центры развития и силы будут складываться на цивилизационной основе как наиболее прочном и перспективном фундаменте их долгосрочного развития. Как было указано ранее, мы исходим из модели сосуществования локальных цивилизаций, которые во многом отличаются по способам переживания ценностей, по-разному представляют себе соотношение человека, мира, Бога, общества. Эти различия существуют органически, независимо от того, насколько мы осведомлены о них. Но на определенном этапе над ними надстраивается то, что можно назвать «цивилизационным проектом», который создается из самого разного исторического материала. Например, европейская цивилизация и современный цивилизационный проект Европы – вещи очень различные. Этот цивилизационный проект – секуляристский, техницистский, индивидуалистический. В ходе его кристаллизации были отброшены многие возможности другой Европы, к которым евразийский регион имеет непосредственное отношение. Как наследник Византии, как покровитель сначала консервативной, а затем и социалистической Европы евразийский мир должен интегрировать в своем цивилизационном проекте ресурсы другой Европы. Это сделает его фокусом притяжения тех внутриевропейских сил, которые оказываются за бортом неолитерального по своей сути проекта Евросоюза.

Однако, разумеется, главная задача евразийского цивилизационного проекта состоит в том, чтобы дать отечественной цивилизации ту систему эталонов, через которые она могла бы конструировать себя в качестве самостоятельного центра развития и силы. Этот проект должен позволить ей перейти из органического и полубессознательного состояния в состояние самореферентной социальной системы – социальной системы, способной воспроизводить себя через соотношение с

собственным цивилизационным стандартом, включающим самые разные измерения – от конституционного права до образной географии, от академической философии до массовой культуры.

Реализация проекта построения евразийского центра развития и силы предполагает создание соответствующих экономических условий. С нашей точки зрения, одним из необходимых условий является формирование в высокой степени автаркичной экономической системы. Этот тезис имеет под собой серьезные исторические и теоретические основания. Российская империя, как и впоследствии Советский Союз, обладала таким хозяйственным укладом, который позволял ей полноправно существовать вне зависимости от иностранного ввоза и вывоза. Интеграция в мировую экономическую систему международного разделения труда предполагает установление внешней зависимости национальных экономик. Любой производственный сбой в одной из стран неизбежно приводит к кризису связанного с ним производства в другой. Уровень влияния транснациональных корпораций делает возможным инициирование экономического кризиса едва ли не в любой точке планеты. Поэтому специализация «мир-экономика», приносящая, надо признать, определенные дивиденды, существенно снижает уровень национальной безопасности.

Впервые теория автаркии получила научное обоснование в работе И.Г. Фихте «Замкнутое торговое государство» в 1800 г. еще на заре складывания международной экономической инфраструктуры. Построение автаркичной экономики было публично провозглашено целью политики Третьего рейха во время выступления Г. Геринга в прусском ландтаге в 1936 г. Воспрепятствовавший притоку импортных товаров курс «опоры на собственные силы» способствовал интенсивному развитию текстильной, сталелитейной, нефтеперерабатывающей, химической промышленности. Однако Советский Союз был значительно ближе к автаркичному идеалу, что явилось одним из важнейших факторов его победы над Германией. Даже в традиционно ориентированной на участие в международной торговле Англии, когда Соединенное Королевство начало проигрывать экономическую гонку США и Германии, заговорили об автаркии, границы которой предполагалось установить в пределах колониальной Британской империи.

Доктрина русской автаркии разрабатывалась еще М.О. Меньшиковым. «Все организмы, – рассуждал публицист, – замкнуты, и только при этом условии возможно здоровье и полнота сил. Раз в самой стране тратится все, что в ней приобретается, получается круговорот сил, жизненное равновесие... можно сказать даже, что раз богатство тратится в своей стране, оно не тратится вовсе, а в общей сумме только накапливается» [18. С. 348]. Приведем пример зависимости уровня национальной безопасности от автаркизации. Автаркичной Спарте стоило перекрыть пути доставки в Атику причерноморского хлеба, чтобы принудить эко-

номически специализированные Афины к признанию своего поражения в Пелопонесской войне.

Напротив, при поддержании относительно изоляционистской системы хозяйствования Россия обнаруживала свою устойчивость к импульсам внешних потрясений. Определенно прослеживается автаркизационное направление в сталинском курсе индустриализации. Во избежание обвинений в вольной интерпретации фактического материала процитирую признанного специалиста по изучению феномена советской индустриализации В.С. Лельчука: «Принципиально важным результатом осуществления в 1933–1937 гг. политики индустриализации стало преодоление технико-экономической отсталости, полное завоевание экономической независимости СССР. За годы второй пятилетки наша страна, по существу, прекратила ввоз сельскохозяйственных машин и тракторов, покупка которых за рубежом в предыдущую пятилетку обошлась в 1 150 миллионов рублей. Столько же средств было тогда истрачено и на хлопок, теперь также снятый с импорта. Затраты на приобретение черных металлов с 1,4 миллиарда рублей в первой пятилетке сократились в 1937 году до 88 миллионов рублей. В 1936 г. удельный вес импортной продукции в общем потреблении страны снизился до 1–0,7 процента. Торговый баланс СССР к исходу второй пятилетки стал активным и принес прибыль. Так, претворяя в жизнь политику индустриализации, партия и советский народ превратили нашу страну из ввозящей машины и оборудование – в государство, которое самостоятельно вырабатывало все необходимое для строительства социалистического общества и сохраняло свою полную независимость по отношению к окружающему капиталистическому миру» [19. С. 351–352]. В результате поразивший весь мир крупнейший за всю историю экономический кризис 1929 г. остановился, как известно, у границ Советского Союза. Большевицкая индустриализация производила особо яркое впечатление на фоне глобальной производственной деструкции Запада. Таким же образом поразивший страны Юго-Восточной Азии финансовый кризис 1997 г. был с успехом отражен «красной» китайской экономикой.

Экономически неуязвимыми могут быть только автаркичные системы. Понятно, что ни одно из современных государств мира не способно полностью самоизолироваться. Однако природные ресурсы евразийского региона позволяют ему, пожалуй единственному в мире, рассчитывать на это в принципе. Для реализации данного потенциала необходима, взамен губительного курса на интеграцию с Западом, разработка программы автаркизации. Автаркичная евразийская цивилизация может стать ориентиром для ряда стран, не способных самостоятельно противостоять, в силу ресурсной ограниченности, глобализационному наступлению. Это означало бы восстановление в мировом масштабе альтернативной международной экономической системы. Возможно, поэтому именно Россия (да-

же не Китай) продолжает вызывать наибольшее неприятие в мондиалистских кругах. Только ее территориальное расчленение гарантирует от выдвижения реальных экономических альтернатив глобализации.

При кажущейся экономической мощи современный Запад, в случае оказания ему серьезного геополитического противодействия, будет крайне уязвим. «Сервисная революция» явилась прямым следствием «деиндустриализации» западной экономики, перемещения товарного производства в страны третьего мира. При реализации сценария глобального политического потрясения, обострения противоречий «постиндустриального общества» с реальными производителями материальных благ, сложившаяся система международного разделения труда грозит для сервисного Запада, оставшегося без собственной промышленной базы, тотальным крахом. Тогда появляется шанс у выведенной – в силу географических особенностей – за рамки данного антагонизма автаркийной евразийской цивилизации.

Конечно же, не может идти и речи о создании абсолютной автаркии. Вообще, абсолютизация любого идеологического концепта, в том числе и такого, как «открытое общество», неизбежно превращает его в утопию. Мировая история не знает ни автаркии, ни свободного рынка в чистом виде. Однако сам принцип моделирования ориентирован на устранение частностей и выявление сущностных основ. Автаркийная экономика есть некая идеальная модель. В реальной экономической политике корректнее говорить не об автаркии, а о стратегическом курсе автаркизации. Основу его составляет тривиальная логика здравого смысла: не импортировать

те товары, которые могут быть созданы отечественным производителем, и не вывозить вовне собственной продукции до насыщения ею внутреннего рынка.

Подведем итоги. Реалии XXI столетия потребовали от национальных государств и локальных цивилизаций нахождения новых форм своей исторической субъектности. Для евразийской цивилизации и входящих в ее состав народов и государств такой формой сохранения себя в жестком высококонкурентном мире является региональный центр развития и силы, созданный на собственной культурно-исторической основе. Развитие евразийских народов в рамках самостоятельного интеграционного проекта открывает для них перспективы использования собственного социокультурного опыта в деле преодоления многомерного социального кризиса, многие параметры которого обусловлены не критическим принятием инокультурных образцов. Еще одним конструктивным следствием развития в рамках евразийского регионального блока является возможность сохранения и использования в интересах входящих в его состав народов ресурсной базы, обладание которой выступает важнейшим фактором прогрессивного развития в условиях нарастающей борьбы за невозобновляемые ресурсы планеты. В ситуации активного противодействия со стороны геополитических конкурентов народам Евразии самим народам и их политическим элитам необходимо проявить историческую мудрость и волю к объединению, тем самым обеспечив сбережение их богатейшего культурного, природного и этнодемографического потенциала как условия и собственного сохранения в истории и обогащения мировой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kuhnhardt L. Europas Rolle in der Weltpolitik des 21. Jahrhunderts // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2000. № 24. S. 31–38.
2. Perroux F. Multinational Investments and the Analysis of Development and Integration Poles // *Economies et sociétés*. 1973. № 5–6. P. 831–868.
3. Gerbier B. La Continentalisation, Moment Present de la Dynamique du Capital // *Analyses et Documents Economique*. 1998. № 74. P. 61–65.
4. Longueville G. La Transmission Internationale des Crises // *MOCI*. 1999. № 1374. P. 8–15.
5. Nunnenkamp P. Europe and the Crisis: Safe Haven or Menace to Global Recovery? // *Intereconomics*. 1999. Vol. 34, № 1. P. 3–21.
6. A Survey of the World Economy. The Future of the State // *The Economist*. 1997. № 20. P. 3–24.
7. Симония Я. Государство и развитие. Место и роль государства в процессе развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 12. С. 60–72.
8. Wartenberg von L.-G. Handelspolitik im Zeichen der Globalisierung // *International Politik*. 2001. Jg. 56. № 7. S. 9–15.
9. Дробот Г.Л. Меняющаяся роль государства в мировой экономике XX века // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. 2002. № 3. С. 29–40.
10. Hettne B. Globalism, the New Regionalism and East Asia. Selected Papers Delivered at the United Nations University Global Seminar 02–06.09. 1996. P. 3–15.
11. Верхофстадт Г. Три выхода для Европы // *Россия в глобальной политике*. 2009. № 1. С. 23–36.
12. Strange S. The Erosion of the State // *Current History*. 1997. № 98. P. 360–383.
13. Klare M. Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. N.Y., 2001. 283 p.
14. Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. М.: Вече, 2008. 527 с.
15. Симонян Р.Х. От национально-государственных объединений к региональным (проблемы мезоуровня в организации общественных систем) // *Вопросы философии*. 2005. № 3. С. 12–25.
16. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. 253 с.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. 571 с.
18. Меньшиков М.О. Как воскреснет Россия?: избранные статьи. СПб.: Русская симфония: Библиотека Академии наук, 2007. 668 с.
19. Лельчук В.С. Индустриализация // *Переписка на исторические темы*. М.: Политиздат, 1989. С. 341–372.

Romanov Oleg A. Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus). E-mail: oromanov@inbox.ru

THE EURASIAN REGIONALIZATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATIONS OF THE WORLD ORDER: ITS HISTORICAL MEANING AND ESSENCE

Keywords: regionalization; Eurasian integration; local civilizations.

The article deals with comprehension of the genesis, the essence and the prospects of development of integration processes in the Eurasian space. The objective of the article is to reveal the factors and mechanisms of the Eurasian regionalization and to define the historical meaning of this process. To achieve the stated objective the following interrelated tasks are to be accomplished: 1) to reveal the essence

of regionalization as the major tendency of contemporary global social transformations and to show trends in changes of social reality in course of its objectivation; 2) to explicate the presuppositions for formation of the Eurasian civilization in concrete historical form of the Eurasian regional union and to suggest a prognosis of its development; 3) to reveal social and economic conditions of progressive development of the Eurasian regional union. The sources of information evaluation are works on regionalization of domestic and foreign authors. The issues of regionalization are widely studied in economic science. The article analyzes the findings of various fields of economy: Keynesianism, neoclassical, institutional-sociological approaches as well as ideas developed by western political analysts and politicians (S. Huntington, G. Verhofstadt, L.-G. Wartenberg, B. Hettne). Significant role in formation of the author's concept plays the works of Russian researchers: M.G. Delyagin, R.H. Simonyan, A.I. Utkin. The article shows that destructive aspects of globalization determine the search for means and ways to overcome them. In order to preserve its historical subjectivity, many countries of the world have chosen the way of regional integration. Regional integration, on the one hand, allows member-states to preserve main advantages of globalization (international division of labor, access to foreign market, possibility to share technologies and manufacturing resources) and, on the other hand, to protect national interests of member-states. From sociocultural perspective, regional integration maintains inner diversity thus stability of mankind. The article grounds the fundamental thesis that optimal form of realization of a long-term development strategy for the Eurasian space lies in creation of a regional center of development and force on the basis of its own cultural and historic matrix. Development of the Eurasian region in form of independent integrative project allows it to use its own sociocultural experience in order to overcome multidimensional social crisis that is mainly caused by noncritical adoption of foreign cultural patterns. One more constructive consequence of development within the Eurasian regional union lies in an opportunity to preserve and use resources basis for the benefit of peoples that form the union. Possession of the resources basis is considered to be the most important factor of progressive development in the context of increasing struggle for unrenovable planet resources. An attributive characteristic of a regional center of development and force is a civilization project that represents the system of standards through which the Eurasian civilization could design itself as an independent subject of historical process.

REFERENCES

1. Kuhnhardt, L. (2000) Europas Rolle in der Weltpolitik des 21. Jahrhunderts [The role of Europe in the world politics of the 21st century]. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 24. pp. 31–38.
2. Perroux, F. (1973) Multinational Investments and the Analysis of Development and Integration Poles. *Economies et sociétés*. 5–6. pp. 831–868.
3. Gerbier, B. (1998) La Continentalisation, Moment Present de la Dynamique du Capital [Continentalisation, Present moment of the capital dynamics]. *Analyses et Documents Economique*. 74. pp. 61–65.
4. Longueville, G. (1999) La Transmission Internationale des Crises [The international transmission of crises]. *MOCI*. 1374. pp. 8–15.
5. Nunnenkamp, P. (1999) Europe and the Crisis: Safe Haven or Menace to Global Recovery? *Intereconomics*. 34(1). pp. 3–21. DOI: 10.1007/BF02928967
6. Anon. (1997) A Survey of the World Economy. The Future of the State. *The Economist*. 20. pp. 3–24.
7. Simoniya, Ya. (1998) Gosudarstvo i razvitie. Mesto i rol' gosudarstva v protsesse razvitiya [State and development. The place and role of the state in the development process]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 12. pp. 60–72.
8. Wartenberg, von L.-G. (2001) Handelspolitik im Zeichen der Globalisierung [Trade policy in the name of globalisation]. *International Politik*. 56(7). pp. 9–15.
9. Drobot, G.L. (2002) Menyayushchayasya rol' gosudarstva v mirovoy ekonomike XX veka [The changing role of the state in the world economy of the twentieth century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. pp. 29–40.
10. Hettne, B. (1996) *Globalism, the New Regionalism and East Asia. Selected Papers Delivered at the United Nations University Global Seminar 02-06.09*. pp. 3–15.
11. Verhofstadt, G. (2009) Tri vykhoda dlya Evropy [Three ways out for Europe]. *Rossiya v global'noy politike*. 1. pp. 23–36.
12. Strange, S. (1997) The Erosion of the State. *Current History*. 98. pp. 360–383.
13. Klare, M. (2001) *Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict*. New York: Henry Holt and Company.
14. Delyagin, M.G. (2008) *Drayv chelovechestva. Globalizatsiya i mirovoy krizis* [Humanity Drive. Globalisation and the Global Crisis]. Moscow: Veche.
15. Simonyan, R.Kh. (2005) Ot natsional'no-gosudarstvennykh ob"edineniy k regional'nym (problemy mezourovnnya v organizatsii obshchestvennykh sistem) [From national-state associations to regional (problems of meso-level in the organisation of social systems)]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 12–25.
16. Utkin, A.I. (2001) *Globalizatsiya: protsess i osmyslenie* [Globalisation: The process and comprehension]. Moscow: Logos.
17. Huntington, S. (2006) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Translated from English by Yu. Novikov, E. Krivtsova. Moscow: AST.
18. Menshikov, M.O. (2007) *Kak voskresnet Rossiya?: izbrannye stat'i* [How will Russia resurrect? Selected articles]. St. Petersburg: Russkaya simfoniya.
19. Lelchuk, V.S. (1989) Industrializatsiya [Industrialisation]. In: Ivanov, V.A. (ed.) *Perepiska na istoricheskie temy* [Correspondence on History]. Moscow: Politizdat. pp. 341–372.

УДК 327.7

DOI: 10.17223/19988613/50/12

Е.Ф. Троицкий, М.Ю. Ким

ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1992–2016 гг.)

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект № 28.4319.2017/5.1).

Дается краткий очерк истории политики Японии в постсоветской Центральной Азии, оцениваются ее результаты и перспективы. Подчеркивается, что с 1990-х гг. Токио активно использовал на центральноазиатском направлении «мягкую силу», но активизация японской политики в регионе, начавшаяся с 2015 г., потребует от Японии широкого использования экономических и традиционных политических инструментов. Вероятным сценарием представляется координация действий США, Японии и Индии в Центральной Азии.

Ключевые слова: Япония; Центральная Азия; диалог «Центральная Азия плюс Япония»; официальная помощь развитию.

Политика Японии в постсоветской Центральной Азии остается сравнительно слабоизученным аспектом современной истории международных отношений в Центральной Азии. Это вполне объяснимо: история японской политики в регионе небогата громкими событиями и яркими инициативами, а Токио не входит в число ведущих внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров ни для одной из центральноазиатских стран. Однако активизация японской внешней политики при второй администрации С. Абе, пришедшей к власти в конце 2012 г., не обошла стороной и Центральную Азию, заставляя тщательнее присмотреться к действиям Токио в регионе.

Цель настоящей статьи – дать краткий очерк истории центральноазиатской политики Японии, оценить ее результаты и перспективы.

В 1990-е гг. Центральная Азия оставалась на дальней периферии японской внешней политики. Токио не имел в регионе значительных интересов и не проявлял на центральноазиатском направлении политической активности. В регионе были открыты только два японских посольства – в Казахстане и Узбекистане. Лишь дважды за десятилетие побывали в Центральной Азии министры иностранных дел Японии (в 1992 г. – в Казахстане и Киргизии и в 1999 г. – в Узбекистане); высокие гости из центральноазиатских стран также посещали Токио реже, чем Вашингтон и столицы ведущих европейских государств [1, 2].

В июле 1997 г. премьер-министр Японии Р. Хасимото заявил о намерении Токио приступить к осуществлению активной «евразийской дипломатии», предусматривающей расширение связей с Россией, Китаем и «регионом «Шелкового пути», охватывающим государства Центральной Азии и Закавказья. Говоря о «регионе «Шелкового пути», Хасимото выделил три направления японской политики: «политический диалог для углубления доверия и взаимопонимания», «экономическое сотрудничество и сотрудничество в области освоения природных ресурсов» и «достижение мира в регионе посредством нераспространения ядер-

ного оружия, демократизации и стабилизации» [3]. На практике, однако, появление концепции «евразийской дипломатии», усилия по реализации которой сосредоточились прежде всего на попытках «разморозить» отношения с Россией, не трансформировалось в активизацию политики Токио на центральноазиатском направлении. Как признавали позднее сами японские дипломаты, «евразийская дипломатия», применительно к Центральной Азии и Закавказью, «не имела конкретного наполнения» и являлась не более чем «выражением намерения... обозначить присутствие Японии в бывших советских республиках» [4].

В 1990-е гг. Япония оказывала странам Центральной Азии значительную экономическую помощь. За 1992–2000 гг. ее объем составил 1,007 млрд долл.; из этой суммы Узбекистан получил 396 млн, Казахстан – 306 млн, Киргизия – 290 млн [5]. Казахстану, Киргизии и Узбекистану предоставлялись льготные кредиты на модернизацию транспортной инфраструктуры. Токио содействовал включению Организацией экономического сотрудничества и развития центральноазиатских государств в число развивающихся стран и присоединению Казахстана, Киргизии и Узбекистана к Азиатскому банку развития [2. Р. 133]. В то же время экономическая помощь не рассматривалась Японией как инструмент влияния в регионе: Токио проявлял щедрость по отношению к странам Центральной Азии прежде всего потому, что выделение им средств не влекло за собой «политической нагрузки» [Ibid. Р. 130], тогда как оказание масштабной помощи России, к чему Японию призывали партнеры по «большой семерке», было для японской стороны политически неприемлемо.

Не проявил большого интереса к Центральной Азии и японский бизнес. Прямые японские инвестиции в Казахстане составили к концу 1990-х гг. около 300 млн долл. (в основном в черной металлургии и банковской сфере), в Киргизии – около 11 млн; в Узбекистане и Туркменистане японские компании приняли участие в реконструкции нефтеперерабатывающих заводов [6. С. 283–284, 288–292]. В нефтедобывающем секторе

присутствие японского капитала ограничилось приобретением компанией «Инпекс» 8,33% акций Оффшорной казахстанской международной операционной компании. Объемы торговли между Японией и странами Центральной Азии оставались незначительными: товарооборот за 1992–2000 гг. возрос с 78 до 369 млн долл., а доля региона в японской внешней торговле составляла в конце десятилетия лишь 0,04% [7].

В первой половине 2000-х гг. сложились предпосылки для активизации японской политики в Центральной Азии. Сближение между Узбекистаном и Соединенными Штатами благоприятно сказалось на отношениях между Ташкентом и Токио, в июле 2002 г. официально объявленных «стратегическим партнерством» [8]; Узбекистан стал первой и пока единственной центральноазиатской страной, с которой Японию связало прямое воздушное сообщение [1]. Были открыты японские посольства в Душанбе, Бишкеке и Ашхабаде. Япония вошла в число основных внешних доноров Афганистана, «специализируясь» на финансировании строительства дорог (в том числе в приграничных с Узбекистаном районах) и программы разоружения и демобилизации незаконных вооруженных формирований [9]. К попыткам закрепить за Японией более активную и самостоятельную роль в Центральной Азии побуждало и расширение китайского влияния в регионе, с настороженностью воспринимаемое японскими политическими и экспертными кругами [10. Р. 120–121; 11].

В 2004 г. Токио предложил центральноазиатским странам дополнить двусторонние отношения многосторонним форматом, получившим название «Диалог “Центральная Азия плюс Япония”». Инициатива Японии получила поддержку всех государств региона, кроме Туркменистана, и в августе 2004 г., после консультаций, проведенных министром иностранных дел Японии Й. Кавагучи в столицах стран региона, в Астане состоялась первая встреча нового форума на уровне глав внешнеполитических ведомств [12]. По замыслу японской дипломатии, многосторонний диалог был призван прежде всего содействовать развитию в Центральной Азии внутрирегионального сотрудничества по модели, реализуемой странами Юго-Восточной Азии [13]; при этом Токио подчеркнул, что Япония не преследует в регионе «эгоистичных целей» и ориентируется на долгосрочные, достижимые в перспективе 10–20 лет, результаты [2. Р. 143].

Диалог «Центральная Азия плюс Япония» был продолжен в ходе серии совещаний старших должностных лиц министерств иностранных дел стран-участниц и второй министерской встречи, проведенной в Токио в июне 2006 г. Итогом токийской встречи стало принятие Плана действий, предусматривающего, что стороны будут развивать политический диалог (в частности, рассмотрят возможность проведения саммита), способствовать расширению экономического сотрудничества, наладят контакты между экспертными сообществами («интеллектуальный диалог»), культурный и образовательный обмен. Основной раздел документа был по-

священ развитию в Центральной Азии, при содействии Японии, внутрирегионального сотрудничества по широкому спектру направлений, в том числе в борьбе с терроризмом и наркотрафиком, социальной, торгово-инвестиционной, водно-энергетической, транспортной и экологической сферах, предотвращении природных катастроф [14]. Японская сторона особо подчеркнула, что Токио намерен способствовать подключению к региональному сотрудничеству Афганистана и Пакистана, выразив, таким образом, солидарность с американской стратегией форсированного развития связей между странами Центральной и Южной Азии [15].

В последующие годы диалог «Центральная Азия плюс Япония» начал утрачивать интенсивность: явная неготовность центральноазиатских стран к внутрирегиональной кооперации лишала японскую дипломатию возможности сыграть взятую на себя роль «катализатора» этого процесса. Третья министерская встреча (впервые с участием Туркменистана) состоялась только в 2010 г., четвертая и пятая – в 2012 и 2014 гг. В то же время регулярно поддерживался неофициальный «интеллектуальный диалог» – встречи экспертов и общественных деятелей по различным проблемам.

В этих условиях японская дипломатия сосредоточилась на консолидации политического фундамента двусторонних связей со странами региона. Хотя формально Япония выразила солидарность с американской оценкой андиганских событий, фактическая реакция Токио на подавление мятежа в Андижане отличалась сдержанностью и стремлением оградить японо-узбекские отношения от неблагоприятных последствий внешнеполитической переориентации Ташкента [2. Р. 144]. В августе 2006 г. премьер-министр Японии Д. Коидзуми впервые в истории центральноазиатской политики Токио посетил Казахстан и Узбекистан; для Ташкента визит Коидзуми, состоявшийся на фоне замораживания контактов с США и ЕС, имел важное политико-символическое значение. В 2007 г. Японию посетили Э.Ш. Рахмон и К.С. Бакиев, в 2008 и 2016 гг. – Н.А. Назарбаев, в 2011 г. – И.А. Каримов, в 2013 г. – А.Ш. Атамбаев. В 2009 г. первый в истории межгосударственных отношений визит в Токио нанес президент Туркменистана, в 2015 г. состоялся его второй визит.

С 2015 г. начался новый период активизации японской политики в Центральной Азии. Обеспокоенность расширением китайского присутствия в Центральной Азии, усилившаяся после выдвижения Пекином инициативы «Экономический пояс Шелкового пути», подтолкнула Японию к попытке уравновесить китайскую экономическую экспансию в регионе. В октябре 2015 г. премьер-министр Японии впервые посетил все пять стран региона. В ходе визита С. Абе прозвучали обещания значительных японских инвестиций в страны Центральной Азии (была названа сумма в 25 млрд долл.). В частности, были озвучены планы по строительству АЭС и добыче редкоземельных металлов в Казахстане, добыче газа и развитию автомобилестро-

ния в Узбекистане, инвестициям в туркменское месторождение «Галкыныш», ранее считавшееся китайской «вотчиной», реконструкции аэропорта «Манас» в Киргизии [16]. Переговоры между японо-турецким консорциумом и правительством Туркменистана о строительстве завода по очистке газа, добываемого на «Галкыныше», начались в феврале 2016 г. [17].

Япония продолжает щедро «подпитывать» страны региона экономической помощью. Общий объем официальной помощи развития, предоставленной Токио центральноазиатским государствам, составил за 2001–2015 гг. более 1,6 млрд долл. Основными реципиентами помощи остаются Узбекистан (609 млн долл. в 2001–2015 гг.) и Казахстан (444 млн долл.); Киргизия, Таджикистан и Туркменистан получили соответственно 295, 236 и 27 млн долл. [5]. Выделенные Японией средства расходуются преимущественно на проекты в сферах здравоохранения, развития транспортной инфраструктуры и охраны окружающей среды. При этом Япония по-прежнему не увязывает экономическую помощь с политическими условиями.

До недавнего времени Токио фактически оставался в стороне от конкуренции за участие в разработке нефтегазовых ресурсов Центральной Азии. Однако Япония, производившая до аварии на АЭС «Фукусима-1» 2011 г. около трети электроэнергии на атомных станциях и намеренная постепенно вернуться к широкому использованию атомной энергии, получила доступ к разработке урановых месторождений Казахстана и Узбекистана. На основе меморандума о взаимопонимании, подписанного во время визита Коидзуми в Астану, с 2007 г. начались японо-казахстанские переговоры о заключении межправительственного соглашения о мирном использовании атомной энергии, успешно завершившиеся в 2010 г. [18]. Японские компании и «Казатомпром» создали совместные предприятия по добыче урана. В 2013 г. было подписано соглашение о проведении японской компанией JOGMEC геологоразведочных работ на перспективных месторождениях урана в Узбекистане.

В итоге экономическое присутствие Японии в Центральной Азии сконцентрировалось в Казахстане. Накопленные прямые инвестиции японских компаний в этой стране составили к 2017 г. около 5,9 млрд долл. [19]. В ходе визита Н.А. Назарбаева в Токио в ноябре 2016 г. было объявлено о подписании новых инвестиционных соглашений на 1,2 млрд долл. Товарооборот между Японией и странами региона возрос за 2001–2016 гг. с 337 млн до 1,2 млрд долл., в том числе с Казахстаном – с 161 до 783 млн долл.; при этом доля Японии в суммарном внешнеторговом обороте государств Центральной Азии сократилась за эти годы с 1,5 до 1,2%, а для самой Японии на центральноазиатское направление на конец 2016 г. приходилось лишь около 0,1% внешней торговли [7].

В целом японской дипломатии удалось поставить на прочную основу регулярный политический диалог с центральноазиатскими странами и «заработать» благоприятную репутацию в регионе, подтверждаемую результатами социологических исследований [20]. Япония признается экспертами страной, успешно проецирующей в Центральную Азию «мягкую силу» через реализацию проектов образовательного, научного, культурного сотрудничества со странами региона, взаимодействие в сферах экологии, рационального использования водных ресурсов, развития сельского хозяйства [21, 22]. В то же время Япония долгое время намеренно проводила линию на «деполитизацию» отношений со странами Центральной Азии, стратегически оставаясь в тени американской дипломатии. Переход к более активной внешней политике в Центральной Азии, начавшийся в последние годы в рамках общего пересмотра внешнеполитического курса Токио, потребует широкого использования Японией экономических и традиционно-политических инструментов воздействия, создания альянсов и коалиций. Наиболее вероятным представляется «проецирование» на Центральную Азию модели трехстороннего взаимодействия, реализуемой Японией, США и Индией в Юго-Восточной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Takeshi Yu. Japan's Multilateral Approach toward Central Asia. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no16_1_ses/04_yuasa.pdf.
2. Len Ch. Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region // The China and Eurasia Forum Quarterly. 2005. № 3. P. 127–149.
3. Хасимото Р. Евразийская дипломатия // Независимая газета. 1997. 12 авг.
4. Вайц Р. Япония пропагандирует идею многополярности в Центральной Азии. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1178523360>.
5. Organization for Economic Development and Cooperation. Official Development Assistance Database. URL: <https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm>.
6. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001.
7. International Monetary Fund. Direction of Trade Statistics Database. URL: <http://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85&id=1409151240976>.
8. Joint Statement on Friendship, Strategic Partnership and Cooperation between Japan and the Republic of Uzbekistan. Tokyo, July 29, 2002. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/uzbekistan/pv0207/joint.html>.
9. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Japan's Contribution to Afghanistan – Working on the Frontline in the War on Terrorism. URL: http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/pamph0703.pdf.
10. Shimizu M. Central Asia's Energy Resources: Japan's Energy Interests // Islam, Oil, and Geopolitics: Central Asia after September 11. Lanham, Md., 2007. P. 107–122.
11. Ключников В.Л. Оценка представителями ведущих стран Запада и Японии Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. М., 2005. С. 42–54.
12. Joint Statement "Central Asia + Japan" Dialogue / Foreign Ministers' Meeting. Astana, August 28, 2004. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/dialogue/joint0408.pdf>.
13. Kawaguchi Yo. Speech at the University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, August 26, 2004. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/uzbekistan/speech0408.html>.

14. "Central Asia plus Japan" Dialogue Action Plan, June 5, 2006. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/dialogue/action0606.html>.
15. Aso T. Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech at the Japan National Press Club, June 1, 2006. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html>.
16. Pollmann M. What Did Abe Accomplish in Central Asia? URL: <http://thediplomat.com/2015/10/what-did-abe-accomplish-in-central-asia>.
17. Consortium Offers up to \$20bn for Turkmenistan Gas Project. URL: <http://asia.nikkei.com/Business/Companies/Consortium-offers-up-to-20bn-for-Turkmenistan-gas-project>.
18. Agreement between the Government of Japan and the Government of the Republic of Kazakhstan on Cooperation in the Peaceful Uses of Nuclear Energy. Tokyo, March 2, 2010. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/treaty/submit/session174/pdfs/agree-14_1.pdf.
19. Национальный Банк Казахстана. Статистика прямых инвестиций по направлению вложения. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian>.
20. Does Japanese PM's Tour Mark Change in Central Asia Policy? URL: <https://www.rferl.org/a/qishloq-ovozi-roundtable-japan-visit/27336439.html>.
21. Dadabaev T. The Evolution of the Japanese Diplomacy towards Central Asia since the Collapse of the Soviet Union. URL: <https://ifsh.de/file-CORE/documents/yearbook/english/11/Dadabaev-en.pdf>.
22. Miteva B. Japan's Foreign Policy towards Central Asia. URL: <http://www.viaevrasia.com/documents/11.%20Boryana%20Miteva.pdf>.

Troitskiy Evgeny F. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: eft@rambler.ru; *Kim Maxim U.* Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: max198210@yandex.ru

JAPAN'S POLICY IN CENTRAL ASIA (1992–2016).

Keywords: Japan; Central Asia; "Central Asia plus Japan" dialogue; official development assistance.

The paper aims at highlighting the main periods of Japan's foreign policy evolution and evaluating its positions in the region. To this end, factors shaping Japan's policy in Central Asia are revealed, the dynamics of its presence in the region in the 1990s – 2010s is reconstructed, major initiatives of Japanese diplomacy in Central Asia are scrutinized and trade and economic relations between Japan and Central Asian countries and its official development assistance are analyzed. The research relies on the systems approach to the history of international relations in the regions, and methods of the analysis of documents, the analysis of political discourse as well as the descriptive method are used. The original sources include treaties and agreements concluded between Japan and Central Asian countries, statements and interviews of politicians and officials, economic statistics and materials of mass media and news agencies. The authors' conclusions are as follows. In the 1990s Central Asia was a distant periphery of Tokyo's foreign policy. Prime Minister Hashimoto's "Eurasian diplomacy", an initiative announced in 1997, was focused on Russia and failed to bring about changes in Japan - Central Asia relations. In the early 2000s Japan's policy in the region received an impetus from the US growing activism in Central Asia and Japan's involvement in Afghanistan. Japanese embassies throughout the region were opened and strategic partnership with Uzbekistan declared. In 2004 Tokyo launched its first region-wide initiative, the "Central Asia plus Japan dialogue". Its main idea was promoting intra-regional cooperation in Central Asia along the lines similar to South-East Asia. Taking a good start, the multilateral dialogue lost intensity in the late 2000s as there was hardly any meaningful intra-regional cooperation of which Japan could act as a «catalyst». As Abe government began re-energizing Tokyo's foreign policy and making diplomatic overtures in new foreign policy arenas, its attention turned to Central Asia as well. Japan's renewed focus on Central Asia was mostly motivated by its intensified rivalry with China and the need to counterbalance Chinese economic expansion into Central Asia. In October 2015 Japan's Prime Minister visited all the five Central Asian countries promising major Japanese investment in a variety of business projects. Japan has earned a good reputation in the region, both with the elites and the wider public. At the same time, while wielding the "soft power" instruments, Japan has consistently tried to "depoliticize" its Central Asian diplomacy and remained strategically overshadowed by the US. A search for greater influence in the region will make Tokyo resort to a wider range of economic and political levers and to alliance building.

REFERENCES

1. Takeshi, Yu. (n.d.) *Japan's Multilateral Approach toward Central Asia*. [Online] Available from: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no16_1_ses/04_yuasa.pdf.
2. Len, Ch. (2005) Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region. *The China and Eurasia Forum Quarterly*. 3. pp. 127–149.
3. Hashimoto, R. (1997) Evraziyskaya diplomatiya [Eurasian Diplomacy]. *Nezavisimaya gazeta*. 12th August.
4. Weitz, R. (2007) *Yaponiya propagandiruet ideyu mnogopolyarnosti v Tsentral'noy Azii* [Japan promotes the idea of multipolarity in Central Asia]. [Online] Available from: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1178523360>.
5. Official Development Assistance Database. (n.d.) *Organization for Economic Development and Cooperation*. [Online] Available from: <https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm>.
6. Zhukov, S.V. & Reznikova, O.B. (2001) *Tsentral'naya Aziya v sotsial'no-ekonomicheskikh strukturakh sovremennogo mira* [Central Asia in the socio-economic structures of the modern world]. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation.
7. International Monetary Fund. (n.d.) *Direction of Trade Statistics Database*. [Online] Available from: <http://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85&id=1409151240976>.
8. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2002) *Joint Statement on Friendship, Strategic Partnership and Cooperation between Japan and the Republic of Uzbekistan*. Tokyo, July 29, 2002. [Online] Available from: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/uzbekistan/pv0207/joint.html>.
9. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2007) *Japan's Contribution to Afghanistan – Working on the Frontline in the War on Terrorism*. [Online] Available from: http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/pamph0703.pdf.
10. Shimizu, M. (2007) Central Asia's Energy Resources: Japan's Energy Interests. In: Van Wie Davis, E. & Azizian, R. (eds) *Islam, Oil, and Geopolitics: Central Asia after September 11*. Rowman & Littlefield Publishers. pp. 107–122.
11. Klyuchnikov, V.L. (2005) Otsenka predstavitel'yami vedushchikh stran Zapada i Yaponii Shangkhayskoy organizatsii sotrudnichestva [Evaluation by representatives of leading countries of the West and Japan of the Shanghai Cooperation Organization]. In: Klimenko, A.F. (ed.) *Shangkhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: vzaimodeystvie vo imya razvitiya* [Shanghai Cooperation Organization: Cooperation for Development]. Moscow: [s.n.]. pp. 42–54.
12. Minister for Foreign Affairs of Japan and the Foreign Ministers of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, and the Republic of Uzbekistan. (2004) *Joint Statement "Central Asia + Japan" Dialogue*. [Online] Available from: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/dialogue/joint0408.pdf>.
13. Kawaguchi, Yo. (2004) *Speech at the University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, August 26, 2004*. [Online] Available from: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/uzbekistan/speech0408.html>.
14. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2006) "Central Asia plus Japan" Dialogue Action Plan, June 5, 2006. [Online] Available from: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/dialogue/action0606.html>.

15. Aso, T. (2006) *Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech at the Japan National Press Club, June 1, 2006*. [Online] Available from: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html>.
16. Pollmann, M. (2015) *What Did Abe Accomplish in Central Asia?* [Online] Available from: <http://thediplomat.com/2015/10/what-did-abe-accomplish-in-central-asia>.
17. Nikkei Asian Review. (2016) *Consortium Offers up to \$20bn for Turkmenistan Gas Project*. [Online] Available from: <http://asia.nikkei.com/Business/Companies/Consortium-offers-up-to-20bn-for-Turkmenistan-gas-project>.
18. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2010) *Agreement between the Government of Japan and the Government of the Republic of Kazakhstan on Cooperation in the Peaceful Uses of Nuclear Energy. Tokyo, March 2, 2010*. [Online] Available from: http://www.mofa.go.jp/policy/treaty/submit/session174/pdfs/agree-14_1.pdf.
19. National Bank of Kazakhstan. (n.d.) *Statistika pryamykh investitsiy po napravleniyu vlozheniya* [Statistics of direct investments]. [Online] Available from: <http://www.nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian>.
20. Pannier, B. (2015) *Does Japanese PM's Tour Mark Change in Central Asia Policy?* [Online] Available from: <https://www.rferl.org/a/qishloq-ovozi-roundtable-japan-visit/27336439.html>.
21. Dadabaev, T. (n.d.) *The Evolution of the Japanese Diplomacy towards Central Asia since the Collapse of the Soviet Union*. [Online] Available from: <https://ifsh.de/file-CORE/documents/yearbook/english/11/Dadabaev-en.pdf>.
22. Miteva, B. (2015) Japan's Foreign Policy towards Central Asia. *Almanach Via Evrasia*. 4 [Online] Available from: <http://www.viaevrasia.com/documents/11.%20Boryana%20Miteva.pdf>.

УДК 327.7

DOI: 10.17223/19988613/50/13

С.М. Юн

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СФЕРА СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект № 28.4319.2017/5.1).

Обосновывается значимость развития интеграции стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере образования как условия и драйвера экономической интеграции, рассматриваются причины отказа включить сферу образования в качестве предмета Договора о ЕАЭС 2014 г., анализируется содержание российских инициатив о создании Евразийского сетевого университета и Консультативного совета в сфере высшего образования как механизмов образовательного сотрудничества стран ЕАЭС вне рамок Договора о ЕАЭС, формулируются оценки и рекомендации в отношении возможных шагов с российской стороны по развитию сотрудничества в сфере высшего образования в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; Россия; Казахстан; высшее образование; Евразийский сетевой университет.

Статьей 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. предусмотрены создание общих рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение общей политики в различных отраслях экономики [1]. Для подобного рода проектов глубокой экономической интеграции сфера образования является сквозной, охватывающей самые различные аспекты взаимодействия. В ряде случаев общие нормы и механизмы, касающиеся образования, – базовое условие, в других случаях – драйвер интеграции стран – участниц объединения.

В частности, создание общего рынка труда требует решения вопросов сближения (сопоставимости) образовательных и профессиональных стандартов, взаимного признания дипломов об образовании, ученых степеней и званиях. Эффективное же планирование и развитие общего рынка труда как фактора экономического роста невозможны без научно-технологического и производственного форсайта, основанного на нем долгосрочного видения потребностей общего рынка в кадрах и механизмов поддержки соответствующего кадрового обновления экономики.

С учетом того, что образование – это тоже услуга, актуальным является вопрос о формировании общего рынка образовательных услуг с общими нормами и равной конкуренцией, в конечном счете также нацеленного на повышение качества человеческого капитала и конкурентоспособности стран-участниц. Частный случай и запрос для систем высшего образования и повышения квалификации – подготовка кадров (специалистов по таможенному делу, техническому регулированию и т.д.; менеджеров, консультантов, аналитиков, экспертов), необходимых как для работы институтов экономического объединения и органов власти стран-членов, так и для содействия бизнесу в использовании возможностей развития в новых правовых и экономических рамках интеграции. Опыт того же Европейского союза (ЕС) показывает, насколько значи-

мыми считаются согласованная политика и инвестиции из общего бюджета ЕС в формирование общего образовательного пространства – для укрепления экономической конкурентоспособности данного интеграционного объединения.

Как известно, Евразийский экономический союз был учрежден с 1 января 2015 г. на основе и в развитие решений, принимавшихся в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). За пять лет до создания ЕАЭС, 11 декабря 2009 г., страны ЕврАзЭС подписали соглашение о сотрудничестве в области образования (далее – Соглашение 2009 г.), в соответствии с которым стороны «осуществляют согласованные меры по последовательному расширению сотрудничества в области образования, направленного на создание общего образовательного пространства ЕврАзЭС» [2]. Соглашением предусматривались поддержка развития прямых связей между образовательными организациями и академической мобильности; содействие участию в конгрессах, семинарах, конференциях, олимпиадах и других мероприятиях, проводимых на территории стран ЕврАзЭС; поощрение изучения языков, истории, культуры и литературы других стран ЕврАзЭС, создание Совета по образованию при Интеграционном комитете ЕврАзЭС.

Однако, в силу произошедших изменений в подходах стран ЕАЭС, положения Соглашения 2009 г. не были инкорпорированы в Договор о ЕАЭС, а взаимодействие в сфере образования вообще не стало предметом данного договора. Позиция России состоит в том, что Соглашение 2009 г. остается правовым основанием для развития сотрудничества в сфере образования в рамках ЕАЭС, так как Договор о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества, подписанный 10 октября 2014 г., включил Соглашение 2009 г. в список договоров, которые «продолжают действовать между их участниками в той части, в которой они могут быть исполнены в отсутствие упоминаемых

в них органов ЕврАзЭС, ликвидируемых в соответствии с настоящим Договором» [3]. В то же время мягкая формулировка «могут быть исполнены» и отсутствие норм в Договоре о ЕАЭС создают ситуацию, при которой вопрос развития многостороннего сотрудничества в сфере образования в рамках ЕАЭС – скорее предмет политических переговоров, нежели нормативного регулирования.

Образование не было включено и в перечень секторов услуг, по которым формируется общий рынок ЕАЭС. Только применительно к общему рынку труда страны ЕАЭС договорились о взаимном признании документов об образовании без прохождения процедуры признания дипломов (исключение – документы об образовании по педагогическому, юридическому, медицинскому и фармацевтическому профилям), а также о праве на получение образования детьми трудящихся в стране трудоустройства родителей (ст. 97 и 98 Договора о ЕАЭС). При этом документы об ученых степенях и званиях, по условиям Договора, требуют про-

хождения процедуры признания в соответствии с законодательством государства трудоустройства. На практике это означает, что норма о взаимном признании документов об ученых степенях и званиях действует только между Россией и Беларуссией [4].

Наиболее сдержанную позицию в отношении интеграции в сфере образования занимают власти Казахстана. Известно, что именно Казахстан выступил против включения интеграции в гуманитарной сфере в Договор о ЕАЭС. В последние годы более осторожной стала и позиция властей Беларуссии, не поддержавших ряд предложений Министерства образования и науки России по расширению двустороннего сотрудничества. Опасения этих стран вызваны значительным оттоком абитуриентов в Россию. Особенно это касается Казахстана. Так, по данным Росстата, численность граждан Казахстана, обучающихся в российских вузах всех форм собственности и по всем видам программ, выросла на начало 2016/17 учебного года на 50%, по сравнению с началом 2013/14 учебного года, и составила 67,4 тыс. студентов.

Численность студентов из стран ЕАЭС, обучающихся в российских вузах (на начало учебного года; по всем программам и типам образовательных организаций высшего образования) [5. С. 150–151; 6. С. 150–151; 7. С. 145–146]

Страна	2013 г.			2014 г.			2015 г.			2016 г.		
	Г	Ч	Всего	Г	Ч	Всего	Г	Ч	Всего	Г	Ч	Всего
Армения	2 293	971	3 264	2437	935	3 372	2 313	740	3 053	2 712	533	3 245
Беларусь	15 620	8 229	23 849	9 989	7737	17 726	8 278	6 022	14 300	7 922	4 492	12 414
Кыргызстан	2 217	884	3 101	2 792	873	3 665	3 811	944	4 755	5 658	969	6 627
Казахстан	31 441	13 455	44 896	38 755	15 069	53 824	46 645	18 399	65 044	52 336	15 067	67 403

Примечание. Г – государственные и муниципальные образовательные организации высшего образования. Ч – частные образовательные организации высшего образования.

Все страны ЕАЭС, кроме Кыргызстана, в разное время присоединились к Болонскому процессу. Власти Кыргызстана, не являясь официальным участником, проводят реформы в соответствии с Болонским процессом. Например, в 2012 г. в стране была введена двухуровневая подготовка бакалавров и магистров. Казалось бы, с учетом обусловленной историей близости систем образования и науки в странах ЕАЭС и их участия, прямого или опосредованного, в Болонском процессе необходимость гармонизации образовательных систем стран ЕАЭС не очевидна. Однако существуют значительные отличия в национальных стратегиях реформ. Что касается трех ведущих экономик ЕАЭС, то в России вместо специалитета были введены только уровни («циклы» в болонской терминологии) бакалавриата и магистратуры, в то время как в Казахстане действуют все три уровня, в том числе докторантура (степень PhD), и отменены кандидатские и докторские степени, а в Беларуссии только планируется массовый переход на двухуровневую систему бакалавриата и магистратуры. Существуют и другие различия в подходах. Например, в России программы бизнес-образования Master of Business Administration относятся к дополнительному послевузовскому образованию, а в Казахстане считаются профессиональными учебными программами послевузовского обучения с присвоением академической степени MBA [8. С. 10].

После вступления Договора о ЕАЭС в силу Россия инициировала создание механизма сотрудничества стран ЕАЭС в сфере образования вне рамок Договора. При поддержке российских вузов и национально-славянских университетов Министерством образования и науки России была разработана концепция Сетевого университета ЕАЭС (позже получившего название «Евразийский сетевой университет», сокращенно ЕСУ), целями которого должны были стать формирование системы подготовки кадров по образовательным направлениям, актуальным для евразийской интеграции, и содействие разработке и реализации передовых научных исследований и опытно-конструкторских работ. Деятельность ЕСУ предполагалось осуществлять на основе мониторинга потребностей ЕАЭС в подготовке специалистов и в тесной связке с институтами ЕАЭС, бизнесом и академическим сообществом.

Однако эта инициатива как проект межправительственного сотрудничества также не нашла поддержки всех членов ЕАЭС. В результате проект ЕСУ как рамочной инициативы был одобрен только на уровне университетов: 12 апреля 2016 г. в Москве вузами – членами Евразийской ассоциации университетов был подписан меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета. В свою очередь, российское министерство инициировало первую встречу министров образования и науки стран ЕАЭС в

Москве 13 апреля 2016 г., на которой все страны ЕАЭС, кроме Казахстана, подписали Меморандум о сотрудничестве по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве [9]. Документ предполагает формирование консультативных советов в сферах высшего образования и науки, которое в силу различных обстоятельств, в том числе затянувшейся смены руководства в российском Минобрнауки, до сих пор не завершено.

Таким образом, несмотря на очевидную необходимость общей политики в сфере образования для достижения базовых целей экономической интеграции в рамках ЕАЭС, из-за отсутствия поддержки со стороны Казахстана эта сфера является компетенцией ЕАЭС только в той части, которая касается прав трудящихся в рамках общего рынка труда. Насколько можно судить, для образовательной политики нынешних властей Казахстана приоритетом остается интеграция в глобальное англоязычное образовательное пространство, что в кратко- и среднесрочной перспективе делает маловероятным принятие решения в ЕАЭС ввести образование в качестве сферы общей политики или общего рынка услуг.

Тем не менее крайне актуальным остается вопрос о запуске консультативного совета в сфере высшего образования, пусть и в усеченном составе. Его работа в качестве межправительственного института при поддержке экспертной группы в составе представителей бизнес-сообщества и университетов может сыграть существенную роль в координации национальных образовательных политик, гармонизации нормативно-правовой базы сотрудничества в сфере образования, выработке мер финансовой поддержки сетевого взаимодействия университетов стран ЕАЭС. Было бы ошибкой со стороны российского руководства не использовать тот задел, который был сделан прежним руководством Министерства образования и науки России.

Для обеспечения долгосрочного, стратегического видения развития образовательного сотрудничества стран ЕАЭС, включая мониторинг и форсайт рынка труда, необходимо серьезное экспертно-аналитическое обеспечение. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) в силу правовых ограничений не может выступить в роли такого «мозгового центра». Поэтому странам – участникам Меморандума от 13 апреля 2016 г. необходимо вернуться к идее учреждения Евразийского сетевого университета, который также занимался бы апробацией и тиражированием лучших практик научно-технологического и образовательного сотрудниче-

ства стран ЕАЭС. Было бы логично, если бы активную роль в этом процессе играл Деловой совет ЕАЭС, в составе которого существует комитет по науке и образованию и который взаимодействует с ЕЭК в рамках специального консультативного совета.

Придание Евразийскому сетевому университету межгосударственного статуса важно и с точки зрения поддержки академической мобильности, так как позволяет претендовать на выделение квот на обучение иностранных студентов в российских вузах по линии Россотрудничества (в последние годы заявленный объем квот составляет 15 тыс.). Реалии таковы, что нет никаких оснований рассчитывать на финансирование программ образовательного сотрудничества стран ЕАЭС из общего бюджета Союза. В этой ситуации России как локомотиву евразийской интеграции необходимо взять на себя основное финансовое бремя. В частности, принять принципиальное решение о перераспределении в рамках ежегодной квоты Россотрудничества определенного объема бюджетных мест на сетевые образовательные проекты стран ЕАЭС. Пока же ситуация развивается в обратную сторону: в 2016 г. был лишен привилегий при распределении квот Российско-Кыргызский консорциум технических вузов, один из немногих реально работающих проектов сетевого взаимодействия с участием стран ЕАЭС. Необходимо подумать и о выработке дополнительных финансовых механизмов, например поддержки программ обмена и повышения квалификации вузовских преподавателей. В более широком плане целесообразным было бы проведение комплексного аудита всей системы механизмов и финансовых инструментов поддержки сотрудничества России с зарубежными странами в области высшего образования, включая Университет ШОС, Сетевой университет СНГ, квоты Россотрудничества и др.

Теоретически можно ничего не делать, и рынок сам будет как-то реагировать и регулировать образовательные процессы и сотрудничество стран ЕАЭС. Однако это будет означать, что страны ЕАЭС будут всегда на несколько шагов позади других ведущих стран и группировок, проводящих активную, широко финансируемую образовательную политику. Концентрация ограниченных ресурсов стран ЕАЭС, разработка институциональных и финансовых механизмов интеграции в сфере образования, обеспечивающих получение взаимной выгоды и таким образом снимающих опасения отдельных стран ЕАЭС, были бы оптимальной стратегией в условиях жесткой мировой конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.02.2017) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=203268&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8327479851817134#0>, свободный (дата обращения: 11.04.2017).
2. Соглашение о сотрудничестве государств – членов Евразийского экономического сообщества в области образования // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902312974>, свободный (дата обращения: 11.04.2017).
3. Договор о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества (Подписан в г. Минске 10.10.2014) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170016, свободный (дата обращения: 11.09.2017).

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях (Москва, 27 февраля 1996 года) // Федеральное государственное бюджетное учреждение «Главный государственный экспертный центр оценки образования». URL: http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation/idokb_3247_225515, свободный (дата обращения: 12.04.2017).
5. Россия в цифрах. 2015 : крат. стат. сб. / Росстат. М. : Росстат, 2015. 543 с.
6. Россия в цифрах. 2016 : крат. стат. сб. / Росстат. М. : Росстат, 2016. 543 с.
7. Россия в цифрах. 2017 : крат. стат. сб. / Росстат. М. : Росстат, 2017. 511 с.
8. Права трудящихся государств-членов в сфере образования // Евразийская экономическая комиссия. М., 2017. 15 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/social_security/Documentsправа_образование.pdf, свободный (дата обращения: 10.04.2017).
9. Подписан Меморандум по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве. 14 апреля 2016 г. // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <http://минобрнауки.рф/новости/8152>, свободный (дата обращения: 12.04.2017).

Yun Sergey M. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: yun@dir.tsu.ru

EDUCATIONAL COOPERATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: PROBLEMS AND PROSPECTS.

Keywords: Eurasian Economic Union, Russia; Kazakhstan; higher education; Eurasian Network University.

The aim of the research is to identify the reasons for the refusal to grant the competence in the area of education policy to the Eurasian Economic Union (EAEU) through the 2014 Treaty on the EAEU and to give recommendations for the promotion of educational cooperation between EAEU member states outside the treaty framework. The paper also stresses the significance of educational cooperation in the EAEU as a precondition and driver for the development of economic integration and analyzes relevant Russian initiatives. The author used mainly treaties dealing with educational cooperation between EAEU states and official statistics about the number of students from EAEU states enrolled at Russian universities. The research reached the following conclusions. For the Eurasian Economic Union being a project of deep economic integration, the area of education is potentially significant in terms of creating and regulating a common labor market and a common market for education services, as well as training specialists in Eurasian integration for the EAEU institutions, member states and businesses. Back in 2009, the members of the Eurasian Economic Community, the predecessor of the EAEU, signed an agreement on educational cooperation, however, national governments' view has changed since then and the 2014 Treaty has not conferred competence in the area of education to the EAEU. Education was not included in the list of sectors to create the EAEU common market for services either. The only thing about education the EAEU member states agreed on was to secure the mutual recognition of diplomas. The key reason for the refusal to have a common education policy was Kazakhstan's reluctance which can be explained by the significant outflow of school graduates to Russia and the strive for the integration into the global English-speaking educational area. After the Treaty on the Eurasian Economic Union entered into force, Russia invited EAEU member states to establish a Eurasian Network University for monitoring the common labor market, training qualified personnel, promoting relevant research, and to set up an Advisory Council for Higher Education. However, both proposals did not receive support from all EAEU states. The recommendations for the Russian government are to launch the Advisory Council for Higher Education, even with a narrower membership, to lobby the Eurasian Network University project involving the EAEU Business Council, to use Rossotrudnichestvo's quotas for training foreign students to finance academic mobility within the EAEU, to carry out an audit of the overall system advancing Russia's educational cooperation with third countries.

REFERENCES

1. Eurasian Economic Union. (2014) *Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on May 29, 2014) (as amended on May 8, 2015) (as amended and supplemented, effective from 12.02.2017)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=203268&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8327479851817134#0>. (Accessed: 11th April 2017). (In Russian).
2. Eurasian Economic Union. (n.d.) *Agreement on Cooperation of the Member States of the Eurasian Economic Community in the Field of Education*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902312974>. (Accessed: 11th April 2017). (In Russian).
3. Eurasian Economic Community. (2014) *Agreement on the cessation of the activities of the Eurasian Economic Community (signed in Minsk on October 10, 2014)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170016. (Accessed: 11th April 2017). (In Russian).
4. The Main State Expert Center for Assessing Education. (1996) *Soglasenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Belarus' o vzaimnom priznanii i ekvivalentnosti dokumentov ob obrazovanii, uchenykh stepenyakh i zvaniyakh (Moskva, 27 fevralya 1996 goda)* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on mutual recognition and equivalence of documents on education, academic degrees and titles (Moscow, February 27, 1996)]. [Online] Available from: http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation/idokb_3247_225515. (Accessed: 12th April 2017).
5. Federal State Statistics Service. (2015) *Rossiia v tsifrakh. 2015* [Russia in Figures. 2015]. Moscow: Rosstat.
6. Federal State Statistics Service. (2016) *Rossiia v tsifrakh. 2015* [Russia in Figures. 2015]. Moscow: Rosstat.
7. Federal State Statistics Service. (2017) *Rossiia v tsifrakh. 2015* [Russia in Figures. 2015]. Moscow: Rosstat.
8. The Eurasian Economic Commission. (2017) *Prava trudyashchikhsya gosudarstv-chlenov v sfere* [Rights of the Working People of the Member States in the Sphere of Education]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/social_security/Documentsправа_образование.pdf. (Accessed: 10th April 2017).
9. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2016) *Podpisan Memorandum po voprosam obrazovatel'nogo i nauchno-tekhnologicheskogo sotrudnichestva na evraziyskom prostranstve. 14 aprelya 2016 g.* [A Memorandum on educational, scientific and technological cooperation in the Eurasian space was signed on April 14, 2016]. [Online] Available from: <http://minobrnauki.rf/novosti/8152>. (Accessed: 12th April 2017).

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94.(32).04

DOI: 10.17223/19988613/50/14

А.В. Сафронов

КТО БЫЛ ОТЦОМ ФАРАОНА СИПТАХА?

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 15-31-01307 «Великие державы и мигрирующие народы: этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке во второй половине 2 тыс. до н.э.».

Статья посвящена происхождению фараона Сиптаха и его принадлежности к дому Рамессидов. Автор рассматривает трех его предшественников – Мернептаха, Сети II и Аменмессу, каждый из которых в историографии обычно считается отцом Сиптаха. По мнению автора, ни Сети II, ни Аменмессу не могут рассматриваться как кандидаты на роль отца Сиптаха, поскольку каких-либо объективных аргументов в пользу этого нет. Только Мернептах может претендовать на это звание, что, как полагает автор, доказывается изменением Сиптахом своего тронного имени Рамсес-Сиптах на Мернептах-Сиптах в начале правления. Согласно распространенной точке зрения, мать Сиптаха была азиатской наложницей, вследствие чего у него не было законных прав на престол. Поскольку восшествие Сиптаха на трон сопровождалось какими-то неурядицами, изменение первоначального имени фараона может быть связано с попыткой Сиптаха доказать легитимность своей власти ссылкой на происхождение от Мернептаха.

Ключевые слова: Сиптах; Мернептах; Сети II; Аменмессу; XIX династия.

Происхождение предпоследнего фараона XIX династии Сиптаха (1208–1202 г. до н.э.), правление которого ознаменовалось резким ослаблением центральной власти в Египте, до сих пор остается невыясненным. Очевидно, что Сиптах должен был быть связан узами родства с домом Рамессидов. Знаменитый временщик его царствования Баи прямо утверждал в своих надписях, что он – «тот, кто утвердил царя (Сиптаха. – А.С.) на троне его отца» (*smn nswt r s.t jt=f*) [1. С. 114]. Следовательно, современники Сиптаха рассматривали его как правителя, связанного кровными узами с домом Рамсеса II и в той или иной степени обладавшего легитимными правами на египетский престол [2. Р. 45; 3. Р. 147]. Однако точно указать его царственных родителей все еще не представляется возможным.

Рентгенографическое исследование мумии Сиптаха показало, что он умер в возрасте 20–25 лет [3. Р. 202, 206–207; 4. Р. 89; 5. С. 10–11]. Следовательно, этот фараон мог родиться не ранее 1227 г. до н.э.¹ Однако примерную дату его рождения следует скорректировать. Известняковая статуя № 122 Мюнхенской глиптотеки представляет фараона Сиптаха ребенком, сидящим на коленях у практически полностью разрушенной человеческой фигуры [6. Р. 72–73, Pl. 3]². Сохранившиеся на статуе картуши Сиптаха «Владыка Обеих Земель Ахэнра Сетепэнра, Владыка диадем [Сиптах Мерне]птах» показывают имена этого правителя, характерные для второй половины его царствования (прибл. с 1205 г. до н.э. – А.С.) [6. Р. 72–73; 7. Р. 141–142]. Следовательно, к моменту смерти в 1202 г. до н.э. Сиптах едва ли достиг возраста двадцати лет³. Тогда дату его рождения следует помещать не ранее 1222 г. до н.э.

На основании этого можно предположить, что отцом Сиптаха мог быть кто-то из трех его ближайших предшественников на египетском троне – Мернептах (1224–1214 гг. до н.э.), Сети II (1214–1208 гг. до н.э.) или Аменмессу (1212–1209 гг. до н.э.).

Большинством исследователей была принята гипотеза, согласно которой отцом Сиптаха был Сети II [6. С. 13; 8. Р. 18; 9. Р. 216; 10. 31–32; 11. Р. 187–188]. В поддержку этой точки зрения обычно приводился тот факт, что воцарившийся после смерти Сети II Сиптах никогда не узурпировал его памятники, но лишь добавлял на них свои картуши, не стирая при этом имена своего предшественника [10. Р. 31]. Подобное отношение Сиптаха к монументам Сети II якобы может рассматриваться как дань уважения сына к своему отцу [3. Р. 147]. Однако данная аргументация довольно уязвима для критики. Нам известно, например, что Рамсес II узурпировал памятники своего отца Сети I и деда Рамсеса I [12. Р. 135]. В свою очередь, некоторые рельефы Рамсеса II в Карнакском храме были узурпированы его сыном Мернептахом [13. Р. 29–30]. Однако едва ли на основании этих фактов можно сделать вывод, что Рамсес II не почитал своих отца и деда, а Мернептах – отца. В то же время, к примеру, присутствие на гранитной колонне из Гелиополя, ныне хранящейся в Британском музее (ЕА 64), имен основателя XX династии Сетнахта, вырезанных позже на монументе под картушами Мернептаха [14. Р. 70], никоим образом не свидетельствует о родственной связи между этими двумя фараонами.

Кроме того, есть свидетельство, которое, возможно, показывает, что Сети II не был отцом Сиптаха. Как уже

упоминалось выше, Сиптах занял трон сразу после смерти Сети II. Об этом свидетельствует остракон CGC 25515 из поселения строителей царских гробниц в Дейр эль-Медина. Он содержит перечень рабочих и нерабочих дней команды строителей усыпальниц Сети II и Сиптаха. В колонке IV оборотной стороны этого остракона имеется следующая информация: (IV:1) *rnP.t-sp 1 3bd 1 pr.t sw 29* (IV:2) *ju jr.n hr.j Md3.y.w Nht-Mnw hn^c Hnsw-m-hb* (IV:3) *m dd bjk tsy.w r t3 P.t [n] Sth.y* «(IV:1) Год 1-й, 1-й месяц (сезона) перет, день 29. (IV:2) Пришел начальник маджаев Нахт-Мин вместе с Хонсу-эмхебом, (IV:3) чтобы сказать: «Сокол Сети поднялся к небу» (т.е. фараон Сети II умер. – А.С.) [15. Р. 12*]. Упомянутый «год 1-й» является уже первым годом правления преемника Сети II Сиптаха⁴ [Ibid.].

Однако ранее в колонке II оборотной стороны остракона содержится практически идентичная строкам колонки IV информация, датированная, однако, последним годом правления Сети II: (II:21) *3bd 1 pr.t sw 19 h^c* (II:22) *hrw n ju jr.n* (II:23) *hr.j Md3.y.w Nht-Mnw m dd* (II:25) *bjk p3j=f* (II:26) *r P.t n Sth.y* (II:27) *kj h^c r t3j=f* (II:28) *s.t* «(II:21) 1-й месяц сезона перет, день 19-й. Приостановление (работ). (II:22) День, когда пришел (II:23) начальник маджаев (II:24) Нахт-Мин, чтобы объявить: (II:25) «Сокол Сети взлетел (II:26) к небу. (II:27) Другой вззошел на его (II:28) место» [Ibid.].

Последние две строки (стк. 27–28) демонстрируют любопытную деталь: писцы в Дейр эль-Медина почему-то обозначили преемника Сети II Сиптаха словом

«другой». Можно, конечно, предположить, что когда весть о смерти Сети II из столицы в Дельте достигла поселка царских работников в Западных Фивах⁵, там попросту могли не знать имя его воцарившегося на далеком севере преемника [4. Р. 83]. Однако в этом случае не совсем ясно, почему в тексте второго сообщения о смерти Сети II, пришедшего в Дейр эль-Медина десятью днями позже первого и датированного уже 1-м годом правления Сиптаха (см. выше. – А.С.), эти слова попросту опущены? И зачем было бы наделять нового фараона таким странным эпитетом, если он являлся законным наследником умершего фараона?⁶ Не хотели ли писцы из Дейр эль-Медина первоначально отразить реальную ситуацию, а именно отсутствие у нового царя прав на престол?⁷ Таким образом, никаких указаний на то, что Сиптах был сыном Сети II⁸, нет⁹.

Существует также гипотеза, согласно которой отцом Сиптаха был узурпатор Аменмессу [Ibid. Р. 93–94; 18. С. 560]. Он правил с 1212 г. до н.э. в Фивах и Нубии, в то время как под властью законного наследника Мернептаха Сети II оставались лишь Дельта и незначительная часть Верхнего Египта [19. С. 27–28]. По сути, в поддержку этой гипотезы приводится лишь один аргумент. На ныне утраченном небольшом бронзовом наосе из Британского музея [7. Р. 143; 20. Р. 715] имена Сиптаха

переданы как . Если понимание второй части надписи бесспорно – *nswt*

bj.tj 3h<-n.>R^c <dj>h^c d.t «царь Верхнего и Нижнего Египта Ах<эн>ра, тот, кому <дана> жизнь вечно», то

Хорово имя фараона было прочитано рядом исследователей весьма фантастично как *h^c m 3hbjt* «воссиявший в (городе) Хеммис¹⁰» [4. Р. 93; 22. Р. 87].

Полученное Хорово имя Сиптаха сторонники данной гипотезы пытались сопоставить с частью титулатуры

Аменмессу: Аменмессу:

rn n 3s.t m 3hbjt r h33 sn nb Jtn «тот, кого вскормила Исида в Хеммисе, чтобы (стать) властителем всего, что окружает солнечный диск» [23. С. 19, 27]. По их мнению, упоминание топонима Хеммис может свидетельствовать в пользу родства двух фараонов, якобы упоминавших в титулах свой родовой город [4. Р. 93; 22. Р. 87].

Однако подобная гипотеза выглядит весьма натянуто. Во-первых, указание на вскармливание Аменмессу Исидой в Хеммисе, естественно, является аллюзией на миф о рождении Исидой Хора в этом городе [21. С. 112]. Поскольку каждый фараон был земным воплощением этого бога, рассматривать Хеммис как родной город Аменмессу лишь на основании имеющей мифологическую подоплеку метафоре едва ли возможно.

Во-вторых, нет никакой уверенности в существовании Хорова имени Сиптаха, которое бы звучало как «воссиявший в Хеммисе». Название города Хеммиса никогда не

выписывалось только лишь графемой [21. С. 111–

112; 24. Р. 173]. Поэтому имя Сиптаха должно читаться как *h^c m bj.tj* – «воссиявший в качестве

царя Нижнего Египта», а следовательно, свидетельства, которое позволяло бы предполагать, что Сиптах был сыном Аменмессу, попросту нет.

Из возможных кандидатов на роль отца Сиптаха остается только Мернептах. Можно ли верифицировать эту гипотезу? Как кажется, да. Мы знаем, что в 1-й год своего правления Сиптах носил имя *sh^c.j.n-R^c stP.n-R^c R^c-ms(j)-s(w) s3-Pth* «возникший для Ра, избранный Ра, Рамсес Сиптах» [25. С. 161]. На 3-й год правления Сиптаха памятники показывают масштабную смену его имен. Теперь правитель называет себя *3h.n-R^c stP.n-R^c mrj.n-Pth s3-Pth* «Угодный Ра, избранный Ра, Мернептах Сиптах» [Ibid. С. 163; 7. Р. 141–142]. Это изменение так и не получило сколько-нибудь удовлетворительного объяснения, хотя совершенно очевидно, что оно было вызвано какими-то весомыми идеологическими причинами¹¹. Что же заставило Сиптаха пойти на столь радикальный шаг?

Из надписей Баи, всесильного временщика этого смутного времени, который возвел Сиптаха на трон, следует, что в Египте существовала некая оппозиция, не признававшая этого фараона легитимным правителем [1. С. 114, 118]. Позднее на рельефе заупокойного храма Рамсеса III в Мединет-Абу в процессии леги-

тимных фараонов XIX–XX династий фигура Сиптаха вообще отсутствует [2. Р. 45]. Следовательно, существовали некие весомые факторы, позволявшие части египетского истеблишмента отказывать Сиптаху в законности прав на престол. Тогда можно предположить, что через некоторое время после прихода к власти Сиптах поменял свое имя с Рамсес-Сиптах на Мернептах-Сиптах именно для того, чтобы подчеркнуть законность своих прав на престол ссылкой на происхождение от Мернептах, вероятно, являвшегося его отцом¹².

Однако если Сиптах был сыном Мернептах, то почему он не признавался частью египетской знати легитимным правителем? Еще А. Гардинер предположил, что Сиптах мог быть сыном сирийской наложницы [8. Р. 18]. Это предположение может быть подкреплено рельефом Е 26901 из Лувра. На нем изображен «цар-

ский сын» Рамсес-Сиптах со своей матерью, «царской женой» Сутерайей [11. Р. 173, Pl. 11]. Мать царевича явно носит типичное переднеазиатское имя, что указывает сиро-палестинский регион как на место ее происхождения [27. С. 140–141]. Судя по всему, именно происхождение Сиптаха от матери-азиатки и являлось той причиной, по которой часть египетской знати могла не признавать его законным правителем.

Таким образом, рассмотрев трех фараонов последней четверти XIII в. до н.э., которые гипотетически могли бы претендовать на роль отца Сиптаха, в качестве последнего следует отдать предпочтение Мернептаху. Шаткие же права Сиптаха на престол, несмотря на принадлежность к дому Сети I и Рамсеса II, могут быть объяснены фактом его происхождения от азиатской наложницы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее даты XIX династии приведены в соответствии со средней моделью новоегипетской хронологии, согласно которой воцарение Рамсеса II приходится на 1290 г. до н.э.

² Об ее идентификации см.: [4. С. 35–38; 5. Р. 91, 93; 6. Р. 72–73].

³ Анализ состояния зубов мумии Сиптаха также говорит о том, что к моменту смерти ему было не более 20 лет [5. С. 6].

⁴ Далее в колонке V оборотной стороны остракона говорится: *(v.1) rnp.t-sp [1] 3bd [4] pr.t sw 21 hrw n shn r p3 b3k.w (v.2) n sh3j.n-Rc stp.n-Rc [...] nb hr.w Rc-ms(jw)-sw s3 Pth c.w.s.* «(v.1) Год 1-й, 4-й месяц (сезона) перет, день 21. День приказа о (начале) работ (v.2) для Сеха-эн-ра Сетепенра, владыки диадем Рамсеса Сиптаха, да будет он жив, невредим и здоров» [15. Р. 12*].

⁵ Весть из Дельты до Фив доходила не менее чем за две недели [16. Р. 69].

⁶ Для сравнения мы имеем сходную картину при переходе власти от Рамсеса III к Рамсесу IV в 1166 г. до н.э. Начальник маджаев по имени Монтумес точно также приходит в поселок строителей и практически в тех же словах сообщает о кончине фараона и восшествии на трон его преемника. Однако Рамсес IV в документе обозначен несравненно более лестно: *jw nswt...p3 jt.j hms hr t3 jsb.t <n> p3 Rc r s.t=f* «царь (далее имени и титула. – А.С.), владыка воссел на трон Ра, на место свое» [17. Р. 558: 2–3].

⁷ Здесь следует опять-таки вспомнить Баи, который утверждал Сиптаха на троне его предков!

⁸ Результаты рентгенографического исследования мумии Сети II показали, что он умер в возрасте 25 лет [3. Р. 202]. Если это так, то он априори не мог быть отцом Сиптаха, поскольку к моменту рождения последнего не мог достигнуть детородного возраста! Однако существуют некоторые сомнения как в точности измерения возраста мумии Сети II, так и вообще ее принадлежности [4. Р. 80–82]. Поэтому данный аргумент здесь нами не рассматривается.

⁹ Нам известен только один сын Сети II, царевич Сети-Мернептах, чьи изображения сохранились в возведенном этим фараоном святилище в Карнакском храме Амона. Однако, как полагают, он умер еще при жизни своего отца [4. Р. 76].

¹⁰ О локализации этого города и его иероглифическом и греческом написаниях см.: [18. С. 111–114].

¹¹ Случаи изменения преномена фараона зафиксированы крайне редко [8. Р. 14]. Однако эти случаи не показывают изменения сразу обоих имен фараона.

¹² Мнение о том, что Сиптах был сыном Мернептах, мельком высказывалось также Ж. Йойотом [26. Р. 469].

ЛИТЕРАТУРА

- Сафронов А.В. «Безымянный» сановник конца XIX династии и новые титулы «великого начальника казны» Баи // Вестник древней истории. 2008. № 3. С. 110–129.
- Aldred C. The Parentage of King Siptah // The Journal of Egyptian Archaeology. 1963. Vol. 49. P. 41–48.
- An X-Ray Atlas of the Royal Mummies / eds. by J.E. Harris, D.F. Wente. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1980. Xxviii + 399 p.
- Dodson A. Poisoned Legacy. The Decline and Fall of the Nineteenth Egyptian Dynasty. Cairo ; New York : The American University in Cairo Press, 2010. Xxvi + 196 p.
- Drenkhahn R. Die Elephantine-Stele des Sethnacht und ihr historischer Hintergrund. Wiesbaden : Otto Harrasowitz, 1980. X + 85 s.
- Beckerath von J. Queen Twosre as Guardian of Siptah // The Journal of Egyptian Archaeology. 1962. Vol. 48. P. 70–74.
- Gauthier H.M. Le livre des rois d'Égypte. Tome 3: De la XIXe a la XXIVe Dynastie. Le Caire : Imprimerie de l'IFAO, 1914. 448 p.
- Gardiner A.H. Only One King Siptah and Twosre Not His Wife // The Journal of Egyptian Archaeology. 1958. Vol. 44. P. 12–22.
- Kitchen K.A. Pharaoh Triumphant. The Life and Times of Ramses II. Cairo : The American University in Cairo Press, 1997. X + 272 p.
- Lesko L.H. A Little More Evidence for the End of the Nineteenth Dynasty // Journal of the American Research Center in Egypt. 1966. Vol. 5. P. 29–32.
- Vandier J. Ramsès-Siptah // Revue d'Égyptologie. 1971. Vol. 23. P. 165–191.
- Brand P.J. The monuments of Seti I and their historical significance: epigraphic, art historical and historical analysis. Ph. D. Toronto : University of Toronto, 1998. Xxvi + 548 p.
- Brand P.J. The usurped cartouches of Merenptah at Karnak Luxor // Causing His Name to Live. Studies in Egyptian Epigraphy and History in Memory of William J. Murnane. Brand P.J., Cooper L., eds. Leiden ; Boston : Brill, 2009. P. 29–48.
- Porter B., Moss R.L.B. Topographical bibliography of Ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings. IV. Lower and Middle Egypt (Delta and Cairo to Asyut). Oxford : At the Clarendon press, 1934. Xxvii + 283 p.
- Černý J.M. Ostraca Hiératiques. Fasc. 1. Le Caire : Imprimerie de l'IFAO, 1930. 83 p.
- Peden A.J. A Note on the Accession Date of Merenptah // Göttinger Miszellen. 1994. Hf. 140. S. 69.
- Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions. Vol. 5. Oxford : B.H. Blackwell LTD, 1983. Xxxii + 672 p.
- Перепелкин Ю.Я. Египет после солнцепоклоннического переворота // История Древнего Востока. Ч. 2 / под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М. : Гл. ред. вост. лит., 1988. С. 528–572.

19. Сафронов А.В. Сети II и Аменмессу: два брата – два фараона – два врага // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2007. № 1. С. 27–41.
20. Prisse d'Avennes É. Antiquités égyptiennes du Musée Britannique (British museum) // Revue archéologique. 1847. T. 3 (2). P. 693–723.
21. Gomaà F. Die Besiedlung Ägyptens während des Mittleren Reiches. II. Unterägypten und die angrenzenden Gebiete. Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1987. 398 s.
22. Callender V.G. Queen Tausret and the End of Dynasty 19 // Studien zur altägyptischen Kultur. 2004. Bd. 32. S. 81–104.
23. Caminos R.A. Two Stelae in the Kurnah temple of Sethos I // Ägyptologische Studien. Hermann Grapow zum 70. Geburtstag gewidmet. Firchow O., Grapow H., Hrsgs. Berlin : Akademie-Verlag, 1955. S. 17–29.
24. Gauthier H.M. Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques. T. 4. Le Caire : Société Royale de Géographie d'Égypte, 1927. 226 p.
25. von Beckerath J. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. Mainz am Rhein : Verlag Philipp von Zabern, 1999. Xx + 314 s.
26. Yoyotte J. Un souvenir du «Pharaon» Taouset en Jordanie // Vetus Testamentum. 1962. Vol. 12 (4). P. 464–469.
27. Schneider Th. Siptah und Beja. Neubeurteilung einer historischen Konstellation // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 2003. Hf. 130. S. 134–146.

Safronov Alexander V. Moscow State Regional University (Moscow, Russia), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: safronov1477@yandex.ru

WHO WAS THE FATHER OF PHARAOH SIPTAH?

Keywords: Siptah; Merenptah; Amenmessu; Sethos II; XIX dynasty.

The article is devoted to the question of parentage of the last male Pharaoh of XIX dynasty Siptah and his relationship to the Ramesside dynasty. The author examines three of his predecessors – Merenptah, Sethos II and Amenmessu, each of whom is usually regarded in historiography as Siptah's father. According to the author, there are no facts proving that Sethos II was the father of Siptah. On the contrary, the text on the ostrakon CGC 25515 from workmen's village in Deir el-Medina, which mention about construction of Sethos II's royal tomb in Valley of the Kings and his death in his 6th regnal year, designates his successor on the throne Siptah not as the king's son but by very strange epithet "other". The author thinks that this fact can point out the absence of direct parentage between Sethos II and Siptah. Besides the author came to conclusion that Amenmessu could not be the father of Siptah because of the lack of any evidence too. The one argument that is usually used to prove their direct parentage, is the naos from British museum that is lost now. However, his

reproduction contains the inscription which mention the Horus name of Siptah as . It is usually translated as "appearing in (the city) Khemmis". As it is widely accepted, this epithet can supposedly prove the direct parentage between Siptah and Amenmessu because the last bore the epithet «one whom (the goddesses) Isis nursed in (the city) Khemmis». The mention of one and the same place-name in epithets of both the Pharaohs can supposedly point out the direct parentage between the above-mentioned kings. But the author

shows that Horus name could not be translated as "appearing in (the city) Khemmis", but only as "appearing as the king of Lower Egypt". That is why the epithet of Siptah has nothing to do with the one of Amenmessu, and there are no other arguments to prove their direct parentage. In author's opinion, only Merenptah could pretend to this role. This opinion can be proved by the fact of changing Siptah's throne name from "Ramses-Siptah" on "Merenptah-Siptah" at the beginning of his reign. As it is suggested by many scholars, the mother of Siptah was the Asiatic concubine, and he had no legal rights to ascend the throne. The Great Chancellor Bay, one of the main political figures of end of the XIX Dynasty, mentioned that the accession of Siptah was accompanied by some struggles, and Bay must establish the young king on the throne of his father. One can suggest that Siptah could change his name to prove his legitimacy by reference of the origin from Merenptah.

REFERENCES

1. Safronov, A.V. (2008) "Bezmyanny sanovnik" kontsa XIXdinastii i novye tituly "velikogo nachal'nika kazny" Bai ["Nameless" dignitary of the end of the 19th dynasty and new titles of "the great chief of the treasury" Bai]. *Vestnik drevney istorii*. 3. pp. 110–129.
2. Aldred, C. (1963) The Parentage of King Siptah". *The Journal of Egyptian Archaeology*. 49. pp. 41–48.
3. Harris, J.E. & Wente, D.F. (1980) *An X-Ray Atlas of the Royal Mummies*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
4. Dodson, A. (2010) *Poisoned Legacy. The Decline and Fall of the Nineteenth Egyptian Dynasty*. Cairo – New York: The American University in Cairo Press.
5. Drenkhahn, R. (1980) *Die Elephantine-Stele des Sethnacht und ihr historischer Hintergrund*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz. (In German).
6. Beckerath, von J. (1962) Queen Twosre as Guardian of Siptah. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 48. pp. 70–74.
7. Gauthier, H.M. (1914) *Le livre des rois d'Égypte* [The Book of the Kings of Egypt]. Vol. 3. Cairo: Imprimerie de l'IFAO, 1914. 448 p.
8. Gardiner, A.H. (1958) Only One King Siptah and Twosre Not His Wife. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 44. pp. 12–22.
9. Kitchen, K.A. (1997) *Pharaoh Triumphant. The Life and Times of Ramses II*. Cairo: The American University in Cairo Press.
10. Lesko, L.H. (1966) A Little More Evidence for the End of the Nineteenth Dynasty. *Journal of the American Research Center in Egypt*. 5. pp. 29–32.
11. Vandier, J. (1971) Ramsès-Siptah [Ramses-Siptah]. *Revue d'Égyptologie*. 23. pp. 165–191.
12. Brand, P.J. (1998) *The monuments of Seti I and their historical significance: epigraphic, art historical and historical analysis*. Ph. D. Toronto: University of Toronto.
13. Brand, P.J. (2009) The usurped cartouches of Merenptah at Karnak Luxor. In: Brand, P.J. & Cooper, L. (eds) *Causing His Name to Live. Studies in Egyptian Epigraphy and History in Memory of William J. Murnane*. Leiden – Boston: Brill. pp. 29–48.
14. Porter, B. & Moss, R.L.B. (1934) *Topographical bibliography of Ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings. IV. Lower and Middle Egypt (Delta and Cairo to Asyut)*. Oxford: At the Clarendon press.
15. Černý, J.M. (1930) *Ostraca Hiératiques*. Fasc. 1. Cairo: Imprimerie de l'IFAO.
16. Peden, A.J. (1994) A Note on the Accession Date of Merenptah. *Göttinger Miszellen*. 140. pp. 69.
17. Kitchen, K.A. (1983) *Ramesside Inscriptions*. Vol. 5. Oxford: B.H. Blackwell LTD.
18. Perepelkin, Yu.Ya. (1988) Egipet posle solntsepoklonnicheskogo perevorota [Egypt after the sun-worshipping coup]. In: Bongard-Levin, G.M. (ed.) *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. pp. 528–572.
19. Safronov, A.V. (2007) Seti II i Amenmessu: dva brata – dva faraona – dva vruga [Seti II and Amenmessu: Two brothers – two pharaohs – two enemies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 1. pp. 27–41.
20. Prisse d'Avennes, É. (1847) Antiquités égyptiennes du Musée Britannique (British museum) [Egyptian Antiquities of the British Museum (British Museum)]. *Revue archéologique*. 3(2). pp. 693–723.

21. Gomaà, F. (1987) *Die Besiedlung Ägyptens während des Mittleren Reiches. II. Unterägypten und die angrenzenden Gebiete* [The Settlement of Egypt during the Middle Kingdom. II. Lower Egypt and the adjacent areas]. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
22. Callender, V.G. (2004) Queen Tausret and the End of Dynasty 19. *Studien zur altägyptischen Kultur*. 32. pp. 81–104.
23. Caminos, R.A. (1955) Two Stelae in the Kurnah temple of Sethos I. In: Firchow, O. & Grapow, H. (eds) *Ägyptologische Studien. Hermann Grapow zum 70. Geburtstag gewidmet* [Egyptology Studies. Dedicated to Hermann Grapow's 70th birthday]. Berlin: Akademie-Verlag. pp. 17–29.
24. Gauthier, H.M. (1927) *Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques* [Dictionary of geographical names contained in hieroglyphic texts]. Vol. 4. Cairo: Société Royale de Géographie d'Égypte.
25. Von Beckerath, J. (1999) *Handbuch der ägyptischen Königsnamen* [Handbook of the Egyptian royal names]. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern.
26. Yoyotte, J. (1962) Un souvenir du “Pharaon” Taousert en Jordanie [A souvenir of the “Pharaoh” Taousert in Jordan]. *Vetus Testamentum*. 12(4). pp. 464–469.
27. Schneider, Th. (2003) Siptah und Beja. Neubeurteilung einer historischen Konstellation [Siptah and Beja. Reassessment of historical constellation]. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 130. pp. 134–146.

УДК 94

DOI: 10.17223/19988613/50/15

М.Е. Лошкарева

JOHANNA DOMINA WALLIE

Статья посвящена Иоанне Валлийской, незаконнорожденной дочери английского короля Иоанна Безземельного, ставшей супругой гвинедского принца Лливелина Великого. Этот брак стал поворотным моментом в истории княжества. Целью данного исследования является определение роли, которую сыграла Иоанна в политике гвинедского принца, англо-валлийских отношениях, а также возникновении правовых новелл, предопределивших судьбу княжества. Иоанна помогала Лливелину в отношениях с английской короной, выступала в качестве посла в сложных для княжества ситуациях. Главной целью Лливелина Великого, а затем и его потомков стало преодоление политической фрагментарности Уэльса. Лливелин отменил один из важнейших правовых обычаев Уэльса, не делавших различий между законнорожденными детьми и бастардами в вопросах наследования собственности и власти, с тем, чтобы обеспечить безраздельное наследование княжества его сыном от Иоанны, в жилах которого текла кровь Плантагенетов.

Ключевые слова: Иоанна Валлийская; Лливелин Великий; Гвинед; Средневековый Уэльс; англо-валлийские отношения.

Роль династических браков в политических процессах, определявших жизнь средневековой Европы, трудно переоценить. Матримониальный компонент присутствовал, как правило, в значимых событиях этой эпохи. Династические союзы в средневековом Уэльсе довольно редко становятся объектом пристального внимания исследователей [1] в силу их относительной малозначительности в сравнении с крупными монархиями Европы.

Три доминировавшие в Уэльсе династии – правителей Поуиса, Дехейбарта и Гвинеда – были довольно тесно связаны между собой матримониально, однако это не привело к созданию сколько-нибудь прочных военно-политических союзов даже перед угрозой нормандского вторжения.

После нормандского завоевания представители валлийских династий были заинтересованы в союзах с влиятельными семействами Валлийской Марки, о чем свидетельствуют их браки.

К середине XII в. Гвинед становится доминирующим княжеством в Уэльсе и активно вовлекает в орбиту своего влияния менее значительных соседей, в том числе с помощью династических браков. Сын Овайна Гвинедского Йорверт был женат на дочери правителя Поуиса Мадоба ап Мередита Мараред, их сын, Лливелин ап Йорверт, вошел в историю как Великий. Йорверт ап Овайн был отстранен от наследования братьями и погиб, когда Лливелин был еще ребенком. Лливелин ап Йорверт сумел вернуть наследственные земли в Уэльсе, развязав войну с дядями по отцу. По утверждению Гиральда Камбийского, Лливелину было только двенадцать лет, когда он начал борьбу за контроль над Гвинедом [2. Р. 453]. В результате к 1200 г. после целого ряда побед [3. Р. 75–81] большая часть княжества оказалась под его контролем. На его пути к установлению гегемонии в Уэльсе стоял правитель Поуиса Гвенвин ап Овайн Кэвэйлиог.

Иоанн Безземельный, ставший английским королем в 1199 г., вел тонкую политику в Уэльсе, постоянно сталкивая Лливелина и Гвенвинвина. 11 июля 1201 г.

было подписано первое сохранившееся соглашение между представителями английского короля и валлийским принцем [4. Р. 371]. Согласно документу, Лливелин, в присутствии епископа Бангорского Роберта, епископа Сент Азафа Рейнера и королевского юстициария Джефффри фиц Питера, присягнул на верность королю (Иоанн вернулся в Англию из Нормандии только в 1203 г.). Лливелин получил права на земли, находившиеся на тот момент в его владении. По возвращении короля Лливелин должен был принести оммаж королю как своему сеньору. Король прощал все преступления, совершенные до заключения мира.

Поворотным моментом в истории Гвинеда, а затем и Уэльса в целом стал брак Лливелина Великого с незаконнорожденной дочерью английского короля Иоанна Безземельного Иоанной (по-валлийски ее имя передавалось как Siwan).

Целью данного исследования является определение роли, которую сыграла Иоанна в политике гвинедского принца, англо-валлийских отношениях, а также возникновении правовых новелл, предопределивших судьбу княжества.

Происхождение Иоанны – вопрос до конца не разрешенный. У короля Иоанна Безземельного помимо законнорожденных детей¹ было не менее семи бастардов от разных матерей. Указание на мать Иоанны есть в хронике монастыря Тьюксбери, где есть запись о ее смерти: «Obiit domina Johanna domina Walliae uxor Lewelini, filia regis Johannis et reginae Clemenciae» [5. Vol. I. P. 101]. Это единственный известный источник, который называет имя матери Иоанны – королева Клеменция. В данном случае титул regina используется хронистом явно неправомочно: хотя Иоанна и была впоследствии признана папой Римским законной, король Иоанн Безземельный не был женат на ее матери. Предположительно, ей могла быть жена Генриха Пинела [6. Р. 76] или Клеменс де Фугерес, вторая жена Ранульфа де Блондевиля, шестого графа Честера [7. Р. 299]. Еще одной возможной матерью Иоанны порой

называют Агату де Феррерс – дочь Вильма де Феррерса, третьего графа Дерби и Сибиллы де Браоз [8. Р. 433].

Предположительной датой рождения Иоанны считается 1191 г. До принятия ее отцом решения о заключении брака с Лливелином она, возможно, жила на континенте.

Лливелин ап Йорверт к этому моменту женат не был, но уже имел сына Гриффита и дочь Гвенлиан от связи (или брака, не признанного церковью) с валлийкой Тангвестл, дочерью Лливарха Гоха. Он намеревался жениться на дочери короля Мэна Рагнвальда Годредсона (вдове его дяде Родри) и испрашивал папского разрешения, которое и было получено в 1203 г., хотя папская переписка, касающаяся этого вопроса, продолжалась вплоть до начала 1205 г. [9. Р. 8, 19].

Согласно нормам валлийского права, бастарды имели равные права с законнорожденными детьми, а значит, в наследнике валлийский принц не нуждался. Отказ от брака с дочерью короля Мэна в пользу союза с англичанкой демонстрирует серьезные изменения в расстановке сил в регионе: важность взаимоотношений с северо-западными соседями вытеснялась восточным политическим вектором. Цели, которые преследовались обеими сторонами этого альянса, вполне очевидны. Для Лливелина брак с представительницей дома Плантагенетов был серьезным достижением, ибо должен был значительно повысить статус гвинедской династии: дети Иоанны были бы потомками Генриха Плантагенета и Элеоноры Аквитанской. Иоанну Безземельному, в свою очередь, важно было достичь определенной стабильности в отношениях с Уэльсом и обезопасить границы, чтобы сосредоточить усилия на континентальных и внутрианглийских проблемах его турбулентного царствования.

Брак Лливелина и Иоанны был заключен предположительно весной 1205 г. «*Annales Cestrienses*» датируют это событие 1204 г.: «*Rex Johannes filiam suam Nocham Lewelino principi Wallie dedit et Cuma ea castellum de Hellesmer*» [10. Р. 48], но этим же годом эта хроника датирует и сбор войск в Портсмуте, имевший место в 1205 г., согласно «*Flores Historiarum*» Роджера Уэндовера [11. Р. 215]. Хроники монастыря Вигорн («*Annales de Wigornia*») датируют этот брак 1206 г., хотя это и маловероятно: «*Lewelinus desponsavit filiam regis post Ascensionem*» [5. Vol. IV. Р. 394]. В качестве приданого Иоанны Лливелин получил замок Эллесмер, [Ibid. Vol. I. Р. 48], принадлежавший ранее дяде Лливелина Дэвиду ап Овайну, умершему в 1203 г. [3. Р. 82]².

Очевидно, Иоанна помогала супругу в делах с тестем и отношения на какое-то время наладились. Крупных военных кампаний не случалось вплоть до 1211 г. Роль Иоанны в политике гвинедского принца трудно переоценить, но помимо политических этот брак повлек за собой определенные культурные и правовые новеллы. Влияние Иоанны отразилось в текстах Закона Хауэла Доброго³, созданных в этот период в

Гвинеде. Древнейшей, определенно созданной еще в донорманнский период, частью Закона является раздел, посвященный королевскому двору. В рукописях редакции Йорверта, определенно связанной с Гвинедом и отражающей влияние Лливелина ап Йорверта, корпус норм несколько отличается от двух других редакций, и даже столь консервативная часть обычая, как придворный этикет и привилегии, видимо, подверглась модернизации в рассматриваемый период. Так, в редакции Йорверта увеличено количество чиновников королевской администрации, что явно демонстрирует особый статус супруги Лливелина ап Йорверта [12. Р. 28–31].

Короля не могло не беспокоить возрастающее могущество гвинедского принца. В 1210 г. он восстановил права Гвенвивина на земли южного Поуиса [3. Р. 84]. Это было прямым вызовом Лливелину. Согласно «Хронике принцев», в ответ на атаки Лливелина король Иоанн, при поддержке Гвенвинвина и других принцев, Поуиса и Дехейбарта, вторгся в Гвинед, но потерпел поражение и вынужден был отступить из-за голода. Новая королевская кампания, начавшаяся в августе 1211 г., была подготовлена куда лучше и была успешной. В результате англичанами был сожжен Бангор, а епископ взят в плен (он впоследствии был выкуплен) [Ibid. Р. 85]. Хронист утверждает, что Лливелин не справился с натиском короля и по совету своих приближенных послал на переговоры о мире Иоанну [Ibid.]. Лливелин получил охранную грамоту, явился к королю и по условиям мира уступил Перффедалад (северо-восточные земли), выдал заложников «столько, сколько пожелает король», в том числе старшего сына Гриффита,⁴ и выплатил значительную контрибуцию. Лливелин также гарантировал переход его владений короне в случае, если у него не будет наследников от брака с дочерью короля [4. Р. 387]. Этот договор имел огромное значение, и не только потому, что демонстрировал шаткость положения гвинедского принца. Весьма показательна роль Иоанны в этом соглашении. Она, по-видимому, не только выступила в качестве посла принца, но и попыталась гарантировать будущее своих возможных детей. Король получил ценного заложника в лице Гриффита, и, несмотря на то что он впоследствии был освобожден согласно «Великой хартии вольностей», Иоанна сделала все, чтобы устранить его от наследования. Гриффит в итоге получил собственный удел, но значительную часть жизни провел в заключении (супруга Гриффита леди Сенана обращалась к Генриху III с просьбой о его освобождении, но безуспешно) [Ibid. Р. 452].

Иоанн начал активное строительство замков в Уэльсе, и многие валлийские лорды, бывшие до сих пор его союзниками, заключили мир с Лливелином [3. Р. 86]. В августе 1212 г. Иоанн отдал приказ о казни двадцати восемью валлийских заложников в ответ на мятеж Лливелина. Согласно Роджеру Уэндоверу, он получил секретное письмо от Иоанны о том, что, продолжая антиваллийскую кампанию, король подвергает

себя опасности и может быть даже убит баронами [4. Р. 445]. Лливелин в этот период получил поддержку папы Иннокентия III: воспользовавшись тем, что понтифик находился в состоянии продолжительного конфликта с английским королем, он получил освобождение от присяги королю и интердикта [3. Р. 87].

Лливелин ап Йорверт, очевидно не без помощи супруги, сумел наладить отношения со всеми соседями; его дети заключили браки с представителями влиятельных семейств. Эти браки были нацелены на укрепление позиций Гвинедда и развитие связей с Маркой.

Мир с королем, заключенный в Вустере в 1218 г., закрепил обширные территориальные приобретения Лливелина. Кармартена и Кардиган оставались за валлийским принцем до совершеннолетия короля Генриха III. Лливелин получил право вершить суд в указанных землях над англичанами согласно английскому праву, а над валлийцами – согласно валлийскому [4. Р. 399]. Начался период относительного мира в англо-валлийских отношениях, хотя и не без периодических кампаний, связанных с активной деятельностью регента Генриха III Губерта де Бурга [3. Р. 103].

Лливелин был бесспорным лидером в Исконном Уэльсе, и в 1230 г. он принял титул принца Аберффрау и лорда Сноудона (*princeps Aberfrau, dominus Snawdini*) [4. Р. 422], до этого он именовал себя только принцем Северного Уэльса (*princeps Norwallie*). Новый титул отражал основу его власти, ассоциируя его верховенство с традиционным центром власти в Гвинедде. Прочие валлийские лорды прекратили к этому времени именовать себя королями и принцами. Заметим, что вопрос о титуле гвинедских принцев был одним из ключевых в англо-валлийских отношениях. В хрониках Иоанна никогда не именуется принцессой, ее чаще называют дочерью короля Иоанна («*filia regis Johannis*», по-валлийски *Siwan ferch Jeuan*) или женой Лливелина («*uxor Lewelini*», по-валлийски *gwteic Llywelyn*). В переписке и некоторых хрониках она именуется «*domina Wallie*» [Ibid. Р. 447]. Титул «*domina Wallie*» был, вероятнее всего, воспринят Иоанной после 1230 г., и, что важно, был признан английским королем Генрихом III.

Одной из важнейших задач Лливелина стало обеспечение безраздельного наследования созданного им княжества. В этом вопросе влияние Иоанны представляется несомненным. Из двух сыновей принца (незаконного Гриффита и Дэвида от Иоанны), разумеется, был выбран Дэвид. Однако существовало серьезное препятствие: Закон Хауэла Доброго. Согласно валлийскому праву, бастарды, признанные отцами, имели право на имя отца, его опеку, наследовали имущество и власть [12. Р. 131]. Лливелин отменил этот обычай как «противный закону божественному и человеческому» («*juri divino et humano contrariam*») в 1220 г. с согласия короля Генриха III и епископа Кентерберийского Стефана. В 1222 г. папа Гонорий III утвердил его постановление [4. Р. 415]. Заметим, что, несмотря на волю

принца, подкрепленную решением понтифика, текст Закона содержит указание на то, что норма о равноправии бастардов и законнорожденных не может быть проигнорирована [12. Р. 132]. Лливелин ап Йорверт стремился решить вопрос наследования еще при жизни, поэтому сделал все для того, чтобы Дэвида признали валлийские лорды, король и папа.

В апреле 1226 г. по просьбе Лливелина ап Йорверта папа Гонорий III признал Иоанну законной дочерью Иоанна Безземельного без права на наследование английского престола. Обосновывая решение, понтифик указал, что он удовлетворяет просьбу гвинедского принца, дабы не страдала честь Лливелина и его сына Дэвида, а также в силу его преданности Церкви [13. Р. 417].

После смерти своего отца Иоанна продолжала выступать посредником в отношениях Лливелина и английского короля. До нас дошла ее переписка с Генрихом III. В одном из писем (датируемом 1230–1231 гг.) она выражает беспокойство по поводу того, что ее враги и, разумеется, враги короля сеют вражду между ее мужем и Генрихом, уверяет его в верности Лливелина и предупреждает о том, как опасно терять преданных союзников [4. Р. 447].

В 1230 г. происходит из ряда вон выходящее событие, освещенное в «Хронике принцев»: Иоанна была уличена в связи с Уильямом де Браозом, лордом Брекона [3. Р. 102]. Уильям де Браоз был пленен в ходе королевской кампании в Уэльсе в 1228 г. [3. Р. 101]. Одним из условий его освобождения было заключение брака между наследником Лливелина Дэвидом и дочерью Уильяма Изабеллой [5. Vol. III. Р. 117]. Отношения между Иоанной и де Браозом возникли, видимо, еще в период его заключения. Лорда Брекона посещал двор Лливелина на пасхальной неделе 1230 г., и во время его визита он, по утверждению хрониста, был схвачен в покоях Иоанны. Уильям де Браоз был приговорен к смерти и 2 мая 1230 г. повешен на дереве в Крогене в присутствии восьмисот человек (описание его казни содержится в письме настоятеля цистерцианского аббатства Водей к канцлеру Ральфу Невиллу) [14. Р. 37]. Заметим, что брак Дэвида с Изабеллой де Браоз, несмотря на столь исключительные обстоятельства, не расстроился. В письме к жене казненного Уильяма де Браоза Еве Лливелин, выясняя ее намерения относительно брака Дэвида и Изабеллы, подчеркивает, что он не мог предотвратить казни, ибо это было решение его магнатов, а не его личное [4. Р. 428].

Супружеская измена, согласно валлийскому праву, была основанием для расторжения брака [12. Р. 48], но Лливелин, совершенно очевидно, не пытался этого сделать. И дело не только в том, какую роль играла сестра английского короля в гвинедской политике, Лливелин был, очевидно, искренне привязан к ней. Заключение Иоанны, последовавшее в качестве наказания, продолжалось недолго. В 1231 г. Иоанна была прощена супругом: «*Lewelinus princeps Wallye recepit uxorem suam filiam Johannis regis quam antea incarceravit*» [10. Р. 56].

В 1232 г. она уже представляла его интересы в Шрусбери на переговорах с Генрихом III [15. Р. 476]. С 1232 по 1237 г. между гвинедским принцем и королем было заключено несколько соглашений о перемириях, постоянно нарушаемых сторонами [4. Р. 433–434].

В феврале 1237 г. Иоанна скончалась в резиденции Лливелина в Абере [3. Р. 104]. Уход из жизни супруги был тяжелой утратой для Лливелина, Иоанна играла огромную роль как в жизни принца, так и в судьбе княжества. По утверждению хрониста, она была похоронена на берегу моря в Лланфаэс на Англси, где позднее Лливелином было построено францисканское аббатство в честь его почившей супруги. Монастырь был разрушен в 1537 г., и могила Иоанны была утрачена.

Год смерти Иоанны стал роковым для Лливелина Великого: в 1237 г. умер его зять – Джон Скот, граф Честер (если верить Мэтью Парижскому, он был отравлен дочерью принца Элен) [16. Р. 54]. Лливелин тяжело заболел, фактическим правителем княжества стал Дэвид. В 1238 г. на собрании валлийских лордов в аббатстве Страта Флорида Дэвиду была принесена присяга [3. Р. 104]. Лливелин Великий умер в апреле 1240 г. [Ibid. Р. 105]. Дэвид, унаследовавший княжество, не сумел закрепить достижения отца и в 1246 г. умер, не оставив наследников [Ibid. Р. 107]. По иронии судьбы княжество Уэльс будет объединено Лливелином Последним, сыном Гриффита ап Лливелина, лишённого права наследования в пользу потомка Плантагенетов Дэвида.

В церкви Святых Марии и Николая в Бомарисе (Англси) можно увидеть каменный саркофаг, табличка над

которым гласит: «Этот скромный саркофаг (однажды удостоенный останков Иоанны, дочери короля Иоанна и супруги Лливелина ап Йорверта, Принца Северного Уэльса, которая умерла в 1237 г.) был перенесен из Лланфаэса и, увы, много лет использовался для того, чтобы поить лошадей, теперь избавлен от такого пренебрежения и помещен здесь для сохранения и побуждения раздумий о бренности бытия Томасом Уорреном Балкли. Октябрь 1808 г.».

Несмотря на то что сомнения по поводу того, действительно ли в этом саркофаге покоились останки Иоанны, не лишены оснований, церковь в Бомарисе является местом паломничества, потому что связано с Siwan, одной из важнейших фигур в валлийской средневековой истории.

Иоанна, бесспорно, сыграла выдающуюся роль в истории княжества Уэльс. Ее заслугой было временное ослабление напряженности в англо-валлийских отношениях, позволившее гвинедскому принцу Лливелину ап Йорверту достичь бесспорного лидерства в регионе. Главной целью Лливелина Великого, а затем и его потомков стало преодоление политической фрагментарности Уэльса, обусловленной во многом особенностями правовой системы. Отмена валлийского обычая, касавшегося наследственных прав бастардов, с целью обеспечения безраздельного наследования княжества может объясняться влиянием Иоанны. Изменения, внесенные в текст Закона Хауэла Доброго, отражали беспрецедентно высокий статус супруги Лливелина Великого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ У короля Иоанна Безземельного была и законная дочь от брака с Изабеллой Ангулемской с именем Иоанна – она стала женой Александра II Шотландского.

² Дэвид ап Овайн был женат на незаконнорожденной сводной сестре Генриха II Эмме.

³ Национальная правовая система Уэльса в период Средневековья была связана с Законом Хауэла Доброго (по-валлийски – Cyfraith Hywel, по-латыни – Leges Hoeli). Традиция приписывает создание закона валлийскому королю Хауэлу (X в.), хотя значительная часть правового материала относится скорее к XII–XIII вв. Закон Хауэла оставался единственным источником права до введения Эдуардом I Хритланского статута.

⁴ Гриффит ап Лливелин был возвращен вместе с другими заложниками согласно «Великой хартии вольностей».

ЛИТЕРАТУРА

1. Roderick A.J. Marriage and politics in Wales, 1066–1282 // *Welsh History Review*. 1968. Vol. 4, № 1. P. 3–20.
2. The Historical Works of Giraldus Cambrensis / ed. by T. Wright. L., 1863.
3. Brut y Tyvysogyon or The Chronicle of the Princes. Peniarth MS. 20 Version / transl. by Thomas Jones. Cardiff: University of Wales Press, 1952.
4. The Acts of Welsh Rulers 1120–1283 / ed. by H. Pryce. Cardiff, 2005.
5. Annales Monastici. Vol. I / ed. by Henry Richard Luard. L., 1864.
6. Weir A. Britain's Royal Families. The Complete Genealogy. L., 1989.
7. Swallow R. Gateways to Power: The Castles of Ranulf III of Chester and Llywelyn the Great of Gwynedd // *Archaeological Journal*. 2014. Vol. 171. P. 291–314.
8. Dennis M.D. The family. Vol. 1. P. 433. URL: http://www.electricscotland.com/webclans/minibios/c/family_book_voli.pdf
9. Calendar of Entries in the Papal Registers Relating to Great Britain and England. Papal Letters. Vol. I. A.D. 1198–1304 / ed. by W.H. Bliss. L., 1893.
10. Annales Cestrienses or Chronicle of the Abbey of S. Werburg at Chester / ed. Christie R.C. Vol. 14. L.: Record Society of Lancashire and Cheshire, 1887.
11. Roger of Wendover's Flowers of History. Comprising the History of England from the Descent of the Saxons to A.D. 1235. Formerly ascribed to Matthew Paris / trans. by J.A. Giles. L., 1849. Vol. 1.
12. The Law of Hywel Dda / transl. and ed. by D. Jenkins. Llandysul, Ceredigion, 2000.
13. Regesta Honorii Papae III / ed. by P. Pressutti. Rome, 1885. Vol. II.
14. Calendar of Ancient Correspondence Concerning Wales / ed. by J. Goronwy Edwards. Cardiff, 1935.
15. Patent Rolls of the Reign of Henry III Preserved in the Public Record Office A.D. 1225–1232. L., 1908.
16. Matthew Paris's English History From the Year 1235 to 1273 / transl. by J.A. Giles. L., 1852. Vol. I.

Loshkareva Maria E. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: mloshkareva@hse.ru
JOHANNA DOMINA WALLIE.

Keywords: Joan; Lady of Wales; Llywelyn The Great; Gwynedd; Medieval Wales; Anglo-Welsh relationship.

The article is devoted to Joan, Lady of Wales (also known by her Welsh name as Siwan), English king John Lackland's illegitimate daughter married prince of Gwynedd Llywelyn ap Iorwerth in 1205. Their dynastic marriage obviously had a great impact on Gwynedd policy and the Anglo-Welsh relationship of 13th century. The aim of the research is to define the role played by Joan in the most significant aspects of Llywelyn the Great's policy by means of analyzing such historical sources as Welsh and English chronicles, including The Chronicle of the Princes, Roger of Wendover's Flowers of History, Annales Monastici etc, corpus of Welsh native law texts, known as The Law of Hywel Dda, some legal acts and official correspondence, concerning Wales. One of the most controversial questions in the current historiography is Joan's ancestry. The only mention of Joan's mother can be found in the Tewksbury annals where she is referred to as "regina Clemencia". However, without any doubt she was not of royal blood and had never been married to John Lackland. Joan was only legitimized by pope Honorius III in 1226 at Llywelyn's request. The reasons behind John's and Llywelyn's agreement to this marriage are open to debate. As a result of his marriage to the English king's daughter, Llywelyn's descendants were supposed to acquire blood relationship to the Plantagenets, one of the most powerful dynasties in Europe. King John had political stake in this marriage: he hoped that the reduced Welsh threat on the border would allow him to focus on more important issues of his reign such as continental troubles and concerns with the baronial confrontation. It is hard to overrate the role Joan played in the Welsh policy. Having married the prince of Gwynedd, Joan became an extremely efficient intermediary between the Welsh and the English crown. She repeatedly acted as an ambassador of the Welsh prince in negotiation with her father king John and her half-brother king Henry III. Even though Llywelyn the Great adopted the title of Prince of Aberffraw and Lord of Snowdon, Joan was never called "Princess" in the documents, as her title, recognized by Henry III, was "Lady of Wales". Joan's influence in the matter of some important cultural and legal innovations in Wales looks undeniable, e.g. Llywelyn ap Iorwerth abolished an ancient Welsh legal custom, according to which there was not any difference between legitimate sons and bastards in matters relating to inheritance, in order to make Joan's son Daffyd, the only heir to the Gwynedd throne. Despite not being a native Welsh, Siwan is considered to be one of the most prominent heroic figures of Medieval Wales due to her remarkable life and the significant role she played in the formation of the Principality of Wales.

REFERENCES

1. Roderick, A.J. (1968) Marriage and politics in Wales, 1066-1282. *Welsh History Review*. 4(1). pp. 3-20.
2. Wright, T. (1863) *The Historical Works of Giraldus Cambrensis*. London: Bohn.
3. *Brut Y Tywysogyon or The Chronicle of the Princes*. Peniarth MS. 20 Version. Translated by Th. Jones. Cardiff: University of Wales Press.
4. Pryce, H. (ed.) (2005) *The Acts of Welsh Rulers 1120-1283*. Cardiff.
5. Luard, H.R. (eds) (1864) *Annales Monastici*. Vol. I. London: [s.n.].
6. Weir, A. (1989) *Britain's Royal Families. The Complete Genealogy*. London: Random House.
7. Swallow, R. (2014) Gateways to Power: The Castles of Ranulf III of Chester and Llywelyn the Great of Gwynedd. *Archaeological Journal*. 171. pp. 291-314. DOI: 10.1080/00665983.2014.11078268
8. Dennis, M.D. (n.d.) *The Family*. Vol. I. pp. 433. [Online] Available from: http://www.electricscotland.com/webclans/minibios/c/family_book_voli.pdf.
9. Bliss, W.H. (ed.) (1893) *Calendar of Entries in the Papal Registers Relating to Great Britain and England. Papal Letters*. Vol. I. London: H.M. Stationery Off.
10. Christie, R.C. (ed.) (1887) *Annales Cestrienses or Chronicle of the Abbey of S. Werburg at Chester*. Vol. 14. London: Record Society of Lancashire and Cheshire.
11. Anon. (1849) *Roger of Wendover's Flowers of History. Comprising the History of England from the Descent of the Saxons to A.D. 1235*. Formerly ascribed to Matthew Paris. Translated by J.A. Giles. Vol. 1. London.
12. Jenkins, D. (ed.) (2000) *The Law of Hywel Dda*. Llandysul, Ceredigion.
13. Pressutti, P. (ed.) (1885) *Regesta Honorii Papae III*. Vol. II. Rome: By Typographia Vaticana.
14. Goronwy Edwards, J. (ed.) (1935) *Calendar of Ancient Correspondence Concerning Wales*. Cardiff: University Press Board.
15. Anon. (1908) *Patent Rolls of the Reign of Henry III Preserved in the Public Record Office A.D. 1225-1232*. London: H.M. Stationery Office.
16. Paris, M. (1852) *English History From the Year 1235 to 1273*. Translated by J.A. Giles. Vol. I. London: H.G. Bohn.

УДК 94 (325.36)

DOI: 10.17223/19988613/50/16

С.А. Коробов

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАНИЦ ЛИВИИ В ГОДЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА (1911–1943 гг.)

На основе анализа архивных источников, государственных договоров и иных документов рассматривается вопрос формирования границ современной Ливии в период колониального владычества Италии. Рассматриваются договоры, заключенные колониальными державами с Османской Портой и между собой, которые создали те границы, которые по сей день определяют территорию Ливии. Особое внимание уделяется влиянию общеевропейских факторов в контексте политики умиротворения, проводимой Великобританией и Францией в течение 1930-х гг.

Ключевые слова: Ливия; Италия; колониализм.

Формирование современных границ Ливии произошло в первой половине XX в., в те годы, когда эта страна была колонией Италии, и сыграло важную роль в создании современной ливийской нации. По сей день Ливия существует в тех границах, которые были установлены и оформлены в колониальный период, и единственный непосредственный конфликт, в котором страна участвовала с момента приобретения независимости (не считая нынешней гражданской войны), был непосредственно связан с нерешенным вопросом границ, оставшимся с колониальных времен, – речь идет о чадско-ливийском конфликте 1970–1980-х гг.

Анализ процесса формирования ливийских границ тем более интересен, что он проистекал не изолированно, а, напротив, в рамках общеевропейских процессов. Годы итальянского владычества (1911–1943 гг.) отмечены фазой острой конкуренции между европейскими державами – Германией с одной стороны и Великобританией вместе с Францией – с другой. Великобритания и Франция проводили политику умиротворения, направленную в первую очередь на Германию, но учитывающую также и интересы Италии. В то же время на 1920-е и 1930-е гг. пришелся пик колониальных амбиций Италии. Меры, которые Италия предпринимала для расширения колониальных границ Ливии, исходили из ее общей стратегии по развитию своей колониальной империи в Африке, где особое внимание уделялось продвижению на юго-восток – в сторону Эфиопии.

Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что взаимоотношения Италии, Франции, Англии и Германии оказывали подчас большее влияние на становление границ Ливии, чем интересы местного населения, и действия правящей, до колонизации, Османской Порты или даже интересы Италии, понятые как таковые. Можно говорить о том, что процесс создания границ Ливии отражал противоречия европейской политики и в этом плане является типичным примером практик европейского колониализма.

Пока они находились в составе Османской Порты, Триполитанский вилайет и отдельная от него Кире-

наикская мутасаррифия, управляемая напрямую из Константинополя, не имели четко фиксированных внешних границ. Большая, южная часть Ливии была пустынной территорией, населенной кочевыми и полукочевыми племенами арабов, берберов и туарегов. Власть Османской порты в этом регионе была большей частью номинальной. Племена и орден сенуситов признавали султана своим верховным правителем, но практическое влияние законов и правительства Османской Порты было минимальным. Сами турецкие власти не считали Ливию приоритетной для своей ослабленной империи территорией и не предпринимали существенных попыток для ее устроения или защиты.

На протяжении доколониального периода в истории Ливии французские и английские власти в соседних странах (Тунисе, Алжире, Нигере, Чаде, Судане и Египте) предпринимали односторонние действия (некоторые из которых затем были согласованы с турецкими властями), направленные на фиксацию ливийских границ. Основным соглашением подобного рода было англо-французское соглашение 1898 г. (с дополнениями от 1899 г.)¹.

Ключевой задачей этих соглашений было урегулирование англо-французских противоречий на обширных территориях между Нилом и рекой Нигером, противоречий, которые стали причиной Фашодского кризиса, но побочным эффектом было урегулирование некоторых вопросов границ французских владений (нынешних Алжира, Нигера и Чада) с одной стороны и границ англо-египетского Судана – с другой. По умолчанию, это соглашение формировало южные пределы Ливии, так как создало рубеж, дальше которого власть Османской порты уже не могла простираться. Англо-французское соглашение установило, что зоны влияния двух держав будут разграничены линией, идущей на юго-восток от точки пересечения 16:00 по Гринвичу и Тропика Козерога до 24:00 по Гринвичу. При этом карта к соглашению не прилагалась.

Однако эти границы намечались только в самых общих чертах, они и по сей день не демаркированы на местности. Если же говорить о более точных границах,

то, как правило, речь идет о наиболее развитых районах, прилегающих к морю. В то же время аппетиты Англии и Франции не ограничивались их текущими владениями. Наоборот, Гадамес на границе с Алжиром и Тобрук вблизи Египта были потенциальными объектами их экспансии. При этом заинтересованность Италии в ливийских территориях признавалась европейскими государствами как законный фактор международной политики, который они готовы были учитывать в своей внешней политике. Примером служит франко-итальянское соглашение 1902 г., подписанное во время премьерства Джузеппе Дзанарделли². Соглашение проистекало из признания Францией того, что для Италии положение в средиземноморье является, говоря словами французского посла в Риме, «краеугольным камнем» [1. С. 3] внешней политики и самым сложным вопросом между двумя государствами. В соглашении, к которому пришли две страны, Италия и Франция признавали интересы друг друга соответственно в Ливии и Марокко. Сам факт, что соглашение двух европейских стран затрагивало интересы двух суверенных государств – Марокко и Османской Порты, – было в порядке вещей в те годы. Также Италия признавала линию, согласованную Францией и Англией 21 марта 1899 г. [Там же. С. 7]. Таким образом, мы видим, что Италия не стеснялась выступать с протестами против посяательства своих европейских конкурентов на турецкую территорию, рассматривая это как умаление своих будущих владений.

Италия объявила Османской порте войну в сентябре 1911 г., и уже год спустя турки признали свое поражение. Рассмотрение хода итальянско-турецкой войны не входит в рамки данной статьи, но результат войны положил начало новому, важнейшему, этапу в ливийской истории как колонии европейской державы.

Завоевание Ливии Италией принципиально изменило ситуацию вокруг ливийских границ. В отличие от Турции, которая уделяла мало внимания своей африканской территории и тем более не стремилась глубоко проникать в Сахару, Италия претендовала на то, чтобы контролировать всю территорию Ливии, включая пустынные регионы Киренаики и Феццана.

Хотя «благородства» среди колониальных держав не было, тем не менее, согласно негласным правилам, которых в те времена придерживалось большинство европейских стран, захват колониальных территорий не практиковался, по крайней мере – без европейской войны. Так, мы можем отметить, что после завершения наполеоновских конфликтов и до Первой мировой войны нет ни одного примера насильственного захвата европейской страной колоний другой европейской страны, хотя есть примеры продажи колоний. Таким образом, границы Ливии могли быть сформированы Италией исключительно мирными (по отношению к другим колониальным державам) методами.

К тому времени, когда ливийские территории (которые Италией были организованы в две колонии –

Триполитанию и Киренаику) были завоеваны Италией, их границы, как уже было сказано выше, были определены лишь в нескольких участках – вдоль границы с Тунисом (согласно турецко-французскому соглашению от 19 мая 1910 г. [2. С. 123]), начиная от Рас Аджедира и до то пункта, где пересекаются границы Алжира, Ливии и Туниса.

После завоевания Ливии Италия столкнулась с необходимостью фиксировать границы своей новой колонии, при этом стремясь к максимально выгодным для себя условиям в тех регионах, где ливийская граница не была четко определена в османские времена. С этой точки зрения итальянскому правительству способствовали три основных фактора. Во-первых, то, что пустынные территории, на которые Италия могла потенциально претендовать, не ценились высоко и не играли важную стратегическую роль в расчетах стран, с которыми Италия вела о них диалог – Англией и Францией. Во-вторых, поскольку границы не были прежде как-либо оговорены, это упрощало их трактовку в пользу Италии, так как подобные уступки могли подаваться общественному мнению в Англии и Франции как простое уточнение границ, а не утрата территорий. В-третьих, политическая конъюнктура приводила к тому, что Англия и Франция стремились добиться путем уступок ответных шагов со стороны Италии. В контексте маневрирования между Антантой и Центральными державами это означало максимальную лояльность к колониальным требованиям Италии. Это привело к тому, что в Лондонском договоре 1915 г. Англия и Франция обязались перед Италией, что если после победы над Германией Италия не получит территориальных приобретений за счет немецких колоний, то Англия и Франция компенсируют Италии колониальными территориями из числа собственных территорий [3. С. 6]. Забегая вперед, отметим, что в рамках этого договора часть Кении вдоль реки Джуба была передана в состав Итальянского Сомали в 1924 г.

Фактический суверенитет Италии над Ливией (хотя османские власти, благодаря нескольким неоднозначным формулировкам в мирном договоре между Италией и Турцией, продолжили декларировать свой суверенитет над Ливией) был установлен в конце 1912 г. Первоочередные мероприятия, которыми было занято итальянское правительство после завоевания новой колонии, не касались установления границ. Но уже в 1919 г. было подписано франко-итальянское соглашение, которое установило, что от Гат, являющейся точкой пересечения границ Ливии, Туниса и Алжира, до Туммо граница следует по гребню гор между ними, оставляя, однако, все пути коммуникации между двумя точками по итальянскую сторону границы [4. С. 127]. Далее граница следует до пересечения границ Ливии, Нигера и Чада. Демаркация или даже приблизительная фиксация границы не была проведена, но граница была подтверждена в 1955 г. договором между Францией и уже суве-

ренной Ливией. Таким образом, была определена современная граница Ливии с Алжиром и Нигером.

Параллельно проходил процесс делимитации границ Ливии с Суданом. Ситуация с этой границей была тем более своеобразна, что пока существовала Османская Порта, граница не была, строго говоря, международной, ведь Киренаика была османской провинцией, а Египет и англо-египетский Судан признавали сюзеренитет султана. Так или иначе, с момента оформления англо-египетского кондоминиума над Суданом в 1898 г. граница между Суданом и Ливией являлась продолжением границы между Египтом и Суданом, оставляя, таким образом так называемый Саррский треугольник, выступ в сторону центральной Ливии, по суданскую сторону границы. Южной границей Саррского треугольника считалась граница Судана с Французской экваториальной Африкой (нынешним Чадом), основываясь на англо-французском соглашении от 21 марта 1899 г. При этом, исходя из собственной трактовки англо-французского соглашения от 21 марта 1899 г., Италия претендовала на Саррский треугольник как наследница прав Османской Порты в отношении Киренаики. Вопрос являлся предметом дискуссии между Италией и Великобританией до 1934 г., когда новое соглашение³ было заключено между Италией, Великобританией и Египтом (впрочем, участие последнего было чистой формальностью, так как фактически Египет по-прежнему был протекторатом Великобритании⁴). Демаркация границы, насколько это возможно в местных условиях, была проведена представителями итальянских, египетских и английских властей на месте [5. С. 93]. Благодаря этому соглашению граница итальянской Ливии продвинулась на юг и полностью заняла Саррский треугольник.

Граница между Ливией и Египтом получила определение в 1925 г., согласно итальянско-египетскому соглашению от 6 декабря 1925 г. До этого граница приблизительно фиксировалась фирманом турецкого султана египетскому паше от 13 февраля 1841 г., согласно которому граница Египта с Киренаикой проходила где-то в районе залива Канаис, в области современного поселения Фука, существенно восточнее нынешней границы с Ливией, которая проходит немного западнее Соллума. Итальянско-египетское соглашение (а фактически, конечно, итальянско-английское) зафиксировало границу в её нынешнем положении.

Таким образом, благодаря франко-турецкому соглашению от 1910 г., франко-итальянским соглашениям от 1902 и 1919 гг., англо-итальянскому соглашению от 1934 г. и итальянско-египетскому соглашению от 1925 г. Ливия обрела границы, которые и по сей день определяют ее территорию. Однако на этом история формирования ливийских границ не заканчивается. В 1935 г. было подписано соглашение, которое спустя долгие годы сыграло важную роль в жизни уже независимой Ливии. Речь идет о соглашении Лаваль–Муссолини. Формально, согласно этому соглашению,

Франция выполняла свои обязанности перед Италией в рамках Лондонского договора от 1915 г. Фактически, речь шла в первую очередь об учете французским правительством ситуации, сложившейся в Европе после прихода гитлеровского режима.

После убийства в 1934 г. Луи Барту, министра иностранных дел Франции, его преемник Пьер Лаваль решил продолжить его политику сдерживания Германии. Для этого ему необходимо было достичь понимания с Италией – страной, бывшей союзницей Франции и Великобритании в Первой Мировой Войне, но после войны недовольной своими ограниченными (в итальянском понимании) приобретениями. Италия считалась «ревизионистской» державой и благодаря этому, а также благодаря идеологической близости фашизма к нацизму существовал риск сближения Германии и Италии, который мог бы легитимизировать внешнеполитические амбиции Гитлера и создать немецко-итальянский союз, ставящий под вопрос безопасность Франции как на севере, вдоль Рейна, так и на юге – в Средиземноморье. Для минимизации подобного риска в январе 1935 г. Лаваль посетил Рим для обсуждения ряда вопросов с Муссолини. Перечень вопросов, затронутых на конференции, длившейся несколько дней, был широк⁵, и из восьми документов, согласованных во время конференции, только четыре были затем опубликованы [6. С. 799]. Вопрос ливийской границы не был самым важным из того, что обсуждали Муссолини и Лаваль, глава фашистской Италии и будущий глава вишистской Франции. Самым важным для Муссолини достижением было то, что Лаваль неформально заявил о «незаинтересованности» Франции в эфиопских делах. Отметим, что до того времени Франция из всех европейских держав имела наиболее близкие связи с Эфиопией – как наименее враждебная (в отличие от Италии), наименее агрессивная (в отличие от Великобритании) и к тому же через Джибути контролирующая единственную железнодорожную коммуникацию Эфиопии со внешним миром. Готовность Лавалья умыть руки в отношении грядущей агрессии Италии стоила дорогого. После того как Франция приняла подобное решение, вероятность того, что Великобритания станет одна противостоять Италии, существенно снизилась. Также нельзя не указать на то, что итальянские приобретения на ливийско-суданском пограничье (Саррский треугольник), как и на ливийском-чадском (полоса Аузу), приближали Италию к Эфиопии, хотя между ними, конечно, продолжал находиться Судан.

Итак, что касается границ Ливии, Лаваль согласился передать Италии так называемую полосу Аузу – участок территории Французской Экваториальной Африки (ныне Чада), вдоль ее границы с Италией, шириной около 100 м. Наравне с небольшой территориальной уступкой в Джибути Франция, таким образом, выполняла свои обязательства перед Италией в рамках Лондонского соглашения от 1915 г. Однако процесс ратификации договора и утверждения новой границы нико-

гда не был доведен до конца. С итальянской стороны звучали утверждения о том, что переданные территории не компенсируют в достаточной степени жертвы, понесенные ею во время Первой мировой войны. В целом же можно констатировать, что соглашение Лавалья – Муссолини провалилось потому, что прошли те годы, когда европейские государства с помощью линейки и карандаша могли решать судьбы Африки. Когда Италия напала на Эфиопию, она напала уже на полноправного члена международного сообщества. Эфиопия была представлена послами в европейских странах, император Эфиопии заключал с европейскими державами договоры (в том числе договор о дружбе и сотрудничестве с Италией от 1925 г.), Эфиопия была членом Лиги Наций, как и Италия. После начала итальянской агрессии правительства Великобритании и Франции обнаружили, что они не могут уже умиротворять Италию, потворствуя ее агрессии, поскольку это противоречило общественному настроению в их странах и шло против той системы международных отношений, которая начала складываться после Первой мировой войны. Соглашение Лавалья – Муссолини так и осталось на бумаге.

Однако это не остановило Италию в ее территориальных претензиях. В архивах Министерства Итальянской Африки сохранились документы, свидетельствующие о том, что и после провала соглашения Лавалья – Муссолини итальянские власти в Триполи по-прежнему стремились к установлению более южных рубежей своей колонии. В частности, в письме генерал-

губернатора Ливии Итало Бальбо в Министерство Итальянской Африки от 30 декабря 1938 г. [7] говорится, что суверенитет Италии на территориях, которые попадали под соглашение Лавалья – Муссолини, «должен быть активнее, чем когда-либо подтвержден в защиту наших заранее возникших ливийских прав...»⁶. В тот момент речь шла о направлении географических экспедиций в данный район, часто сопровождаемых вооруженными конвоями, с целью сбора точных геофизических данных и демонстрации итальянского флага. Более конкретное развитие эта политика получила уже после вступления Италии в войну, когда она предприняла безуспешную попытку реализовать свою мечту о новой Римской империи в Африке.

Таким образом, к середине 1930-х гг. оформились границы итальянской колонии в Ливии, так же как были созданы и будущие предпосылки для территориальных претензий к южному соседу. В целом границы Итальянской Ливии основывались на тех фактических границах, которыми обладали ливийские территории Османской Порты, но отражали также и реалии европейской политики на протяжении периода, начавшегося с Первой мировой войны и завершившегося Второй мировой войной. Все возрастающие территориальные требования Муссолини вели к политике умиротворения Италии. Попытки Великобритании и Франции воздействовать на Италию небольшими подачками в конечном итоге не смогли удовлетворить Рим, но достигшая своего апогея в 1934 г. политика умиротворения дала Ливии ее современные границы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Англо-Французское соглашение от 14 июня 1898 г. и Англо-Французское соглашение от 21 марта 1899 г.

² Франко-Итальянское соглашение от 30 июня 1902 г. Соглашение было составлено в 1900 г., но подписано сторонами только два года спустя.

³ Соглашение между Италией, Великобританией и Египтом от 20 июля 1934 г. Соглашение заключалось в обмене нотами между послами Великобритании и Египта в Риме с одной стороны, и Муссолини – с другой.

⁴ Согласно англо-египетскому договору 1922 г., Египет был под военной оккупацией, которая была прекращена, с некоторыми изъятиями, только в 1936 г.

⁵ Обсуждались вопросы независимости Австрии, референдума в Саарской области, колонистов-итальянцев в Тунисе и итальянской политики в Эфиопии, с которой Франция имела особые отношения благодаря франко-эфиопскому соглашению от 1906 г.

⁶ Генерал-губернатор имеет в виду, что власть Османской порты якобы простиралась южнее и Италия, как ее правопреемница, могла претендовать на часть Французской Экваториальной Африки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Les Accords Franco-Italiens de 1900–1920. Paris : Imprimerie Nationale, 1920.
2. E. Rouard de Card. Traites de delimitation concernant l'Afrique française, Supplement, 1910–1913. Paris, 1913.
3. Agreement between France, Russia, Great Britain and Italy. Signed in London April 26, 1915 (London: His Majesty's Stationery Office, 1920).
4. Ian Brownlie (Ed.), African Boundaries. a Legal and Diplomatic Encyclopaedia, 1979.
5. Salvatore Bono. Le Frontiere in Africa. Milano, 1972.
6. G. Bruce Strang. Imperial Dreams: The Mussolini-Laval accords of January 1935 // The Historical Journal. 2001. № 44.
7. Archivio Centrale Statale, Ministero Africa Italiana (Direzione Generale Affari Politici, Archivio Segreto), busta 14 (Confini Occidentali e Meridionali della Libia).

Korobov Simeon A. Institute for African Studies of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: simeon.korobov@gmail.com

ON THE FORMATION OF LIBYA'S BORDERS DURING THE ITALIAN COLONIAL PERIOD.

Keywords: Libya; Italy; colonialism.

The article examines the issue of the formation of Libya's modern borders under Italy's colonial rule. The study is based on the analysis and summary of data from Italian archives, intergovernmental agreements, and other documents. The Ottoman Empire, as the sovereign of Libyan territories was not strongly interested in expanding, or fixing the Saharan boundaries of Libya. The article examines the colonial policies of France and Britain in their colonies which surrounded the Ottoman territories of Tripoli and Cyrenaica. It demonstrates

how critical events, such as the Fashoda crisis, underpinned the evolving discussion among European states which informed their policies in Saharan Africa. Italy was a late-comer to colonial politics among European nations, and even before it began the conquest of Libya, it began to pursue a policy designed to deter potential European competitors from encroaching on what successive Italian governments viewed as a future colony. France and Britain were inclined to acquiesce to this state of affairs. Accordingly, while Libya was an Ottoman territory, Italy and France had already negotiated an agreement that regulated its borders. Following the conquest of Libya by Italy, the question of Libyan borders became even more intimately connected to that of European politics in general. It was during this period that the key treaties between Italy, France, and Britain, which delineate Libya's borders to this day were signed. Italy's alliance with France and Britain during the First World War led to the signing of the Treaty of London in 1915, which promised Italy territorial compensation in the colonies, in the event that it did not take possession of any former German colonies. This created a political context in which France and Britain found it was acceptable to resolve border uncertainties in Italy's favour. Via this process, Libya's border with Algeria was drawn up in a manner that was more advantageous to the Italian side and the Sarr triangle was transferred from Anglo-Egyptian Sudan to Libya. Due to changes in the European political climate, which took place in the 1930's such as the rise of Italian revisionism and German Nazism, the two Western allies – France and Britain, formulated a policy known as appeasement (though the origins of this policy can be found earlier). As part of this policy of appeasement, the French foreign minister, Pierre Laval negotiated an agreement with Benito Mussolini, which called, among other things, for the transfer of a part of French Equatorial Africa (today's Chad) to Libya – the so-called Aouzou strip. The treaty, due to its unpopularity in France and its inadequacy in Italian eyes, was not ratified and thus did not enter into force, but Italy did not abandon its attempts to secure the Aouzou strip.

REFERENCES

1. France. Ministry of Foreign Affairs. (1920) *Les Accords Franco-Italiens de 1900–1920* [The Franco-Italian Agreements of 1900–1920]. Paris: Imprimerie Nationale.
2. Rouard de Card, E. (1913) *Traites de delimitation concernant l'Afrique française, Supplement, 1910–1913* [Delimitation treaties concerning French Africa, Supplement, 1910–1913]. Paris: A. Pedone.
3. His Majesty's Stationery Office. (1915) *Agreement between France, Russia, Great Britain and Italy. Signed in London April 26, 1915*. London: [s.n.].
4. Brownlie, I. (ed.) (1979) *African Boundaries, a Legal and Diplomatic Encyclopaedia*. C. Hurst & Co. Publishers.
5. Bono, S. (1972) *Le Frontiere in Africa* [The Frontier in Africa]. Milano: [s.n.].
6. Strang, G.B. (2001) Imperial Dreams: The Mussolini-Laval accords of January 1935. *The Historical Journal*. 44. DOI: 10.1017/S0018246X01002011
7. *Archivio Centrale Statale, Ministero Africa Italiana (Direzione Generale Affari Politici, Archivio Segreto), busta 14 (Confini Occidentali e Meridionali della Libia)* [Central State Archives, Italian Ministry of Africa (Political Affairs General Affairs, Secret Archive), Envelope 14 (Western and Meritorious Confederations of Libya)].

УДК 314.742

DOI: 10.17223/19988613/50/17

Е.В. Хахалкина

ПРОБЛЕМЫ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИММИГРАЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

*Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»
(грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

Рассматриваются причины всплеска расистских настроений в британском обществе в 1950-е гг., обсуждение на правительственном уровне введения мер по ограничению иммиграции из колоний и стран Содружества и дебаты в Палате общин по этим вопросам. Делаются выводы о том, что иммиграционный вопрос в конце 1950-х гг. превратился в сложную дилемму о поддержании хрупкого баланса между прочными отношениями с Содружеством и империей и здоровым социальным климатом внутри страны.

Ключевые слова: иммиграция; Великобритания; расовая дискриминация; колонии; Содружество.

Великобритания уже с конца 1940-х гг. столкнулась с увеличением въезда выходцев из колоний и стран Содружества на свою территорию. Если на первоначальном этапе иностранная рабочая сила – преимущественно из стран Карибского бассейна (Вест-Индии) – была востребована британской экономикой, то по мере восстановления после Второй мировой войны потребность в рабочих руках ослабевала [1. С. 145–150]. Сформированное по итогам парламентских выборов 1951 г. консервативное правительство У. Черчилля первоначально не уделяло иммиграционным вопросам значительного внимания. Личный секретарь У. Черчилля П. Оэйтс, докладывая премьер-министру в декабре 1952 г. о состоянии дел в иммиграционной сфере, привел данные о том, что в стране проживали порядка 40–50 тыс. «цветных» жителей, в основном в Лондоне и других портовых городах. Около 3 тыс. иммигрантов с 1945 г. ежегодно приезжали в страну, главным образом из Ямайки. Безработица среди них составляла 1,5 тыс., еще 6 тыс. «цветных» студентов ежегодно прибывали в Великобританию [2. Р. 389]. Эти показатели не внушали серьезной тревоги.

С 1954 г. происходит постепенное увеличение численности «цветных» иммигрантов: если в 1953 г. 2 тыс. выходцев из Вест-Индии въехали на территорию Соединенного Королевства, то в 1954 г. – уже 11 тыс. [3. Р. 249]. С 1954 г. проблема «иммигрантов из колоний» стала неоднократно фигурировать в повестке дня кабинета. К началу февраля 1954 г. министр внутренних дел Д. Максвелл Файф и канцлер казначейства Р. Батлер подготовили меморандум, в котором ставился вопрос об ограничении «цветной» иммиграции и рассматривались проблемы их занятости в секторе общественных услуг [4. Р. 53].

Устойчивый спрос на рабочие руки наблюдался в сфере общественного транспорта, главным образом, в британской столице. В 1954–1956 гг. в стране появились известные двухэтажные автобусы – даблдекеры,

ставшие символом Лондона и Великобритании наряду с красными телефонными будками и почтовыми ящиками. Появление даблдекеров, или рутмастеров, было связано с реконструкцией транспортной системы Лондона в 1950-е гг. Количество автомобилей стремительно росло, и Лондонская транспортная служба приняла решение отказаться от троллейбусов, на место которых пришли необычного вида автобусы. Водителями и кондукторами красных двухэтажных даблдекеров, как правило, были темнокожие выходцы из Вест-Индии.

По данным главы Министерства внутренних дел, ежегодно в страну после Второй мировой войны въезжали в среднем 3 тыс. чел. В июне 1953 г. численность безработных среди «цветного» населения была зарегистрирована на уровне 3 366 чел., 1 870 чел. получали социальную помощь от государственных служб. По сегодняшним меркам такие показатели кажутся незначительными, однако для Британии того времени численность иммигрантов представлялась серьезной. Д. Максвелл Файф заключал, что для ограничения въезда «цветного» населения в Соединенное Королевство следует ввести соответствующее законодательство, без которого все остальные меры не дадут результата. Министр озвучил две формы законодательного регулирования миграции. Первый вариант предполагал расширение иммиграционного контроля на всех – не только «цветных» – британских подданных из заморских территорий. Альтернативный подход предусматривал возможность депортации британских подданных из заморских территорий, осужденных за серьезные криминальные преступления на территории Великобритании или находящихся на полном попечении государства.

Министр внутренних дел признавал, что следует принять меры прежде всего на законодательном уровне, позволяющие высылать из страны маргинальные криминальные элементы британских иммигрантов из колоний и стран Содружества, иначе с участием «цветных» жителей могут произойти «шокирующие» преступления,

которые вызовут негодование в обществе. Уже в настоящее время, заключал Максвелл Файф, были зафиксированы серьезные «расистские настроения» в таких крупных городах, как Лондон, Манчестер и Ливерпуль, где сконцентрированы «цветные» жители.

В то же время глава Министерства внутренних дел не считал, что масштаб проблемы не настолько значительный, чтобы «оправдать законодательство, которое изменит нашу традиционную практику и вызовет противодействие нашего либерального общества». В целом министры соглашались, что любые меры правительства по ограничению иммиграции могут быть легко истолкованы как создание «цветного барьера» [4. Р. 53–54]. Министр по делам Содружества Ф. Ллойд Грим (виконт Ф. Суинтон), например, отмечал, что во всех странах Содружества, кроме Индии и Пакистана, действовали законодательные ограничения – вплоть до депортации – на иммиграцию британских подданных. Соответственно, считал он, вряд ли введение таких же ограничительных мер в Британии вызовет крайне негативную реакцию в Содружестве. Один из сотрудников Министерства по делам колоний Г. Гопкинсон поддерживал эту точку зрения. Он сообщал, что во всех колониях существовали такие же механизмы по ограничению иммиграции, как и в странах Содружества, соответственно введение аналогичных мер в Великобритании логично и целесообразно. При этом он признавал, что регулирование «цветной» миграции, несомненно, вызовет волну сопротивления в колониях [Ibid. Р. 54].

У. Черчилль объяснял увеличение численности иммигрантов «быстрым усовершенствованием коммуникаций» и разделял опасения министра по делам колоний, что проживание в стране лиц с другим цветом кожи рано или поздно вызовет волну возмущения британского общества. При этом он соглашался с министром внутренних дел в том, что в настоящее время проблема не приобрела того размаха, который требует принятия серьезных контрмер по ограничению «цветной» иммиграции. Эти обсуждения свидетельствовали о том, что позиция руководства страны по вопросам иммиграционного регулирования носила противоречивый характер. Более того, попытки консерваторов рассматривать проблемы иммиграции в порядке «текущих дел» придавали им характер «хронических», так как решение постоянно откладывалось на неопределенный срок.

Британские политики, разумеется, осознавали, что традиционная политика страны по приему иммигрантов устарела и нуждается в обновлении в свете происходящих в мире изменений. Помимо облегчения условий передвижения, улучшение стандартов жизни в колониях способствовало быстрой адаптации их населения к европейским условиям. Британия с ее высоким уровнем социальной защиты на этом фоне предсказуемо являлась центром притяжения для иммигрантов из бедных колоний и перенаселенных стран Содружества [Ibid.].

Следует заметить, что в 1950-е гг. в Великобритании начинают происходить и изменения в научных

оценках колониальных и бывших колониальных обществ. Британские социальные антропологи и социологи отказываются от понимания и восприятия этих обществ как примитивных, призывая толерантно относиться к присутствию в стране иностранцев с темным цветом кожи. После Второй мировой войны стали появляться также новые научные подходы к анализу мультирасовых обществ, дополненные в 1950-е гг. новым политическим запросом. Ученые все больше стали фокусироваться на изучении иммиграции через призму ее воздействия на занятость, жилье и проблемы социального взаимодействия представителей разных рас и национальностей [5. Р. 153].

10 марта 1954 г. британское правительство вернулось к обсуждению вопросов «цветной» иммиграции [6. Р. 135]. Накануне эта проблема стала предметом дебатов в Палате общин, и один из парламентариев Т. Рейд предложил создать специальный комитет по изучению расовых вопросов и проблем колониальной иммиграции. У членов кабинета эта идея вызвала разные оценки. С одной стороны, учреждение такого комитета могло привлечь внимание общества к этим вопросам (и в будущем облегчить восприятие миграционного законодательства), с другой – могли возникнуть подозрения внутри Британии и особенно в странах Содружества в том, что Лондон подумывает о введении иммиграционного законодательства «расистского» характера.

Тем не менее обеспокоенность увеличением численности иммигрантов возрастала. Правительственные эксперты затруднялись давать прогноз на 10–15 лет, и усиливались опасения в том, что процесс иммиграции примет масштабные и не подлежащие контролю формы. Однако на данном этапе членами кабинета было одобрено только решение о том, что следует разработать серию законодательных мер, позволяющих депортировать нежелательные – прежде всего криминальные – элементы обратно на родину [Ibid. Р. 135–136]. Осенью 1954 г. британский кабинет вновь вернулся к рассмотрению проблемы увеличивающихся масштабов иммиграции из стран Африки и Карибского бассейна [7. Р. 6]. Министр внутренних дел информировал о том, что наплыв в страну иностранцев значительно вырос за последние месяцы. По подсчетам правительственных экспертов, численность прибывших из Вест-Индии за 1954 г. должна приблизиться к 10 тыс. чел. по сравнению с 2 тыс. чел. в 1953 г. Сложившиеся условия, по мнению Д. Маквелл Файфа, «настоятельно» требовали принятия мер по контролю над иммиграцией [Ibid.].

Министр по делам Содружества Ф. Суинтон, подержав эти доводы, выступил за ускорение разработки и введения законодательного регулирования иммиграции, аргументируя свой призыв существованием аналогичных мер в большинстве стран Содружества. Однако он и другие члены правительства были солидарны в том, что такое решение требовало общественной поддержки, получить которую в настоящее время не представлялось возможным. Градус неприятия иммигрантов с другим цветом кожи в Британии действительно еще не

достиг того накала, который позволил бы безболезненно вести механизм регулирования иммиграции.

Истинную цель – ограничить въезд только «цветного» населения – британское правительство старалось скрыть, а значит, следовало ввести ограничительные меры против всех иммигрантов. В этой связи возникал вопрос о доступе в страну граждан из соседней Республики Ирландия, свободно въезжающих на территорию страны и не подлежащих контролю. Исключение же ирландцев из сферы законодательства, понимали в кабинете, «было бы неправильно понято и вызвало бы волну возмущения» в самой Ирландии и странах Содружества [7. Р. 6]. С учетом этих факторов члены кабинета приняли решение о создании специального ведомственного комитета для разработки иммиграционного законодательства. При этом министр внутренних дел и министр по делам Содружества уточнили, что нужно с максимальной степенью ответственности подойти к формированию состава такого комитета и избегать действий и мер, которые можно было бы трактовать как проявление расовой дискриминации [8. Р. 6].

13 января 1955 г. министр внутренних дел представил членам кабинета проект, в котором были намечены общие контуры будущего Билля по регулированию иммиграции [9. Р. 6]. По его мнению, социальные последствия увеличившегося потока приезжих из Вест-Индии настолько серьезны, что вынуждали правительство предпринять меры по ограничению въезда. Такой взгляд на проблемы иммиграции был продиктован, вероятно, двумя обстоятельствами. Во-первых, продолжалось увеличение притока в Британию трудовой силы из слабо развитых частей империи и Содружества. Во-вторых, произошли кадровые перестановки в британском правительстве, и главой Министерства внутренних дел в октябре 1954 г. стал майор Г. Ллойд Джордж, выступавший за ужесточение правил въезда в Британию. При проведении Билля через парламент новый министр внутренних дел прогнозировал возникновение ряда сложностей начиная с технической стороны вопроса. Во-первых, включение Билля в повестку дня могло «серьезно нарушить всю работу текущей сессии Палаты общин», уже имевшей ряд вопросов на повестке дня. Во-вторых, даже если удастся представить такой закон, предрекал глава британского МВД, оппозиционные партии **публично** [выделено мной. – Е.Х.] его не поддержат, так же как и некоторые тори. На официальную поддержку Конгресса тред-юнионов рассчитывать также не приходилось [Ibid.]. В свою очередь, министр по делам Содружества виконт Суинтон рекомендовал смягчить саму форму Билля, акцентировав внимание на том, что мобильность британских подданных внутри Содружества не будет нарушена. Все эти приготовления британских политиков, державшиеся в секрете, косвенным образом стали известны в колониях, прежде всего в странах Вест-Индии.

Накануне визита делегации из Барбадоса с целью разработки миграционной схемы из этой территории в

Соединенное Королевство британское руководство вновь вернулось к обсуждению миграционных вопросов. В конце января 1955 г. члены кабинета обратили внимание на угрозу обострения иммиграционной обстановки в Англии – Городской совет Бирмингема, города с традиционно высокой долей иностранцев, докладывал о серьезных проблемах с жильем «в результате концентрации большого количества “цветных” иммигрантов в трущобах города» [10. Р. 3]. Еще одним обстоятельством, требовавшим немедленного обращения к теме иммигрантов, было намерение одного из депутатов, консерватора К. Осборна, поднять в ближайшее время вопрос о введении Билля по ограничению иммиграции в Палате общин. Члены кабинета согласились, что ситуация «созрела» для введения законодательства.

В конце января К. Осборн, состоявший членом парламентской группы давления так называемых рестрикционистов [11. Р. 130], собирався озвучить в Палате общин инициативу по введению законодательного регулирования иммиграции [12. Р. 3]. Действия К. Осборна должны были иметь характер пробы сил. Однако даже при благоприятной реакции парламентариев на это предложение правительство не собиралось спешить с принятием Билля. Отрицательная реакция парламентариев на Билль также представлялась министрам нежелательной, так как в этом случае правительству будет уже сложнее представлять законопроект от своего имени [Ibid.]. Однако из предварительных обсуждений в кулуарах парламента стало ясно, что депутаты не готовы к одобрению Билля.

Консервативная партия раскололась по иммиграционному вопросу. К. Осборн, поднявший было вопрос о законодательном регулировании иммиграции в Палате общин, столкнулся с негативной реакцией на эту идею, и дискуссия на время затихла [13. С. 97]. Политический момент явно не располагал для введения контроля над въездом в Великобританию. Тем более что сестра королевы Елизаветы принцесса Маргарет в самом ближайшем будущем должна была нанести официальный визит в страны Вест-Индии [14. Р. 7]. Очевидно, что время для представления Билля было неподходящим. В середине февраля кабинет министров приступил к обсуждению проектов Белой книги, содержащей обзор законодательства в области иммиграционного контроля, практикуемого в странах Содружества. Проекты были подготовлены главой Министерства по делам колоний и главы Министерства по делам Содружества [15. Р. 4]. В ходе обсуждения члены кабинета согласились, что общий проект нужно согласовать с правительствами Содружества и колоний и сделать максимально «мягким» по форме.

Накануне досрочных парламентских выборов апреля 1955 г. после отставки У. Черчилля на заседании кабинета было принято решение не привлекать к миграционным вопросам и планам правительства по ограничению въезда «цветного» населения повышен-

ное общественное внимание. Следовало, считали министры, ограничиться только той информацией, что правительство с возрастающей тревогой следит за увеличивающимся потоком иммигрантов [16. Р. 3]. Только министр внутренних дел доказывал, что если рано или поздно придется принимать законодательство по ограничению въезда иностранцев из колоний, то в ходе предвыборной борьбы все же имеет смысл объявить о том, что консерваторы в случае возвращения к власти будут выступать за введение регулирования иммиграции [17. Р. 5]. Члены кабинета отвергли «на данном этапе» такую возможность, все же решив публично не объявлять о перспективах принятия таких решительных мер, как ограничение иммиграции, и сосредоточиться на максимально полном изучении проблемы въезда и нахождения в стране иностранцев с другим цветом кожи. В июне 1955 г. был создан межведомственный Комитет по вопросам иммиграции и определены его задачи и состав. Одной из главных целей Комитета должно было стать информирование британской общественности о природе и масштабах проблемы с тем, чтобы принятие законодательства было воспринято «как само собой разумеющееся» [18. Р. 7].

15 сентября члены кабинета обсудили доклад министра внутренних дел Г. Ллойд Джорджа, посвященный иммиграционной ситуации в стране. По мнению министра, «колонияльная иммиграция в настоящее время не представляет собой острую проблему, но может стать таковой, например, в случае торгового спада» [19. Р. 5–6]. Министр жилищной политики Д. Сэндис не согласился с такой оценкой, отметив, что в определенных районах таких городов, как Бирмингем и Ламбет, колонияльная иммиграция уже привела к серьезному перенаселению и, как следствие, к социальным волнениям. По его мнению, трудовые мигранты должны иметь сертификаты занятости, подтверждающие, что в Британии они нашли работу, и селиться там, где нет высокой концентрации иностранной рабочей силы. В ходе дискуссии участники встречи пришли к выводу, что прежде чем принимать законодательство, правительству следует определиться с его формой и выработать механизмы доступа иммигрантов на территорию страны. Поиски приемлемого формата иммиграционного законодательства продолжались.

В 1955 г. рост иммигрантов в Великобританию продолжился: прибыли 27,5 тыс. чел. из стран Вест-Индии, 5,8 тыс. чел. — из Индии, 1 850 чел. — из Пакистана, 7,5 тыс. чел. — из других государств [2. Р. 399–400]. В начале ноября 1955 г. министр внутренних дел Г. Ллойд Джордж представил на рассмотрение кабинета проект Билля [20. Р. 6]. В этом документе основными критериями въезда в страну были названы занятость и жилье: трудовой иммигрант мог получить право приехать в страну, перевезти свою семью и получить жилье только в том случае, если он мог представить доказательства того, что уже нашел работу в Великобритании. В свою очередь, министр по делам колоний

А. Леннокс-Бойд рекомендовал распространить законодательство не только на выходцев из колоний, но и британских подданных из стран Содружества. Г. Ллойд Джордж добавил, что еще одним вопросом оставалось распространение законодательства на граждан из Республики Ирландия. Было очевидно, что сама необходимость регулирования иммиграции «проистекала из увеличения выходцев из стран Вест-Индии», но ограничение только их въезда могло «вызвать сопротивление в территориях Карибского бассейна и оказаться неэффективным после предоставления им независимости» [20. Р. 6].

Министр по делам колоний обратил внимание на тот факт, что законодательство, ограниченное только выходцами из колоний, будет рассматриваться как дискриминационное и нарушит отношения со странами Вест-Индии [Ibid. Р. 7]. А. Леннокс-Бойд выступал против введения регулирования миграционных потоков в ближайшее время и выражал сомнение в эффективности таких критериев, как жилье и работа. Вполне справедливо он указывал на то, что нет гарантии, что трудовой мигрант не потеряет работу и не лишится жилья, прожив какое-то время в стране. По его мнению, следовало ввести другие меры контроля и разработать механизм для более равномерного распределения иммигрантов по территории страны. Премьер-министр А. Иден, приняв во внимание эти соображения экспертов, посчитал, что следует воздержаться от решительных мер. Введение иммиграционного регулирования откладывалось.

К обсуждению этих вопросов британский кабинет вернулся только в июле 1956 г. [21]. К этому времени межведомственный Комитет по миграционным вопросам под руководством Д. Максвелл Файфа (лорд Килмур) пришел к убеждению, что регулирование иммиграции — преждевременная мера. Во-первых, оно неизбежно будет воспринято как проявление дискриминации по «расе и цвету кожи», во-вторых, усложнит отношения со странами Карибского бассейна, которые правительство планировало включить в Карибскую (или Вест-Индскую) федерацию. Немаловажным фактором было и то, что общественное мнение в Британии так и не было «подготовлено» соответствующим образом, поэтому реакция общества на такое законодательство могла стать «шоковой». Лорд-председатель Совета лорд Солсбери не поддержал выводы комитета. По его мнению, содержание доклада как раз показывало, что проблема приняла угрожающие масштабы: иммиграция «цветного» населения возрастала и не подлежала никакому контролю, а если ждать поддержки общественного мнения, ситуация и вовсе могла принять необратимый характер.

Великобритания, традиционно позиционировавшая себя как центр притяжения выходцев из Содружества и колоний, на практике оказалась не готова к значительному (по сегодняшним меркам умеренного) притоку иммигрантов с другим цветом кожи. 1950-е гг. стали

временем распада старого социального порядка и прежней системы ценностей, которые цементировала империя. Интенсификация процессов деколонизации в конце 1950-х гг. обозначила кризис имперской идентичности и начало формирования постимперского самосознания. Поэтому в этот сложный для страны период реакция британского общества на темнокожих иммигрантов носила особо болезненный характер. Несмотря на то что до середины 1950-х гг. большая страна (преимущественно речь идет об Англии) оставалась почти полностью «белой» и половина населения Великобритании никогда не встречала иностранцев с другим цветом кожи, увеличение присутствия в стране выходцев из колоний вызывало растущее беспокойство [22. Р. 117].

Мониторинг ситуации выявил тревожные факторы: за шесть месяцев 1956 г., сообщал министр внутренних дел на заседании кабинета, в страну прибыли 14 тыс. иммигрантов из колоний, еще по 1 тыс. индийцев прибывало в Британию каждую неделю с намерением остаться на ее территории. Внутри страны за прошедший год безработица среди «цветного» населения выросла в два раза [23. Р. 10]. Впрочем, ситуация с увеличением безработицы объяснялась прежде всего тем, что послевоенный спрос на рабочие руки упал к середине 1950-х гг., совпав с экономическим спадом в стране [24. Р. 6–7].

Британское правительство приняло решение вернуться к рассмотрению этих вопросов в начале осени, если не произойдет серьезного осложнения сложившейся обстановки. До этого времени сформированный под руководством лорда Килмура специальный Комитет при кабинете министров должен был подготовить свое видение законодательного механизма, регулирующего иммиграцию в страну [25. Р. 10–11]. Однако следующее заседание по проблемам иммиграции состоялось в конце осени – 20 ноября 1956 г. [26. Р. 6]. События Суэцкого кризиса отодвинули эти вопросы на второй план. А. Иден по состоянию здоровья отсутствовал, и функции председателя исполнял в тот день лорд – хранитель печати Р. Батлер. Лорд Килмур начал представление доклада своего комитета с вопроса об ирландских иммигрантах, озвучив общее мнение экспертов о том, что граждан Ирландии следует исключить из законодательства. Он напомнил, что свободный въезд из соседней республики установлен по Акту 1949 г. и причин для отмены привилегии свободного въезда у Британии нет, учитывая, что консерваторы в свое время поддержали этот акт. По вопросам увеличения иммиграции комитет считал, что рост численности «цветных» иностранцев не достиг пика и причин для немедленного принятия законодательства нет. Министр по делам колоний А. Леннокс-Бойд отмечал, что сообщения «цветных» иммигрантов на родину об условиях работы и проживания здесь носят менее оптимистичный, чем ранее, характер, и это должно затормозить поток иммиграции. С другой же стороны, в 1956 г. стало больше таких выходцев из колоний, которые

приезжали в Британию с семьями. Члены кабинета вновь согласились продолжать отслеживать ситуацию. Принятие законодательства задерживалось [26. Р. 6–7].

К настоящему времени на политическом и отчасти научном уровне закрепились точка зрения о том, что крупные европейские метрополии после Второй мировой войны сознательно поощряли въезд выходцев из своих империй. Подобный взгляд верен лишь отчасти. Так, если для Франции привлечение рабочих рук из колоний после Второй мировой войны было частью экономической политики планирования, то для Великобритании массовый наплыв темнокожих мигрантов в 1950-е гг. в какой-то степени стал неожиданностью. Британское правительство К. Эттли, приняв Акт о гражданстве 1948 г., не предполагало, что воспользоваться предоставленными возможностями пожелает такое количество выходцев из бедных стран Карибского бассейна, Индии и Пакистана [3. Р. 251–253]. В условиях стремления Великобритании сохранить связи с получавшими независимость территориями введение иммиграционного законодательства и проведение иммиграционной политики оказались сложной задачей, решать которую все-таки пришлось консерваторам, но уже под руководством нового премьер-министра.

Правительство Г. Макмиллана унаследовало те же проблемы в миграционной сфере, которые безуспешно пытались решить прежние кабинеты. На повестке дня по-прежнему стояла задача ограничения въезда выходцев с другим цветом кожи из колоний и Содружества и снижения остроты мультирасовых проблем внутри страны. В 1957 г. принятие уже подготовленного кабинетом А. Идена законодательства было отложено под предлогом сокращения притока иммигрантов [27. Р. 149]. В том же году британское руководство приняло решение о создании Вест-Индской Федерации, в которую вошли Тринидад, Тобаго, Ямайка и другие территории Карибского бассейна.

В конце лета 1958 г. в лондонском районе Ноттинг-Хилл и Ноттингеме прошли беспорядки, названные «расовыми бунтами». Они были инициированы группой «белых» британцев из рабочей среды. Эта группа, известная как «Тедди Бойз», под лозунгами сохранения «белой» Британии спровоцировала ряд нападений на темнокожих иммигрантов под девизами «покончить с ниггерами», «депортировать всех ниггеров» и др. [13. С. 96]. В течение двух недель столкновения не прекращались. Полиция, застигнутая врасплох этим противостоянием, арестовала 126 «белых» и 51 «цветного» жителя, преимущественно проживающих в Ноттинг-Хилле [28].

Среди основных причин беспорядков следует назвать высокую конкуренцию за рабочие места в Лондоне и других крупных городах с высоким процентом лиц иностранного происхождения, нежелание владельцев некоторых промышленных предприятий Ноттингема нанимать выходцев из британских колоний и торговлю оружием среди иммигрантов. К другим – неав-

ным – причинам можно отнести отношения между темнокожими мужчинами и английскими женщинами, вызывавшие острое недовольство «белых» мужчин [29].

Произошедшие столкновения отражали общую ситуацию в британском обществе. «Цветной барьер» проявлялся не только в отелях и ресторанах, но и при найме жилья и в существовании специальных зон для приезжих с другим цветом кожи с указанием «не ходить» (“no go”). В ряде объявлений о сдаче квартиры, например, встречались приписки: «Цветным квартиры не сдаются» [30. С. 33]. Особенно заметную расовую дискриминацию испытывали на себе чернокожие студенты и моряки. Лозунгом расовых настроений, направленным не только против темнокожих, но в отдельных районах и против выходцев из Ирландии, стал: «Никаких собак. Никаких темнокожих. Никаких ирландцев» [31. Р. 13].

Волнения в Ноттинг-Хилле вновь сделали иммиграционные вопросы предметом обсуждения на высшем политическом уровне. Лейбористская партия осудила беспорядки и расовую дискриминацию, однако, в отличие от консерваторов, по-прежнему выступала против введения иммиграционного контроля [32. Р. 276]. В преддверии выборов в Палату общин 1959 г. правительство Г. Макмиллана не решилось на принятие ограничивающих иммиграцию мер, продолжая практиковать меры дипломатического воздействия на правительства государств Карибского бассейна с тем, чтобы они как можно жестче ограничивали эмиграцию из своих стран. На всякий случай британское правительство подготовило билль о депортации нарушающих общественный порядок лиц.

В 1958 г. День империи был переименован в день Содружества (празднуется во второй понедельник марта), что в определенном смысле символизировало расставание Великобритании с империей, большая часть территорий которой уже получила независимость. К. Мэйхью, продюсер серии фильмов «БиБиСи» под названием «Мы, Британцы» (We, the British), метко выразил общественные настроения после Суэцкого кризиса, когда пожаловался, что «теперь каждый думает, что Британией можно помыкать» [31. Р. 13]. Всплеск расизма в новых формах в конце 1950-х гг. стал не столько реакцией на увеличение численности выходцев из колоний, сколько общим выражением британского постколониального кризиса и поиска новой внешнеполитической идентичности. В том же году в Лондоне в ответ на обозначившуюся необходимость научного анализа и поиска адекватного ответа на иммиграционные проблемы был создан Институт расовых отношений Великобритании как исследовательский центр для подготовки и публикации аналитических обзоров по расовым отношениям. Эта структура возникла на базе Отдела по расовым отношениям при Королевском институте по международным отношениям (Чатам Хауз), существовавшем с 1952 г. под руководством лорда Хейли. В задачи Института входили изу-

чение и обмен информацией по проблемам расовых отношений и выяснение условий жизни разных рас и народов.

Погромы иммигрантов в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме в 1958 г. стали предвестником и новых парламентских дебатов по вопросу о законодательном ограничении «цветной» иммиграции. В ноябре 1958 г. в ходе обсуждений в Палате общин видный член Лейбористской партии лорд Пакенхам указал на то, что в качестве основного аргумента в пользу своих действий британская молодежь, устроившая погромы, озвучила главный вопрос: «Что хорошего они [иммигранты. – Е.Х.] делают для нас?». Лорд Пакенхам, отвечая на этот вопрос, выступил в защиту приезжих иностранцев, многие из которых «исправно трудились на своей новой родине». По его мнению, следовало не вводить регулирование иммиграции, а бороться с расовой нетерпимостью внутри страны [33].

В качестве «ответчика» на эти вопросы и со своим видением иммиграционных проблем, распадавшихся в этот период на две составляющие – проблему «цветных рабочих» и расовых предрассудков в Британии, – выступил заместитель министра по делам колоний 17-й лорд Пэрт Дж.Д. Драммонд. В обстоятельном выступлении он признал, что проблема возрастания численности прибывающих в страну выходцев из Вест-Индии и других частей империи и Содружества действительно беспокоит правительство. Однако, по его мнению, ситуация не выглядела катастрофично. «Цветная» иммиграция в страну в течение последних трех лет оставалась неизменной и составляла около 40 тыс. чел. в среднем. По мнению лорда Пэрта, были и другие «хорошие» новости: во-первых, увеличилась численность уезжающих обратно – около 3 тыс. иммигрантов в 1957 г. вернулись в страны Вест-Индии. Такое положение дел он объяснял ростом экономики в территориях Карибского бассейна «благодаря усилиям Британии»: «За последние 12 лет в Вест-Индию было направлено 38 млн ф. ст. в рамках законов колониального развития и благосостояния, еще 17,5 млн ф. ст. на другие цели, не считая вложений частного капитала». Во-вторых, около 10 тыс. из прибывающих «цветных» иммигрантов – это женщины и дети. Этот факт, по мнению лорда Пэрта, свидетельствовал о том, что их мужчины нашли работу и ощущают себя «счастливыми членами британского общества» [34].

Более серьезные опасения внушала проблема расовой дискриминации. Согласно озвученным лордом Пэртом данным, две трети населения страны имели расовые предрассудки против выходцев из колоний, подпитываемых из кинофильмов и книг: «Еще несколько лет назад кино изображало негров как примитивных и деградированных кунов (кунами – сооп – пренебрежительно называли африканцев. – Е.Х.). Нам следует менять устаревшие антропологические концепции». Парламентариев в этой связи интересовал вопрос о том, намерено ли правительство вводить им-

миграционный контроль. От прямого ответа лорд Пэрт уклонился, однако указал на то, что в Британии, по сравнению с другими странами Содружества, – самый либеральный иммиграционный режим для въезда, и этот факт в условиях нарастания социальных конфликтов «заставлял задумываться о введении контроля» [34].

В феврале 1959 г. на заседании кабинета министров члены Комитета по миграционной проблеме рекомендовали готовить законодательство по ограничению въезда иммигрантов [35. Р. 8]. Идеальным вариантом они считали распространение ограничений только на иностранцев с другим цветом кожи, но понимали, что в этом случае неизбежно произойдет ухудшение отношений со всеми афроазиатскими странами Содружества.

В мае 1959 г. в Ноттинг-хилле вновь произошли столкновения на расовой почве. 17 мая был убит иммигрант из Антигуа, плотник К. Кокрейн. Ответственность за это преступление взяла на себя праворадикальная «Организация профсоюзного движения» (Union Movement Organization). Однако никто из ее членов не был арестован. Выходцы из стран Карибского бассейна в ответ на бездействие со стороны полиции и властных структур стали создавать свои организации по защите прав этнических меньшинств. Еще в январе 1959 г. возник «Карибский карнавал» в Ноттинг-хилле как ответ на погромы 1958 г. Вплоть до сегодняшнего дня в рамках этой организации проходят яркие карнавальные шествия. В том же году начала работать Ассоциация содействия «цветному» населению [36. Р. 149–150]. Эти структуры стремились привлечь внимание общественности и политических кругов страны к необходимости введения законов, ограничивающих расовую дискриминацию. Одной из таких правозащитных организаций стала группа «Сохраним Британию толерантной». Такой девиз стал ответом на распространённый лозунг расистов «Сохраним Британию белой». Деятельность темнокожих групп населения активизировалась в студенческих сообществах, тред-юнионах, политических партиях и церквях [31. Р. 13].

После 1958 г. стали возникать и так называемые внутрирасовые организации, основной целью которых было интегрировать выходцев из стран Карибского бассейна и других иностранцев в британское общество. Спонсорами выступали как «белые», так и «черные» жители Британии, однако деятельность таких структур сложно назвать успешной. Например, если музыкальные клубы, создаваемые темнокожими иммигрантами, и предусматривали участие коренных жителей, то «белым» на деле были в них не рады. Не все иммигранты стремились включаться в британское общество и отказываться от своих традиций. Так, многие предпочитали слушать и исполнять свои формы джаза или калипсо музыку – афрокарибского музыкального стиля, популярного в странах Вест-Индии [37]. Преодоление «цветного барьера» требовало времени и усилий обеих сторон.

В 1958–1959 гг. произошло некоторое сокращение численности иммигрантов из стран Карибского моря. В

1958 г. в Соединенное Королевство въехали 15 тыс. чел., в 1959 г. – 16,4 тыс. чел. На встрече кабинета министров в начале июля 1958 г. эксперты Комитета по иммиграционной политике озвучили вывод о нецелесообразности на данном этапе законодательного регулирования «цветной» миграции из Содружества, но рекомендовали усилить меры административного характера для частичного ограничения иммигрантов из Индии, Пакистана и Вест-Индии [38. Р. 7]. В перспективе же введение ограничительного законодательства Комитет признавал неизбежным. Большое внимание в это время британское руководство уделяло инструментам «мягкой силы» для укрепления связей с Содружеством. В 1959 г. на строительство школ в странах Содружества Великобритания внесла 7 млн ф. ст. на условиях софинансирования с Канадой и Австралией при общей сумме в 10 млн ф. ст. Такие расходы, учитывая финансовые трудности Британии, правительство рассматривало как необходимые и оправданные в долгосрочной перспективе с точки зрения укрепления связей с Содружеством [39. Р. 4–5].

С 1960 г. вновь обозначился рост иммиграции в Соединенное Королевство. В июле 1960 г. министр внутренних дел Р. Батлер в специально подготовленном документе указал не только на рост численности иммигрантов, но и дал оценку их адаптации к британскому обществу [40. Р. 178]. В целом, указывал Батлер, популяция приезжих из государств Карибского бассейна была законопослушной, за исключением лиц, имевших проблемы с жильем и работой. Уровень безработицы среди них был невысоким – около 9 тыс. чел. при общем «цветном» населении в 250 тыс. чел. Однако оставалась опасность новых столкновений в Ноттинг-Хилле и нескольких других районах Лондона. Эти факторы Р. Батлер все же не считал достаточными для принятия иммиграционного законодательства, прежде всего, по идеологическим причинам. «Законодательство подобного рода, – говорилось в меморандуме, – носило бы противоречивый характер и пробило брешь в нашей доктрине, согласно которой Соединенное Королевство – страна-мать, к которой все граждане Содружества имеют доступ» [Ibid. Р. 179].

Симптоматично, что эти соображения британские политики неоднократно брали в расчет с послевоенного времени, и риторика не менялась. В условиях убыстрения мировых темпов деколонизации руководство страны считало наиболее оптимальным курсом осторожную политику в иммиграционном вопросе. С одной стороны, Лондон был явно заинтересован в упрочнении связей внутри Содружества, с другой – стремился держать под контролем иммиграционные волны, не допуская чрезмерного роста иностранцев из колоний. Ни одно из прежних правительств не было готово взять на себя ответственность, ограничиваясь мерами административного характера в регулировании иммиграции. Эти меры позволяли сдерживать поток въезжающих иностранцев, и в целом эмиграция в 1950-

е гг. превышала иммиграцию [41. Р. 128]. С начала 1960-х гг. ситуация стала меняться и рост расистских настроений внутри Британии все больше убеждал британских консерваторов в необходимости регулирования иммиграции.

Опросы общественного мнения конца 1950-х гг. показывали рост настроений в пользу ограничения свободной иммиграции [42]. В ноябре 1960 г. на заседании кабинета министр иностранных дел лорд Хьюм доложил об увеличении потока иностранцев из Вест-Индской Федерации, Индии и Пакистана. В течение первых десяти месяцев 1960 г. в страну прибыли 43,5 тыс. чел., в то время как в 1959 г. – только 16,4 тыс. чел. и в 1956 г. – 29,8 тыс. чел. Результатом такого наплыва, по мнению главы «Форин оффис», стал рост социальной напряженности с перспективой новых серьезных инцидентов [43. Р. 6–7].

По оценкам правительственных экспертов, отмечаемая тенденция могла привести к увеличению иностранцев из указанных стран до 200 тыс. чел. к началу 1961 г. и до 2 млн чел в течение 15 лет [44. Р. 6–7]. Такие прогнозы все больше убеждали кабинет Г. Макмиллана в необходимости ограничения иммиграции на законодательном уровне. В феврале 1961 г. лорд-канцлер лорд Килмур при обсуждении на заседании кабинета миграционной ситуации привел статистику, согласно которой, несмотря на сокращение количества

иммигрантов в 1958 и 1959 гг., в стране уже насчитывалось 300 тыс. «цветных» граждан Великобритании. От общего количества населения страны – 52 807 тыс. чел. – их численность составляла всего лишь 0,56% [45]. Однако в течение 20 лет, согласно прогнозам, «цветное» население увеличится до 1,3 млн чел [46. Р. 3].

В 1961 г. общая численность иммигрантов, въехавших на территорию Соединенного Королевства, достигла 136 тыс. чел. Резкое увеличение численности иностранцев в 1960–1961 гг. объяснялось распространявшимися слухами о скором ужесточении правил въезда.

Правительство Г. Макмиллана, взвесив все «за» и «против», стало готовить проведение билля об ограничении иммиграции через парламент. Социальное напряжение вкупе с ростом численности трудовых иммигрантов на территории страны вынуждали реагировать на ситуацию более решительно, чем прежде. Таким образом, несмотря на многократные попытки отложить принятие миграционного законодательства «до лучших времен», в начале 1960-х гг. британские консерваторы под напором расистски настроенной общественности и потери контроля над развитием событий взяли курс на принятие первого в истории страны законодательного механизма регулирования иммиграционных потоков в сторону сокращения въезда иностранцев с другим цветом кожи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хахалкина Е.В. Иммигранты в британском обществе: проблемы приема и интеграции в 1945–1951 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–2 (63).
2. British Documents on the End of Empire. BDEE. Series A. Vol. 3. The Conservative Government and the End of Empire, 1951–1957. Part III. L., 2000.
3. Empire, Migration and Identity in the British World / ed. by K. Fedorowich, A.S. Thompson. Manchester, 2013.
4. Great Britain. Cabinet Papers (CAB). CAB 128-27. 3 February 1954.
5. Racial Science and British Society, 1930–1962 / G. Schaefer. L., 2008.
6. CAB 128-27. 10 March 1954.
7. CAB 128-27. 24 November 1954.
8. CAB 128-27. 6 December 1954.
9. CAB 128-28. 13 January 1955.
10. CAB 128-28. 20 January 1955.
11. Carter B. Realism and Racism: Concepts of Race in Sociological Research. L., 2000.
12. CAB 128-28. 24 January 1955.
13. Шмидт К. К вопросу о генезисе иммиграционной политики Великобритании // Миграции и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение : сб. науч. тр. Киев, 1990.
14. CAB 128-28. 31 January 1955.
15. CAB 128-28. 17 February 1955.
16. CAB 128-28. 16 March 1955.
17. CAB 128-29. 3 May 1955.
18. CAB 128-29. 14 June 1955.
19. CAB 128-29. 15 September 1955.
20. CAB 128-29. 3 November 1955.
21. CAB 128-30. 11 July 1956.
22. Webster A. The Debate on the Rise of the British Empire. Manchester, 2006.
23. CAB 128-30. 11 July 1956.
24. Annamunthodo P. Racism in Britain: Guidance for CVS and other local development agencies. L. : Councils for Voluntary Service-National Association in association with National Council for Voluntary Organisations, 1987.
25. CAB 128-30. 11 July 1956.
26. CAB 128-30. 20 November 1956.
27. Paul K. Whitewashing Britain. Race and Citizenship in the Post-War Era. L., 1997.
28. Hansard. Parliamentary Debates. Colour Prejudice and Violence. 19 November 1958. Col. 632. URL: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1958/nov/19/colour-prejudice-and-violence#S5LV0212P0_19581119_HOL_12.
29. Pressly L. The “Forgotten” Race Riot. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/6675793.stm.
30. Козлов В.И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. М., 1987.
31. Malik S. Representing Black Britain: Black and Asian Images on Television. L., 2002.
32. The Cambridge Survey of World Migration / ed. by R. Cohen. N.Y., 1995.

33. Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Colour Prejudice and Violence. 19 November 1958. Col. 633–642. URL: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1958/nov/19/colour-prejudice-and-violence#S5LV0212P0_19581119_HOL_12.
34. Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Colour Prejudice and Violence. 18 November 1958. Col. 675–682. Col. URL: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1958/nov/19/colour-prejudice-and-violence#S5LV0212P0_19581119_HOL_63.
35. CAB 128-33. 19 February 1959.
36. Maxwell R.D. Tensions and Tradeoffs: Ethnic Minority Migrant Integration in Britain and France. N.Y., 2008.
37. Bauer E. The Creolisation of London Kinship: Mixed Afro-Caribbean and White British Extended Families, 1950–2003. Amsterdam, 2010.
38. CAB 128-32. 1 July 1958.
39. CAB 128-33. 30 April 1959.
40. CAB 128-34. 19 July 1960.
41. Schain M.A. The Politics of Immigration in France, Britain and the United States. A Comparative Study. L., 2008.
42. Immigration Legislation in Britain. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.movinghere.org.uk/galleries/histories/caribbean/journeys/legislation.htm/>
43. CAB 128-34. 25 November 1960.
44. CAB 128-35. 30 May 1961.
45. Historical Population of the United Kingdom 43 AD to present. URL: <http://chartsbin.com/view/28k>.
46. CAB 128-35. 16 February 1961.

Khakhalkina Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

THE PROBLEMS OF RACIAL DISCRIMINATION AND IMMIGRATION RESTRICTIONS IN THE UK IN THE SECOND HALF OF THE 1950S.

Keywords: immigration; Great Britain; racial discrimination; colonies; Commonwealth.

The purpose of the article is to analyze the place and role of problems of racial discrimination and immigration restrictions in British foreign and domestic policy in the late of 1950s. This purpose involves the following tasks: to show the reasons for the burst of racist sentiments in the UK in 1958 (so-called “racial riots”), to consider the discussion at the governmental level of imposing measures to limit immigration from the colonies and Commonwealth countries during the period of the Conservative Cabinets of W. Churchill, A. Eden and H. Macmillan and analyze the debates in the parliament on immigration and racial issues. For resolving the formulated purpose and tasks the British and other documents were used – stenograms of the Cabinet of Ministers (Cabinet Papers) and parliamentary debates of Great Britain, as well as statistical information related to the immigration of labor migrants from the colonies and the Commonwealth countries to the UK. Since the early 1950’s immigration to the United Kingdom began to increase. However, the UK, which traditionally positioned itself as the center of gravity of the descendants of the Commonwealth and the colonies, in practice was not ready for a significant (by today’s measure of a moderate) influx of immigrants with a different skin color. Since the mid-1950’s the British leadership began to prepare a law on the restriction of immigration from the colonies and countries of the Commonwealth. The first attempts to hold such a bill through the parliament showed serious opposition to these conservatives’ intentions on the part of both Labor and the governments of the colonies and Commonwealth countries. In late summer of 1958 in the London area of Notting Hill and Nottingham there were riots initiated by a group of whites against black immigrants over the slogans of preserving “white Britain”. These events have become forerunners of the introduction of regulation of immigration at the legislative level. As a result of the study, the following conclusions were made: 1) in the late 1950s immigration issues began to attract increased attention of conservative governments and the House of Commons; 2) the increase in the number of immigrants in the UK in the early 1960s and “racial riots” contributed to the adoption of the first ever British law that introduced regulation of immigration, called the “Commonwealth Immigrants Act 1962”; 3) the adoption of the “Commonwealth Immigrants Act” did not resolve the issue of reducing the entry of foreigners into the country and in practice led to an increase in the entry of foreigners from the Commonwealth countries.

REFERENCES

1. Khakhalkina, E.V. (2015) Immigrants in the British society: problems of admission and integration, 1945–1951. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3-2(63). (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-3-145-150
2. Goldsworthy, D. (ed.) (2000) *British Documents on the End of Empire*. BDEE. Series A. Vol. 3. London: [s.n.].
3. Fedorovich, K. & Thompson, A.S. (eds) (2013) *Empire, Migration and Identity in the British World*. Manchester: Manchester University Press.
4. Great Britain. (1954a) *Cabinet Papers (CAB)*. CAB 128-27. 3rd February.
5. Schaefer, G. (2008) *Racial Science and British Society, 1930–1962*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
6. Great Britain. (1954b) CAB 128-27. 10th March.
7. Great Britain. (1954c) CAB 128-27. 24th November.
8. Great Britain. (1954d) CAB 128-27. 6th December.
9. Great Britain. (1955a) CAB 128-28. 13th January.
10. Great Britain. (1955b) CAB 128-28. 20th January.
11. Carter, B. (2000) *Realism and Racism: Concepts of Race in Sociological Research*. London: Routledge.
12. Great Britain. (1955c) CAB 128-28. 24th January.
13. Shmidt, K. (1990 K voprosu o genezise immigratsionnoy politike Velikobritanii [On the genesis of British immigration policy]. In: Chernikov, I.F. (ed.) *Migratsii i migranty v mire kapitala: istoricheskie sud'by i sovremennoe polozhenie* [Migrations and migrants in the world of capital: historical destinies and the current situation]. Kyiv: Naukova Dumka.
14. Great Britain. (1955d) CAB 128-28. 31st January.
15. Great Britain. (1955e) CAB 128-28. 17th February.
16. Great Britain. (1955f) CAB 128-28. 16th March.
17. Great Britain. (1955g) CAB 128-29. 3rd May.
18. Great Britain. (1955f) CAB 128-29. 14th June.
19. Great Britain. (1955h) CAB 128-29. 15th September.
20. Great Britain. (1955i) CAB 128-29. 3rd November.
21. Great Britain. (1956a) CAB 128-30. 11th July.
22. Webster, A. (2006) *The Debate on the Rise of the British Empire*. Manchester: Manchester University Press.
23. Great Britain. (1956b) CAB 128-30. 11th July.
24. Annamunthodo, P. (1987) *Racism in Britain: Guidance for CVS and other local development agencies*. London: Councils for Voluntary Service-National Association in association with National Council for Voluntary Organisations.

25. Great Britain. (1956c) *CAB 128-30*. 11th July.
26. Great Britain. (1956d) *CAB 128-30*. 20th November.
27. Paul, K. (1997) *Whitewashing Britain. Race and Citizenship in the Post-War Era*. London: Cornell University Press.
28. Great Britain. (1958a) *Hansard. Parliamentary Debates. Colour Prejudice and Violence*. 19 November 1958. Col. 632. [Online] Available from: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1958/nov/19/colour-prejudice-and-violence#S5LV0212P0_19581119_HOL_12.
29. Pressly, L. (2007) *The "Forgotten" Race Riot*. [Online] Available from: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/6675793.stm.
30. Kozlov, V.I. (1987) *Immigranty i etnorasovye problemy v Britanii* [Immigrants and ethno-racial problems in Britain]. Moscow: Nauka.
31. Malik, S. (2002) *Representing Black Britain: Black and Asian Images on Television*. London: SAGE.
32. Cohen, R. (ed.) (1995) *The Cambridge Survey of World Migration*. New York: Cambridge University Press.
33. Great Britain. (1958b) *Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Colour Prejudice and Violence*. 19 November 1958. Col. 633-642. [Online] Available from: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1958/nov/19/colour-prejudice-and-violence#S5LV0212P0_19581119_HOL_12.
34. Great Britain. (1958c) *Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Colour Prejudice and Violence*. 18 November 1958. Col. 675-682. Col. [Online] Available from: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1958/nov/19/colour-prejudice-and-violence#S5LV0212P0_19581119_HOL_63.
35. Great Britain. (1959a) *CAB 128-33*. 19th February.
36. Maxwell, R.D. (2008) *Tensions and Tradeoffs: Ethnic Minority Migrant Integration in Britain and France*. New York: Proquest, Umi Dissertation Publishing.
37. Bauer, E. (2010) *The Creolisation of London Kinship: Mixed Afro-Caribbean and White British Extended Families, 1950-2003*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
38. Great Britain. (1958d) *CAB 128-32*. 1st July.
39. Great Britain. (1959b) *CAB 128-33*. 30th April.
40. Great Britain. (1960a) *CAB 128-34*. 19th July.
41. Schain, M.A. (2008) *The Politics of Immigration in France, Britain and the United States. A Comparative Study*. Palgrave Macmillan US. DOI: 10.1057/9781137047892
42. *Immigration Legislation in Britain*. [Online] Available from: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.movinghere.org.uk/galleries/histories/caribbean/journeys/legislation.htm/>.
43. Great Britain. (1960b) *CAB 128-34*. 25th November.
44. Great Britain. (1961a) *CAB 128-35*. 30th May.
45. ChartsBin. (n.d.) *Historical Population of the United Kingdom 43 AD to present*. [Online] Available from: <http://chartsbin.com/view/28k>.
46. Great Britain. (1961b) *CAB 128-35*. 16th February.

УДК 81'23

DOI: 10.17223/19988613/50/18

Т.Л. Андреева, Б.М. Таловская

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ СОЕДИНЁННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ НА РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОГО, ВАЛЛИЙСКОГО И ГАЗЭЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена выявлению основных тенденций развития языковой политики в Великобритании относительно английского, валлийского и газэльского языков. Для этого в статье поднимаются и другие проблемы, связанные с данной тематикой. Дается теоретическая характеристика освещённых в статье терминов: «языковая политика» и «языковое планирование». Анализируются причины исторического, социального и национального влияния языковой политики на развитие английского, валлийского и газэльского языков. Рассмотрены основные акторы, осуществляющие языковую политику в Великобритании.

Ключевые слова: языковая политика; языковое планирование; инклюзивный язык; языковая идентификация; Великобритания; английский язык; региональный язык.

Принято считать, что языковая политика – это в первую очередь действия или бездействие центрального правительства относительно употребления определённого языка на определённой территории. В учебном пособии Н.Б. Вахтина и Е.В. Головка «Социолингвистика и социология языка» отмечается, что «языковая политика – это часть общей политики государства, направленная на принятие основных принципов политики в отношении языков, имеющих хождение на его территории» [1. С 163]. При этом следует отличать языковую политику от языкового планирования. Авторы подчёркивают, что «языковое планирование – это реализация языковой политики» [Там же]. Некоторые ученые высказывают мнение о том, что в XXI в. правительство Великобритании перестало уделять внимание языковому вопросу и сейчас не осуществляет никаких мер, связанных с языковой политикой. Последние исследования в области социолингвистики направлены только на активные меры Британии в этой области в XVIII–XIX вв. Кроме того, официальный статус английского, закреплённый лишь де-факто, заставляет согласиться с утверждением об отсутствии какого-либо централизованного регулирования английского языка. Действительно, подавляющее большинство законодательных актов о языке принималось на региональном или местном уровне. Например, политика правительства Уэльса и правительства Шотландии, направленная на сохранение валлийского и газэльского языков соответственно.

Таким образом, согласно типологии, предложенной И.В. Попеску [2], языковая политика в Великобритании является нецентрализованной.

Цель статьи – показать, что историческое развитие Соединённого королевства и национальные особенности народов Великобритании были основополагающими факторами, сформировавшими языковую политику государства в том виде, в котором она существует сейчас.

История борьбы языков в Великобритании насчитывает несколько столетий. Использование валлийско-

го в Уэльсе и вариаций газэльского в Шотландии и Ирландии каралось по всей строгости закона. Вплоть до XX в. учителя применяли телесные наказания к тем ученикам, которые говорили на одном из упомянутых языков вместо английского. Распад Британской империи усилил сепаратистские настроения в национальных областях Великобритании, таких как Уэльс, Шотландия и Ирландия. Послабления языковой политики стали ответом на общественные волнения и смягчили настрой сепаратистов.

Употребление валлийского языка было ограничено ещё в XVI в. в The Acts of Union 1536. Согласно данному закону в судах можно было использовать только английский язык, при том что уэльсцы знали только валлийский язык [3]. Закон открыл двери незаконию и несправедливости в британских судах. Первое послабление Акта 1536 г. появилось лишь в 1942 г. в Welsh Courts Act. Теперь в суде можно было выступать на валлийском языке, если истец или ответчик докажут полную невозможность употребления английского языка и найдут судью, понимающего валлийский [4]. На тот момент оба эти условия были практически невыполнимы, закон, по сути, не имел силы.

Революционным стал Welsh Language Act от 1967 г., он разрешил свободно использовать этот язык в общении, суде, официальной документации [5]. Кроме этого, в отношении Уэльса был отменён Wales and Berwick Act of 1746, согласно которому под термином «Англия» понималась вся территория Англии, Уэльса и города Бервика-на-Твиде [Там же. С. 3]. Указанный акт разрешал официальным органам вести всю документацию и общаться с просителями только на английском. Таким образом, в 1967 г. Уэльс получил автономию. Принятию закона предшествовал отчёт Комитета Хью Пэрри (Hughes Parry Committee), в котором говорилось о бездействии закона от 1942 г., о несправедливости уэльских судов и необходимости уточнить правила употребления валлийского в суде [6]. Акт 1967 г. удовлетворял не всем рекомендациям отчёта, однако пер-

вый шаг в признании валлийского, несомненно, был сделан. Как утверждает Фил Каррадис в своём блоге [7], без Закона о валлийском языке 1967 г. не случилось бы последующих событий, позволивших начать восстановление языка. Министерство по делам Уэльса активизировало политику в области развития валлийского [8. Р. 12–13]. Согласно Operational selection policy OSP7, законодательство 1967 г. позволяло использовать валлийский, но не делало это обязательным [Ibid.]. В The 1993 Welsh Language Act статус валлийского и английского был уравниён [9]. Был учреждён телеканал S4C, программы которого велись исключительно на валлийском. Именно этот канал стал одним из самых эффективных инструментов языкового планирования. Различные общественные организации с опорой на новое местное языковое законодательство начали активное продвижение валлийского в герцогстве. Данные последней переписи населения в Великобритании 2011 г. показали первые положительные результаты мер правительства и организаций в Уэльсе.

Ограничения также преследовали ирландский (ирландский гаэльский) язык на протяжении нескольких веков. Впервые в XIX в. протестанты начали предпринимать шаги по возрождению языка, ещё недавно бывшего самым используемым в Ирландии. В большинстве своём именно церковь боролась за восстановление ирландского в XIX–XX вв., борьба продолжалась вплоть до отделения ныне независимой Ирландской Республики. Начиная с 1922 г. развитие языка в республике и Северной Ирландии пошло разными путями. Как и в случае с валлийским, 1990-е гг. стали поворотным моментом в истории ирландского. В 1998 г. в рамках Белфастского соглашения (Соглашение Страстной пятницы) ирландский был официально признан как язык Северной Ирландии [10]. В 1998 г. британское правительство ратифицировало Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств [11]. Благодаря этому ирландский получил статус, сравнимый с валлийским, и определённую степень защиты. Данные документы создали рамки для регулирования восстановления языка.

Притеснение носителей шотландского гаэльского началось в XVIII в. и продолжалось на протяжении ещё нескольких столетий. В конце XIX в. была создана Лига высокогорных земель (Highland Land League), благодаря которой началось движение за возрождение гаэльского [12]. В Шотландии был принят закон о статусе шотландского гаэльского только в 2005 г. Анализ информации с официального сайта шотландского правительства [13] показал, что реальных шагов по восстановлению языка ещё не было принято, но уже существует определённый план (Language Gaelic Plan), принятый в 2010 г. В основные задачи плана входит повышение статуса гаэльского, поощрение использования и обучения этому языку. Данная дорожная карта фокусируется на употреблении гаэльского в официальной документации и школах [14].

Анализ фактического материала притеснения и «возрождения» региональных языков Великобритании

показывает, как сильно сказалась демократизация британского общества на языковой политике и какой важной была роль общественных организаций и национальных факторов в деле восстановления языков.

В работе «Проблема национальной идентичности в идеологии Британской национальной партии» Д.Н. Фёдорова поднимается актуальный для Соединённого Королевства вопрос идентичности. В век повсеместной глобализации и растворения государств в надгосударственных организациях перед консервативной Великобританией встала проблема сохранения нации. В XXI в. эта страна пришла с осознанием того, что национальная идентичность определяется не термином Englishness («английскость», присущий именно одному народу – англичанам), а общим понятием Britishness («британскость», «британство») [15. С. 162]. Вмешательство во внутренние дела Соединённого Королевства со стороны таких глобальных организаций, как ЕС, НАТО, ООН и др., заставляют разрозненные до сих пор нации объединяться для сохранения своей идентичности. Именно поэтому появился термин Britishness, объединяющий в себе народы Англии, Уэльса и Шотландии.

В качестве яркого примера кризиса идентичности Д.Н. Фёдорова приводит выдержку из лекции британского историка Линды Коллей «Британскость в XXI в.», в ходе которой она выделила девять причин ослабления чувства национальной идентичности [15]. Среди них делегирование части суверенитета ЕС, иммиграция в Великобританию из стран Содружества и мусульманских стран. На фоне этого особенно ярко в 1990–2000-х гг. начала проявлять себя Британская национальная партия, выступавшая за сохранение черт «идеального британца». Большое значение отводилось английскому языку. Однако появление общебританской идентичности дало толчок для развития таких языков, как валлийский и гаэльский. Следует отметить, что первые реальные меры по сохранению и продвижению этих языков были предприняты как раз в начале 1990-х гг. в связи с усилением роли ЕС внутри Соединённого Королевства.

Движение за восстановление языков началось на уровне негосударственных общественных организаций. В Уэльсе, например, это Welsh Language Society (Общество поддержки валлийского языка), действующее на протяжении последних 50 лет. С Welsh Language Act 1993 началась активная работа общества. Кроме Welsh Language Society начал работу Welsh Language Board (Совет по валлийскому языку). Он взял на себя сразу несколько функций: регулирование, согласование и контроль. Тогда же валлийское правительство начало осуществлять местную языковую политику. A National Action Plan for a Bilingual Wales был опубликован в 2003 г. Названный документ создал рамки для работы над языком. Так, в 2006 г. Совет по валлийскому языку одобрил новые билингвистические стандарты работы правительства Уэльса (Welsh language scheme). В 2011 г. The Welsh Language Measure подтвердил статус валлий-

ского как официального языка Уэльса. Данный документ создал возможности для дальнейших законодательных инициатив, которые уже разрабатываются в рамках плана развития валлийского языка на 2012–2017 гг. [16].

В Шотландии также существует развитая сеть организаций [17], поддерживающих восстановление гаэльского языка. Среди них есть такие общества, как Acair (издательство), An Comunn Gàidhealach (обучение гаэльскому), An Lòchran (развитие гаэльского искусства в Глазго), Clì Gàidhlig (поддержка преподавателей гаэльского) и др. Все они объединены Советом гаэльского языка (Bòrd na Gàidhlig). В 2012 г. Совет профинансировал 64 проекта по повышению использования и изучения гаэльского. Однако в специальной литературе отсутствует информация о том, какие и сколько проектов действительно принесли результат. Региональные власти взялись за восстановление языка гораздо позже. Закон о шотландском гаэльском (Gaelic Language Act 2005) был принят 1 июня 2005 г. В этом документе был закреплён статус гаэльского как официального языка Шотландии наравне с английским. Первый план по развитию гаэльского (Gaelic Language Plan) был принят через 5 лет. В данном документе выделяются три основных направления работы: усиление статуса языка, поощрение изучения и использования гаэльского [Там же]. Работа над восстановлением гаэльского началась лишь несколько лет назад, а последняя перепись населения проводилась в 2011 г., поэтому ещё трудно говорить об эффективности или неэффективности мер, предпринятых шотландским правительством. Важно, что власти Шотландии уже взялись за этот вопрос. Ведь сохранение шотландского культурного наследия – одна из ступеней на пути к установлению общebritанской национальной идентичности.

Несмотря на общие корни шотландского гаэльского и ирландского гаэльского, эти языки развивались по-разному. Ирландия всегда славилась своими сепаратистскими и несколько националистичными настроениями, и движение за возрождение ирландского как неотъемлемой части культуры началось ещё в середине XX в. Соглашение Страстной пятницы, казалось бы, открыло путь развитию языка и культуры. Однако успехи в продвижении языка наименее заметны именно в этой области Соединённого Королевства. Это связано с уменьшением роли национальных движений в Ирландии после событий 1990-х гг. Кроме того, в Северной Ирландии меры по возрождению ирландского более слабые и менее эффективные, чем в Ирландской Республике. Опыт Северной Ирландии показывает, что продвижение регионального языка только на уровне изучения в школе не приводит к значимым результатам и преподаваемая искусственная копия языка затем мало используется в разговорной речи.

Важную часть языковой политики Великобритании составляет регулирование употребления языков мигрантов, с ней напрямую связана политика мультикультурализма и поисков национальной идентичности.

До сих пор эксперты не могут сойтись во мнении по поводу единого определения мультикультурализма [18]. Авторы монографии «Американский мультикультурализм» С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова и В.В. Платошина подчёркивают, что стоит различать понятия «мультикультурализм» и «культурная многосоставность» – состояние общества, объединяющего различные культуры и этносы, в то время как мультикультурализм – это «свод теорий и практик для осмысления этого явления» [19. Ч. 1.1].

Таким образом, авторы монографии, основываясь на словарной статье Колумбийской Энциклопедии, предлагают следующее определение: «Мультикультурализм, или культурный плюрализм, – термин, описывающий теорию множества культур на одной территории, исключающий доминирование какой-либо культуры в регионе. Созданием обширнейшего диапазона человеческих различий, приемлемых большим количеством людей, мультикультурализм пытается преодолеть расизм, сексизм и другие формы дискриминации» [Там же]. В рамках данной теории вырабатываются основные принципы политики мультикультурализма. Камнем преткновения является степень ужесточения политики. Мультикультурализм может варьироваться от мягкого варианта поддержки толерантности и защиты от дискриминации национальных меньшинств до отдельной, сегрегированной жизни национальной общины внутри общества без каких-либо связей с ним.

В Великобритании впервые заговорили о политике мультикультурализма в 1960-х гг. Тогда эта политика была направлена на сохранение важнейших традиций и обычаев национальных меньшинств, а также на предотвращение дискриминации. В 1980-х гг. она трансформировалась в «жесткий» мультикультурализм, поддерживающий чёткую идентификацию различных народов. По мнению Лорда Сэкса, главного раввина Объединённой Еврейской Конгрегации Содружества, в обоих вариантах содержался один посыл: «национальным меньшинствам нет нужды интегрироваться в общество» [18]. Считается, что эта политика сошла на «нет» после речи премьер-министра Соединённого Королевства Кэмерона на Мюнхенской конференции по безопасности в 2011 г. [20]. В этом выступлении Дэвид Кэмерон утверждал, что политика «государственного мультикультурализма» окончательно провалилась: «...мы не смогли создать образ общества, которому хочется принадлежать. Мы даже допускали этим сегрегированным сообществам действия, противоречащие нашим ценностям».

В статье «Has multiculturalism in Britain retreated?» Варуна Убероя и Тарика Модуда [21] подчёркивается, что, несмотря на заявления официальных лиц и сокращение бюджета, само явление мультикультурализма не исчезло. Напротив, законы против дискриминации национальных меньшинств и духовные школы для отдельных народов процветают и увеличиваются с 2001 г. [Ibid.]. На протяжении всех этих лет ведутся споры:

мешает ли мультикультурализм оформлению британской идентичности? В качестве компромисса многие политики предлагают делать «британство» (britishness) более «инклюзивным» [21].

Как мы видим, понятие национальной идентичности уже расширилось от английской до общебританской. Джон Джозеф в работе «Язык и национальная идентичность» указывает на прямую связь между этими двумя явлениями. Изменения в национальной идентичности влияют и на язык. Инклюзивная идентичность британцев позволяет иммигрантам употреблять родной язык чаще английского. Толерантность совместно с мультикультурализмом создали условия, благодаря которым многие иммигранты сохраняют превосходное знание родного языка и передают его из поколения в поколение. Как следствие, сам английский подвергается влиянию со стороны тех же языков урду, пенджаби и бенгали. Проблемы в поиске собственной идентичности заставили британцев оставить вопрос интеграции мигрантов. Подобная ситуация объясняет столь распространённое употребление польского языка и языков Индии, а также их нарастающее влияние на английский язык.

Современная языковая политика в Великобритании является следствием целого комплекса взаимозависимых причин. Пик жёстких пуристических мер в сфере английского пришёлся на расцвет Британской Империи, когда титульной нацией считались англичане. Це-

лю подобных мер было приведение всех народов к единой идентичности – «английскости». В XX в. в процессе распада империи стали проявляться сепаратистские настроения кельтских народов Великобритании, при этом начало развиваться антидискриминационное право. На эти годы приходится первые послабления для региональных языков. Со вступлением Соединённого Королевства в различные надгосударственные объединения перед нацией снова возник вопрос идентичности, которая постепенно размывалась глобализацией и распространением английского языка по всему миру. Общество становилось толерантным по отношению к региональным народам и их языкам, но также становилось более уязвимым перед влиянием иммигрантов. Так возникла идея общебританской национальной идентичности – «британства», которая объединила англичан, валлийцев, шотландцев и северных ирландцев, смягчила сепаратистские настроения региональных народов. Кроме этого, она позволила возродить региональные языки Великобритании, такие как валлийский и разновидности гаэльского. Подобные изменения отвечают и настроениям в обществе. Активизируются различные объединения по восстановлению и сохранению языков. Важно отметить, что языковая политика в Великобритании является составной частью национальной политики и на данный момент осуществляется региональными правительствами и общественными организациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтин Н.Б., Головкин Е. Социолингвистика и социология языка. СПб. : Гуманитарная академия, 2004. 388 с.
2. Попеску И.В. Теоретические основы языковой политики // Русская община. 2003. URL: <http://russian.kiev.ua/archives/2003/0310/031029ep01.shtml> (дата обращения: 20.08.2014).
3. Act of Union with Wales // Schools History. URL: <http://www.schoolshistory.org.uk/walesunion.htm#VzGtZv197Dc> (access date: 27.08.2016).
4. Welsh Courts Act 1942. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/5-6/40/enacted> (access date: 27.08.2016).
5. Welsh Language Act 1967. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/66/enacted> (access date: 27.08.2016).
6. Parry, Sir David Hughes // Dictionary of Welsh Biography. 2009. URL: <http://yba.llgc.org.uk/en/s8-PARR-HUG-1893.html> (access date: 27.08.2016).
7. Carradice Ph. The Welsh language Act of 1967 // British Broadcasting Corporation. 2014. URL: http://www.bbc.co.uk/blogs/wales/posts/welsh_language_act_1967 (access date: 20.12.2015).
8. Operational Selection Policy OSP7. The Welsh Office 1979–1997 // The National Archives. 2005. P. 5.10.2–12–13.
9. Welsh Language Act 1993. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents> (access date: 27.10.2016).
10. Good Friday Agreement // Encyclopaedia Britannica. 2014. URL: <http://global.britannica.com/topic/Good-Friday-Agreement> (access date: 27.01.2017).
11. European Charter for Regional and Minority Languages // Council of Europe. 2014. URL: <http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/148> (access date: 27.01.2017).
12. Post Clearances – The Crofters Act // The Highland Clearances. URL: http://www.highlandclearances.co.uk/clearances/postclearances_croftersact.htm (access date: 27.08.2015).
13. Gaelic Language Plan // The Scottish Government. 2014. URL: <http://www.scotland.gov.uk/Topics/ArtsCultureSport/arts/GaelicLanguage/languageplan> (access date: 20.08.2014).
14. Summary of Gaelic Language Plan // The Scottish Government. 2014. URL: <http://www.scotland.gov.uk/Publications/2010/07/06161418/2> (access date: 20.08.2014).
15. Фёдорова Д.Н. Проблема национальной идентичности в идеологии Британской национальной партии // Imagines mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2004–2014. URL: <http://hdl.handle.net/10995/4705> (дата обращения: 01.09.2016).
16. The Welsh Language (Wales) Measure 2011. URL: <http://www.legislation.gov.uk/mwa/2011/1/contents/enacted> (access date: 5.09.2016).
17. Main gaelic groups: Bòrd na Gàidhlig. [б.м., б.д.]. URL: <http://www.gaidhlig.org.uk/fdp/en/community/main-gaelic-groups/> (access date: 5.09.2014).
18. Multiculturalism: What does it mean? // British Broadcasting Corporation. 2014. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-12381027> (access date: 09.01.2017).
19. Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Платошина В.В. Формирование понятия «мультикультурализм» // Американский мультикультурализм. 2010. URL: <http://www.monographies.ru/127-4133> (дата обращения: 09.01.2017).
20. PM's speech at Munich Security Conference // the National Archives. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130109092234/http://number10.gov.uk/news/pms-speech-at-munich-security-conference/> (access date: 09.09.2014).
21. Uberoi V. Has multiculturalism in Britain retreated? // Uberoi V., Modood T. Soundings: A Journal of Politics and Culture. 2002–2014. URL: https://www.lwbooks.co.uk/sites/default/files/s53_12uberoi_modood.pdf (access date: 29.11.2016).

Andreeva Tatyana L. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: andreeva.tl2012@mail.ru; Talovskaya Bella M. Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: bella.talovskaya@gmail.com

THE IMPACT OF THE LANGUAGE POLICY OF THE UNITED KINGDOM OF GREAT BRITAIN AND NORTHERN IRELAND ON THE DEVELOPMENT OF ENGLISH, WELSH AND GAELIC.

Keywords: language policy; language planning; inclusive language; language identity; United Kingdom; English language; regional language.

The article centers around the historical development of the language policy in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. This context formed another aspect of the British language policy, which is called in the article “national”. An introduction gives a reader some understanding of terms. In addition, questions, which are significant for the research, are raised in this section. The first part of the article unfolds key dates and facts for limitation and then development of regional languages in Great Britain. It is highlighted, that the official usage of Welsh and Gaelic languages was restricted and punished in the Middle Ages. Furthermore, initial acts permitting these languages were adopted only in the second half of the 20th century. The authors also stress the role of these documents in the development of both languages. In general, the analysis of discrimination and restoration of these regional languages shows that the democratization of the British society, non-governmental organizations and national factors had a strong influence on the language policy. While talking about the national context of the British language policy, we should take into account two significant factors. They are the crisis of identities in the United Kingdom and multicultural policy concerning national minorities. In the era of globalization and supranational organizations the United Kingdom faced the problem of preserving its national identity. The term “Britishness” as an indicator of the British national identity appeared. On the one hand this consolidation of the nation on the national factor facilitated the process of the restoration of regional languages. On the other hand, multiculturalism, as a policy of co-existence of various cultural groups on one territory led to migrants using their mother tongues and the huge influence of the latter on the English language. Thus, we can see in the conclusion, that the British language policy should be considered in two aspects: measures concerning the regional languages and procedures in regard with mother tongues of migrants. Eventually, the number of public activities devoted to the language policy allows us to conclude, that the British society influences this issue more than the government.

REFERENCES

1. Vakhtin, N.B. & Golovko, E. (2004) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya.
2. Popescu, I.V. (n.d.) (2003) *Teoreticheskie osnovy yazykovoy politiki* [Theoretical foundations of language policy]. [Online] Available from: <http://russian.kiev.ua/archives/2003/0310/031029ep01.shtml>. (Accessed: 20th August 2014).
3. *Act of Union with Wales*. [s.l.; s.n.]. [Online] Available from: <http://www.schoolshistory.org.uk/walesunion.htm#VzGtZvI97Dc>. (Accessed: 27th August 2016).
4. United Kingdom. (n.d.) *Welsh Courts Act 1942*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/5-6/40/enacted> (Accessed: 27th August 2016).
5. United Kingdom. (1967) *Welsh Language Act 1967*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/66/enacted>. (Accessed: 27th August 2016).
6. Parry, Sir David Hughes. (2009) *Dictionary of Welsh Biography*. [Online] Available from: <http://yba.llgc.org.uk/en/s8-PARR-HUG-1893.html>. (Accessed: 27th August 2016).
7. Carradice, Ph. (2014) *The Welsh language Act of 1967*. [Online] Available from: http://www.bbc.co.uk/blogs/wales/posts/welsh_language_act_1967. (Accessed: 20th December 2015).
8. United Kingdom. (2005) Operational Selection Policy OSP7. The Welsh Office 1979–1997. *The National Archives*. pp. 5.10.2–12–13.
9. United Kingdom. (1993) *Welsh Language Act 1993*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents>. (Accessed: 27th October 2016).
10. *Encyclopaedia Britannica*. (n.d.) [Online] Available from: <http://global.britannica.com/topic/Good-Friday-Agreement>. (Accessed: 27th January 2017).
11. Council of Europe. (2014) *European Charter for Regional and Minority Languages*. [Online] Available from: <http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/148>. (Accessed: 27th January 2017).
12. United Kingdom. (n.d.) *Post Clearances – The Crofters Act*. [Online] Available from: http://www.highlandclearances.co.uk/clearances/postclearances_croftersact.htm. (Accessed: 27th August 2015).
13. United Kingdom. (2014a) *Gaelic Language Plan*. [Online] Available from: <http://www.scotland.gov.uk/Topics/ArtsCultureSport/arts/GaelicLanguage/languageplan>. (Accessed: 20th August 2014).
14. United Kingdom. (2014b) *Summary of Gaelic Language Plan*. [Online] Available from: <http://www.scotland.gov.uk/Publications/2010/07/06161418/2>. (Accessed: 20th August 2014).
15. Fedorova, D.N. (2008) Problema natsional'noy identichnosti v ideologii Britanskoy natsional'noy partii [The problem of national identity in the ideology of the British National Party]. *Imagines mundi: al'manakh issledovaniy vseobshchey istorii XVI–XX vv.* 6. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/10995/4705>. (Accessed: 1st September 2016).
16. United Kingdom. (2011) *The Welsh Language (Wales) Measure 2011*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/mwa/2011/1/contents/enacted>. (Accessed: 5th September 2016).
17. United Kingdom. (n.d.) *Main gaelic groups*. [Online] Available from: <http://www.gaidhlig.org.uk/fdp/en/community/main-gaelic-groups/>. (Accessed: 5th September 2014).
18. British Broadcasting Corporation. (2014) *Multiculturalism: What does it mean?* [Online] Available from: <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-12381027>. (Accessed: 9th January 2017).
19. Nekrasov, S.I. (2010) *Formirovanie ponyatiya “multikulturalizm”* [Formation of the concept of “multiculturalism”]. [Online] Available from: <http://www.monographies.ru/127-4133>. (Accessed: 9th January 2017).
20. United Kingdom. (2013) *PM's speech at Munich Security Conference*. [Online] Available from: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130109092234/http://number10.gov.uk/news/pms-speech-at-munich-security-conference/>. (Accessed: 9th September 2014).
21. Uberoi, V. & Modood, T. (n.d.) *Has multiculturalism in Britain retreated?* [Online] Available from: https://www.lwbooks.co.uk/sites/default/files/s53_12uberui_modood.pdf. (Accessed: 29th November 2016).

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 347.787

DOI: 10.17223/19988613/50/19

Л.А. Аболина, Р.Ю. Федоров

ДВОРОВЫЙ КОМПЛЕКС СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ: СТРОИТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-21-01002).

Статья посвящена архитектуре дворового комплекса семейских – русских старообрядцев, переселенных в середине XVIII в. на территорию Забайкалья из Речи Посполитой, в которую они мигрировали из центральных районов России после церковного раскола XVII в. На основе обобщения и анализа полевых материалов, а также сделанных ранее этнографических описаний в статье рассмотрены конструктивные, функциональные и планировочные особенности жилых и хозяйственных построек в традиционной усадьбе семейских. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в Забайкалье семейские сформировали свой оригинальный архитектурно-хозяйственный комплекс, который со временем претерпел ряд модернизаций, связанных как с общими тенденциями развития русской народной архитектуры, так и с некоторыми локальными заимствованиями. Сегодня он является ярким примером синтеза строительной культуры разных этнолокальных групп восточных славян в Сибири.

Ключевые слова: семейские; старообрядцы; Забайкалье; строительная культура; этнокультурные взаимодействия.

Семейскими принято называть этнографическую группу русских старообрядцев, большинство представителей которой проживают сегодня на территории Забайкалья. Во второй половине XVII в., после церковной реформы патриарха Никона, группы староверов из ряда регионов Европейской России начали переселяться на территорию Речи Посполитой, сформировав места компактного проживания, центрами которых стали Ветка, Стародубье и некоторые другие районы Полесья [1. С. 3]. После вхождения в XVIII в. этих территорий в состав Российской Империи проживавших на них русских старообрядцев стали партиями переселять в Сибирь. Их представители, основавшие поселения во второй половине XVIII в. в Забайкалье, получили новый этноним – «семейские», который был дан им русским старожильческим населением ввиду того, что переселенцы пребывали на его территорию семьями [Там же. С. 56].

Первый этап систематических историко-этнографических исследований семейских приходится на конец XIX – первую треть XX в. В нем преобладали, как правило, не разделенные на какую-либо узкую предметную специализацию этнографические описания различных аспектов духовной культуры, хозяйственной деятельности и бытовых традиций семейских [2–6] и др. В 1960–1970-е гг. начался новый этап научного осмысления их самобытных традиций. Появился целый ряд специализированных исследований отдельных компонентов традиционной культуры семейских, опирающихся на обширные полевые и архивные материалы, которые подвергались обобщению и систематиза-

ции с помощью сравнительно-исторического, типологического, структурно-функционального и ряда других методологических подходов, развивавшихся в отечественной этнографии тех лет. Пионерными работами в области изучения календарной обрядности семейских стали монографии Ф.Ф. Болонева [7, 8] и др. Ряд фундаментальных монографических исследований посвящен фольклору, диалектологии, этнолингвистике и другим аспектам традиционной культуры семейских [9–14]. На этом фоне народная архитектура семейских до сих пор остается исследованной фрагментарно, без глубокого анализа ее формирования. Современные работы, посвященные этой тематике, единичны.

Впервые подробные описания жилых построек семейских встречаются в работе А.М. Поповой [6]. Публикации известного исследователя народной архитектуры восточных славян И.В. Маковецкого были посвящены типологии, планировке, а также некоторым конструктивным особенностям построек семейских [15, 16]. Появились работы, посвященные декоративно-прикладным элементам народного жилища семейских [17, 18 и др.]. Н.Н. Родионова исследовала особенности процесса возведения избы и строительные термины семейских, проживающих на территории Красночикойского района Забайкальского края [19]. Л.А. Аболиной и Р.Ю. Федоровым исследовались строительные приемы, заимствованные семейскими в период их проживания на территории современной Беларуси [20]. Исследования архитектуры и этимология строительных терминов не рассматривались предыдущими авторами в совокупности, что препятствовало пониманию эволю-

ции развития многих функциональных и конструктивных особенностей построек семейских.

Задачей настоящего исследования является обобщение результатов этнографических экспедиций, проведенных авторами в 2014–2016 гг. в местах компактного проживания семейских на территории Тарбагатайского и Мухоршибирского районов Республики Бурятия, а также Красночикойского района Забайкальского края. Для лучшего понимания формирования дворового комплекса семейских были привлечены диалектные названия, связанные с пространством дома и усадьбы, собранные в ходе экспедиций и дополненные материалами из «Словаря говоров семейских Забайкалья» под редакцией Т.Б. Юмсуновой [21]. Подобный подход дал возможность более глубоко реконструировать функциональные значения отдельных построек и их строительных деталей, а также выделить заимствования, отраженные в связанной с ними народной терминологии. В статье не рассматриваются декоративные элементы, не имеющие отношения к планировке двора и конструкциям построек, включая интерьерные росписи, так как это тема отдельного исследования, не входившая в задачи авторов.

В ходе исследования народная архитектура и связанные с ней бытовые традиции семейских были сопоставлены с прототипами, характерными для их этнического окружения. На территории Речи Посполитой в его роли выступали преимущественно белорусы. В Забайкалье основу этнического окружения семейских составили буряты, карымы (метисы русских старожилов и бурятов) и «сибиряки». Слово «сибиряки», часто упоминаемое в рассказах информаторов – семейских, можно трактовать как экзотоним. Им старообрядцы называли русских православных старожилов, чьи предки обосновались в Забайкалье в XVII–XVIII вв. [14. С. 6]. Строительные традиции семейских и «сибиряков» на момент переселения имели ряд существенных различий, впоследствии сократившихся благодаря хозяйственным контактам и общему ходу развития строительных технологий.

Планировка усадьбы. Территория традиционной усадьбы семейских состояла из нескольких функциональных зон. К ним можно отнести передний двор (в настоящее время называемый оградой), задний, скотный двор, а также огород, телятник или гумно. На переднем дворе находились дом (состоящий из избы и горницы), зимовье, амбары, завозня или навес, погреб, иногда баня. На заднем дворе располагались сарай, хлев, стойки и омшаники. В разных населенных пунктах сочетания этих построек могли варьироваться.

Высокий естественный прирост населения у семейских [3. С. 24] повлиял на планировочную структуру их сел, в большинстве которых улицы с плотной застройкой тянулись на несколько километров. Данная ситуация способствовала развитию однорядной (погонной) планировки усадьбы. По свидетельствам старожилов с. Большой Куналей Тарбагатайского района Республики Бурятия, участки были узкие и длинные, построй-

ки располагали только вдоль своей межи, обычно западной. Уличный фасад состоял из дома, стоящего широкой стороной, и ворот. За домом, в глубину участка, строили навес, за ним амбар с погребом, напротив него – зимовье. Дальше начинался задний двор с сараями для коров, коней и для сена, потом огород с колодцем и поскотина. На противоположной, соседской, меже строить было нельзя (Петров Яков Иванович, 1935 г.р., с. Большой Куналей).

Другой вариант застройки двора был распространен в с. Архангельское Красночикойского района Забайкальского края, где кроме небольших улиц сохранились фрагменты гнездовой планировки, связанные с особенностями местного рельефа. Изба-пятистенка стояла вдоль улицы длинной глухой стороной без окон, на которой был только «душник» – маленькое отверстие в стене на уровне глаз. Окна в сторону улицы стали делать в только 1970-х гг. (Валентина Матвеевна Шишмарёва, 1934 г.р., с. Малоархангельское Красночикойского района). Не исключено, что такая особенность могла сложиться в связи с длительными религиозными преследованиями староверов, обусловившими замкнутость их жизненного уклада. Входили во двор через широкую одностворчатую калитку, служившую также для проезда телег и прохода скота. Чистый и скотный дворы разделялись изгородью с широкими воротами и были отгорожены от посадок плетнем из ивняка. Расположение построек напоминает свободную застройку, не характерную для «сибиряков». Подобная планировочная структура присутствует в селах Малоархангельское и Хонхой Красночикойского района, а также в селах Мухоршибирь и Заган Мухоршибирского района Республики Бурятия. В то же время во многих поселениях встречается и веночная планировка, преобладающая у «сибиряков».

Жилые постройки. Наиболее распространенным жилищем у семейских в XX в. была «связка», состоящая из «житейной», или «передней», избы, расположенной со стороны улицы и горницы со стороны двора. Они соединялись сенями с отгороженной «казённой». Были и избы-пятистенки: «изба-горница» или «изба-сени». Более поздним вариантом является дом (пятистенок или шестистенок), стоящий длинной стороной вдоль улицы и состоящий из большого сруба, разделенного внутри на комнаты, и сеней. К жилым постройкам у семейских также относится и маленькая, дополнительная изба во дворе, которую называют словами «зимовье», «избушка», или «тепляк».

Лес для строительства избы выбирал сам хозяин на солнечной стороне склона, зрелый, не моложе 80 лет. Толстые, прямые бревна называли «дубовина», несмотря на то что дуб в Сибири не растет. Лес с северной стороны склонов («мендач») для строительства дома не использовали, так как он был более сырым, с рыхлой древесиной, подверженной гниению.

Если в семье было несколько сыновей, отец старался построить дома всем сыновьям поочередно, начиная

со старшего. Младший сын оставался жить в родительском доме, досматривая за престарелыми родителями. Старую родительскую избу и место, где она стояла, называли «пепелище». Делая «оклад» дома (до уровня пола), клали три ряда листовичных бревен. Для укладки и перемещения бревен использовали «стяг» – жердь, толстую, крепкую палку, примерно двухметровую [21. С. 458].

В селах Архангельское и Тарбагатай под оклад и углы домов клали камни, что являлось широко распространенным приемом на территории Белоруссии. Сруб избы (выше пола) – «стопу» – рубили из сосновых бревен. В разных районах количество венцов в срубе варьирует. Поземные, невысокие постройки характерны только для Красночиойского района Забайкальского края. В большинстве сел семейских, расположенных на территории Республики Бурятия (Тарбагатай, Большой Куналей, Десятниково и др.), в конце XIX – начале XX в. строили высокие пятистенки и шестистенки из 20 венцов. Пол клали на шестой венец. Дома имели 5–6 окон на лицевой стороне, расположенных так высоко от земли, что закрыть их ставнями можно было только при помощи верёвочки, изнутри дома.

До 1970-х гг. семейские применяли рубку «в чашу» с остатком, позднее – «в чистый угол» («в лапу») с использованием в стенах «шкантов» (деревянных колышков). Выемки на концах бревен, для укладки следующего бревна, назывались «потёмки», или «гнёзда», а глухая выемка для врубки балки-матицы посередине бревна – «потай» [Там же. С. 371].

В избах, построенных до начала XX в., пол укладывался на одну центральную балку и в пазы поперечных бревен. В 1970-х гг. для основания пола больших домов делали четыре балки: две посередине и две по краям. Конструкция потолка претерпела сходные изменения. При высоком подрубе со стороны подполья насыпалась завалина, прикрывающая примерно 1,5 венца, над ней были две «продушины» для вентиляции. Окна размером 80×130 см делали после третьего венца от уровня пола, примерно на высоте 70 см. Северная сторона дома обычно оставалась глухой. Жители с. Десятниково Тарбагатайского района к наветренной стороне дома пристраивали кладовку, защищавшую стену от дождя. Сходный прием распространен у русских старожилов, проживающих в прибрежных районах озера Байкал, где к дому вместо кладовки примыкает хлев.

У изб, построенных до 1870-х гг., потолок состоял из целых бревен, опирающихся на круглую матицу, позднее его стали делать из «черезовых» плах – расколотых пополам бревен, лежащих через всю длину сруба. Выше потолка рубились два «череповых» венца «в охряпку». В с. Архангельское выступающие вперед бревна-кронштейны называли «нижние кучера» и «верхние кучера» [19. С. 40]. Характерной особенностью строительной культуры семейских является нанесение на них даты строительства. В конце XIX в. в

с. Малоархангельское преобладали дома-пятистенки, стоящие вдоль улицы с датами на «кучерах» с обеих сторон. Иногда на «кучерах» вырезались инициалы и даже фамилия хозяина.

Конструкция крыши традиционно была самцовой, стропильные начала строить с 1970-х гг. Крыши крыли «дором» по длинным бревнам (слегам), называвшимся в с. Заиграево и Нижняя Брянь Заиграевского района Республики Бурятия «должики» [21. С. 125]. «Дором» назывались доски, полученные при расщеплении основного бревна с помощью специального крюка или клиньев (у сибиряков назывались «драньё»). По свидетельству Анисима Евтеевича Ковалева (1939 г.р., с. Большой Куналей), одна дранина была 4–5 м, на всю длину склона крыши. При толщине 3–4 см из одного бревна получалось 3–4 доски. Нижними концами дор упирался в «жёлоб» – бревно с пазом, поддерживаемое «курицами», называвшимися у семейских «крючья». Сверху крыши торцы кровли придавливали «князьком» (охлупнем). Доровая крыша не загнивала гораздо дольше, чем крытая пиленой доской. «Дором» также назывался слой коры, отщепленный вместе с верхними слоями ствола дерева, который тоже использовался для покрытия крыши. В с. Шаралдай Мухоршибирского района Республики Бурятия крыши крыли «гонтом». Его делали иначе: из бревна, расколотого на четыре части, при помощи крюка каждую часть расщепляли на доски меньшей, чем дор, длины. Подобный способ и термин были широко распространены на территории белорусско-польского пограничья.

Центром внутренней планировки избы является печь, вокруг которой традиционно выстраивалось пространство жилища. Глинобитная часть печи – «чувал» – располагался на срубе, заполненном землей и утрамбованном сверху глиной, устьем в противоположную от двери сторону. Термин «чувал» был распространен в Забайкалье до переселения туда семейских. Перед выходом из топки печи, называемым в разных селах семейских «горло», «цело» или «хайло», расположены выемки – «засторонки» [Там же. С. 167]. «Печуркой», «очагом», или «кочегаркой», называли углубление в углу печи, предназначенное для освещения избы смолянками. Вдоль боковой стенки русской печи шла доска – «задорга», о которую опирались, забираясь на печь или слезая с нее.

Пространство под печью называлось словом «подпечка», там стояла черепушка с известкой для подбеливания. Между стеной и печью было «запечье», где хранили старую посуду и другие кухонные принадлежности. Во всех селах семейских под потолком между стеной и боком русской печи делали полку из 2–3 досок. На ней хранили лук, чеснок и кухонную утварь. В селах Бичура, Десятниково, Тарбагатай полку называли словом «голбец». В с. Большой Куналей такая же полка называется «Голубцы». (Лукерья Потаповна Назарова, 1926 г.р., с. Большой Куналей). Подобную полку в Красночиойском районе называют термином «пятра»,

который имеет распространение как на территории Белоруссии, так и в некоторых регионах Европейской России. В Бичуре голбцом «по-старинному» называли подполье, где хранили съестные припасы. В старых домах сел Десятниково и Тарбагатай раньше делались голбцы с выходом в подполье [21. С. 371]. Эту особенность отмечал И.В. Маковецкий, проводивший обследование этих мест в середине XX в. и заставший еще подобную конструкцию голбца, описанную им как короб с лазом в подполье [16. С. 36]. Из этого следует, что у части семейских преобладали северно-русские традиции в сооружении «голубца». При этом конструкция и название могли быть как заимствованы, так и сохраниться в качестве архаизма. Северно-русская традиция в сооружении голбцов воспроизводилась до начала XX в., а термин «голубец», применяемый к видоизмененной конструкции, сохранился по сей день. В остальных населенных пунктах, где проживают семейские, помещение под полом называют словом «подпол», а закрывающую его крышку – «подпольница», «западня», или «баклушка». Подпол расположен по центру сруба, размером примерно 3×3 м, опалубка состоит из кругляка около 15 см в диаметре.

Пол и потолок из толстых плах-полубревен первоначально делали «впритеску», при этом они плотно пригонялись друг к другу, но когда рассыхались, в щели на потолке сыпалась земля. Поэтому, несмотря на трудоемкость процесса, в конце XIX – начале XX в. стали делать его «закроем»: с одной стороны плахи выбирался паз, а с другой стороны – такой же выступ, и они плотно подгонялись друг к другу. У «сибиряков» такой прием называется «в четверть». Пол строгами вдвоем большим рубанком – «двуручником».

Разделение пространства избы началось с отделения кути, ее в XVIII–XIX в. занавешивали тканью – «товаром». К началу XX в. ткань заменили «заборки» – дощатые перегородки, не доходящие до потолка, верхняя часть которых была решетчатой, из баясин или палочек, а затем ее начали стеклить. Описание обстановки жилой избы семейских первой трети XX в. было сделано А.М. Поповой [6. С. 28], поэтому приведем лишь дополняющие его детали. Если икон было много, то вместо полки в переднем углу стоял иконостас из нескольких уровней, занимающий весь угол. В кути находился шкафчик для посуды и утвари – «кладёнка», «угловик». Вдоль бока печи возле входа стоял решетчатый ящик для кур, на котором можно было спать. Неотъемлемой частью обстановки была подвешенная к потолку за кольцо или скобу зыбка. Она состояла из прямоугольной рамки, обшитой тканью и накрытой пологом.

Вторая половина дома – горница. Семейские в ней не зимовали, она была осенне-весенним жилищем, «чистая, некрашенная, белая». Определения «чистая» и «белая» напоминают о том, что до середины XIX в. жилые избы были «черными», а первые печи с трубами стали появляться именно в горницах. В них проходили сватовство, свадьбы и другие семейные праздники. В

горенке держали «ящики» с одеждой и приданным (так у семейских называют сундуки), там не было палатей. По-настоящему жилой горница становилась после женитьбы сына.

Между избой и горницей располагалось холодное помещение – «сенки». Зимой в нем на полочку – «кладёнку» – ставили сливки, масло и некоторые другие продукты. Кроме этого, в сенях была отгорожена «казёнка» – помещение для хранения продуктов питания и домашней утвари. Из сеней не было второго выхода на задний двор, как у «сибиряков», так как дома семейских чаще всего располагались длинной стороной вдоль улицы и в стене прорубали дополнительное окно, а казенка находилась сбоку у входа.

Помещение под крышей называлось «вышка», туда залазили по лесенке с сенцов, чтобы закрывать дымоход протопившейся печи дощечкой или каменной плиткой и присыпать землей (до начала XX в.). Летом на вышке сушили березовые веники, зимой хранили мясо. У некоторых людей на вышке жили голуби. Вход в сени был с высокого крыльца. Изба и горница у семейских не всегда соединялись через сени: пятистенки также состояли из избы и горницы, а сени с крыльцом пристраивались сбоку сруба со стороны ограды. В таком случае в избу проходили через горницу, которая, по сути, возникла на основе утепленных сеней. В середине XX в. наиболее подробно многообразие конструктивных особенностей сеней и крылец в усадьбах семейских были описаны И.В. Маковецким [15].

Следующая жилая постройка имеет несколько вариантов использования и названий. Раньше такие избы назывались «зимовьями», в них жила малообеспеченная часть населения. Зимовья были низкими, с двумя-тремя небольшими проемами вместо окон, затянутыми брюшиной или промасленной холстиной и «душником» для выхода дыма от печи. Спали в зимовье на нарах, под нарами держали овец, ягнят. Последние такие постройки в с. Большой Куналей были разобраны в 1950–1960-х гг. После постройки большой новой избы зимовье не разбирали, оно использовалось в качестве дополнительного хозяйственного помещения (Валентина Ивановна Шишмарева, 1936 г.р., с. Малоархангельское Красночикийского района). Судя по описанию и упоминанию нарах, зимовье значительно отличалось от русской избы. Печь в нем имела другое направление устья топочной камеры [23. С. 126]. Оно было расположено перпендикулярно входу, поскольку нары могли быть только за печью, как в лесных зимовьях и южно-русских хатах. Подобная планировка хат бытовала на территории Белоруссии, где могла быть заимствована старообрядцами, но могла и сохраниться в качестве архаичного вида жилья, учитывая то, что ряд строительных приемов из центральных регионов Древней Руси бывает трудно отделить от белорусских заимствований.

Когда старые избы приходили в негодность, во дворе, на отдалении от избы строилось новое «зимовье», в нем зимовали, а летом «кочевали» в избу. В с. Кали-

новка Мухоршибирского района, в с. Жиндо и Урлук Красночико́йского района зимовье называют словом «тепляк». В нем часто жили молодые после свадьбы, пока не построят себе собственный дом. Иногда в зимовье доживают свой век пожилые люди. У современного зимовья два или три небольших окна. Внутри справа находится печка с плитой, слева – угловая полка для иконы, стол и лавки. Прямо, напротив входа, сделан топчан для отдыха.

В селах Мотня Бичурского района и Куйтун Тарбагатайского района наблюдалась противоположная ситуация: летом хозяева усадьбы жили в зимовье, а зимой там держали кур, телят, баранов. В с. Бичура зимовье считается второй избой и называется «избушка», в которой раньше хозяева зимой также держали молодняк скота и кур, а летом жили сами [21. С. 339]. Скорее всего, использование дополнительного помещения в качестве жилья обусловлено не столько разницей в традициях, сколько различиями в материальном достатке и возможностях. Например, Татьяна Владимировна Халецкая 1921 г.р. из с. Урлук Красночико́йского района подтвердила, что «в двух избах (на связи) жили богатые, а бедные жили вместе с курами и ягнятами в одной избе, кроватей не было, спали на полу на “потниках”, сваленных из шерсти, а до этого – на мешках с сеном». Полаты под потолком были, но не у всех. Катерина Фирсовна Григорьева 1923 г.р., также проживающая в с. Урлук, сообщила, что она в детстве спала на нарах, которые были настелены от печки вдоль глухой стены. У кого было достаточно дров, спали в избе на полу и, несмотря на то что окна были одинарные, было тепло. Наличие в жилой постройке нар или палатей может являться маркером преобладания севернорусских или южнорусских традиций. Полаты обычно упоминаются в избе, а нары – в зимовье.

Хозяйственные постройки. Наиболее важной хозяйственной постройкой в усадьбе семейских являлся амбар. В связи с широким использованием зимовья, избушки и тепляка, как временного жилого помещения, амбар у семейских в качестве жилья не использовался. По назначению амбары делятся на несколько категорий. Самый распространенный, амбар «двойной» – пятистенный с «закромом» и «погребницей». Собственно амбар не имел потолка, стены у него были круглые, не обтесаны, в сусеках хранились зерно и мука. В селах Бичура Бичурского района и Хасурта Хоринского района Республики Бурятия у больших амбаров были широкие двустворчатые двери – «завозни», через которые прямо с телеги сгружали зерно [Там же. С. 149]. В меньшей части пятистенного амбара – «анбарушке» – потолок и стены вытесывались. Там зимой хранили мясо, сало, а летом одежду, посуду и ящик (сундук). Амбарушку для продуктов часто мыли и убрали, там всегда было чисто [Там же. С. 24]. Там же находился вход в погреб, поэтому она часто называлась «погребницей».

В деревнях Красночико́йского района привлекают внимание оригинально рубленые амбары с обтесанны-

ми угловыми выпусками бревен и замками, называемыми «ромба». Информаторы утверждают, что «ромбой» испокон рубились только амбары, так как углы получаются очень плотные и грызуны в них не могут проникнуть. Предамбарник (вероятно, меньшая часть амбара) у них назывался словами «казёнка», или «кладовка». Перекрытие амбара делалось без потолка по 15 слегам, почти вплотную лежащим друг к другу и напоминающим перекрытие белорусских хозяйственных клетей. И рубка углов, и перекрытие являются заимствованием с территории Речи Посполитой.

Отдельная постройка – «амбар ямный» – сохранила в своей основе самую архаичную конструкцию [22. С. 206–208]. В ней находились сусеки для зерна и «яма» для хранения продуктов. В Красночико́йском районе также были зафиксированы рассказы о двухэтажных амбарах, об «амбарах лопотных», для хранения одежды, реже встречающихся «мусорных» – для хранения старой домашней утвари и инвентаря. Передняя выступающая галерея амбара называлась «прианбарок», там стояли лопаты, грабли, висела сбруя.

За амбаром находилась «завозня» – крытое строение для хранения сельхозинвентаря с земляным полом и двустворчатыми воротами [21. С. 149]. Внутри завозни иногда делали «поветь» – настил для сена на высоких столбах. Зимой в завозне стояли телеги, а летом – сани, также там лежали косы, вилы, грабли. В с. Верхний Саянту́й Тарбагатайского района завозней назывался ямный амбар – напоребница с погребом.

Скотный двор семейские называли просто «двор», чаще он был открытым, иногда с навесом, на нем располагались постройки для содержания скотины и птицы. Днем скот находился во дворе или на пастбище, а ночью – в стойках и хлевах. Иногда вся эта постройка называется словом «сарай». В с. Гашей Мухоршибирского р-на сарай делали для коней и коров. Крышу сарая покрывали «лубком» (корой, которую снимали с лиственницы) [Там же. С. 415]. В с. Бичура «сараями» называли коровьи стойки – это были утепленные помещения для крупного рогатого скота. В селах Шибертуй и Покровка Бичурского района в теплом сарае содержали всю скотину, но называли это помещение чаще «стойкой».

Теплые бревенчатые постройки – «омшанники» – были низкими и без окон, их чаще строили для баранов и в некоторых деревнях называли «баранники». Омшанники использовали также для зимовки пчел [Там же. С. 318]. В с. Бичура баранов держали в «хлевушке», аналогичной конструкции. В с. Окино-Ключи Бичурского района омшаник, хлев и «чушатник» называли по-бурятски – «хашан».

На всей исследуемой территории распространено название «хлев». Хлевом называют утепленное помещение для мелкого скота (чаще овец). Иногда в хлевах делались небольшие окошки, на которых раньше вместо стекла была натянута брюшина. Если хлев был большим и общим, то в нем отгораживали место для свиней: «чушатник», «гаино», «берлог».

В с. Бичура гумном называли место, где сушили, молили и веяли зерно. С исчезновением такой необходимости так стал называться весь участок за домом. В с. Куйтун Тарбагатайского района он называется словами «телятник», «выгон», «поскотина». Часть построек была расположена на задворках. Одной из построек на заднем дворе был «колОсник» – сарай для хранения мякины, соломы, размером как жилой дом: 8×6 м, обычно с земляным полом и без потолка. В с. Шибирь Бичурского района в колосниках складывали сено [21. С. 207]. Обычно колосник строился из плах и покрывался дором. В с. Урлук Красночикойского района сено складывали в «сенники» – под крышу на высоких столбах стоящую посреди покоса. В Бичурском районе колосник, или сеновал, называли белорусским словом «пунька».

Колодцы – «журавцы» – копали между чистым и скотным двором или недалеко от дворов на огороде. Рядом с колодцами у семейских находились «рассадники» – ящики из досок для выращивания весной рассады, стоящие на метровых столбах.

Баня, топившаяся по-черному («грязная баня»), обычно строилась «на задах» вдали от построек, была низкой (8–9 венцов), с невысокой дверью и маленьким окном, расположенным низко от земли. Потолок был из бревнышек «накатником» или из расколотых пополам небольших бревен. Душник, для выхода дыма, делался справа от двери, над каменкой. Полок стоял за каменкой на толстых столбах или высоких чурках. Крыша у бани была самцовая или стропильная, опирающаяся на чурки. Чистые бани в Тарбагатае, Куналее и других селах сейчас находятся в ряду построек чистого двора.

Входили во двор через ворота. Ворота строили высокие, трехверейные, они состояли из калитки и двустворчатой проезжей части. В больших зажиточных селах семейских, таких как Красный Чикой, Тарбагатай и Большой Куналей, иногда делали ворота четырехверейные, с двумя калитками по краям. Ворота накрывались двускатным козырьком.

Задний и передний двор городили тыном и жердью (тонкими бревнами). Изгороди между участками назывались «городьбой», «заплотами» и делались обычно из жердей. Въехать или войти на участок со стороны огорода можно было через «завору» – звено изгороди из свободно разбирающихся жердей [Там же. С. 145–150]. Пространство, или проулок, за огородами назывался в некоторых селах «загуменье».

Таким образом, изучение планировки усадеб, жилых и хозяйственных построек, строительных приемов и терминологии, сложившихся у семейских, дает возможность проследить как общий путь развития их народной архитектуры, так и оказавшие на нее влияние заимствования, сделанные в разное время у внешнего этнического окружения.

Во второй половине XVII в. предки семейских, бежавшие в Речь Посполитую, имели багаж строительных традиций, присущих народной архитектуре русского Средневековья, характерной для Центральной

России, выходцами из которой в своем большинстве они являлись. В дальнейшем в результате хозяйственных контактов с местным населением они переняли ряд строительных приемов и терминов, сохраняющих свое бытование в селах семейских по сей день. Строительные традиции «сибиряков» и семейских, поселившихся на территории Забайкалья с разницей в 100 лет, несмотря на общую древнерусскую основу, имели ряд различий. «Сибиряки» были в большей степени носителями северно-русских строительных традиций, тогда как для семейских более характерным являлось воспроизведение приемов народной архитектуры регионов Центральной России, в том числе архаичных, обогащенных заимствованиями на территории Речи Посполитой.

В течение двух с половиной веков проживания в Забайкалье семейские сформировали свой архитектурно-хозяйственный комплекс, отличающийся от комплекса русских старожилов – «сибиряков». Основное отмеченное нами своеобразие планировки двора семейских, кроме отдельных описанных выше деталей, во всех обследованных населенных пунктах заключается в ориентации избы или дома относительно улицы и самого двора. Избы на связи «сибиряков» строились только узким фасадом в улицу, и вся постройка располагалась в глубину двора. Сами дворы были шире, преимущественно «веночной» планировки и зачастую состояли из чистого и заднего дворов, которые находились по разные стороны избы. В архитектуре семейских преобладает расположение изб и горниц (с сохранившейся номинацией «горница») широкой стороной вдоль улицы, с расположением дворовых построек вдоль западной межи. Он схож с однорядной планировкой, сложившейся в некоторых районах западной Белоруссии в связи с сильной нехваткой земли и которую нельзя считать заимствованием. Вторым, менее распространенным видом планировки двора являлась свободная застройка, характерная для хуторского типа хозяйств, связанная со своеобразием рельефа.

В заключение следует отметить, что за время проживания семейских в Забайкалье их строительная культура претерпела ряд модернизаций, связанных как с общими тенденциями развития строительных технологий, так и с некоторыми заимствованиями. В настоящий момент трудно определить, в результате чего появился высокий «полуподклет» жилища, так как он не характерен и для южновеликорусских традиций, и для построек «сибиряков» в Забайкалье. Народная терминологическая вариативность в названиях некоторых построек свидетельствует о сохранении средневеликорусских, южновеликорусских и северновеликорусских диалектов у переселенцев [24. С. 29].

Сегодня народную архитектуру семейских можно рассматривать в качестве яркого примера синтеза строительной культуры разных групп восточных славян, получившего свое самобытное развитие, определенное как природно-климатическими условиями Забайкалья, так и некоторыми социокультурными особенностями жизни русских старообрядцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болонев Ф.Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1992. 224 с.
2. Ровинский Н.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия Сибирского отдела РГО. 1872. Т. 3, № 3. С. 120–133.
3. Талько-Грынецкий Ю.Д. Семейские (старообрядцы) Забайкалья // Протоколы Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. Кяхта, 1894. № 2. 25 с.
4. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920. 89 с.
5. Гирченко В.П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семеysких. Верхнеудинск, 1921. 20 с.
6. Попова А.М. Семейские: (Забайкальские старообрядцы) / Бурят.-Монгол. науч. о-во им. Доржи Банзарова. Верхнеудинск : Тип. НКПТ, 1928. 36 с.
7. Болонев Ф.Ф. Календарные обычаи и обряды семейских. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1975. 96 с.
8. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1978. 132 с.
9. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М. : ДИК, 2004. 350 с.
10. Петрова Е.В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 129 с.
11. Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М. : Языки славян. культуры, 2005. 288 с.
12. Козина О.М. Говоры старообрядцев Бурятии – семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 164 с.
13. Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семеysких) в современном бытовании (по материалам полевых исследований конца XX – начала XXI в.). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 316 с.
14. Жамбалова С.Г., Игауэ Н. Калейдоскоп: Этнографические картинки XX – начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 412 с.
15. Маковецкий И.В. Архитектура крестьянских построек у семейских // Этнографический сборник. Улан-Удэ : БКНИИ. 1962. Вып. 3. С. 138–149.
16. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск : Наука, 1975. Ч. II : Забайкалье. С. 33–47.
17. Ильина-Охрименко Г.И. Жилище русских Забайкалья (семеysких) и его украшения // Труды Восточно-Сибирского государственного института культуры: серия историко-филологическая. Улан-Удэ, 1968. Вып. 5. С. 151–187.
18. Ильина-Охрименко Г.И. Народное искусство семейских Забайкалья XIX – XX веков: Резьба и роспись. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 88 с.
19. Родионова Н.Н. Архитектура жилища семейского крестьянина села Архангельское // Традиционная культура населения Сибири и Дальнего Востока: изучение, сохранение, популяризация // Материалы IV Кузнецовских чтений. Чита, 2012. С. 39–43.
20. Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Элементы белорусских архитектурных традиций в строительной культуре семейских Забайкалья // Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции «Баладинские чтения» (Новосибирск, 15–17 апреля 2015 г.). Новосибирск, 2015. С. 8–15.
21. Словарь говоров старообрядцев (семеysких) Забайкалья / под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск : Изд-во СО РАН, Науч.-изд. центр ОИГМ, 1999. 539 с.
22. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. : Наука, 1975. С. 156–244.
23. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. : Наука, 1975. С. 104–155.
24. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период (к проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов : СГУ, 1967. 206 с.

Abolina Larisa A. NPO «Archaeological design and researches» (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: larisa-abolina@yandex.ru; *Fedorov Roman Yu.* Institute of the Earth's Cryosphere of SB of RAS, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: r_fedorov@mail.ru
YARD COMPLEX OF SEMEYSKIE OF TRANS-BAIKAL REGION: CONSTRUCTION CULTURE AND TERMINOLOGICAL VARIABILITY.

Keywords: Semeyskie; Old Believers; Trans-Baikal region; construction culture; ethnocultural interactions.

In the second half of the 17th century, after Russian Orthodox Church splitting, groups of Old Believers from the European part of Russia, moved to the Polish-Lithuanian Commonwealth, created places of compact accommodation at Polesia. After incorporation of these territories in the 18th century into the Russian Empire these Old Believers began to move to Siberia. Their representatives who have founded settlements in the second half of the 18th century in the Trans-Baikal region have received a new ethnonym – “Semeyskie”. This research is devoted to generalization of results of the ethnographic expeditions conducted by authors in 2014-2016 years in places of compact accommodation of Semeyskie on the area of Tarbagatayskiy and Mukhorshibirskiy districts of Republic of Buryatia, and also Krasnochikovsky district of Zabaykalsky Krai. During the research, the national architecture and the related household traditions of Semeyskie have been compared with their prototypes of the ethnic environment. In the territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth in its role mainly had been Belarusians. In the Trans-Baikal region the basis of ethnic environment of Semeyskie had been the Russian old residents – “Siberians” and Buryats. As a result of the research it is established that in the second half of the 17th century the ancestors of Semeyskie introduced in the Polish-Lithuanian Commonwealth construction traditions of the Russian Middle Ages. Further, as a result of contacts with local population, they have adopted at it some of construction receptions and terms. Within two and a half centuries of residence in the Trans-Baikal region Semeyskie have created their own architectural and economic complex different from the one of the Russian old residents – “Siberians”. The originality of planning of the yard the Semeyskie consists in orientation of the house relatively the street and the yard. Houses of “Siberians” were constructed only with a narrow facade to the street, and all construction situated in yard depth. The yards were mainly “venochная” (wreath looking) planning. In architecture of Semeyskie prevails an arrangement of houses with the wide party along the street. During accommodation of Semeyskie in the Trans-Baikal region their construction culture has undergone a number of the modernizations connected with the general tendencies of development of construction technologies, as well as with some loans from ethnic environment. National terminological variability in names of some constructions has influences by the Middle, South and North dialects of the Russian language. Today the national architecture of Semeyskie can be considered as an example of the synthesis of construction culture of different groups of East Slavs which has gained the original development caused by climatic conditions of the Trans-Baikal region as well by some social and cultural features of life of the Russian Old Believers.

REFERENCES

1. Bolonev, F.F. (1992) *Semeyskie: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Semeyskie: Historical and ethnographic essays]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
2. Rovinskiy, H.A. (1873) *Etnograficheskie issledovaniya v Zabaykal'skoy oblasti* [Ethnographic research in the Trans-Baikal region]. *Izvestiya Sibirskogo otdela RGO*. 3(3). pp. 120–133.

3. Tal'ko-Gryntsevich, Yu.D. (1894) Semeyskie (staroobryadtsy) Zabaykal'ya [The Semeiskie (Old Believers) of Transbaikalia]. *Protokoly Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela RGO*. 2.
4. Selishchev, A.M. (1920) *Zabaykal'skie staroobryadtsy: Semeyskie* [Transbaikal Old Believers: The Semeiskie]. Irkutsk: [s.n.].
5. Girchenko, V.P. (1921) *Iz istorii pereseleniya v Pribaykal'e staroobryadtssev-semeyskikh* [From the history of migration in the Baikal region of the Old Believers' family]. Verkhneudinsk: [s.n.].
6. Popova, A.M. (1928) *Semeyskie: (Zabaykal'skie staroobryadtsy)* [The Semeiskie: (Trans-Baikal Old Believers)]. Verkhneudinsk: Tip. NKPT.
7. Bolonev, F.F. (1975) *Kalendarnye obychai i obryady semeyskikh* [Calendar customs and rites of the family]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
8. Bolonev, F.F. (1978) *Narodnyy kalendar' semeyskikh Zabaykal'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The national calendar of the Semeiskie of Transbaikalia (the second half of the 19th and early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
9. Bolonev, F.F. (2004) *Staroobryadtsy Zabaykal'ya v XVIII–XX vv.* [Old Believers of Transbaikalia in the 18th – 20th centuries.]. Moscow: DIK.
10. Petrova, E.V. (1999) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya semeyskikh Zabaykal'ya* [Sociocultural adaptation of the Semeiskie in Transbaikalia]. Ulan-Ude: SB RAS.
11. Yumsunova, T.B. (2005) *Yazyk semeyskikh – staroobryadtssev Zabaykal'ya* [The language of the Semeiskie – the Old Believers of Transbaikalia]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
12. Kozina, O.M. (2006) *Govory staroobryadtssev Buryatii – semeyskikh: genezis, dialektnyy tip* [Dialects of Old Believers in Buryatia – the Semeiskie: Genesis, dialectal type]. Ulan-Ude: SB RAS.
13. Matveeva, R.P. (ed.) (2008) *Traditsionnyy fol'klor staroobryadtssev Buryatii (semeyskikh) v sovremennoy bytovanii (po materialam polevykh issledovaniy kontsa XX – nachala XXI v.)* [Traditional folklore of the Old Believers of Buryatia (the Semeiskie) in modern life (based on field research from the late 20th – early 21st centuries)]. Ulan-Ude: SB RAS.
14. Zhambalova, S.G. & Igaue, N. (2010) *Kaleydoskop: Etnograficheskie kartinki XX – nachala XXI v. v ustnykh rasskazakh narodov Buryatii* [Kaleidoscope: Ethnographic pictures of the 20th – early 21st centuries in oral stories of Buryatian peoples]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
15. Makovetskiy, I.V. (1962) *Arkhitektura krest'yanskikh postroek u semeyskikh* [Architecture of peasant buildings in of the Semeiskie]. *Etnograficheskii sbornik*. 3. pp. 138–149.
16. Makovetskiy, I.V. (1975) *Arkhitektura russkogo narodnogo zhilishcha Zabaykal'ya* [Architecture of the Russian folk dwelling of Transbaikalia]. In: Makovetskiy, I.V. & Maslova, G.S. (eds) *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Life and art of the Russian population of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 33–47.
17. Ilina-Okhrimenko, G.I. (1968) *Zhilishche russkikh Zabaykal'ya (semeyskikh) i ego ukrasheniya* [The home of Russian Transbaikalia (the Semeiskie) and its decoration]. *Trudy Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury: seriya istoriko-filologicheskaya*. 5. pp. 151–187.
18. Ilina-Okhrimenko, G.I. (1972) *Narodnoye iskusstvo semeyskikh Zabaykal'ya XIX – XX vekov: Rez'ba i rospis'* [Folk art of the Semeiskie in Transbaikalia in the 19th – 20th centuries: Carving and painting]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
19. Rodionova, N.N. (2012) *Arkhitektura of the Semeiskie peasant of the village of Arkhangelskoye*. *Traditsionnaya kul'tura naseleniya Sibiri i Dal'nego Vostoka: izuchenie, sokhraneniye, populyarizatsiya* [Traditional Culture of the Siberian and Far East Population: Study, Preservation, Popularisation]. Proc. of the Fourth Kuznetsov Readings. Chita. pp. 39–43. (In Russian).
20. Aboлина, Л.А. & Федоров, Р.Ю. (2015) *Elements of Belarusian architectural traditions in the building culture of the Semeiskie in Transbaikalia. The Balandin Readings. Proc. of the Ninth Russian Conference. Novosibirsk, 15–17 April, 2015. Novosibirsk. pp. 8–15. (In Russian).*
21. Yumsunova, T.B. (ed.) (1999) *Slovar' govorov staroobryadtssev (semeyskikh) Zabaykal'ya* [Dictionary of Old Believers' Dialects (the Semeiskie) in Transbaikalia]. Novosibirsk: SB RAS.
22. Rabinovich, M.G. (1975) *Russkoe zhilishche v XIII–XVII vv.* [Russian dwelling in the 13th-17th centuries]. In: Rabinovich, M.G. (ed.) *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [Ancient dwelling of the peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 156–244.
23. Rappoport, P.A. (1975) *Drevnerusskoe zhilishche* [Old Russian dwelling]. In: Rabinovich, M.G. (ed.) *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [Ancient dwelling of the peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 104–155.
24. Barannikova, L.I. (1967) *Russkie narodnye govory v sovetskiy period (k probleme sootnosheniya yazyka i dialekta)* [Russian folk dialects in the Soviet period (to the problem of the relationship between language and dialect)]. Saratov: Saratov State University.

УДК 2.23/28+395+397+ 398
DOI: 10.17223/19988613/50/20

В.А. Бурнаков

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ХАКАСОВ В ИССЛЕДОВАНИИ СВЯЩЕННИКА М. АЛЕКСАНДРОВА

Впервые рассматривается малоизвестная этнографическая работа православного священника М. Александрова «О религиозном мировоззрении Минусинских инородцев», которая была издана в 1888 г. в журнале «Енисейские епархиальные ведомости». Стремясь улучшить прозелитическую деятельность среди хакасов, этот исследователь-миссионер сделал попытку глубже изучить их традиционное мировоззрение и обрядность. В результате ему удалось воссоздать наиболее полную картину архаичных религиозно-мифологических представлений хакасов, бытовавшую в последнем десятилетии XIX в.

Ключевые слова: хакасы; христианизация; миссионеры; прозелитизм; традиционное мировоззрение; обрядность; фольклор.

Как известно, на культуру хакасов немалое влияние оказало христианство (православие). Более того, к концу XIX в. они все официально считались православными. В связи с этим в церковных и административных документах они зачастую обозначались как «крещенные инородцы / татары».

Вопросы, связанные с христианизацией хакасов, привлекали внимание многих исследователей. В работах ученых обозначенная научная проблема рассматривалась преимущественно в рамках истории обращения в православие коренного населения Хакасии. Исследовались объективные обстоятельства этого процесса, а также стратегии, формы, методы и этапы. Большое внимание при этом уделялось анализу вопросов формирования структуры церковной организации в указанном регионе. Помимо того, была затронута и тема влияния православия на духовную жизнь хакасов, в том числе на их мировоззрение и обрядность [1–7].

Вместе с тем приходится констатировать и то, что, несмотря на достаточную изученность многих граней указанной проблематики, вопросы, связанные с анализом непосредственно этнографических изысканий православных миссионеров, следует признать практически неосвоенными. Характеризуя их труды, отметим определенную тенденциозность в их восприятии и интерпретации культуры хакасов (как и других сибирских народов). Особенно это касается такого ее проявления, как традиционное мировоззрение и ритуальная сфера, которые воспринимались ими заведомо как «поганое язычество», «языческая фантазия», «народные суеверия и предрассудки», «вековое мракобесие», идолопоклонство, поклонение дьяволу, сатанизм и пр. Подобный предвзятый подход неминуемо приводил к абсолютному упрощению и значительному искажению в восприятии и понимании этого сложного и глубинного явления. Между тем необходимо признать, что, несмотря на всю субъективность оценок, они, тем не менее, внесли заметный вклад в освещение обозначенной темы. Ценность собранных ими данных прежде всего определяется их фактологией. В наши дни получить подобные сведения ввиду утраты многих черт тради-

ционной культуры, а в отдельных случаях и даже памяти о них, к сожалению, уже не представляется возможным. Однако они по-прежнему сохраняют свою актуальность и в наши дни. На это указывает их востребованность многими современными исследователями из смежных областей гуманитарных знаний – историками, этнографами, религиоведами, культурологами, психологами и др.

Представленная статья посвящена рассмотрению вклада в этнографию, в частности в изучение традиционного мировоззрения и обрядности хакасов, православного священника М. Александрова.

Миссионерство, как известно, было ключевым направлением служебных обязанностей православного духовенства. Многолетний опыт прозелитической деятельности выявил следующий факт. Эффективность и глубина внедрения православия в иноэтническую среду, главным образом в сознание людей, прежде всего определялись полнотой знаний об их психологии, образе мышления и ценностях. В соответствующее информационное поле непременно должны были входить данные о жизненных реалиях и интересах обращаемого в православие народа и, безусловно, его мировоззренческие основания. Более того, необходимо было еще и практически применить эти знания в духовной практике. Именно эта мысль стала одной из ключевых на епископском соборе, состоявшемся в 1885 г. в г. Казани. Она была выражена следующим образом: «Как можно научить и просветить людей, о которых мы не знаем, что и как они думают, каких укоренившихся суеверий, предрассудков, унаследованных исстари держать? Священник должен иметь представление о мыслях инородца как об обыденных предметах, так и о предметах, стоящих выше обыденной жизни, о духовном; иначе он будет бороться с чем-то неизвестным, а неизвестную опасность преодолеть нельзя» [8. 1888. № 6. С. 81].

Сформулированный и озвученный на соборе новый подход в концепции миссионерства был призван способствовать выработке особых тактических приемов в прозелитизме. В ее основе лежала нацеленность на выработку и применение наиболее эффективных методов

и форм взаимодействий с автохтонным населением, стремление глубже изучить и проанализировать их жизнь во всем ее многообразии. Как показала практика, наиболее успешными миссионерами становились те священнослужители, которые искренне и глубоко интересовались жизнью и потребностями сибирских народов, принимали самое активное участие в их судьбе и помогали в разрешении насущных жизненных проблем. Немаловажным в этом деле было и знание языка своей иноэтничной паствы. Определенные надежды распространялись и на внедрение практики христианской проповеди на их родном языке.

Большие ожидания в миссионерском деле возлагались также и на способы передачи непосредственно самого вероучения. Их важнейшими характеристиками непременно должны были быть простота и доступность в изложении его основных догматов, при этом не искажающем глубинной сути православного вероучения. Безусловно, все это требовало соответствующих обширных знаний и компетентной адаптации основополагающих религиозных идей к ментальному уровню христианизируемых обществ и, главным образом, к их базовым жизненным ценностям. Решение поставленных задач представлялось невозможным без необходимых лингвистических и этнографических познаний. Обозначенное требование уже априори вынуждало отдельных представителей духовенства обращаться к изучению культурных особенностей коренных сибиряков, акцентировать внимание на специфике их психологии, мышления и языка. Подобная установка стала мотивирующей для М. Александрова при написании указанной работы. Он отмечал, что «с вопросов о просвещении язычников (очень немногих) и язычеству христов – минусинских инородцев, кроме изучения и применения к делу языка местных инородцев, тесно связан еще вопрос об изучении местным духовенством и будущими пастырями в инородческих приходах – религиозного мирозерцания и быта минусинских татар» [8. 1888. № 6. С. 80].

Следует признать, что в действительности лиц, в полной мере соответствовавших обозначенным критериям, было крайне мало, а тех, кто бы еще и владел «инородческим наречием», хотя бы на элементарном бытовом уровне вообще, – единицы. Между тем отдельные миссионеры, имея многолетний опыт прозелитической деятельности среди сибирских народов, знали предмет своего исследования не только в теории, но и на практике. В результате наиболее энергичным и целеустремленным из них в ходе проповеднической деятельности удалось собрать оригинальные и весьма ценные этнографические материалы. Из числа наиболее известных исследователей-священнослужителей, которые в рамках своей духовной деятельности еще и изучали культуру хакасов, следует выделить: Н. Путилова [9, 10], Н.А. Орфеева [11. 1885. № 23, 24], М. Александрова [8. 1888. № 6, 8–9, 12–18], Н. Катанова [12], В. Суховского [13], П. Тыжнова [14] и пр.

Среди историко-этнографических работ названных представителей духовенства, пожалуй, одной из наиболее примечательных является труд М. Александрова «О религиозном мирозерцании Минусинских инородцев»¹. Необходимо заметить, что названный автор – один из немногих православных священников, который, несмотря на свой духовный сан и обусловленные этим твердые и ясные религиозные убеждения, в процессе работы над темой все же стремился следовать принципам научной объективности. В отличие от других миссионеров, он акцентировал основное внимание не на собственной субъективной оценке традиционных верований и обрядности хакасов и соответственно их разгромной критике, а непосредственно на фактологической стороне этого явления культуры.

Несомненно, следует признать и то, что в исследовании М. Александрова отсутствуют собственные полевые материалы. В результате в процессе работы над проблемой он вынужденно обращался к полевым этнографическим материалам, собранным другими исследователями, в том числе и миссионерами, например к работам Н. Орфеева, В. Вербицкого и пр. В отличие от многих своих коллег – православных священнослужителей – при подготовке публикации он постарался скрупулезно проработать всю доступную для него литературу по интересующему вопросу, сделал попытку систематизации собранных материалов.

Так, обосновывая актуальность своего труда, М. Александров писал: «Ввиду важности вопроса об изучении верований и быта инородцев, мы попытались собрать в одно – все, что известно в печати о религиозном мирозерцании минусинских инородцев. Пусть люди, близко стоящие к инородцам, проверят и дополнят полученные нами из скудной литературы о минусинских татарах данные. Главными источниками для определения религиозного мирозерцания минусинских татар нам служили – памятники народной литературы – поэмы и сказки» [8. 1888. № 6. С. 81].

К сказанным словам добавим то, что в своей работе он опирался не только на опубликованные материалы по устному народному творчеству хакасов, но также использовал историко-этнографические труды и лингвистические исследования таких известных ученых, как: И.Г. Гмелин, Э. Реклю, М.А. Кастрен, А.А. Шифнер, И.Н. Березин, Н.А. Костров, В.И. Вербицкий, Л.С. Чудновский, В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.Ф. Катанов и др. Безусловно, названными именами в действительности же не ограничивается круг исследователей XVIII–XIX вв., в той или иной мере изучавших историю и культуру хакасов. Заметим, что среди неупомянутых ученых остались, например, Д.Г. Мессершмидт, И.Г. Георги, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, Г. Спасский, А.П. Степанов, Н.С. Щукин и др. Тем не менее для священнослужителя, по своей сути не являвшегося профессиональным исследователем-историком, опубликовать подобную статью, очевидно, уже само по себе было большим достижением. И, несо-

менно, данный факт для своего времени выступал показателем его высокого уровня образованности, помимо того, демонстрировал достаточную глубину подхода в изучении проблемы.

Невольно обращает на себя внимание и одновременно приятно удивляет то, что в процессе написания текста своей объемной статьи он добросовестно придерживался этики научного цитирования. Все ссылки на труды исследователей и фольклорные материалы им были строго соблюдены и выверены. Заметим, что подобного этического принципа даже не всегда придерживались и придерживаются многие светские авторы в прошлом, да и в современности. Данное обстоятельство убедительно позиционирует его как серьезного и глубокого исследователя. Безусловно, все это ярко выделяет его среди остальных православных священников, в той или иной мере занимавшихся изучением традиционного быта и верований хакасов в XIX в.

Труд М. Александрова «О религиозном миросозерцании Минусинских инородцев» был опубликован в известном в Сибири церковном периодическом издании – «Енисейские епархиальные ведомости». Необходимо пояснить, что данный журнал являлся ежемесячным официальным изданием Енисейской духовной консистории, который начал издаваться с 1884 г. [5. С. 20]. По своему внутреннему содержанию он состоял из двух отделов – официального и неофициального. В первом отделе размещались документы, имеющие общецерковное значение, а также распоряжения епархиального начальства. Регулярно печатались извлечения из отчетов о состоянии епархии и различные темы, связанные с церковнослужителями и духовным образованием. Во втором отделе печатались проповеди, поучения и речи, а также статьи, посвященные истории епархии, ее храмам, святыням, местным святым, отчеты и личные наблюдения миссионеров и др. [16]. Заметим и то, что именно в неофициальной части издания в разные годы были опубликованы материалы и остальных вышеуказанных священнослужителей.

Этнографическое сочинение М. Александрова представляет собой объемную статью (свыше 1,5 п.л.), изданную в 1888 г. отдельными частями на протяжении девяти номеров. Сама авторская постановка темы и заявленная цель исследования направлена на рассмотрение традиционного мировидения / мировоззрения хакасов. В качестве основного источника, как уже было отмечено, выступают фольклорные тексты – богатырские сказания (*алыптыг ныхмахтар*) и сказки (*ныхмахтар*), собранные и опубликованные Н.Ф. Катановым, В.И. Вербицким, Г.Н. Потаниным. Рассматриваемый труд, исходя из структуры и логики изложения, может быть условно дифференцирован на четыре смысловые части.

В первой главе представлены самые общие сведения о хакасах, в том числе об их языковой принадлежности и традиционных верованиях. Не будучи профессиональным исследователем-тюркологом, М. Алексан-

дров всецело опирается на полевые исследования и выводы таких известных этнографов и лингвистов, как М.А. Кастрен и В.В. Радлов. Он констатировал тот факт, что местное население в обозначенное время состояло из четырех основных групп: качинцев, сагайцев, койбалов и кызыльцев. Вслед за В.В. Радловым идентифицирует их в качестве «абаканских татар», к которым причисляет и кызыльцев, но с оговоркой на то, что они все же локализованы не в Минусинском, а в Ачинском округе. Характеризуя рассматриваемую этнокультурную общность в рамках концепции упомянутого ученого, Александров отмечает ее сложный внутриэтнический состав: «Абаканские татары произошли, вообще говоря, “из самой пестрой смеси племен, но долговременное житье бок о бок, друг с другом и одинаковость образа жизни сплотило их в одно общее целое”» [8. 1888. № 6. С. 2].

Затрагивая языковой вопрос, автор сообщил о том, что в настоящий момент все представленные группы говорят на тюркском языке, в связи с чем в качестве одного из вариантов их идентификации привел такой, как «минусинские тюрки» [Там же].

Вызывает интерес то обстоятельство, что М. Александров в своей работе использовал сравнительно-исторический метод исследования. В качестве сравнительно-сопоставительного материала он привлек этнографические и лингвистические сведения о соседнем и родственном хакасам народе – алтайцах (алтайских тюрках). Поясняя данный исследовательский подход, он сообщал: «Ввиду сходства языка и верований минусинских татар с языком и верованиями алтайских инородцев, мы сочли нужным, где нужно, отметить это сходство. Алтайские инородцы лучше изучены, чем минусинские. Непонятные и отрывочные сведения о миросозерцании минусинских инородцев – лучше объяснить более ясными сведениями об алтайских инородцах» [Там же. С. 81].

Рассматривая вопросы, обусловленные языковыми особенностями этих народов, он обратился к трудам своего коллеги – известного лингвиста и этнографа миссионера В.И. Вербицкого, который классифицировал язык «минусинских татар» как принадлежащий к «отрасли аладагского наречия», «распространенного в Кузнецком округе», т.е. родственный и в целом понятный северным алтайцам, шорцам и телеутам. Исходя из обозначенной реалии, на страницах журнала «Енисейские епархиальные ведомости» М. Александров активно призывал священнослужителей Минусинского и Ачинского округов к широкому применению этнолингвистических наработок алтайского миссионера для популяризации христианства и более эффективной проповеднической деятельности среди коренных жителей: «Это знать весьма важно нашим миссионерам и священникам инородческих приходов Минусинского округа, потому что, по заявлению Вербицкого, алтайскими миссионерами язык алтайцев изучен достаточно; они составили грамматику этого языка и сравнитель-

ный подробный словарь всех наречий и подречий алтайских и аладагских. Желаящие могут воспользоваться трудами алтайской миссии для целей более успешного просвещения наших минусинских инородцев» [8. 1888. № 6. С. 80]. Заметим, что в то время для миссионеров незнание языка местных жителей выступила острой, а в отдельных случаях и непреодолимой проблемой ввиду того, что в подавляющем своем большинстве хакасы, особенно проживавшие в отдаленных поселениях – *аал'ах*, абсолютно не владели русским языком.

М. Александров, следуя выводам, сформулированным в результате проведенных полевых исследований П.С. Палласа и В.В. Радлова, констатирует факт того, что основная масса хакасов лишь формально считаются крещеными. В действительности же они все еще оставались убежденными приверженцами и практиками своих традиционных верований и обрядности. Изучая и постепенно углубляясь в данную тему, он вынужден констатировать следующую реалию. Несмотря на наличие отдельных работ, вопросы, связанные с традиционной культурой и бытом хакасов, на тот период все еще остаются слабо изученными [Там же. С. 81].

Следуя поставленной цели – воссоздать перед читателями более полную картину архаичных религиозно-мифологических представлений этого народа и соответственно по возможности заполнить недостающие лакуны, как уже было сказано, он активно привлекал алтайские этнографические материалы. Отметим, что на тот момент они были гораздо шире представлены в исторической и публицистической литературе. Обосновывая применяемый им метод сравнительно-исторической реконструкции, М. Александров, прежде всего, исходил из исторической общности указанных народов, что находило свое отражение в чрезвычайной близости и сходстве их культур, образа жизни, языка и миропонимания. Он давал следующую краткую характеристику их мировоззренческим системам: «Хотя сведения относительно религиозных верований и суеверий инородцев Минусинского округа не полны и отрывочны; однако, сопоставляя их с наиболее тщательно исследованным религиозным мирозерцанием алтайских инородцев, во многих отношениях сходных с инородцами минусинских степей, мы можем предположить, что верования минусинских татар – пантеизм и политеизм: у них есть обоготворенная природа, бестелесные духи и боги-герои» [Там же. № 8–9. С. 94].

Далее, анализируя систему мировоззрения хакасов, автор не без оснований выявляет в нем наличие дуалистических представлений. Светлое начало представлено в лице *Худа'я* – доброго божества, обитающего на небе. А темное – *Эрлик-ханом* (*Айна хан*) – злое божество, локализованное в подземном мире. Представленные сведения совершенно точно соответствуют концепции традиционного мировидения хакасов, согласно которой весь земной мир, а значит, и сам человек на протяжении всей своей жизни находится под постоян-

ным воздействием этих двух противоположных сил. При этом в религиозно-мифологическом сознании народа дихотомия добра и зла все же не имеет полной абсолютизации. Верующие в равной мере вынуждены были взаимодействовать с двумя началами. Особое положение в этой мировоззренческой системе отводится духам-хозяевам природных объектов, в частности духам гор – *таг ээзи*. Общей и чрезвычайно лаконичной характеристикой религиозно-мифологической картины мира хакасов завершается первая часть его работы [8. 1888. № 8–9. С. 94–95].

Вторая часть статьи М. Александрова посвящена детальному рассмотрению культа *Худа'я* у хакасов, а также представлениям о небожителях. Автор, используя результаты лингвистических исследований Н.Ф. Катанова, сообщил об древнеиранских корнях этого термина, обозначающего понятие «Бог». При этом он обратил внимание на то, что в культуре хакасского народа представленная дефиниция имеет своеобразное понимание [Там же. С. 95–97]. В своей глубинной сути она разительно отличается от идеи Бога, представленной в русском православном мировосприятии. Так, в традиционном сознании хакасов под словом *Худай* было принято понимать, во-первых, персонифицированную высшую светлую силу, нередко именуемую также «*Улуг Худай*» – «Великий / Старший Бог (Всевышний)» или «*Ах Худай*» – «Белый / Светоносный Бог». Отметим и то, что в мышлении народа *Худай* все же не обладает природой Абсолюта. Его сакральные возможности весьма ограничены. Для разрешения определенных жизненно важных задач он обращается к посторонней помощи, чаще к услугам избранных людей (в фольклоре это земные богатыри – *алын'ы*). Во-вторых, лексему *Худай* хакасы часто применяют для обозначения иных небесных божеств, стоящих рангом гораздо ниже *Улуг Худа'я*. Причем обозначенный термин неразрывно употребляется с такими числительными, как: семь – «*чимі*» (*Чимі Худай*) и девять – «*тогыс*» (*Тогыс Худай*). *Худа'и*, таким образом, представляют собой своеобразную иерархию высших небесных сил. М. Александровым было подмечено и то, что синонимом к слову «*Худай*» нередко выступает «*Чайаан*» – «Творец», которое обычно выступает в качестве эпитета. Данная реалья, безусловно, нашла отражение в языковой картине мира хакасов, например «*Чайаан Худай*» – «Бог-творец, создатель», «*Өөркі Чайаан*» – «Всевышний», «*Чогархы турган Тогыс Чайаан*» – «Живущие на небе девять богов-творцов» [17. С. 925], «*Чир Чайаан*» – «Творец земли», «*Чимі Чайаан*» – «Семь творцов» и др. Этот термин одинаково часто используется как в обыденной речи, так и в произведениях устного народного творчества.

В русле интерпретации рассматриваемых религиозно-мифологических персонажей, предложенной Г.Н. Потаниным, М. Александров был склонен видеть в них олицетворение отдельных небесных светил, в частности «Созвездие Большой Медведицы». Помимо того, он отметил еще и сакрализацию солнца и луны,

которые осмысливались хакасами как персонифицированные божества. В их отношении была сформирована специальная обрядность [8. 1888. № 8–9. С. 95–96; № 12. С. 155].

Исследователь совершенно верно подметил такую особенность традиционных представлений хакасов о сверхъестественных существах, как их антропоморфизация: «Место жительства и образ жизни добрых богов в сказках минусинских татар представляется слишком человекообразно» [Там же. С. 97]. Действительно, в религиозно-мифологическом мышлении народа *Худай*, как и другие представители Верхнего – небесного мира, наделяются антропоморфными чертами. Причем не только их внешний облик, но и вся их система жизнедеятельности является своеобразной калькой человеческого бытия. Более того, подобное суждение переносится на все сферы мироздания. В дальнейшем эту особенность мировосприятия подтвердили и сибирские этнографы, сообщавшие о том, что «в мифологии тюрков Южной Сибири оба мира, «небесный» и «подземный», – копии с одной матрицы – «среднего мира». В них реальный мир дважды повторяет себя, в первом случае абсолютизируя положительное, а во втором – отрицательное начала, уравнивающие друг друга в общей картине мира» [18. С. 16].

В третьей части своей работы М. Александров достаточно подробно останавливается на воззрениях хакасов о Среднем – земном мире [8. 1888. № 13. С. 179–183; № 14. С. 198–201]. Сравнивая их представления с алтайскими, он приходит к выводу об их чрезвычайной схожести, относительно чего сообщает, что «природа обоготворяется минусинскими татарами, как и алтайцами. По верованиям тех и других, у каждой долины, горы, реки есть свой дух – эзе» [Там же. № 13. С. 179]. Отметим полное соответствие этих утверждений традиционным взглядам народа, согласно которым Средний мир населяют земные люди и духи (*ээзи*): хозяева гор – *таг ээлері*, воды – *суг ээлері*, огня – *оттың ээзі / от ине* и пр. По верованиям хакасов, они, находясь в непосредственной близости от людей, оказывают на них наибольшее влияние. Причем характер их воздействия – положительный или отрицательный, во многом определяется самим человеком, главным образом его мыслительной, речевой и поведенческой активностью. Заметим, что к подобной же мысли, на примере духа-хозяина гор / тайги, пришел и представленный автор, писавший, что «горные духи скорее добрые существа, чем злые. Злыми они разве являются по отношению к людям неблагодарным или к тем, которые во время охоты ходят шумно по лесу, тем тревожат горного духа и показывать, значит, к нему непочтенье» [Там же. С. 180].

Исследователь обратил особое внимание и на развитый культ гор у хакасов: «Почему-то горные духи некоторыми инородцами чествуются, как покровители рода» [Там же]. Данная мысль совершенно точно подтверждается этнографическими реалиями. Согласно хакасским поверьям, горные духи воспринимались в

качестве мифических предков и покровителей родов, в связи с чем каждый *сөөк* (род) в летнее время у своей родовой святыни с разной периодичностью совершал обряд жертвоприношения родовому духу-хозяину горы – *таг тайыг*. Причем ритуал отправлял исключительно лишь шаман.

Не прошли мимо исследовательского взора М. Александрова и такие составляющие религиозно-мифологической системы хакасов, как почитание *төс'ов* – семейно-родовых и иных духов, изображаемых в виде идолов [8. 1888. № 14. С. 198]. Сверхъестественные существа и олицетворяющие их фетиши сибирских народов обычно воспринимались русскими в качестве языческих идолов «нечистой силы» и обычно обозначались словом «шайтаны». *Төс'ы* размещались как внутри жилища, так и за его пределами [19].

Помимо того, автором были отмечены и тотемистические представления хакасов: «У минусинских инородцев находят следы почитания животных и растений. Объяснением некоторых случаев такого рода чествования могут служить предания относительно происхождения некоторых инородческих родов и колен от животных, птиц или даже деревьев» [8. 1888. № 14. С. 198–200]. В свете изучения сакральных объектов земного пространства был рассмотрен и культ почитания каменных изваяний. Автор, ссылаясь на материалы Д.А. Клеменца, пишет, что «современными минусинскими татарами оказывается религиозное почитание вообще каменным бабам» [Там же. С. 201]. Большое внимание им уделено изучению верований и обрядности, связанной с *Улуг Хуртуях Тас* – «Великой каменной бабушкой».

Последняя, четвертая часть посвящена подробному рассмотрению представлений хакасов о Нижнем – подземном мире и его обитателях, а также воззрениям о душе человека. Здесь подтверждается факт того, что рассматриваемое пространство обладает большим сходством со Средним – земным миром. В связи с чем автор констатировал, что «подземное царство имеет свои горы, степи, реки, моря и проч. Значит, в изображении подземного царства инородцы пользуются картинами земного видимого мира» [Там же. № 15. С. 217]. При этом указывается его многослойность. Число подземных ярусов достигает семнадцати [Там же].

Сообщается, что главными персонажами – жителями Нижнего мира – выступают злые духи во главе с Эрлик-ханом и души умерших людей. Между тем М. Александров, используя в своей работе материалы Н. Орфеева, вслед за ним допускает ошибку в интерпретации суждений хакасов об Эрлик-хане, *айна*, шайтане. Она заключается в том, что обозначенные сверхъестественные существа рассматриваются им в качестве разных и самостоятельных лиц [Там же. № 15, 16, 17, 18]. Так, выражая данную мысль, он пишет: «Подземных духов, как это можно заключить из имеющихся у нас под руками данных, великое множество, из них особенно выделяются, как главные злые духи, айна,

эрлик-хан и шайтан. Относительно первых двух известно, что они под своим начальством и в своем распоряжении имеют подчиненных второстепенных злых духов. Это же, пожалуй, нужно сказать и относительно шайтана. Кроме данных, заключающихся в самой мифологии минусинских татар, основанием считать айну, эрлик-хана и шайтана главнейшими из злых божеств может служить сравнение религии минусинских татар с религиями других шаманистов» [8. 1888. № 15. С. 217–218].

На самом же деле, как свидетельствуют данные религиозно-мифологических представлений хакасов, владыкой подземного мира выступает лишь *Эрлик хан* [20]. Он имеет семь / девять помощников, также именуемых эрликами. В шаманской поэзии его также называли «*Адам / Адазы*» – ‘Отец’. Нередко употребляли и такой эпитет, как «*Айна хан*» – ‘Царь злых духов’. Заметим, что непосредственно сам термин *айна* не был строго привязан к одному религиозно-мифологическому лицу. Он распространялся на всю категорию зловредных духов независимо от локализации. Слово «шайтан» не имело внутри этнического распространения и в основном использовалось лишь русскими для обозначения разнообразных персонажей хакаского пандемониума [Там же].

М. Александров останавливается и на рассмотрении мифологических сюжетов с такими персонажами Нижнего мира, как: ведьма *Хуу Хат*, исполинская рыба – *Кир Палых* и многоголовое чудовище – *Чельбиген*. Помимо того, автор касается и вопроса о посмертной судьбе умерших и идеи воздаяния, описывая картину мучения душ людей в аду [8. 1888. № 18. С. 266–271].

Исследователь в своей работе, безусловно, не смог пройти мимо фигуры шамана и его обрядовой деятельности. Была затронута тема шаманской атрибутики, в частности бубна. В результате изучения данного вопроса он пришел к справедливому выводу о том, что в этом культовом предмете в художественной форме получили воплощение представления хакасов о мироздании и его обитателях [Там же. № 14. С. 199].

Священник М. Александров, подытоживая свое повествование, констатирует: «Из собранного в этой статье материала видно, приблизительно, насколько велик сонм богов – высших и низших, населяющих небо, землю и преисподнюю; сколь много разных духов и чудовищ, требующих жертв, умилоствления, задабривания. Злые божества и их служители, чудовища, наводят на инородца суеверный панический страх» [Там же. № 18. С. 270].

Следует отметить, что в конце своей работы он все же не смог полностью отойти от миссионерского подхода при изложении этнографических материалов. Очевидно, что это было и невозможно при их публикации в религиозном издании. Автор-священнослужитель, вопреки стремлению к научности в освещении обозначенной темы, как основной вывод своего труда считает традиционное мировоззрение хакасов язы-

ческим суеверием и «болезней души человеческой», для исцеления которой призывает обратиться в православие. Он завершает свой труд в духе пастырского наставления: «История показывает, что суеверный страх к разным злым существам, созданным языческою фантазией, не скоро вытесняется даже христианским мировоззрением. Отсюда видно, какого внимания пастырей заслуживают суеверия инородцев» [8. 1888. № 18. С. 270–271].

Итак, представленный материал позволяет сделать вывод о том, М. Александров на фоне многих представителей местного духовенства отличался высоким уровнем образования и исследовательскими способностями. Обращаясь к изучению традиционного мировоззрения хакасов, он прежде всего ставил главной целью сделать миссионерскую деятельность наиболее результативной. Существенным препятствием в утверждении хакаского населения в православной вере, как показывала действительность, выступало их нежелание отказаться от веры предков, которую те исповедовали на протяжении столетий.

Как известно, чтобы эффективно бороться с каким-либо явлением, надо прежде всего обладать наиболее полными знаниями о нем. Однако реалии на тот момент были таковы, что православное духовенство, да и сама этнографическая наука, обладало лишь отрывочными, весьма скудными и разрозненными сведениями об этом культурном явлении. Автор посредством систематизации фактических сведений разных исследователей по этой проблеме сделал попытку заполнить образовавшуюся лакуну. Для решения поставленной цели довольно успешно был использован метод сравнительно-исторического анализа, привлекая материалы по алтайской этнографии.

Рассматриваемая статья М. Александрова, по сути, явилась одной из первых этнографических работ XIX в., в которой относительно полно была воссоздана картина мира хакасов. На основе обобщения и анализа имеющегося в его распоряжении материала им совершенно справедливо была выделена вертикальная модель мироздания, состоящая из трех основных сфер: Верхней (небесной), Средней (земной) и Нижней (подземной). Он достаточно подробно проанализировал представления об обитателях каждой из этих частей мироздания и ритуальном сопровождении, связанном с ними. Отметим, что подобной схемы анализа традиционного мировоззрения в дальнейшем практически неукоснительно придерживались и последующие исследователи данной темы.

Таким образом, своей работой священник внес значительный вклад не только в миссионерскую деятельность, но и в этнографическое изучение культуры хакаского народа. Несмотря на то что изучение его традиционного мировоззрения им было осуществлено сквозь призму христианского мировидения, в определенной мере эта работа способствовала установлению информационного контакта между коренным и русским православным населением обозначенного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работе А.Н. Гладышевского «К истории христианства в Хакасии» [5. С. 44] сообщается, что авторство данной работы принадлежит священнику В. Суховскому. Однако в действительности статья была опубликована под фамилией М. Александров. Данное противоречие исследователь никак не объяснил и не привел никаких убедительных доводов в доказательство своего утверждения. Отметим и то, что он также допускает ошибку, приписывая статью «Остатки языческой обрядности у кивинских инородцев» В. Суховскому [5. С. 44; 15. С. 296–300]. Хотя на самом деле она была подготовлена другим миссионером – Петром Суховским. Все это дает основания предполагать, что М. Александров – это все же не псевдоним Василия Суховского, а совершенно иной автор. К сожалению, более подробных сведений о нем к настоящему времени обнаружить не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом. Абакан, 1958. 160 с.
2. Шиббаева Ю.Ш. Влияние христианизации на религиозные верования хакасов // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1979. С. 180–196.
3. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996. 221 с.
4. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
5. Гладышевский А.Н. К истории христианства в Хакасии. Абакан: Типогр. ООО «Фирма-Март», 2004. 136 с.
6. Асочакова В.Н. Христианизация хакасов в XVIII веке – 1861 г. (до образования Енисейской епархии). Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2008. 248 с.
7. Бураков В.А. К вопросу о христианизации хакасов в прошлом и настоящем // Проблемы межнационального взаимодействия в Сибири. Новосибирск: Изд-во ПреПресс-Студио, 2005. Вып. 3. С. 66–74.
8. Александров М. О религиозном мировосприятии Минусинских инородцев // Енисейские епархиальные ведомости. 1888. № 6. С. 78–81; № 8–9. С. 94–101; № 12. С. 155–157; № 13. С. 178–183; № 14. С. 198–201; № 15. С. 216–218; № 16. С. 230–232; № 17. С. 246–250; № 18. С. 266–271.
9. Путилов Н. (Опубликован как П.Ф.Т.) Встреча с шаманом. Нечто о шайтанах // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 13. С. 176–182.
10. Путилов Н. Шаманы в роли врачей // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. № 17. С. 310–311.
11. Орфеев Н. Брачные обычаи инородцев Минусинского округа // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. № 23. С. 365–369; № 24.
12. Катанов Н. (священник). Шаманский бубен и его значение // Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 6. С. 112–114.
13. Суховский В. О шаманстве в Минусинском крае. Отдельный оттиск. Казань, 1901. 9 с.
14. Тыжнов П. Призывание духов камами при нагорном жертвоприношении минусинских инородцев. Шаманство кама над больным. Тур или бубен. Арба. Шаманская одежда (королюг тон). Шапка шамана (чалыммалалы пюрих) // Енисейские епархиальные ведомости. 1902. № 11–12. С. 338–344.
15. Суховский П. Остатки языческой обрядности у кивинских инородцев // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 21. С. 296–300.
16. Древо: открытая православная энциклопедия. URL: <http://www.drevo-info.ru/articles/19624.html>, свободный (дата обращения: 14.09.2016).
17. Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
18. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
19. Бураков В.А. Роль культовых предметов в социокультурной коммуникации хакасов: по данным языка, культуры и психологии (конец XIX – середина XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 2. С. 89–94.
20. Бураков В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 107–114.

Burnakov Venariy A. Institute of Archaeology and Ethnography of the RAS (Novosibirsk, Russia), Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: venariy@ngs.ru

THE TRADITIONAL WORLDVIEW OF THE KHA-KAS IN THE STUDY OF THE ORTHODOX PRIEST M. ALEKSANDROV.

Keywords: Khakas; Christianization; missionaries; proselytizing; traditional outlook; ritual; folklore.

The aim of the article is to study the little-known ethnographic work of the Orthodox priest M. Aleksandrov “On the Religious worldview of the Minusinsk Natives”. To achieve this goal, the following tasks were set: identification of motivation and methods of studying the traditional outlook and ritual practice of the Khakass people, analysis of the source base that served to write the indicated work and the characteristics of the main research results. The chronological scope of the study is limited to the second half of the 19th century - the time when the very study of the spiritual culture of this people was done. The work is based on an integrated, system-historical approach to the study of the past. The research method based on historical and ethnographic methods - scientific description, concrete historical and relict. In the process of studying this cultural phenomenon, he used and systematized extensive ethnographic materials: historical, ethnographic and folklore (heroic legends - *alypty nymkhtar* and fairy tales - *nymakhtar*). To achieve the goal, he was one of the first to use a comparative-historical method of investigation. As a comparative material he attracted ethnographic and linguistic information about the neighboring and related Khakass people - the Altaians (Altai Turks). Because of the analysis, the following conclusions can be drawn: 1) Missionary activity in Khakassia by the end of the 19th century reached its peak, during which almost all the indigenous population converted to Orthodoxy; 2) Along with this, the degree of penetration of this creed into the consciousness of local residents and their spiritual practice can be characterized as superficial. This reality explained mainly by the administrative approach in the process of their Christianization. In turn, this contributed to their indifference to the religion imposed from above. Christianized Khakass, in fact, remained a pagan, adhering to traditional religious and mythological beliefs; 3) The Russian Orthodox Church used a new strategy to improve the efficiency of proselytizing activities among the indigenous people. Clergymen try to study their language and culture more deeply, including, traditional outlook and ritual. The received knowledge called to help in the spiritual-educational activity among the “aliens” and significantly increase its effectiveness; 4) Within the framework of this missionary installation, the priest M. Alexandrov conducted the study of the marked topic; 5) His work “On the religious worldview of the Minusinsk Natives” was one of the first ethnographic studies of the XIX century, in which the picture of the Khakass world was recreated purposefully and relatively full and structural. Author’s development of the analysis of the traditional world outlook was later widely used by subsequent researchers of this problem; 6) By his work, this priest made a significant contribution not only to missionary work, but also to ethnographic study of the culture of the Khakass people. Despite the fact that the study of its traditional worldview was carried out

through the prism of the Christian worldview, to some extent this work contributed to the establishment of information contact between the indigenous and Russian Orthodox population of the designated region.

REFERENCES

1. Potachakov, K.M. (1958) *Kul'tura i byt khakasov, v svete istoricheskikh svyazey s russkim narodom* [Culture and life of the Khakass in the light of historical ties with the Russian people]. Abakan: [s.n.].
2. Shibaeva, Yu.Sh. (1979) Vliyaniye khristianizatsii na religioznye verovaniya khakasov [The influence of Christianisation on the religious beliefs of the Khakas]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Khristianstvo i lamaizm u korennoy naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Christianity and Lamaism in the indigenous population of Siberia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka. pp. 180–196.
3. Butanaev, V.Ya. (1996) *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov* [Traditional culture and life of Khakassians]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo.
4. Butanaev, V.Ya. (2003) *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burhanism of the Turks of Sayano-Altai]. Abakan: Khakass State University.
5. Gladyshevskiy, A.N. (2004) *K istorii khristianstva v Khakasii* [To the history of Christianity in Khakassia]. Abakan: Firma-Mart.
6. Asochakova, V.N. (2008) *Khristianizatsiya khakasov v XVIII veke – 1861 g. (do obrazovaniya Eniseyskoy eparkhii)* [Christianization of the Khakas in the 18th century – 1861 (before the formation of the Yenisei diocese)]. Abakan: Khakass State University.
7. Burnakov, V.A. (2005) K voprosu o khristianizatsii khakasov v proshlom i nastoyashchem [On the issue of Christianisation of the Khakas in the past and the present]. In: Fursova, E.L. et al. *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeystviya v Sibiri* [Problems of interethnic interaction in Siberia]. Novosibirsk: PrePress-Studio. pp. 66–74.
8. Aleksandrov, M. (1888) O religioznom mirosozertsanii Minusinskikh inorodtsev [On the religious worldview of the Minusinsk Non-Russians]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 6. pp. 78–81.
9. Putilov, N. (1884) Vstrecha s shamanom. Nechto o shaytanakh [Meeting with the shaman. Something about the Shaytans]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 13. pp. 176–182.
10. Putilov, N. (1885) Shamany v roli vrachey [Shamans in the role of doctors]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 17. pp. 310–311.
11. Orfeev, N. (1885) Brachnye obychai inorodtsev Minusinskogo okruga [Marriage customs of Minusinsk Non-Russians]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 23. pp. 365–369.
12. Katanov, N. (1889) Shamanskiy buben i ego znachenie [Shaman Tambourine and Its Importance]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 6. pp. 112–114.
13. Sukhovskiy, V. (1901) *O shamanstve v Minusinskom krae* [About shamanism in the Minusinsk Territory]. Kazan: [s.n.].
14. Tyzhnov, P. (1902) Prizyvanie dukhov kamami pri nagornom zhertvoprinoshenii minusinskikh inorodtsev. Shamanstvo kamov nad bol'nym. Tur ili buben. Arba. Shamanskaya odezhda (konrolyg ton). Shapka shamana (chalynmalalykh pyurikh) [Calling of spirits by kamas at the mountainous sacrifice of the Minusinsk non-Russians. Shamanism of kamas over the sick. Tour or tambourine. Arba. Shaman clothing (konrolyg ton). Shaman's cap (chalynmalalykh piurich)]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 11–12. pp. 338–344.
15. Sukhovskiy, P. (1884) Ostatki yazycheskoy obryadnosti u kivinskikh inorodtsev [Remains of pagan rites in the Kivinsky foreigners]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. pp. 296–300.
16. Drevo-info.ru (n.d.) *Drevo: otkrytaya pravoslavnaya entsiklopediya* [Drevo: An Open Orthodox Encyclopedia]. [Online] Available from: <http://www.drevo-info.ru/articles/19624.html>. (Accessed: 14th September 2016).
17. Subrakova, O.V. (ed.) (2006) *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
18. Gemuev, I.N. (ed.) (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya* [Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and Time]. Novosibirsk: Nauka.
19. Burnakov, V.A. (2015) The role of religious objects in sociocultural communications of Khakassia: evidence from linguistic data, culture and psychology (the late 19th – mid 20th centuries). *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 22(2). pp. 89–94. (In Russian).
20. Burnakov, V.A. (2011) Erlik-khan v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [Erlik Khan in the traditional world view of Khakass]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(45). pp. 107–114.

УДК 930.85

DOI: 10.17223/19988613/50/21

К.Ю. Петрова, О.В. Хазанов

ДИАЛОГ КАК ФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ОТЦА А. МЕНЯ

Исследование выполнено в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

Проводится анализ исследовательской модели А. Меня, применяемой им в интерпретации истории религиозных учений, в частности культуры Индии, выявляется ее диалогический характер. Показываются схожие черты понимания диалога как метода познания у А. Меня с классиками философии диалога XX в. М. Бубером и М.М. Бахтиным и применение им диалога как методологической позиции. Анализируются основные черты и границы этого метода.

Ключевые слова: интерпретация исторического процесса; диалог; модель развития культуры; традиция; телеологичность.

Мыслитель и проповедник отец Александр Мень был незаурядным, выдающимся человеком. И по широте и глубине личности, и кругозора. А. Мень живо интересовался окружающим миром, наукой, его небезосновательно называют последним энциклопедистом XX в. Среди множества литературы, посвященной религиозной проблематике, его семитомная «История религии» (шеститомник, объединенный в серию «В поисках Пути, Истины и Жизни», плюс седьмой том «Сын Человеческий», первый вариант которого А. Мень написал в 15 лет). История религии впервые была опубликована за рубежом почти полвека назад, затем постепенно была издана и на родине. До настоящего времени она остается яркой и хрестоматийной, хотя и не бесспорной, работой, которую не обойти вниманием тем, кто интересуется вопросами истории религии.

В этом деле о. Александр считал себя продолжателем В. Соловьева, ставшего одним из первых, кто намеревался создать обобщающий труд по истории религии. Соловьев считал объяснение «древних религий» необходимым, поскольку «без этого невозможно полное понимание всемирной истории вообще и христианства в частности» [1. С. 12]. В. Соловьеву не удалось полностью реализовать свой план. Отмечая дальнейшие работы в этом направлении, о. Александр выделяет епископа Хрисанфа (Религии Древнего мира в их отношении к христианству: в 3 т. СПб., 1873–1875), А. Введенского (Религиозное сознание язычества. М., 1902), прот. А. Клитина (История религии. Одесса, 1911), прот. Н. Боголюбова (Философия религии. Киев, 1918), о. А. Ельчанинова (М., 1911) [Там же], Н. Бердяева (Наука о религии и христианская апологетика, 1927). Из этих трудов завершены оказались только очерк о. А. Ельчанинова, кратко осветивший важнейшие моменты религиозной истории.

Отцу Александру свой труд удалось завершить. Главную цель своей работы он сформулировал так: «по возможности доступно изобразить драматическую кар-

тину духовной истории» [1. С. 12]. Под картиной духовной истории здесь, очевидно вслед за идеей В. Соловьева, он подразумевает обобщающую картину всемирной истории религии, которую описывает, воссоздавая в свете целостного христианского мирозерцания и опираясь на богатое наследие богословской и научной мысли. Свой труд о. Александр рассматривает как своего рода попытку религиозно-философского и исторического синтеза [Там же. С. 13]. А. Мень подчеркивает, что «читатель не найдет здесь ничего такого, что не опиралось бы на первоисточники и на выводы современных исследований» [2. С. 15].

Богатая источниковая база, к которой он обращается, размышляя над каждым из рассматриваемых вопросов, является несомненным достоинством работы. Также и реализованная установка (пусть и не всегда последовательная) на вчувствование в другой опыт, в духовность, миры иных религиозных культур. Свою, по сути, феноменологическую установку он тщательно описывает. «Не следует забывать, что сфера религиозная – совершенно особая сфера. Без проникновения в самый дух вероучений, без частичного отождествления себя с их исповедниками невозможно ничего понять в сущности религий. Только путь внутреннего сопереживания, когда мы будем искать истину вместе с анимистом, буддистом или греческим мыслителем, поможет нам уловить подлинную динамику религий, подготовивших мир к явлению Богочеловека. Движение к этому центру, или высшей точке, представляет собой поистине захватывающее зрелище; следя за ним, мы сможем глубже понять и смысл самого христианства. То, что было поисками Пути, Истины и Жизни, дает возможность по-новому взглянуть на Евангелие, увидеть его в широкой мировой перспективе» [1. С. 13].

А. Мень обоснованно полагает, что такой подход для православного священника, проповедника не останется без критики и претензий. В какой-то мере, и это не удивительно, идея диалога как способа поиска новых смыслов и в настоящее время встречает сопротивление, когда

речь заходит о практике межкультурных исследований и отношений.

Основателем и классиком такого видения диалога был старший современник А. Меня М.М. Бахтин, на которого, в свою очередь, повлияло знакомство с философским наследием М. Бубера. М. Бубер понимает бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и человеком и человеком и миром. Истинное бытие для него не существует вовне, оно появляется между личностями Я и Другого. «По ту сторону субъективного, по эту сторону объективного, на узкой кромке, где встречаются Я и Ты, лежит область Между... Здесь намечается то истинное Третье, познание которого поможет человеческому роду вновь обрести подлинную личность и учредить истинную общность» [3. С. 155].

М.М. Бахтин, исследуя возможности общения с текстом и через него со всем миром бытия автора и его героя, пришел к идее диалога как единственно возможного способа понимать и существовать посредством этого понимания. Первый обстоятельный разбор сущности диалога он осуществил в «Проблемах поэтики Достоевского» (1929 г., первоначально эта работа М. Бахтина называлась «Проблемы творчества Достоевского»).

«Идея живет не в изолированном индивидуальном сознании человека, – оставаясь только в нем, она выражается и умирает. Идея начинает жить, то есть формироваться, развиваться, находить и обновлять свое словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями» [4. С. 99]. Любое познание является диалогическим, потому что оно невозможно без контекста исторических эпох, познающего и познаваемого (и тот и другой мыслятся М.М. Бахтиным как субъекты). В ходе понимания происходит спор-согласие между различными контекстами – «активно-диалогическое понимание» [5. С. 381]. При соприкосновении мыслений собеседников в сознании обоих рождается нечто новое, новые смыслы. М.М. Бахтин в диалоге видит также единственную возможность преодолеть дисгармоничность взаимоотношений Я и Другого.

Понимание диалога А. Менем созвучно идеям М. Бубера и М.М. Бахтина. Всех троих диалогистов объединяет восприятие диалога как формата познания. Также они осмысливают диалог как качественный способ существования знаний и идей, а о. Александр развивает эту мысль дальше, видя в диалоге и качественный способ существования личностей (наиболее ярко об этом он высказывается, иллюстрируя примерами свои лекции, беседы и проповеди). Помимо коммуникативной ценности, значительное место в его восприятии диалога отводится отношению к нему как к методу познания, подлинный диалог далеко не исчерпывается понятиями разговора, беседы и т.п. Это контакт, вступая в который участники пытаются понять другую сторону, избавляясь от стереотипов, ярлыков, мифов. Его необходимыми условиями, принципами являются открытость

и уважение к другому, что дает шанс понять это иначе через узнавание позиции «другого», попытку «взгляда на мир» с этой другой позиции. Даже если это является политически, идеологически не выгодным для сторон. Этот метод о. Александр обозначает как «частичное отождествление себя с их [других вероучений] исповедниками», «путь внутреннего сопереживания». Самоценность диалога при таком подходе состоит в том, что посредством равноправного диалога его участники, являясь активными субъектами, могут восполнить друг друга (Другого) там, где без взгляда со стороны, извне, сами себя увидеть не могут.

А. Мень подчеркивает, что его исследование – это не узкоспециальный труд, и менее всего – учебное пособие. Оно задумывалось скорее в духе повести или даже поэмы [2. С. 15], о чем, бесспорно, свидетельствует блестящий стиль, каким оно написано. Также о. Александр составляет списки литературы, «чтобы тот, кто заинтересуется предметом, мог самостоятельно в него углубиться» [1. С. 13]. То есть по формальным признакам труд может быть сопоставим с учебным пособием. Так встает вопрос: какую цель преследует автор, убеждая читателя не воспринимать работу как учебное пособие? Говоря о том, что работа – не учебник, что автору хотелось бы, чтобы она не была воспринята просто как повесть о далеком прошлом, А. Мень выходит на еще одну задачу, даже сверхзадачу, к достижению которой он приложил усилия, а итог зависит от читателя. «Как бы ни изменялся мир, есть проблемы, которые всегда будут волновать людей. Поиски, ошибки и духовные прозрения человечества не могут оставить нас равнодушными, особенно сейчас, в эпоху кризисов, разочарований и новых жестоких заблуждений. Сегодня для многих наступает время сделать внутренний выбор. И высшей наградой для автора было бы сознание того, что встреча с далекими предшественниками хотя бы в чем-то помогла нашим современникам в их поисках Пути, Истины и Жизни», – пишет он [2. С. 16].

По замыслу о. Александра, обобщающий труд об истории духовных исканий в контексте всемирной истории призван помочь читателю в формировании целостной картины мира, заполнить лакуны в знаниях или связать имеющиеся с представлениями о духовной, внутренней жизни людей и обществ. Побуждая таким образом уже читателя к вдумчивому, не формальному отношению к истории и историческим фактам, а вчувствованию в исторические ситуации, глубокому осмыслению. К диалогу с представляемым текстом, и через примеры и аналогии, выстраиваемые автором, – к диалогу, познанию описываемых в нем духовных культур, через который, по «идеальной» цели, или, может быть, мечте о. Александра, читатель дойдет и до внутреннего диалога и, поразмыслив над духовными поисками предшественников, задумается и над собственным мировидением и духовными поисками или их отсутствием.

Выделяя основные цели о. Александра в работе над Историей религии, получаем целостную картину. Это, во-первых, логически завершенное и выраженное простым и ясным языком описание духовных исканий, мировой истории религии. Во-вторых – работа, отвечающая представлениям о научном исследовании, опирающаяся на научную литературу и источники, работа, в которой источники приводятся читателю для возможности самостоятельного ознакомления.

Рассмотрим подход о. Александра к интерпретации исторического процесса подробнее и выявим специфические его черты. Постараемся обозначить основные границы историчности в его работе. В первую очередь стоит отметить фундаментальность подхода о. Александра к истории религии. Все события истории для него взаимосвязаны, настоящее имеет истоком прошлое, но и может быть до определенной степени предвидимым в нем. Главные вопросы, наиболее волнующие людей, одинаковы. На всю историю духовных исканий человечества А. Мень смотрит с позиции линейного восприятия истории, в котором христианство, Новозаветная история являются направляющей осью и сутью всего остального исторического процесса: «...в христианстве завершился длительный всемирно-исторический процесс религиозных исканий человечества» [1. С. 10].

А. Мень убежден в надмирности истоков христианства и самого процесса его возникновения и распространения: «Не человеческой, а Божественной Вестью вошло Евангелие в поток исторического бытия» [Там же. С. 11]. Он подчеркивает направленность исторического процесса, телеологическое понимание религиозной истории позволяет ему выделять этапы мировых духовных исканий, видя их итогом христианство. Итогом и хронологическим, и смысловым, приняв который некоторые «потом отступились. Но идти миру было, в сущности, уже некуда. Оставалось лишь снова и снова повторять блуждания, которые увлекали человеческий дух в дохристианские времена. Отход от Христа на деле означал возврат к Будде или Конфуцию, Заратустре или Платону, Демокриту или Эпикуру» [Там же].

При таком подходе к истории религий из нее выпала история ислама (если не считать некоторых упоминаний), центральным сюжетом повествования об истории духовных исканий становится религиозная история народа Израиля. Здесь метод диалога подошел к своей границе, которая есть у него, как и у любого другого метода познания. В данном случае она определяется степенью открытости сторон и способностями абстрагирования от собственного мировидения при анализе, «вчувствовании» в позицию, мировидение другой стороны диалога. И в этом вопросе, при всей своей открытости к другому, о. Александр остается православным священником и проповедником, выделяя стержнем истории духовных исканий человечества именно иудео-христианскую культуру.

Это, с одной стороны, представляется весьма органичным для его личности, но с другой – подчас приво-

дит его к выводам, выходящим за рамки научного познания. Описание процесса эволюции религии о. Александром основывается на библейской схеме. Для картины мира А. Мень этот подход естествен, он его не раз проговаривает, например: «Откровение Ветхого Завета уникально, даже если смотреть на него просто как на одну из древних религий. Только здесь звучит голос единого, надмирного и одновременно всеобъемлющего и личного Бога. Если предвосхищение Евангелия можно найти у многих философов и учителей, то единственными Его предтечами в прямом смысле слова были пророки Израиля» [2. С. 13].

В представлении о. Александра о многообразии религиозных культур и их динамике совмещаются подход эрудита, задумывающегося об их истории и особенностях, и священника, настолько убежденного в идеалах своей веры, что в этом многообразии он видит «не скопище заблуждений, а потоки рек и ручьев, несущих свои воды в океан Нового Завета» [1. С. 14] – именно стремление к Творцу, к вере, исповедуемой им самим.

Начало истории религии как истории религий, по мнению А. Мень, определено моментом грехопадения, в результате которого между человеком и Богом возникают отчуждение и стремление к восстановлению утраченной связи. На многочисленных этнографических примерах А. Мень демонстрирует, как в сознании человека на ранних этапах истории живое чувство Бога все более заглушалось натуралистическими культами, вытеснялось язычеством и магией. Магизм усматривал во Вселенной некие неизменные законы и силы, овладение которыми сулило человеку благоденствие. Подлинная же религиозная жажда была ему чужда. Однако стихия магии не смогла окончательно захлестнуть человека, искру Божию в нем, и постепенно Единый Бог начинает возвращаться в его сознание [Там же. С. 237–238].

Представление А. Мень о развитии религии согласуется с теорией прамонотеизма, которую начали обосновывать Ф. Шеллинг, М. Мюллер, В. Соловьев, Л. Шредер, и оформил его старший современник, немецкий исследователь и католический священник В. Шмидт. С их трудами о. Александр был знаком и ценил [Там же. С. 230–234]. Впоследствии она не была широко поддержана научным сообществом, но встречается и в современном религиоведении. В концепции прамонотеизма А. Мень ключевой линией истории религий является христианская культурная традиция. Диалог о. Александра с исследуемыми культурами сводится, в силу причин, описанных ранее, к диалогу в первую очередь с одной, наиважнейшей для него культурой.

Такое понимание истории религии, через призму истории именно христианства, не мешает о. Александру достаточно глубоко интересоваться другими религиями, называть их проповедников Учителями и ценить достижения их мысли и духа. А. Мень видит ана-

логичными духовные поиски многовековой давности и современную ему духовную ситуацию – эпоху кризисов, разочарований и новых жестоких заблуждений [2. С. 16], в которой важно задуматься о высших смыслах, сделать личностный выбор в пользу осознанного духовного пути. Дохристианские религии А. Мень понимает как историю поисков высших духовных смыслов, актуальную и важную для своего времени. Поиски эти в представлении о. Александра должны завершиться именно Евангелием, которое является их целью – даже если ищущие в этих культурах-поисках об этом не догадываются. Поэтому он видит значимым «диалог Евангелия с нехристианским миром», который есть «не только событие двухтысячелетней давности, но нечто, продолжающееся и сегодня» [6. С. 7]. При этом у христиан он признает «рецидивы доевангельского сознания», проявление которых объяснимо многовековой историей язычества и преодоления таких его проявлений, как отрешенный спиритуализм, авторитарная нетерпимость, магическое обрядоверие [1. С. 11].

Представление исторического процесса и истории религиозных культур как процесса линейного, исходящего и движущегося, пусть и с откатами, к христианству, телеологичность мировосприятия о. Александра периодически приводят его исследование к выводам, выходящим за рамки науки в позитивистском ее понимании. И в этом его нацеленность на создание работы, отвечающей представлениям о научном исследовании, оказывается не вполне реализованной, несмотря на качественный подбор исследований и источников, корректную работу с фактическим материалом и источниками. В то же время диалогическая исследовательская установка и методология о. Александра – «путь внутреннего сопереживания, когда мы будем искать истину вместе с анимистом, буддистом или греческим мыслителем, поможет нам уловить подлинную динамику религий» – позволяет ему делать выводы об иных культурах, лишённые субъективности взгляда христианского мыслителя. Сам он представляет и проговаривает круг этой своей субъективности читателю.

Несомненно, мировоззрение отца Александра, опираясь на научные факты и гипотезы, является определяющим фактором в формировании его картины развития духовных учений на протяжении всей мировой истории. С. Аверинцев, написавший предисловие к изданию, так говорит об этом: «Как само собой разумеется между честными людьми, его взгляд на факты определен его убеждениями; и все-таки читатель ошибется, если предположит, что вот сейчас начнется уговаривание – вербовка в прозелиты. Ибо, с другой стороны, автор – человек современной светской культуры, и это сказывается не только на его знаниях, приобретенных непрерывным трудом всей жизни, но прежде всего на его интеллигентной позиции по отношению к читателю. Установка на пропаганду в тривиальном смысле слова исключается» [Там же. С. 8–9].

Напротив, А. Мень сразу предупреждает читателя против слепого доверия излагаемому материалу и поддерживает этот начатый диалог на протяжении всей работы. Призывая к самостоятельному мышлению, погружению в предмет, А. Мень регулярно обращается к читателю, задает множество проблемных вопросов, приводит аналогии и примеры из мира природы, бытовых ситуаций. Эти примеры призваны как бы вытаскивать читателя из состояния «слепого», машинального чтения текста, побуждают, в простоте своих образов, задуматься об аналогии, вслед за автором погрузиться в описываемые времена, ситуации. Сам А. Мень описывает и реализует такой метод познания как путь внутреннего сопереживания, отождествления с исповедниками вероучений при ясном осознании их чужести и инаковости. Он считает, что все проявления любой культурной традиции определяются в первую очередь тем, как воспринимает человек окружающий мир, что он думает о себе, о жизни, о Высшем, какие этические принципы руководят его поступками, какие идеалы вдохновляют его творчество. Культура, по его мнению, зарождается в недрах того, что можно назвать религией в широком смысле слова, и история дает множество примеров того, как идеи и верования двигали миром, как мифы, концепции и убеждения меняли облик культуры [Там же. С. 35].

В «Истории религии» он вступает в своеобразный диалог с мыслителями и культурами прошлого и в его реализации подходит к современным методам исследования. Продумывает и описывает исторические и природные условия, характеры и чаяния рассматриваемых персонажей, что позволяет ему глубже понимать другие культуры, и этому методу старается обучить и читателя. Т.Г. Скороходова, анализируя преимущества методологической позиции о. Александра, говорит о ней как о включающей лучшие интеллектуальные достижения западной культурной традиции: вектор заинтересованного и равноправного диалога с Другим, его духовным, культурным и социальным миром, диалога позитивного и обогащающего обе включенные в него стороны. Она отмечает, что диалог для о. Александра – это метод сравнительного исследования [7. С. 116–117].

На примере образа индийской культурной традиции, которая, по мнению о. Александра, является одним из ярчайших примеров отражения восприятия окружающего мира в религиозной традиции, видим, как такая методология помогает ему обрисовать образ традиции, как бы погрузиться в него и через это почувствовать и выявить ее характерные аутентичные черты. А. Мень выделяет ряд характерных черт индийской традиции, которые характеризуют ее как «землю богоискателей» [6. С. 63]. Это проникнутость этическим элементом, наибольшая по сравнению с прочими современными ей культурами [Там же. С. 107–109], аскетизм, который на ее почве получил «наибольшее распространение и популярность во всей мировой истории» [Там же. С. 120].

На примере сюжета о судьбе Будды А. Менъ отмечает поразительную толерантность, присущую индийцам: в ряду других великих мудрецов и учителей Будда был религиозным реформатором, который не подвергался гонениям, «достиг восьмидесяти лет, пользуясь почетом и уважением» [6. С. 201]. А. Менъ говорит о многогранности духовной жизни Индии, сочетании аскезы, отрешенной от феноменального мира, и поразительного жизнелюбия благоговейного перед природой и чувствами человека [8. С. 58]. Отмечает отсутствие во всей индийской традиции идеи самоценной и самостоятельной человеческой личности, ибо она не совместима с доминирующим представлением о тождестве индивидуального Я человека и Абсолюта, в котором она рано или поздно растворяется [6. С. 88]. Осмысляя концепцию божественной игры в индийской культуре, А. Менъ приходит к выводу, что она являет собой «поистине тупик, в котором оказалась религиозная мысль, лишенная понятия о божественной Любви и Разуме» [Там же]. По его мнению, представление о вечном и неизменном круговороте космоса, «в котором он то выплескивается из Брахмана, то вновь утопает, растворяется в Бездне», свидетельствует, что зримый мир утратил для мыслителей Индии всякую ценность и «стал лишь бредом, чудовищной грезой, которая время от времени затемняет абсолютное сознание» [Там же. С. 87–88].

В индийской культуре представление о взаимоотношениях между Богом и человеком, месте и роли человека в мире объединяет в рамках единой культурной традиции величайшую аскезу и величайшее жизнелюбие (подробный анализ осмысления А. Менем индийской традиции представлен в работе «Мистические алгоритмы трансформации индийской традиции в свете “игровой” парадигмы культуры» [9]). Они воспринимаются как участники действия жизни, которое представляется как своеобразная игра Абсолюта с миром и людьми. С. Вивекананда так описывает путь человека к внутренней свободе через партнерство с Абсолютом в этой «божественной игре»: «Бхакта говорит: “Люби Господа твоего, Товарища по игре, и наслаждайся игрой. Если ты беден, радуйся, что это шутка. Если ты богат, радуйся игре в богатство. Если подвергаешься опасностям, это хорошая игра. Если пришло счастье, это еще лучшая забава. Мир – это театр, в котором мы играем свои роли, и Бог все время играет с нами. <...> Итак, смотрите на Него как на играющего в каждом атоме, играющего, когда Он создает земли, солнца и луны, играющего с человеческими сердцами, с животными и растениями. Смотрите на себя только как на Его партнера. Он устраивает нас сначала так, потом иначе, и мы сознательно или бессознательно помогаем Ему в игре. И, о блаженство! Мы – его партнеры!”» [10. С. 126–127].

С целью воспроизведения в себе Личности Божественного Учителя человек должен войти в мир, но относиться к нему, как к игре – легко, бескорыстно и

уважая ее правила. И как Бог в определенный момент покидает мир, так должен покинуть его и человек. Эта «игра» в целом «оказывается выше полярности добра и зла (существующей на низшем уровне и регулируемой законом кармы, который представлял собой правило, но не жесткую схему “игры”» [11. С. 91].

Представление о «незаинтересованном действии» Бога в созданном Им мире, окончательно интерпретированное как «божественная игра» (лила) в «Брахмасутре» Бадараяны (II в. до н.э. – I в. н.э.), предполагало, что Абсолют создал универсальный путь духовного саморазвития как для Себя, так и для всех втянутых в Его «игру» субъектов, могущих развиваться как автономно, так и в полном единении с Ним.

В оценке индийской духовной традиции А. Менем видим и преимущества диалогического метода познания, и то, как проявляются его границы. Им был проделан большой труд, значение которого неоспоримо велико. Но отметим, что этот метод, успешно применяемый о. Александром, позволяя реконструировать некоторые события и воззрения, выявлять характерные черты культуры, имеет и свои недостатки. Диалогическая модель предполагает взаимное участие в процессе, в создании смыслов. И когда речь заходит о наивысших смыслах, принадлежность к иной духовной традиции побуждает его к интерпретациям, выходящим за границы рассматриваемой культуры. Для о. Александра, воспринимающего Бога как личность, как Творца, живо заинтересованного в своем творении, с которым человеку возможно пребывать в личностном общении, неприемлема идея отсутствия самоценной и самостоятельной человеческой личности, невозможности личного общения, диалога с Ним, возможности только видения проявлений Его действий в мире. Несмотря на то что он эту разность осознает и проговаривает, предлагается к ее описанию с позиции носителя, в его интерпретации наряду с успешными присутствуют и спорные истолкования. При этом о. Александр имеет и преимущество стороннего наблюдателя, именно через свою непринадлежность к культуре Индии. Это позволяет ему видеть, в том числе через сопоставление с другими традициями, христианской культурой, такие противоречия в культуре индийской, которые не видны изнутри [7. С. 123].

Позиция о. Александра христоцентрична, и это способствует особому восприятию и анализу им индийских духовных традиций и культуры, выявлению ее взлетов и неудач, а также путей межрелигиозного диалога. Его подход открывает возможность уйти от крайностей прежнего, но встречающегося и сейчас «обличительного» подхода христианских теологов к индуизму, от этноцентризма как исследовательской позиции и одновременно – от крайностей культурного релятивизма, возводящего в абсолют национальные особенности духовной традиции [Там же. С. 124]. (Подробное рассмотрение применения методологии о. Александра при анализе религиозных традиций Индии и Востока см.: [7].)

Как видим, проблемы методологии, поисков максимально релевантных интерпретаций неизменно встают перед исследователем религиозных традиций, принадлежит ли он рассматриваемой культуре, или принадлежит иной религиозной культуре, или не принадлежит никакой из религиозных культур. Любая из позиций исследователя, глубоко рассматривающего религиозные традиции, в какой-то мере определяет его восприятие и субъективность его интерпретации. Происходит это в силу особенностей предмета и объекта исследования. Вероятно, эти проблемы изучения религиозных традиций еще долгое время будут актуальными в научной среде. Одним из возможных путей их преодоления, как видится, является диалог (в том смысле, в каком его понимают диалогисты XX в.) исследователей и исследуемых культур: автора исследования – с исследуемой культурой и с собой, собствен-

ной субъективностью, осознание ее существования и качественное ее описание. Для исследователя, работающего с библиографическим источником, – диалог как с собой, своей субъективностью и исследуемой культурой, так и с автором рассматриваемого исследования, выявление и его субъективности, и отделение смыслов, вносимых им в интерпретацию культуры, от смыслов, содержащихся или не содержащихся в этой культуре. Под субъективностью здесь понимаем возможное не умышленное искажение смыслов и идей религиозной культуры, происходящее из-за ее разности или, напротив, идентичности культуре исследователя. Также на определенном этапе решением проблемы может стать признание исследователем того, что на основании имеющихся данных невозможно сделать научный вывод о наличии или отсутствии в рассматриваемой культуре предполагаемых смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мень А. В поисках Пути, Истины и Жизни. М. : Жизнь с Богом, 2011. Т. 1 : Истоки религии. 400 с.
2. Мень А. В поисках Пути, Истины и Жизни. М. : Жизнь с Богом, 2009. Т. 2 : Магизм и единобожие: Религиозный путь человечества до эпохи великих учителей. 688 с.
3. Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. ; под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лезова. М. : Республика, 1995. 464 с.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // М.М. Бахтин. Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300, 466–505.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986.
6. Мень А. В поисках Пути, Истины и Жизни. М. : Жизнь с Богом, 2009. Т. 3 : У врат молчания. 320 с.
7. Скороходова Т.Г. Восточное значение трудов А.В. Мень // ВОСТОК (ORIENTS), 2011. № 5. С. 116–125.
8. Мень А. В поисках Пути, Истины и Жизни. М. : Жизнь с Богом, 2009. Т. 6 : На пороге Нового Завета: От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя. Кн. 1. 432 с.
9. Хазанов О.В. Мистические алгоритмы трансформации индийской традиции в свете «игровой» парадигмы культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 185–193.
10. Свами В. Сердце йоги. М. : Директ-Медиа, 2014. 134 с.
11. Костюченко В.С. Классическая веданта и неоведантизм. М. : Мысль, 1983. 272 с.

Petrova Ksenya Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: p.kcenia@yandex.ru; Khazanov Oleg V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kliol@yandex.ru

DIALOGUE AS A FORM OF RELIGIOUS HISTORICAL REFLECTION: THE WORK OF FR. A. MEN'.

Keywords: interpretation historical causes; dialogue; growth of civilization pattern; cultural tradition; teleologicity.

This work focuses on the features of the religious historical consciousness of fr. Aleksandr Men'. The bright, exceptional thinker and preacher, conceived large-scale general works on the history of religion, being the first amongst many other religious thinkers – from V. Solovyov to A. Elchaninov – to complete such work. His work "The History of Religions", published in several volumes, is already a fundamental text and contains ideas and interpretations which are beyond historical studies in a positivistic understanding. At the same time, fr. Aleksandr's dialogical style and his methodology allow him draw conclusions about other cultures without incurring in the subjectivity of a Christian thinker's look. This article's aim is to analyse A. Men's dialogical research model and its principles. The analysis of fr. Aleksandr's methodological approaches is carried out mainly according to his texts of "The History of Religions". This work's research tasks are firstly clarification of fr. Aleksandr's understanding of notion "dialogue"; secondly one is comparison this understanding with understanding humanities knowledge's of that time. Next one is consideration of self-consistent of application fr. Aleksandr's "dialogue methodology", and revealing of its borders. The work is revealed the fr. Aleksandr's ideas of dialogue understanding, which are similar to M. Buber's and M.M. Bakhtin's ideas. All of them see dialogue as a means to learning. Dialogical understanding is seen as the way in which knowledge and ideas exist, A. Men' develops this thought further, seeing dialogue as the mean for the existence of people. In "The History of Religions" A. Men' entertains a peculiar dialogue with thinkers and cultures of the past, and his achievements approach modern research strategies. Fr. Alexander's approach leads him to a comparative-historical research. However, problems of methodology, the research of the most relevant interpretations rise before the scholar of religious studies whether he is part of the culture in analysis of other religious culture, or he does not belong to any religious culture. It should be pointed out, that any understanding position of the researcher studying religion may influence his perception and his interpretation limits. As well as any method, the dialogue has its limits. The perception of existence method's limits are fundamental traits supporting the development of opportunities of application for the dialogue methodology in historical research.

REFERENCES

1. Men, A. (2011a) *V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni* [In Search of the Way, Truth and Life]. Vol. 1. Moscow: Zhizn's Bogom.
2. Men, A. (2009a) *V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni* [In Search of the Way, Truth and Life]. Vol. 2. Moscow: Zhizn's Bogom.
3. Buber, M. (1995) *Dva obraza very* [Two images of faith]. Translated from German. Moscow: Respublika.

4. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobranie sochineniy : v 7 t.* [Collected Works in 7 vols]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 7–300.
5. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo.
6. Men, A. (2009b) *V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni* [In Search of the Way, Truth and Life]. Vol. 3. Moscow: Zhizn' s Bogom.
7. Skorokhodova, T.G. (2011) Vostokovednoe znachenie trudov A.V. Menya [Oriental significance of the works by A.V. Men]. *VOSTOK (ORIENS)*. 5. pp. 116–125.
8. Men, A. (2009c) *V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni* [In Search of the Way, Truth and Life]. Vol. 6. Moscow: Zhizn' s Bogom.
9. Khazanov, O.V. (2013) Misticheskie algoritmy transformatsii indijskoy traditsii v svete 'igrovoy' paradigmy kul'tury [Mystical algorithms for the transformation of the Indian tradition in the light of the 'game' paradigm of culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(24). pp. 185–193.
10. Svami, V. (2014) *Serditse yogi* [The Heart of Yoga]. Moscow: Direkt-Media.
11. Kostyuchenko, V.S. (1983) *Klassicheskaya vedanta i neovedantizm* [Classical Vedanta and Neovedantism]. Moscow: Mysl'.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(411)''15/19''

DOI: 10.17223/19988613/50/22

С.В. Кондратьев

РЕЦЕНЗИЯ : АПРЫЩЕНКО В.Ю. ШОТЛАНДИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ. СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 2016. 720 с. : ил.

Шотландская проблематика, долгое время оставшаяся в отечественной медиевистике и новистике периферийной, в последние годы становится все более ощутимой и разнообразной [1, 2]. В значительной степени это является заслугой ростовского историка В.Ю. Апрыщенко, известного своими исследованиями истории Шотландии Нового времени [3, 4].

Новая монография В.Ю. Апрыщенко носит обобщающий характер, подводя своеобразный итог его предшествующим исследованиям. Автор предпринимает попытку описать шотландскую историю от позднего Средневековья до начала XX в. Сквозной темой работы, объединяющей разнообразные сюжеты, становится тема формирования национальной идентичности и юнионистского сознания, которые в Новое время перестают быть антитезами, сбалансированно сосуществуя в головах и умах каледонцев. Это явление в книге названо «юнионистским национализмом» (С. 17).

Монография состоит из трех больших частей, разделенных на главы. Первая часть посвящена транзиту, проделанному Шотландией от традиционного общества кланов и родовой солидарности к национальной идентичности, ощущению общей судьбы и взаимной сопричастности, которая в монографии названа «шотландскостью» (С. 12, 73, 311). Автор вначале обращается к своей излюбленной теме – формированию и эволюции клановой системы, ее устойчивости, адаптивности и ценностным ориентирам жителей гор, островов и шотландской равнины, переходя затем к усилиям государства и королевской власти преодолеть клановую солидарность, присущую ей замкнутость и кровную вражду (С. 37–50). Государство подавляло «локализм» и в разные периоды с большей или меньшей активностью распространяло общегосударственные нормы (С. 54). Особенно интенсивно вытесняли партикуляризм и внедряли универсалии после Реформации.

Первые 5 глав первой части, плотно насыщенные разнообразной информацией, по сути, объединены идеей унии Шотландии и Англии, которая постепенно укоренялась в сознании шотландцев. Этому способствовала Шотландская Реформация. Ее значению в деле создания национальной церкви, национальной иден-

тичности, юнионистской традиции, распространению образованности отведено в книге немало страниц. Автор постоянно возвращается к этой теме (С. 74, 83, 310), подчеркивая, что именно Реформация разорвала «древний альянс» Шотландии и Франции, блокировала травматические воспоминания об английских агрессиях и порождала юнионистскую риторику, способствующую установлению унии между Англией и Шотландией (С. 122–123). После Реформации государство, опираясь, в том числе, и на кальвинистскую церковь, умножило свою силу и контроль над обществом (С. 124). А протестантская церковь сыграла «определяющую роль для формирования национальной идентичности» (С. 306).

Значительным шагом в укреплении государственности и продвижению идеи унии стало правление Якова VI (1563–1625). При нем усилился контроль за северными горными и островными территориями, была существенно подорвана клановая солидарность и, после получения им английской короны, предпринята попытка превратить унию корон в унию государств (С. 128, 165, 169). Вспыхнувшая по религиозным причинам революция в Шотландии, перекинувшаяся затем в Англию, помимо конфессионального вопроса, отмечает В.Ю. Апрыщенко, продвигала идею унии (С. 190), «формировала условия для более тесного англо-шотландского союза» (С. 210). Лежащая в основе Ковенанта идея союза между Богом и людьми, экстраполировалась и на сферу отношений между двумя соседними народами. При этом шотландские ковенантеры тяготели к федеративной модели объединения (С. 204–205). Казалось бы, следуя за юнионистской идеей, автор должен был отвести место кромвелевской модели союза, которая была реализована в 1654 г. и отношению к ней шотландцев. Но этому важному эпизоду в процессе становления британской юнионистской модели в книге места не нашлось.

Юнионистская проблематика находит продолжение во второй части книги, которая открывается описанием подготовки и реализации парламентской унии 1707 г., объединившей два королевства. Автор справедливо замечает, что юнионистская идея проникала в толщу сознания каледонцев в течение, по меньшей мере, двух

веков. Дорога к единому государству не была прямой, «было множество возвратных движений». И уния 1707 г., породившая немало протестов среди шотландцев (С. 322–323), не стала еще окончательной победой юнионизма. Необратимым процесс объединения становится после подавления якобитских восстаний 1715 и 1746 гг. (С. 313). Между двумя восстаниями, которые охватили значительные горные территории севера, правительство предприняло усилия для ускоренной интеграции горцев и разрушения их традиций (С. 330–348). Во второй половине XVIII в. трансформация всех сфер жизни, названная автором «модернизацией», значительно ускорилась (С. 349). Шотландия, по мнению В.Ю. Апрыщенко, приняла унию по трем причинам. Первая лежала в экономике, ибо Англия потребляла 40% товаров, производимых в Шотландии. Вторая – в наличии богатых природных ресурсов и водных коммуникаций, ускоряющих их транспортировку. Третья – в экстраполяции английских технологий на север и способности шотландцев быстро их воспринять и начать использовать (С. 350–351). Шотландия совершила индустриальный рывок, следствием которого стал быстрый рост городов. Новые рынки сначала Англии и Ирландии, а затем и всей Британской империи, над которой никогда не заходило солнце, подстегивали шотландскую мобильность и формировали британскую идентичность среди шотландцев (С. 360–372). Автор подробно останавливается на массовом переселении шотландцев в Англию, особенно в Лондон, их предприимчивости, которая даже порождала в столице шотландофобию (С. 378–398).

Свой вклад в придание устойчивости англо-шотландского союза внесло шотландское Просвещение, деятели которого активно пропагандировали «радужные долгосрочные перспективы», нивелируя тем самым текущее недовольство (С. 423). Автор подробно останавливается на сообществе шотландских просветителей, особенностях их видения, отмечая присущий им по отношению к Англии лоялизм (С. 424), негативные оценки собственной национальной истории и смещенный с патриотизмом и национализмом юнионизм (С. 428–430). Просвещение сказалось на шотландском кальвинизме и пресвитерианстве, которые отказывались от жесткого былого ригоризма и становились более умеренными (С. 438–445).

Третья часть книги повествует об успехах и приобретениях, которые шотландцы добились в рамках Британской империи. Автор фокусирует взгляд на больших эмиграционных волнах, вымывающих население Шотландии, тех торговых, военных, административных перспективах, которые открывались для бедных каледонцев в колониях. Он показывает, что шотландцы массово были готовы к перемене места обитания. Они легко отправлялись в Бенгалию, Канаду, Северную Америку в поисках лучшей доли, и часто им сопутствовала удача. Колониальная торговля положительно сказывалась на Шотландии, приводя к созданию новых

высокотехнологичных производств (С. 489–503). Накопив значительные богатства, нередко преуспевая больше англичан, шотландцы с середины XIX в. много и прибыльно инвестировали в экономику других стран (С. 510–511). Приобретения XVIII–XIX вв. убеждали шотландцев, «что выбор, сделанный ими в 1707 г., был верным», заключает В.Ю. Апрыщенко. А шотландский национализм с точки зрения идентичности существенно модернизировался, все больше уступая место «британскости» или даже «английскости» (С. 524–526).

Нахождение в составе Британии меняло экономический ландшафт и социальный дизайн Шотландии. Повествуя о ходе Промышленной революции, автор описывает быструю урбанизацию регионов, транспортные преобразования, изменившие в корне жизнь жителей гор, концентрацию земель в руках предпринимателей в аграрном секторе, повышение производительности труда, коммерциализацию всех сторон жизни и вызванные индустриализацией миграции жителей гор на равнину и за рубеж и ирландцев в Шотландию. Промышленная революция превратила Шотландию «в ведущий мировой индустриальный центр», сказано в книге (С. 549).

XIX в. был не только временем быстрых экономических и социальных перемен, но и преобразований в сфере политики. Именно в XIX в. в результате сначала борьбы за изменение избирательных традиционных практик и потом реализации трех избирательных реформ стремительно вырос электорат политических партий в Шотландии. К участию в выборах было допущено население индустриальных городов. Электорат Шотландии вырос более чем в сто раз. Старая система патронажа, когда места в парламенте фактически распределялись влиятельными семьями, ушла в прошлое. Была проведена реформа городского самоуправления. Политическая активность населения, политические партии, разнообразные альянсы подробно освещены в монографии. Особенно познавательны страницы, повествующие о неизвестном отечественному читателю шотландском оранжизме (С. 569–579), участии шотландского рабочего класса в политике (С. 593–626) и создании шотландского министерства (С. 587–590). В.И. Апрыщенко справедливо отмечает, что политические изменения только укрепляли унию, еще больше интегрировали Шотландию «в общенациональные политические процессы» (С. 592).

В XIX в. существенно изменились стандарты повседневной жизни и стандарты потребления. Автор выделяет три периода: 1840–1840-е гг., когда сельское население стремительно перемещалось в города и страна быстро урбанизовалась; конец 1840-х – 1870-е гг. – время извлечения всеми социальными группами выгод от индустриальной трансформации, время изменения жизненных стандартов и расширения среднего класса; конец 1870-х гг. – начало XX столетия – последовательное повышение жизненного уровня и складывание «современного образца потребления». Автор знакомит

читателя с эволюцией образа жизни шотландцев: изменением их гигиенических предпочтений (от чистой одежды к чистому телу), рациона питания (от овсянки и кислого молока к хлебу и чаю), использованием видов топлива (от торфа к углю и газу) и т.д.

Чтение книги убеждает, что помимо генерализирующих разделов работы, которые написаны с опорой на литературные источники и призваны, очевидно, показать, как реализовывался юнионистский проект в Шотландии, как деформировалась старая и создавалась новая идентичность и какие приобретения страна сделала в составе Британской империи. В книге есть три исследовательские главы, написанные с привлечением массового материала источников. Они находятся в некотором противоречии с логикой основного содержания книги, хотя очень интересны и содержательны. В 5-й и 6-й главах первой части монографии автор предлагает читателю повествование о народной культуре и ведовстве. В последней (5) главе второй части автор концентрирует

внимание на повседневной жизни шотландцев, реконструируя ее преимущественно по документам переписи 1755 г., статистического отчета 1790-х гг., данных метрических книг и отчетов о смертности, а также судебным казусам. В этой главе приводятся интересные сведения о демографическом росте населения Шотландии, миграциях, брачности, моделях сексуального поведения (С. 447–448). Упомянутые индивидуализирующие главы выбиваются из общей логики повествования не только своими источниками, но и своей микроисторичностью, т.е. многочисленными казусами, которые имманентно больше подходят не для выстраивания типологий, а для демонстрации партикулярностей и нехарактерностей.

Отметим также, что редакторам или даже корректорам такого уважаемого издательства, каким является «Алетейя», следовало бы более тщательно вычитать рукопись, поскольку книга содержит непростительно много пропусков, орфографических ошибок и опечаток.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федосов Д.Г. Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. 2-е изд., испр. и доп. М. : Евразия, Клио, 2014. 352 с.
2. Малкин С.Г. «Мятежный край его величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. 256 с.
3. Апрыщенко В.Ю. Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2006. 320 с.
4. Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2008. 288 с.

Kondratiev Sergey V. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: skondratiev@utmn.ru

REVIEW : APRISHENKO V.U. SCOTLAND IN MODERN TIMES: IN SEARCH FOR IDENTITY. ST. PETERSBURG, 2016. 720 p.

REFERENCES

1. Fedosov, D.G. (2014) *Rozhdennaya v bitvakh. Shotlandiya do kontsa XIV veka* [Born in the battles. Scotland until the end of the fourteenth century]. 2nd ed. Moscow: Evraziya, Klio.
2. Malkin, S.G. (2011) “*Myatezhnyy kray ego velichestva*”: *britanskoe voennoe prisutstvie v Gornoy Shotlandii v 1715–1745 gg.* [“The Rebellious Land of His Majesty”: The British military presence in Highland Scotland in 1715–1745]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
3. Apryshchenko, V.Yu. (2006) *Klanovaya sistema Gornoy Shotlandii: traditsii i modernizatsiya* [Clan system of Highland Scotland: traditions and modernisation]. Rostov on Don: Rostov State University.
4. Apryshchenko, V.Yu. (2008) *Uniya i modernizatsiya: stanovlenie shotlandskoy natsional'noy identichnosti v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Union and modernisation: The formation of the Scottish national identity in the 18th – first half of the 19th centuries]. Rostov on Don: South Federal University.

УДК 347.998.2(47+57)

DOI: 10.17223/19988613/50/23

Е.А. Крестьянников

**РЕЦЕНЗИЯ : СУД ПРИСЯЖНЫХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИДЕЯ,
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ / ПОД РЕД. А.А. ДЕМИЧЕВА.
М. : ЮРЛИТИНФОРМ, 2015. 488 с.**

Наибольший объем нравственной ответственности, каким обременило подданных государство взамен на широкие по тем временам свободы эпохи либеральных преобразований Александра II, воплощался в суде присяжных. С проведением судебной реформы 1864 г. сознание и поступки россиянина, выступавшего в роли присяжного заседателя, должны были определяться этическими императивами, повелевавшими отвечать за свои действия, ведь теперь в его распоряжении с подачи законодателя находились судьбы соотечественников. Недаром за судопроизводством с выносившими вердикт о виновности или невиновности подсудимого представителями народа закрепилось название суда «общественной совести». Потому вызвавшие изучать историю этого особенного и в условиях абсолютистского режима уникального института неминуемо отягощают себя исследовательским равнодушием морального свойства, тем более что их изыскания несут большую практическую нагрузку, обязательно «взрыхляя почву» для новых дискуссий вокруг современного суда присяжных.

Опубликовав книгу про «идею, законодательство, практическую деятельность» учреждения присяжных заседателей под редакцией кандидата исторических наук, доктора юридических наук А.А. Демичева, редактор и его соавторы О.Е. Громикова, А.В. Илюхин, Р.А. Мухамедов, Р.Р. Мухамедов – историки и юристы – не побоялись взвалить на свои плечи такую ответственность, в предисловии (написано А.А. Демичевым) сформулировав цель работы: «...попытка создания комплексной многоаспектной картины истории отечественного суда присяжных в дореволюционной России». Правда, тут же оговаривается, интригуя читателя, что «комплексность подразумевает не абсолютную целостность и всеобъемлемость (да, наверное, и не может быть исторических исследований, которые бы объективно могли претендовать на это), а охват различных сторон, различных аспектов бытия института присяжных заседателей в Российской империи» (С. 4).

Рассуждения в духе агностицизма на первой же странице труда, написанного учеными, большинство которых защитили диссертации о дореволюционном суде присяжных, некоторые написали монографии по теме, сразу настораживают. Читающий может озадачиться, а не скрыто ли под такими размышлениями

какое-нибудь лукавство? Уже следующая страница дает повод еще раз поставить данный вопрос. В упомянутом предисловии в пределах нескольких строчек указывается, что книжка содержит «наиболее полную на настоящее время библиографию по истории дореволюционного суда присяжных», но, оказывается, это некая ограниченная полнота, ведь библиографический список, заключающий работу, «не является абсолютно полным и исчерпывающим», поскольку «в него включены только книги, статьи и диссертации, непосредственно (или в значительной части) посвященные суду присяжных в Российской империи» (С. 5). Автор настоящих строк в таком случае вынужден проявить нескромность и предметно обратить внимание на собственную статью, опубликованную в одном из лучших исторических журналов страны, где освещалась история рассматриваемого сейчас учреждения в сибирском регионе [1], но даже не заслужившую включения в ту «полную библиографию» (список на С. 459–484).

Изложение основной части также принесет немало разочарования. В самом начале (С. 6) говорится о ненужности рассказывать о зарубежной историографии отечественного суда присяжных, поскольку, «во-первых, в ней отсутствуют крупные работы, посвященные непосредственно изучению истории института присяжных заседателей в России и вносящие существенный вклад в изучение данной проблемы. Во-вторых, проблемы судебной реформы 1864 г., в том числе отчасти и суда присяжных, в зарубежной историографии» уже были освещены предшественниками. Сказать, к примеру, про выдающиеся по объему и содержанию труды Йорга Баберовского и Ричарда Уортмана о российской юстиции, где немало говорится о суде «общественной совести» [2, 3] или о специально посвященных ему статьях Самуэля Кучерова и Джона Атвелла [4, 5], что они мелкие и не внесли лепты в изучение суда «общественной совести», означает обидеть этих западных историков. Да и вообще, надо признать, зарубежные исследователи достаточно внимательно относятся к изучению судебной реформы 1864 г. [6, 7]. Второе обстоятельство способно расстроить читателя: ведь перед ним текст именно этого произведения, а не других ученых, ознакомившихся с литературой из-за рубежа, и отечественная же историография проблемы получает освещение начиная с общеизвестных и пере-

осмысленных дореволюционных работ, почему зарубежной пренебрегается?

Зато в историографическом обзоре авторы указывают на собственные диссертации и монографии по теме (С. 17–22), давая ключ к объяснению обнаруживающихся с первых строк оговорок и странностей. Дело в том, что рецензируемая книга по большому счету представляется комбинацией трудов А.А. Демичева и его ученика А.В. Илюхина [8; 9]. Хотя монография дополнена текстами остальных соавторов (по некоторым фрагментам откровенно невысокого качества), она в основном включает ранее изданный материал, а, значит, повторяет прошлые ошибки. Скажем, как не было представлено современной зарубежной историографии в книге А.А. Демичева 2007 г., так же специально не анализируется таковая и сейчас (хотя внутри исследовательского текста ссылки на труды иностранных историков встречаются).

Под «идеей» суда присяжных в книге подразумевается (соответствующий раздел написан главным образом А.В. Илюхиным) прежде всего история проектов совершенствования российского судостроительства, включающих мысль о введении этого института, от эпохи Екатерины Великой до разработки предположений, воплотившихся непосредственно в Судебных уставах 20 ноября 1864 г. Строя затем изложение вокруг «законодательства» (А.А. Демичев), трудно не попасть в определенную «исследовательскую ловушку»: полноценно рассказать о развитии законодательного вопроса о суде «общественной совести» в 1890–1916 гг. (большой части времени его существования в Российской империи) не удастся просто из-за мизерности размера правотворчества самодержавия касательно института присяжных заседателей того периода, и этому посвящены лишь семь страниц (259–265) данного объемного труда.

Тут бы и следовало рассмотреть акты, устанавливавшие тогда суд присяжных на периферии империи, но они по неизвестным причинам игнорируются. Так, законы 2 февраля 1898 г., 13 февраля 1906 г. и 10 мая 1909 г. вводили институт в губерниях Астраханской, Олонецкой, Оренбургской, Уфимской, Ставропольской, Черноморской, Вологодской, Архангельской, Тобольской, Томской и в областях Кубанской, Акмолинской, Семипалатинской и Уральской [10]. Исключив из исследования наряду с иными эти огромные территории, где учреждение присяжных заседателей действительно функционировало, в то же время, например, почти дословно копируется из предыдущего труда редактора целый параграф про «военный суд присяжных» (речь о 1917 г.), о котором известны лишь некоторые постановления Временного правительства, а существовал ли он – доподлинно не выяснено. На этот счет недвусмысленно указывается: «Авторы не располагают документами, прямо свидетельствующими о деятельности военного суда присяжных, но тому имеется косвенное подтверждение...» (С. 279).

«Практическая деятельность» «суда общественной совести» (раздел 4) сводится к освещению ситуации в округе Московской судебной палаты (глава 1 раздела), о чем также можно прочесть в прошлых работах А.А. Демичева, и в двух губерниях – Симбирской и Пензенской (главы 2 и 3 соответственно). Выбор последних не обусловлен исследовательскими логикой и целесообразностью: он выпал на данные территории предположительно только потому, что авторы отмеченных глав недавно защитили диссертации об этих регионах по теме [11, 12].

На полутора десятках страниц (349–362) Р.А. Мухамедов и Р.Р. Мухамедов в очерковой форме рассказывают про историю Симбирского окружного суда и присяжных заседателей при нем в 1870–1900 гг. (этим ограничивается их вклад в общий труд). Ученые, несмотря на наличие у одного из них кандидатской квалификационной работы по проблематике, слабо разбираются в ней, иначе бы они едва ли взялись цитировать содержание отдельных судебных повесток и даже их форм (С. 352, 354) и передавать содержание вопросных листов присяжных заседателей, при этом для чего-то описывая вид бланков (С. 357–358). Отличаясь описательностью, бессвязностью и неосмысленностью в целом, глава грешит натяжками и противоречиями; некоторые факты, вычлененные из документации фондов одного и того же ульяновского архива, авторы либо не сумели элементарно прочесть, либо попытались и очень неловко подделать под собственную аргументацию. Случаи вполне заурядных для суда присяжных приговоров преподносятся как примеры «вдумчивости» заседателей, а «суровость» их вердиктов подтверждается единственным делом, в каком, напротив, было проявлено великодушие и подсудимый «заслужил снисхождения» со стороны народных представителей (С. 360–361)!

Источниковая база главы О.Е. Громиковой (С. 363–402), хотя и разнообразнее предшествующей, местами однобока и крупными блоками опирается на «Пензенские губернские ведомости». Между тем рассматриваются заслуживающие внимания вопросы: изменение социального состава присяжных заседателей, причины их оправдательных решений и уклонения от обязанности «присяжничать» и т.д. Непоследовательные и неумелые выводы, однако, минимизируют значение проведенных исследований. «“Золотое время” пензенского суда присяжных заседателей приходится на 80-е гг. XIX в., когда социальный состав жюри был представлен различными сословиями», – заключается в конце первого из двух параграфов главы (С. 377), что не согласуется с предыдущим текстом и действительностью, так как дореволюционное законодательство не посягало на принцип бессословности института до такой степени, чтобы от него отказаться.

Завершающий труд раздел посвящен «суду присяжных в российском правосознании». Его автор А.А. Демичев, поскольку иные материалы не задействованы, видимо, считает исчерпывающим изучение такого сложного

явления, как правовое сознание, на основе лишь источников личного происхождения, художественной литературы и анекдотов. Очевидно, что сформированный на прежних версиях публикаций раздел вряд ли способен пополнить копилку научных знаний.

Редактор рецензируемого издания заявляет, что уже в его прошлых работах «была создана целостная концепция исторического развития дореволюционного российского суда присяжных за все время его существования: с 1864 до 1917 г.» (С. 17). Но и в компилятивной (например, наряду с большинством текста из своей предыдущей книги редактор полностью скопировал и приложения) по духу «комплектации» произведения 2015 г. с расширенным коллективом читателей эту «целостность» может не обнаружить (кроме заверений самих авторов в ее наличии). Книга оставляет пробел в истории развития института присяжных заседателей начала XX в.: приведенные редкие и разрозненные законодательные акты, факты, статистические выкладки указанного времени не создают общей картины. Исследованием охвачена лишь незначительная часть территории страны, пусть даже и весьма густонаселенная. Из «монографии» следует, что к 1910 г. в

России насчитывалось 74 окружных суда с учреждением присяжных (С. 285), тогда как авторы обратились к изучению только где-то 16, причем располагавшимися в компактном центре страны, не отражавшем разнообразия имперского пространства.

В конце концов, претензии на концептуальность, целостность, комплексность и многоаспектность уместно было подтвердить и прояснить единым заключением по книге, которое, к сожалению, отсутствует, и, вероятно, потому, что авторам сказать что-то новое и общее не получается. Им явно не удалось определиться с монолитной исследовательской осью своих изысканий. Искусственное расширение пределов научных поисков путем прибавления к ранее опубликованным далеко не идеальным текстам, в некоторых сюжетах – откровенно низкопробных, касающихся по большому счету частных тем, себя не оправдало. В итоге рассмотренное сочинение само по себе – псевдонаучный полуфабрикат и плод авторской недобросовестности – еще больше дискредитирует переживающую нелегкие времена отечественную историческую науку, а его вклад в историографию следует признать сомнительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестьянников Е.А. Суд присяжных в дореволюционной Сибири // Отечественная история. 2008. № 4. С. 37–47.
2. Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1996. 846 p.
3. Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 520 с.
4. Kuchеров S. The Jury as Part of the Russian Judicial Reform of 1864 // The American Slavic and East European Review. 1950. Vol. 9, № 2. P. 77–90.
5. Atwell J. The Russian Jury // The Slavonic and East European Review. 1975. Vol. 53, № 130. P. 44–61.
6. Wortman R. Russian Monarchy and the Rule of Law. New Consideration of the Court Reform of 1864 // Kritika: Explorations and Eurasian History. 2005. Vol. 6, № 1. P. 145–170.
7. Краковский К.П. Зарубежная историография судебной реформы 1864 г. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2014. № 8. С. 115–143.
8. Демичев А.А., Илюхин А.В. Идея суда присяжных в России: генезис, эволюция, законодательное воплощение (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). М. : Юрлитинформ, 2010. 256 с.
9. Демичев А.А. История суда присяжных в дореволюционной России (1864–1917 гг.). М. : Юрлитинформ, 2007. 320 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 18, № 14978; Т. 26, № 27393; Т. 29, № 31862.
11. Громикова О.Е. Суд присяжных в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2012. 216 с.
12. Мухамедов Р.Р. Организация и правовое регулирование деятельности суда присяжных в Симбирской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) : Историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2011. 191 с.

Krestyannikov Evgeniy A. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: krest_e_a@mail.ru

REVIEW : THE JURY TRIAL IN THE RUSSIAN EMPIRE : IDEA, LEGISLATION, PRACTICAL ACTIVITIES / ED. A.A. DEMICHEV. M. : YURLITINFORM, 2015. 488 p.

Keywords: Semeyskie; Old Believers; Trans-Baikal region; construction culture; ethnocultural interactions.

REFERENCES

1. Krestyannikov, E.A. (2008) Sud prisyazhnykh v dorevolutsionnoy Sibiri [The jury in pre-revolutionary Siberia]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 37–47.
2. Baberowski, J. (1996) *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914* [Autocracy and Justice. On the relationship between the rule of law and backwardness in the Czarist Empire in 1864–1914]. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
3. Wortman, R.S. (2004) *Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [The Development of a Russian Legal Consciousness]. Translated from English by M. Dolbilov, F. Sevastyanov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Kuchеров, S. (1950) The Jury as Part of the Russian Judicial Reform of 1864. *The American Slavic and East European Review*. 9(2). pp. 77–90. DOI: 10.2307/2491600
5. Atwell, J. (1975) The Russian Jury. *The Slavonic and East European Review*. 53(130). pp. 44–61.
6. Wortman, R. (2005) Russian Monarchy and the Rule of Law. New Consideration of the Court Reform of 1864. *Kritika: Explorations and Eurasian History*. 6(1). pp. 145–170. DOI: 10.1353/kri.2005.0016
7. Krakovskiy, K.P. (2014) Zarubezhnaya istoriografiya sudebnoy reformy 1864 g. [Foreign historiography of the judicial reform of 1864]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyy rakurs*. 8. pp. 115–143.

8. Demichev, A.A. & Ilyukhin, A.V. (2010) *Ideya suda prisyazhnykh v Rossii: genezis, evolyutsiya, zakonodatel'noe voploshchenie (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.)* [The idea of jury trial in Russia: Genesis, evolution, legislative implementation (the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries)]. Moscow: Yurlitinform.
9. Demichev, A.A. (2007) *Istoriya suda prisyazhnykh v dorevolyutsionnoy Rossii (1864–1917 gg.)* [The history of the jury trial in pre-revolutionary Russia (1864–1917)]. Moscow: Yurlitinform.
10. Russia. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 18.
11. Gromikova, O.E. (2012) *Sud prisyazhnykh v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (na primere Penzenskoy gubernii)* [The jury in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (a case study of Penza Province)]. History Cand. Diss. Penza.
12. Mukhamedov, R.R. (2011) *Organizatsiya i pravovoe regulirovanie deyatel'nosti suda prisyazhnykh v Simbirskoy gubernii /vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [Organization and legal regulation of the jury in Simbirsk Province (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Law Cand. Diss. Cheboksary.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБОЛИНА Лариса Александровна, научный сотрудник НПО «Археологическое проектирование и изыскания» (Иркутск). E-mail: larisa-abolina@yandex.ru

АНДРЕЕВА Татьяна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков Томского государственного университета. E-mail: andreeva.tl2012@mail.ru

БАКШТ Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: baksht@mail.ru

БЕЙСЕБАЕВ Рахат Сансызбаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: beisebaev.ra@mail.ru

БЕРЕЗНЯКОВ Дмитрий Владимирович, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новосибирск). E-mail: bereznyakov@ngs.ru

БЕРСЕНЕВ Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы ТУСУР. E-mail: m.bersenev@gmail.com

БИБИКОВ Григорий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва). E-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru

БУРНАКОВ Венарий Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск), старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: venariy@ngs.ru

ЖУЧКОВА Юлия Владимировна, аспирантка кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: yulia.zhuchkova@gmail.com

КИМ Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: max198210@yandex.ru

КОЗЛОВ Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новосибирск). E-mail: feld@ngs.ru

КОНДРАТЬЕВ Сергей Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета. E-mail: skondratiev@utmn.ru

КОРОБОВ Семен Александрович, соискатель Института Африки РАН (Москва). E-mail: simeon.korobov@gmail.com

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

ЛОШКАРЕВА Мария Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: mloshkareva@hse.ru

ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: svlubich@yandex.ru

МАТВЕЕВ Дмитрий Владимирович, преподаватель Восточно-Европейского института (Ижевск). E-mail: matveevdv1972@mail.ru

МИРОШНИКОВ Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: Smiroshnikov64@mail.ru

МИТЮКОВ Николай Витальевич, доктор технических наук, доцент, заведующий лабораторией военных исследований Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований (Сочи). E-mail: nico02@mail.ru

ПЕТРОВА Ксения Юрьевна, аспирантка кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: p.kcenia@yandex.ru

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований международных организаций и сетевых структур Томского государственного университета. E-mail: lisbonne@rambler.ru

РОМАНОВ Олег Александрович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Гродно, Республика Беларусь). E-mail: oromanov@inbox.ru

САФРОНОВ Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Московского государственного областного университета, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН (Москва). E-mail: safronov1477@yandex.ru

ТАЛОВСКАЯ Бэла Марковна, стажер-исследователь Института образования НИУ Высшей школы экономики (Москва). E-mail: bella.talovskaya@gmail.com

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: eft@rambler.ru

ФЕДОРОВ Роман Юрьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института криосферы Земли СО РАН (Тюмень), старший научный сотрудник Тюменского государственного университета. E-mail: r_fedorov@mail.ru

ХАЗАНОВ Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: klio1@yandex.ru

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой, Новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ШИЛОВСКИЙ Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета. E-mail: istorik.novosib@gmail.com

ЮН Сергей Миронович, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: yun@dir.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2017 № 50

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – П.П. Румянцев

Подписано к печати 05.12.2017 г. Формат 60х84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 18,1. Тираж 65 экз. Заказ № 2892. Цена свободная.

Дата выхода в свет 26.12.2017 г.

Редактор К.В. Полькина

Корректор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глушченко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь – П.П. Румянцев
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Peter Rumyantsev
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru